

Вестник

*Московского государственного
областного университета*

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЯ И
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1

**Москва
Издательство МГОУ
2007**

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н.И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Гришина Н.Г. – кандидат исторических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В.В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, доцент

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». - № 1. – 2007. – М.: Изд-во МГОУ. – 242 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК № 4 за 2005 г., с. 5).

В «Вестнике» могут публиковаться статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений.

ISBN 978-5-7017-1020-5

© МГОУ, 2007

© Издательство МГОУ, 2007

ИНДОАРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (III тыс.)

Этническая история Северного Кавказа создавалась в ходе этно-культурных процессов, объединивших Северный Кавказ и Центральную Европу в III-II тыс. до н.э., поскольку Кавказ был транзитной территорией для миграций индоевропейцев из Центральной Европы, либо конечным пунктом их миграций. Несомненно, что древняя история Северного Кавказа до середины I тыс. н.э. составлена фактами и событиями из истории народов, говорящих по большей части на северокавказских¹ и индоевропейских языках, которые зафиксированы на Кавказе с глубокой древности. Однако если время появления северокавказцев на Северном Кавказе пока точно не определено, как неизвестны и археологические памятники, имеющие несомненную северокавказскую атрибуцию, то археологические памятники III-II тыс. до н.э. на Северном Кавказе, имеющие индоевропейскую атрибуцию, достоверно известны. Поскольку этническая характеристика населения более ранних эпох, чем III тыс. до н.э. на Северном Кавказе пока не может быть установлена, то правомерно считать индоевропейцев коренным населением Северного Кавказа, проживающим непрерывно в регионе, начиная с III тыс. до н.э. вплоть до современности.

Предметом нашего исследования являются процессы индоевропеизации Восточной Европы, Северного Кавказа в III-II тыс. до н.э. Источником для разработки этой темы послужили археологические материалы, полученные в ходе раскопок в археологических экспедициях в 1972-1987 гг. на Северном Кавказе, в Предкавказье, на Донетчине, в Нижнем Поднепровье, в Молдавии (руководитель В.А.Сафронов, Н.А.Николаева). В ряде своих работ² мы уже обосновывали присутствие разных групп индоевропейцев III-II тыс. до н.э. на Северном Кавказе, однако данные новых раскопок, новые гипотезы и новые датировки заставляют вновь вернуться к данной теме.

Задачей данной статьи является обоснование присутствия на Северном Кавказе индоариев. В первобытной археологии очень мало работ, которые касались бы вопросов этнической истории. Некоторые археологи даже задаются вопросом, можно ли на современном этапе развития науки безоговорочно определять язык носителей археологической общности без разработки специальной методики перевода «языка» наших археологических источников на иной «язык» лингвистических построений.³ Ответом таким скептикам может стать установка выдающегося украинско-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.10, 187-189, 325, 527. (Далее — ЛЭС); Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа и «иберийско-кавказской» языковой семьи). //Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований 1962 г. М., 1963. С.20-23. Е.И.Крупнов считает, что культурное единство на Кавказе обеспечивалось существованием народов единой иберийско-кавказской семьи, а археологический эквивалент кавказской семьи языков — куро-аракская культура, которая появляется на Северо-Восточном Кавказе во второй половине III тыс. до н.э. Современное языкознание рассматривает отдельно южнокавказские языки от северокавказских. В последнее время куро-аракская культура рассматривается либо культурой пракартвелов, либо хурритов и пракартвелов, или индоевропейцев см. Кушнарёва К.Х. Куро-аракская культура //Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994.С.57.

² Николаева Н.А. Выделение кубано-терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе. //Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С.97-123; Она же. Древнеевропейцы на Северном Кавказе. //Вестник Московского Государственного Областного Университета, 2006. № I (32) .С. 3-11

³ Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004.С.97.; Да-

го археолога В.Н.Даниленко, реализованная им еще 30 лет назад: «Археологические эпохи, как неолит или энеолит, как разделы истории могут обрести черты завершенности, если в них достаточно широко будут рассмотрены вопросы этнической истории и конкретно вопрос о путях сложения и развития индоевропейской общности. Исследование древней истории этнокультурной общности представляет собой один из аспектов историко-археологической науки, обладающей собственными, отличными от лингвистики средствами решать проблемы этноисторического плана... Но воссоздаваемые археологическими средствами реконструкции оставались бы немymi, если бы отсутствовали лингвистические реалии».

Миграции индоевропейцев с территории Западной Европы связаны с распадом индоевропейской этно-лингвистической общности в конце IV – начале III тыс. до н.э. Одной из первых миграций было движение индоиранцев, из которых выделились уже в III тыс. до н.э. индоарии, представлявших на момент начала 1970-ых годов полную абстракцию.⁴

От локализации территории первоначального обитания носителей индоевропейских языков зависит определение исходных пунктов их миграций. И это является в настоящее время аксиомой.

За последние сто лет предлагались разные территории в качестве прародины индоевропейцев: многие регионы Центральной и Западной Европы, обширные пространства от Эльбы до Урала, территории евразийских степей, Средняя Азия, Индия.⁵ За последние два десятилетия предложены две фундаментальные концепции локализации индоевропейской прародины, основанные на данных лингвистики и археологии: концепция лингвистов Т.В. Гамкрелидзе – Вяч. Вс. Иванова⁶ и концепция археологов Н.А. Николаевой – В.А. Сафронова.⁷

Исходный центр миграции индоевропейцев согласно гипотезе Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова – Малая Азия. По нашей гипотезе о локализации позднеиндоевропейской прародины в Центральной Европе исходный центр индоиранских миграций – Карпатский регион, север Пруто-Днестровского междуречья.

В соответствии с широко бытующей с 1973 года концепцией М.Гимбутас⁸ прародина индоевропейцев помещалась в степях от Приаралья до Дона, в Северном Причерноморье, поэтому все миграции индоевропейцев после распада их общности

ниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.С.7.

⁴ «Совершенно ясно, что мысль о праиндийцах на Украине зависит от развития дискуссии о месте прародины индоевропейцев и, следовательно, о путях их расселения. Нахождение индоарийцев (праиндийцев) в какой-то момент к северу от Черного моря принимается всеми лингвистами, в то же время во всем индоевропейском языкознании нет положения более абстрактного, чем это». Эта мысль высказана О.Н. Трубочевым еще в 1976 году: Трубочев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С.17.

⁵ Сафронов В.А. Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе, 1983; Он же. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С.12-27; Баюн Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // История Европы. Т.1. М., 1988. С.97-107.

⁶ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С.860-957.

⁷ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. Калуга, 1999.С.238-309; Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003. С.100-129.

⁸ М.Гимбутас. Цивилизация Великой богини: мир Древней Европы. М., 2006.С.387-444. Не следует путать два термина: «Старая Европа», что означает, по М.Гимбутас, синоним Центральной и Южной Европы в V-IV тыс. и «Древняя Европа» по Г.Крае, обозначающий ареал индоевропейской / древнеевропейской гидронимии к северу от Карпат. (см. ниже). Переход М.Гимбутас и ее последователями на систему калиброванных дат, не согласованных с историческими, вырывает индоевропейские миграции из исторического контекста со всеми вытекающими последствиями.

были направлены, по мысли М. Гимбутас, из районов Восточной Европы в Западную Европу в 4500-4300 гг. до н.э. (по калиброванным датам). Многие отечественные археологи поддерживают или частично разделяют взгляды американского археолога. Так, В.Н. Даниленко считал, что эпицентром древнеямной культуры является зона степей между Прикаспием и Азовским морем⁹. Д.Я. Телегин считал, что древнеямная культура (далее ДЯК) возникает на основе неолитической днепро-днепровской и среднестоговской культур. В своих последних работах он отводит среднестоговской культуре роль археологического эквивалента праиндоевропейской общности¹⁰. Ряд отечественных ученых думают, что и древнейшие памятники ДЯК находятся в Поволжье, поэтому независимо от этнической атрибуции Среднего Стога 2 и ДЯК, индоиранцы в соответствии с этими гипотезами могут мигрировать из южнорусских степей только на запад.¹¹

В.А. Сафронов привел однако несомненные доказательства в пользу большей древности древнеямных памятников Попрутья (Триполье В1-В2 является *terminus ante quem* для их первого появления на северо-западных границах Пруто-Днепровского междуречья), тогда как хвалынско-среднестоговские памятники, предшествующие ДЯК, датируются Трипольем В2-С1.¹² С этим согласуется гипотеза Л.С. Клейна – И.Т. Чернякова об особом варианте (буджакский вариант) древнеямных памятников на юго-западе Северного Причерноморья¹³, керамический комплекс которых, по нашему мнению, тяготеет к центральноевропейским культурам типа позднего Лендзела, культуры ворочковидных кубков (далее КВК), культуры шаровидных амфор (далее КША). К тому же культурному кругу относится давно обозначенная В.Н. Даниленко «азово-черноморская линия развития степного энеолита».¹⁴

Перспективными направлениями поисков исходного центра индоиранцев и их археологического эквивалента в работах украинских археологов¹⁵ является допущение разного генезиса локальных вариантов ДЯК и выделение нижнемихайловских памятников в Нижнем Поднепровье, представляющих собой, по нашему мнению, синкретичные памятники, с чертами позднего триполья (Томашевка, Кошиловцы и др.) и «древнеевропейских культур» типа КВК, КША, Лендзела 4-5 ступени и Болераза¹⁶. Хотя перечисленные наблюдения еще не получили интерпретации в аспекте решения происхождения индоиранцев (или их археологического эквивалента), но нами они могут быть объяснены только миграцией древнеевропейцев с центральноевропейской прародины вместе с частью трипольского населения (нижнемихайловские памятники и памятники типа нижнего слоя Мешоко на Северном

⁹ Даниленко В.Н. Энеолит Украины. К., 1974. С.40.

¹⁰ Телегин Д.Я. Среднестоговская культура // Археология Украинской ССР. Т.1. К., 1985. С.311.

¹¹ Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С.103-105. Яровой Е.Н. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев, 1985. С.27.

¹² Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. С.199.

¹³ Черняков И.Т. Культурно-хронологическое своеобразие памятников эпохи бронзы в Северо-Западном Причерноморье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк. 1979. С.9; Яровой Е.Н. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. С.16-17.

¹⁴ Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев. 1974.

¹⁵ Шапошникова О.Г. Памятники нижнемихайловского типа. Ямная культурно-историческая общность // Археология УССР. Киев, 1985. С.324 и сл.; 336.

¹⁶ Яровой Е.Н. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. С.16-17; Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев, 1986. С.45, 47, 51, 53; Шапошникова О.Г. Памятники нижнемихайловского типа // Археология Украинской ССР. К., 1985. С.324 и сл.; Мовша Т.Г. Поздний этап трипольской культуры // Археология УССР. К., 1985. С.227, 244, 247.

Кавказе, пос. Свободное в Адыгее и «Замок» в Пятигорске)¹⁷, а также индоиранцев, представляющих группировку части южных и северных праиндоевропейцев (древнеямные памятники Пруто-Днестровского междуречья).

Однако проблема локализации индоиранской прародины и исходных путей миграции индоиранцев, по мнению других археологов, исследователей Средней и Центральной Азии, далека от разрешения. Хотя они не отрицают связь индоевропейской и индоиранской прародин, это никак не сказывается на их выводах. Все исследователи, которые выдвигали свои гипотезы до появления концепции Т.В. Гамкрелидзе – Вяч. Вс. Иванова и фундаментальной работы О.Н. Трубачева от целом пласте праиндийских топонимов в Северном Причерноморье¹⁸, Восточном Приазовье, называли в качестве индоиранской прародины Среднюю Азию или Среднюю Азию и Иран (М. Майрхофер, Б.А. Литвинский, Т.Я. Елизаренкова, И.М. Дьяконов, В.М. Массон, Н.Л. Членова, И.Н. Хлопин, В.И. Сарияниди, Р. Гиршман), что, на первый взгляд, совмещается с концепцией Гамкрелидзе – Иванова, помещающих прародину индоиранцев в северной части Иранского плоскогорья на восточной окраине обозначенной ими общеиндоевропейской прародины в Малой Азии¹⁹ и направляющих миграции индоиранцев как в Среднюю Азию, так и далее в прикаспийские степи²⁰

Тем не менее пути миграции индоиранцев из Ирана в Северное Причерноморье справедливо оспаривается Е.Е. Кузьминой, поскольку в этом регионе она не видит никаких подвижек, а только спокойное преемственное развитие от мариупольской общности до ДЯК. Аргументация исследовательницы занимает особое место в системе доказательств сторонников индоиранской атрибуции ДЯК. Она создала сложную конструкцию, исходя из данных языка. Суть ее рассуждений заключается в следующем: индоевропейская общность могла распадаться между IV (временем появления колесного транспорта – повозок у индоевропейцев) и серединой II тыс до н.э (началом распространения колесниц), поэтому индоиранской может быть и культура III (древнеямная) и культура II тыс. до н.э. Последней она считает андроновскую, поскольку портрет андроновской культуры, по данным археологии, соответствует, по ее мнению, оптимально портрету культуры индоиранцев, восстанавливаемой по литературным источникам («Авеста», «Ригведа»), сохранившим реалии индоиранского состояния. Мнение о преемственности ряда традиций населения древнеямной культуры от мариупольской культурно-исторической общности позволяет Е.Е. Кузьминой и сторонникам этой археологической концепции считать ираноязычную древнеямную культуру автохтонной для южнорусских степей и объяснить контакты индоиранцев с финно-уграми, северокавказцами, по данным лингвистики.²¹

¹⁷ Сафронов В.А. Хронология энеолита степной и лесостепной зон Восточной Европы // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы Тезисы докладов конференции. Оренбург, 1980. С.27-29.

¹⁸ Трубачев О.Н. Indoagica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь (в соавторстве с А.К. Шапошниковым). М., 1999.

¹⁹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. С.914.

²⁰ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. С.920, 921.

²¹ Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных. С.109-110. Древнеямная культура – культура Северного Причерноморья, является ираноязычной, поскольку на основании ретроспективного анализа генетически связана в диахронии со срубной и андроновской и далее с историческими иранцами (К.Ф. Смирнов, Б.А. Литвинский). Следует подчеркнуть и ошибочность взглядов Е.Е. Кузьминой и солидаризирующихся с ней ученых о датировке андроновской культуры XVII вв. до н.э. Андроновская, срубная культуры не могут датироваться раньше XIII в. до н.э., что следует из даты Бородинского клада серединой XIII в. до н.э. см.: Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Вып.1. Л., 1968. С.75-128.

После сложных построений Е.Е. Кузьминой как в плане методологии, так и в плане хронологии особенно отраднo звучат предельно ясные формулировки выдающегося лингвиста-ираниста В.И.Абаева: «Никакое исследование по доистории индоиранских народов не может претендовать на научное значение, если оно не учитывает во всей полноте и широте арио-уральские связи – лексические связи между иранскими и финно-угорскими языками».²² Исследователь выделяет три хронологических этапа этих контактов, поскольку индоиранцы, затем праиранцы и индоарии, и, наконец, иранцы, сменяя друг друга на протяжении 3 тысяч лет, были соседями финно-угорских народов. К индоиранскому этапу заимствований в финно-угорские языки относится лексема «южный, юго-западный», что буквально означает «арийский». Из этого следует, что контакты указанных народов шли в направлении с юго-запада на север. Поскольку мы знаем, что полоса финно-угорских народов протянулась от Волыни до Урала по лесостепи и с заходом в районы Среднего Дона и Донца, то юго-западом будет являться территория уже упоминаемого выше Пруто-Днестровского междуречья. Индоиранская лексема «хлеб в зерне» = «ячмень» говорит том, что именно индоиранцы как наследники индоевропейской цивилизации познакомили с земледелием финно-угорские народы – лесных охотников и рыболовов. Такие слова, как «дорога», «цена», «доля», «десять, сто» могут свидетельствовать об обмене, торговле. Слово «слуга, раб», звучащее как «арий», означает либо плененных финно-уграми индоиранцев, либо то, что у ариев существовало рабство. Интересны слова, заимствованные из индоиранского языка, «крепость, ограждать», если учесть существование скальных поселений у древнеямников-праиранцев в Михайловке в Нижнем Поднепровье и Новорозановке в Побужье. Праиндийские заимствования в финно-угорские В.И. Абаев трактует, как сепаратные контакты части индоариев и как факт локализации прародины ариев между Уралом и Каспием. Однако здесь трудно согласиться с исследователем, поскольку восточноевропейский ареал финно-угров и уральцев только начинает распадаться с подходом индоиранцев; до этого момента уральцы и финно-угры были вместе в Восточной Европе, расширяясь на юг почти до Приазовья,²³ где, как будет сказано ниже, проходили пути индоариев (праиндийцев), поэтому эти факты арио-уральских заимствований из индоиранского свидетельствуют в пользу юго-запада Восточной Европы как арийской прародины и прибрежной полосы Приазовья как индоарийской прародины.

Вопросы методологии возникают перед каждым исследователем, изучающим миграции индоевропейцев по данным лингвистики и археологии. Этническая атрибуция археологических культур, их «индоевропейский статус», зависит от точного задания условий совместимости археологического эквивалента индоевропейской пракультуры с культурой, реконструированной по данным языка.

Этно-лингвистические и этно-культурные реконструкции исторического процесса основываются на том, что культура этноса описывается как данными археологии, так и данными языка народа, создателя этой материальной культуры. Процедура определения этнической атрибуции археологической культуры как следствие этого методологического принципа должна соответствовать следующим условиям, имея в виду, что речь идет об индоевропейской пракультуре:

1. Пространственно-временные параметры пракультуры, восстанавливаемой по данным лексики праязыка, и археологического эквивалента пракультуре должны совпадать.

²² Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С.84.

²³ Неприна В.И. Культура неолита с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология УССР. С.178.

2. Портрет пракультуры, восстанавливаемой по данным языка, должен соответствовать культурно-дифференцирующим и культурно-интегрирующим характеристикам археологического эквивалента, составляющим «этническое ядро» археологической культуры.²⁴

3. Сравнимые объекты должны быть соизмеримы. Подразумевается под этим следующее: праязык индоевропейцев, содержащий более 1000 единиц лексики, включает слова из разных хронологических эпох и должен быть дифференцирован хронологически. Теоретически он может соответствовать не только одной культуре-эквиваленту. Это предполагает несколько прародин индоевропейцев, приуроченных к разным эпохам. Нерасчлененность лексического фонда праязыка по хронологическим пластам приводит к ошибке в локализации прародины, что, очевидно, произошло в концепции Гамкрелидзе – Иванова.

4. Археологические культуры также должны пройти соответствующие процедуры – тест на гомогенность (классификация, систематизация, картографирование, датировка, периодизация, выделение этнического ядра культуры – совокупности признаков, выделяющих данную культуру из ряда ей синхронных; выявление культурных контактов, которые соответствуют ареальным контактам языков), чтобы соответствовать культуре этно-лингвистической общности, восстанавливаемой по данным языка.

5. Археологические культуры, производные от пракультуры индоевропейцев, получают статус «индоевропейских» на основе 70% совпадения керамического комплекса материнской пракультуры и дочерней культуры. Керамика составляет основное содержание культур рассматриваемой эпохи IV-III тыс. до н.э. и является их главной этнической характеристикой.

Исходя из обозначенного методологического принципа соотношения материальной (археологической) культуры и культуры этноса, реконструируемой по данным языка, нами были определены археологические культуры – эквиваленты определенной хронологической фазы развития индоевропейского праязыка и локализованы прародины индоевропейцев на нескольких хронологических уровнях:

1. Евразийская прародина на территории Юго-Восточной Польши, Белоруссии (лингвистическая база – бореальный язык, выделенный профессором Н.Д. Андреевым;²⁵ археологический эквивалент – культура «охотников на северного оленя» финального палеолита, свидерская культура; дата -XII-IX тыс. до н.э.);²⁶

2. Малоазийская/восточно-средиземноморская прародина (лингвистическая база – раннеиндоевропейский праязык, выделенный профессором Н.Д. Андреевым;²⁷ археологический эквивалент – культура первых скотоводов Старого Света, тахунийская культура; Иерихон Б и Чатал Гуёк; дата VIII-V тыс. до н.э.);²⁸

²⁴ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. С.62.

²⁵ Андреев Н.Д. Гипотеза о бореальном языке // Лингвистические исследования 1988. Л., 1988. С.3-10; Он же Семантическое поле времени в бореальном праязыке // Лингвистические исследования 1990. М., 1990. С.16-23; Он же. Элементы бореального корнеслова, связанные с семантикой приближенного ориентирования по странам света // Лингвистические исследования 1991. СПб., 1993. С.29-48.

²⁶ Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. С.238-308; Андреев Н.Д. Прикарпатье – общая прародина трех праязыков: бореального, индоевропейского, славянского // Лингвистические исследования 1995. СПб., 1996. С.3-19.

²⁷ Андреев Н.Д. Раннепраиндоевропейский язык. Л., 1986.

²⁸ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. С.26-46; Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003. С.118-140.

3. Балкано-дунайская прародина (позднеиндоевропейский праязык²⁹ в понимании всех лингвистов от Ф.Боппа до современных лингвистов; археологический эквивалент – культура Винча АВ – Триполье А; культура Винча CD, Лендьел I-II-Триполье В)³⁰.

4. Древнеевропейская прародина (прародина будущих исторических народов – кельтов, германцев, италиков, иллирийцев, балтов, славян; лингвистическая база – древнеевропейские гидронимы;³¹ археологический эквивалент – культура воронковидных кубков (далее КВК), культура шаровидных амфор (далее КША), культура шнуровых керамик (далее КШК); дата III тыс. до н.э.)³²

5. Греко-индоиранская прародина в Потисье, Среднем Подунавье (археологический эквивалент – культура Болераз-Баден представляющая новую группировку культуры Лендьел и КВК, датировка – III тыс. до н.э.)³³ Эта трансформированная «древнеевропейцами» южная часть позднеиндоевропейской общности занимает территорию от Чехии до Югославии и от Альп до Восточных Карпат противостоит обществам среднепраиндоевропейского состояния Кукутени-Триполье. Первыми мигрантами с этого региона стали индоиранцы.

Сравнительно-типологический анализ керамики позволил установить «индоевропейские культуры», производные от и.е. пракультуры, в том числе и индоиранские (древнеямные памятники Пруто-Днестровского междуречья), поскольку все немногочисленные сосуды из ранних древнеямных погребений Правобережной степной Украины находят аналогии в культурах Лендьел и КВК, т.е. в позднепраиндоевропейском блоке культур³⁴ (Рис. 1).

Такое представление развития этно-лингвистической праиндоевропейской общности и ее диалектного членения³⁵ показывает, что индоиранские миграции могли осуществляться только с территории Карпатского региона и Юго-Восточной Польши в юго-восточном направлении в степи Северного Причерноморья. Без опоры на подобные разработки в области этно-культурных реконструкций этапов развития индоевропейской общности рассуждения о миграциях не будут считаться историческими. Археологическим эквивалентом индоиранцам традиционно считали древнеямную культуру, поскольку эта культура через цепочку культур позднебронзового века – срубную и андроновскую – связана с историческими иранцами, хотя никаких более точных критериев никем пока не приводилось. Также остается

²⁹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. С.1117-1247.

³⁰ Николаева Н.А., Сафронов В.А. Винча – древнейшая цивилизация Старого Света // Балканы в контексте Средиземноморья. М., 1986. С.3-5; Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. С.71-93; Николаева Н.А. Об основных линиях развития неолита в Балкано-Карпатском регионе // Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986. С.9-12.

³¹ Krahe H. Die Struktur der altereuropaischen Hydronimie // Akademie der Wissenschaft und der Literatur. Abhandlungen des Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden. 1962. №5; Idem. Unsere ältesten Flussnamen. Wiesbaden, 1964.

³² Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. С.93-135; Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. III чтения памяти академика О.Н. Трубачева. М., 2005. С.91-94; Николаева Н.А. Лингво-археологические реконструкции как форма моделирования исторического процесса в первобытности // Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001. С.204-206.

³³ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. С.179-217.

³⁴ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. С.356-357.

³⁵ Если каждый этап формирования и развития праиндоевропейской общности от финального палеолита до начала восточных миграций индоевропейцев обусловлен и обоснован археологически и лингвистически, то вместе они образуют систему, которую следует учитывать при создании любой новой концепции.

открытым вопрос, какая культура может считаться праиранской, и какова ее хронологическая позиция. С этим вопросом мы столкнулись, когда в 1974 году мы впервые обнаружили древнейшие погребения, совершенные по древнеямному обряду, осуществив массовые раскопки курганов в Северном Попрутье, в Молдавии (пограничные с Румынией с.Старые Куконешты, Думяны, Варатик Единецкого и Рышканского районов).³⁶

Под древнеямным обрядом подразумевалось положение на спине скорченно с подогнутыми ногами, распавшимися ромбом или упавшими на бок, в яме под настилом из деревянных полуплах. Эти безинвентарные погребения были основными в курганах, а впускными были погребения под каменными плитами с трипольской керамикой времени Триполья В1-В2.³⁷ Более поздние древнеямные погребения перекрывали погребения с трипольскими амфорками Триполья С1 и кубками, синхронные нижнемихайловским погребениям и нижнему слою Михайловского поселения, где зафиксированы трипольская амфора С1, кубки, среднестоговские сосуды.

Значение этого открытия трудно переоценить, поскольку оно поставило точку в длительных спорах о времени появления древнеямного обряда раньше сложения древнеямного комплекса типа Михайловки 2 и стало отправным пунктом в решении проблемы локализации индоиранцев. Время и место формирования классической древнеямной культуры, с круглодонными сосудами типа хут. Репин, Михайловки-2 представляет в свете этих данных уже историю не индоиранцев, а праиранцев.³⁸ Параллельно процессу продвижения на юго-восток индоиранцев формируются энеолитические группировки, сочетающие в своем комплексе черты позднего триполья и древнеевропейских культур – КВК и позднего Лендьела, в степях Причерноморья, которые образуют первую миграционную волну «индоевропейцев» майкопского времени и времени Триполья С1, достигших Северного Кавказа (Мешоко, нижний слой; Замок в Пятигорске). Группы, проявившиеся в Северо-Западном Причерноморье ко времени Триполья В1-В2, соответствуют началу формирования собственно древнеямной культуры, а в лингвистическом смысле – началу диалектного членения, когда из индоиранской общности выделяются ранние праиранцы – конные скотоводы (х.Репин, Дериевка). К этому хронологическому горизонту пласту следует относить памятники со скипетрами в виде головы лошади, поскольку в западном ареале они датируются временем Триполья В1, а в восточном - хвалынско-среднестоговским периодом, по времени предшествуя нижнемихайловским памятникам.

В 1985 году в Северо-Восточном Предкавказье в (с. Джангр, Калмыкия) мы открыли погребение именно такого «древнеямника» со скипетром в виде головы лошади и со всем сопутствующим инвентарем.³⁹ Погребение со скипетром было впускным в небольшой холмик, в который было погребено энеолитическое захоронение с плоскодонным кубком, украшенным нарезным орнаментом. В свою очередь,

³⁶ Яровой Е.Н. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. С.24.

³⁷ Сафронов В.А. Хронология энеолита степной лесостепной зон Восточной Европы. С.28; Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганы у с.Думяны Рышканского района. // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С.472-473.

³⁸ Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. М., 2003. Следует отбросить также все гипотезы, высказываемые украинскими археологами, что нижнемихайловские памятники образовались под воздействием Северного Кавказа, поскольку памятники Триполья С1 раньше майкопской культуры, которая по данным исторической хронологии датируется XXIII в. до н.э. т.е. после Триполья С2.

³⁹ Отчет о раскопках в с.Джангр хранится в Институте археологии РАН. Комплекс издан в сборнике: Сафронов В.А., Николаева Н.А. Ранние праиранцы в Предкавказье // Новые открытия советской археологии, М., 1985 (на арабском языке)

погребение со скипетром перекрывалось погребением в яме с колесом от повозки. Скипетр в виде головы лошади полностью совпадал с аналогичной находкой (Архаринский курган у Элисты в Калмыкии), в комплексе с необычным круглодонным сосудом, который традиционно относили к ДЯК. Эти погребения со скипетром и костяными псалиями относятся к доямному горизонту, связаны с индоиранцами, продвигавшимися с запада, с территории Фракии, поскольку западные памятники со скипетрами раньше хвалынско-среднестоговского периода, (=доямного горизонта), а движение этих первых конных скотоводов предшествовало более широкому движению праиранцев и находится в полном соответствии с портретом индоиранской культуры, где существовал культ лошади⁴⁰ (Рис.2).

Определив, насколько это возможно, древнейший ареал индоиранцев на основании данных лингвистики, по В.И. Абаеву, а также на базе концепции развития и.е. этно-лингвистической общности, по Сафронову-Николаевой, подкрепив собственными находками хронологически надежно определенных памятников, совершенных по древнеямному обряду в Попрутье периода Триполья В1-В2, мы переходим к локализации индоариев (праиндийцев) на базе данных лингвистики и археологии.

Лингвистическим источником для определения ареала индоариев в Северном Причерноморье и в Приазовье является «Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica», реконструированный О.Н. Трубачевым в соавторстве с А.К. Шапошниковым, и серия статей академика О.Н. Трубачева, вышедших с 1973 по 1987 годы, и соединенных в монографию в 1999 году.⁴¹ Для разрабатываемой нами темы существенны следующие выводы О.Н. Трубачева.

1. Ареал индоарийского присутствия в Северном Причерноморье устанавливается на основании этимологии из древнеиндийского таких названий, как «синды», «меоты», «дандарии», «тореты», «керкеты», Кубань, Эксампей (приток Южного Буга, по Геродоту – Hdt, IV, 52), разновидность осетровых, которые водились в низовьях Днепра, «агафирсы», *Temarunda* – мать Черного моря = Меотида (Азовское море), следующие номера по словарю №№ 2,6,7,12,15,25,39,42,45,53, – 55,65,58,68,95,96,138,137 и оконтуривается от Фракии (совр.Болгария) до Тамани и всего Восточного Приазовья. Источником для исследования индоарийских реликтов послужил исключительно материал ономастики (названия племен, местные названия, личные имена), взятый из эпиграфических надписей на камне, из текстов античных авторов.⁴² Словарь северопричерноморских индоариев насчитывает столько же (250) слов, что и словарь фракийцев, иллирийцев.

2. Население азиатской части Боспора, (Западное Прикубанье) многочисленные племена синдов, меотов, торетов, керкетов, язаматов, сирахов (последние два археологами относились к сарматам) принадлежат к индоариям. Часть меотов мигрировала в Переднюю Азию и заняла доминирующие позиции в хуррито-арийском государстве Митанни. Часть меотов осталась в Прикубанье, и их потомки доживают до ранних славян, до 1 тыс. н.э. Митанни – производное слово от *mai-at* = меоты, означающих «материнские», происходящие из Меотиды, которую синдомеоты называли *Temarunda*, что означает «мать Черного моря». Часть лингвистов считает, что переднеазиатские арии прошли из Северного Причерноморья в Переднюю Азию

⁴⁰ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Рис.52

⁴¹ Трубачев О.Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье. М., 1999. Словарь находится на С.220-289.

⁴² Там же. С.14, 24,27,32,47-53, 62,65.

(П.Кречмер, О.Н. Трубачев), а другие полагают, что наоборот часть индоариев проникла на Северный Кавказ из Передней Азии.⁴³ Лингвистически разделение индоиранцев на праиранцев и праиндийцев датируется III тыс. до н.э.

Прежде чем перейти к археологической аргументации, хотелось бы процитировать академика В.Н. Топорова, так оценившего труд академика О.Н. Трубачева: «Говоря вкратце, открытие состоит в том, что на территории южной части Восточно-Европейской равнины обнаружено присутствие одной из форм индоарийского языка и, следовательно, соответствующего этноса. Границы ареала, в котором отмечены следы этого языка, – от Северного Кавказа на востоке до Закарпатья, Даккии и Трансильвании на западе. До сих пор индоарийский Индии и на подступах к ней с запада, с одной стороны, и по реликтам языка индоариев, обнаруженным на Ближнем Востоке в митаннийском локусе, с другой. Теперь же восстановлен третий, «западный», локус индоарийского языка, и тем самым намечена в общем виде та цепочка индоарийских локусов, которая приглашает к раздумью и к реконструкции дальнейших передвижений индоариев».⁴⁴

С 1950-ых годов на Украине и с 1970-ых годов в Прикубанье обнаруживали погребения с повозками, но поскольку их сопровождал разновременный инвентарь, либо погребения были безинвентарны, то не возникало необходимости выделять их в особую группу или культуру. В 1978 году в Прикубанье нами была открыта серия погребений с повозками, которые содержали инвентарь совпадающий частично с керамическим комплексом новосвободненской культуры (Рис.3). Кроме уникального сочетания повозки с инвентарем новосвободненского типа (Рис. 4) обращал на себя внимание и особый обряд погребения: положение на спине с поворотом на бок, который отличал вновь найденные памятники от древнеямных. Датировка керамического комплекса XXIII вв. до н. позволяла говорить, что весь выделенный горизонт с повозками относится к III тыс. до н.э. Такие повозки находили и раньше в Прикубанье, в Поднепровье, в Поингулье, но относили их к древнеямной культуре. Нивелировка этих явных различий не позволяла исследователям выделить культуру, отличную по ряду характеристик от древнеямной, но в то же время сходную с ДЯК по ряду признаков. Мы же выделили эти памятники в отдельную культуру уже в 1978 году⁴⁵ Затем мы обозначили ее как «культуру с повозками».⁴⁶ В 1983 году мы написали большую статью⁴⁷ сопроводив ее каталогом, (который приводится ниже в сокращенном виде без ссылки на литературу), где впервые связали эту культуру с индоарийским присутствием в Северном Причерноморье и Прикубанье, назвав ее кубано-днепровской, тем самым объединив в одну культуру существование ее в двух

⁴³ Там же. С.20. Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1995.С. Ю.А.Шилов, который вначале принял концепцию В.А.Сафронова, базирующуюся на археологических данных и лингвистических разработках О.Н.Трубачева, что кубано-днепровская культура индоарийская и движение части индоариев шло в Переднюю Азию. Однако в данной монографии он считает уже, что движение индоариев шло с Переднего Востока в Причерноморье, а старосельские памятники (т.е. КДК, по Николаевой-Сафронову) – это иранцы, Другими словами, Ю.А.Шилов отошел от концепции О.Н.Трубачева и принял концепцию Гамкрелидзе – Иванова.

⁴⁴ Там же. Предисловие .С.3.

⁴⁵ Николаева Н.А., Сафронов В.А. Археологические раскопки в Прикубанье // Археологические открытия за 1979 г. М., 1980..

⁴⁶ Николаева Н.А.Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тез. конф. Оренбург, 1980. С.29 и сл.

⁴⁷ Николаева Н.А., Сафронов В.А. Проблема появления колесного транспорта в Восточной Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение кубано-днепровской культуры // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С.43-83.

крупных анклавах памятников с повозками III тыс до н.э. в Нижнем Поднепровье и в Прикубанье. Лингвистическим основанием для этнической атрибуции КДК как праиндийской послужили работы О.Н. Трубачева, поскольку ареалы индоарийской ономастики и ареалы памятников с повозками этого времени совпали от Трансильвании до Нижнего Прикубанья. Вслед за нами КДК была отделена от древнеямных памятников Ю.А. Шиловым, копавшим курганы с повозками в Нижнем Поднепровье, и А.Н. Геем, который копал в соседней с нашей экспедицией пунктах (Малаи, Лебеди) и также обнаружил аналогичные памятники. В своей монографии, посвященной новотитаровской культуре (по нашей терминологии КДК)⁴⁸, А.Н. Гей неоправданно расширил объем памятников КДК в ее новотитаровском варианте (почти до 1000 погребений,⁴⁹ хотя погребения с повозками составляют только 2% от общего объема. А.Н. Гей скрупулезно разобрал наши работы, иногда делая объективные и интересные замечания, но в конечном счете, не осознал значения открытых памятников, оставшись на позиции трактовки новотитаровской культуры как явления местного значения, хотя и согласившись с нашей синхронизацией КДК с новосвободненской культурой. По прошествии времени мы можем принять термин «новотитаровская культура», но закрепив его только за прикубанскими памятниками, однако для понимания этно-культурных процессов в Северном Причерноморье и Приазовье такая безликая терминология для памятников культуры с повозками ничего не дает. Кубано-днепровская культура в настоящий момент может рассматриваться как культура «на марше» и с двумя остановками в Нижнем Поднепровье (старосельские памятники по Ю.А. Шилову) и в Нижнем Прикубанье (новотитаровские памятники с повозками, по А.Н. Гее) с вектором этого движения с запада на восток. Ю.А. Шилов в корне поменял свою концепцию, считая, что старосельская культура — это праиранцы, а кеми-обинская культура — это праиндийцы, и появились «старосельцы» из Передней Азии через Кавказ, оставив там старосельский вариант алазано-беденской культуры. Индоиранское состояние Ю.А. Шилов рассматривает как «напряженный союз» двух этнических общностей, который быстро распался.⁵⁰ Приводимый ниже каталог памятников КДК — индоарийской культуры с повозками — доказательство совпадения лингвистического и культурного ареала индоариев в III тыс. до н.э.

Сложная этноисторическая картина в южнорусских степях в этот период хорошо иллюстрируется мозаикой культур, соответствующих трем потокам мигрантов индоевропейского происхождения — тохаров, индоиранцев, разделенных праиранцев и индоариев. Длительное пребывание на Северном Кавказе индоариев и их контакты с прахеттами еще на Северном Кавказе доказываются и археологически (взаимное перекрывание повозок и дольменов в курганах), и лингвистически (корнеслов **sar-* «жестина», **uel* — «долина» зафиксирован и в индийских и в хеттском языках).

С точки зрения методологии этнической атрибуции археологической культуры или поиска археологического эквивалента для лингвистической общности на примере КДК мы имеем уникальный случай непосредственного совмещения лингвистического ареала и ареала археологической культуры и их взаимоидентификации, если временные параметры совпадают. Этот временной интервал — середина

⁴⁸ Неправильное понимание способов обоснования приоритета в научном открытии привела к терминологической путанице: для одной культуры существуют три названия — кубано-днепровская (Н.А. Николаева), новотитаровская (А.Н. Гей) и старосельская (Ю.А. Шилов)

⁴⁹ Гей А.Н. Новотитаровская культура. М., 2000. С.17. Собственно погребений с повозками А.Н. Гей насчитывает либо 115, либо 25 или 19. Там же С.177-191

⁵⁰ Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1995. С.33 и сл.

III тыс. до н.э.

Переход части индоариев через Кавказский хребет выразилось в археологическом отношении в появлении алазано-беденской культуры, а лингвистически в индоарийских заимствованиях в картвельском и грузинско-занском языках. О.Н. Трубачев показал, что Тиргатао, имя жены синдского царя, совпадает с женским именем в табличках из Аллалаха, что свидетельствует, по мнению О.Н. Трубачева, о приходе в Переднюю Азию части прикубанских индоариев, чье самоназвание стало основой для названия всего государства.

Большой цикл о Сослане/Созырыко свидетельствует, что индоарии были на Северном Кавказе, когда формировался «Нартский эпос», поскольку выдающиеся нартоведы — Ж.Дюмезиль и В.И. Абаев указывают на прямые параллели рождения Сослана и Митры из камня.⁵¹ Цикл мифов о Сослане занимает едва ли не треть древнейшей части эпоса, что говорит о длительном пребывании индоариев и их значимости в оформлении культурной и идеологической концепции у населения Кавказа.

О приходе переднеазиатских индоариев из Северного Причерноморья через Кавказ свидетельствуют заимствования из индоевропейских в картвельские языки, которые отмечались исследователями еще на заре сравнительно-исторического языкознания.⁵² Однако со всей полнотой и глубиной анализа на базе современной методологии эти материалы обобщены и дополнены выдающимся лингвистом-картвелологом Г.А. Климовым. Его труд имеет исключительно важное значение в установлении индоевропейского присутствия на Кавказе в III-Птыс. до н.э., а также для доказательства интенсивных контактов индоевропейцев с картвелами, которые не только обусловили лексические заимствования, но и повлияли в значительной степени на строй картвельских языков. Г.А. Климов выявил индоевропеизмы на трех хронологических уровнях: пракартвельском, грузинско-занском и позднем «доисторическом уровне». В одной из своих работ мы уже использовали материалы Г.А. Климова — «индоевропеизмы в картвельских языках» — для доказательства присутствия на Северном Кавказе «древнеевропейцев».⁵³ Однако индоевропеизмы в картвельских языках имеют своим источником не только древнеевропейские языки, но и индоиранский, индоарийский, раннепраиранский. Так, данные лингвистики показывают, что лексический фонд индоевропеизмов пракартвельского уровня насчитывает 14 лексем, две из которых «при общей формальной и семантической сопоставимости картвельских типов с индоевропейскими антецедентами не обнаруживают особой близости ни к одной из ветвей индоевропейских языков. В двух случаях можно усмотреть определенную близость картвельских форм, тяготеющих к индоарийскому источнику». Речь идет о глагольной основе *lag- «сажать, прикреплять»; *usx- «бык жертвенный, подросший бычок»; «ярмо, иго» Грузинско-занская «упряжка быков» имеет параллели в др.-инд. «пара».⁵⁴

Лексический фонд индоевропеизмов грузинско-занского уровня II тыс. до н.э. насчитывает 40 единиц, из которых пять относятся к заимствованиям из индоарийского, и это при том, что Г.А. Климов подчеркивает, что «в большинстве случа-

⁵¹ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С.108-116

⁵² Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994. С3-26.

⁵³ Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». Вып.1. М., 2006. С.7. Древнеевропейцы — часть древнеевропейской общности на севере Центральной Европы, сместившаяся на Северный Кавказ в почти не расчлененном виде. В Европе из «древнеевропейцев» в исторический период возникают кельты, италики, иллирийцы, германцы, балты, славяне.

⁵⁴ Климов Г.А. Индоевропеизмы картвельских языков. С.40-48.

ев конкретный источник фигурирующего материала не определим».⁵⁵ К этим шести индоевропеизмам относятся *band- «сплестать, связывать», *gwal- «стоять (о жаре)», *guda- «бурдюк, сума»; *sxaI- «срываться с места», *prut- «фыркать (о лошади)», *ter- «греться, быть теплым».⁵⁶ Лексема *uers- «мужчина, самец, баран» также тяготеет к индоиранскому. Интересно и то, что слова «ярмо», «жертвенный бык» заимствованы из индоарийского в финно-угорские языки (волж.-перм.) и в тохарский В, а слово «пыль» встречен в грузинско-занском и тохарском А и В, что свидетельствует о древности картвело-индоевропейских контактов, о индоариях как посредниках между тохарами и картвелами и небольшом промежутке времени между древнейшими арио-уральскими контактами и картвело-арийскими контактами, поскольку во всех заимствованиях наблюдается полное типологическое сходство.

. Что касается характера заимствований, то все они касаются скотоводческой терминологии, возможного использования парной запряжки быков в качестве тягловой силы или для распашки земли. Индоевропеизмы типа «стоять (о жаре, засухе)» возможно приоткрывают завесу над причиной миграции индоариев. Другими словами, картвельское население заимствует терминологию, связанную с повозками и видом тягловой силы как парная упряжка.

Вопрос о происхождении индоиранцев из Центральной Европы может быть решен также на основании данных иранской и индийской мифологии. Речь идет об «арктических» мотивах, которые упоминаются в «Ригведе» (составленной в 10 в. до н.э.), в последующей по времени ведийской литературе — Брахманах, Араньяках, Упанишадах — датируемых временем до середины I тыс. до н.э., где говорится, что день — это «путь богов», ночь — «путь предков», и «путь богов» начинается с весеннего равноденствия. «Год, разделенный надвое — это день и ночь богов: день — период движения Солнца к северу, ночь — движение Солнца к югу. В эпической поэме «Махабхарата» рассказывается от сказочной таинственной стране на севере, где можно видеть, как высоко восходит в небе Большая Медведица и как она с другими созвездиями обходит круги вокруг укрепленной на небе Полярной звезды, где «по полугодиям встает Солнце» и «остановившиеся воды принимают образы красивых украшений».⁵⁷ Совершенно очевидно, как правильно замечают авторы книги, Большую Медведицу, высоко стоящую Полярную звезду и другие созвездия, называемые древними индийцами, можно видеть только в северных широтах, и описанный хоровод вокруг Полярной звезды можно видеть не южнее 55° с.ш., т.е. на уровне Южной Скандинавии, Санкт-Петербурга, Финляндии, а в Индии Полярная звезда стоит низко над горизонтом. Очевидно, в далекой древности индийцы жили в районах, географически близких к описанным. Археологически мы фиксируем индоариев в лучшем случае в Карпатском регионе, Венгрии, в Северо-Восточной Болгарии, и это далеко не полярные районы

Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский справедливо указывают, что «перед нами не случайные и отрывочные сведения, а прочная и длительная традиция передачи определенного цикла представлений. Нельзя не заметить, что для создателей священных текстов, для эпических сказителей в Индии эти представления уже не имели реальной основы. Они выступают как элементы мифа и связаны с повествованиями о богах, бессмертных героях, их бессмертии».⁵⁸ Мы хотели бы подчеркнуть,

⁵⁵ Климов Г.А. Индоевропеизмы картвельских языков. С.92.

⁵⁶ Там же. С.93, 95, 105, 135, 139, 144.

⁵⁷ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб 2001. С.9-10..

⁵⁸ Там же. С.5, 11.

что «путь предков», «страна предков», «обитель блаженных» представляет собой реальную прародину индийцев. Вопрос состоит в том, как методологически правильно решить эту задачу. Разумеется, это не северный полюс, по Б.Г. Тилаку, где когда-то было тепло.⁵⁹ Мы исходим из того, что индоарии и праиранцы в III тыс. до н.э. были одним народом и образовывали ареальный союз с греками. Следовательно, эти «полярные мотивы» должны повториться у греков и иранцев, что действительно наблюдается на самом деле. И греки, и иранцы, и индийцы почти дословно описывают эту северную страну, которая опоясана горами, за которой находится Молочный океан, Эти горы у индийцев называются Меру, у иранцев Хаара Березайти, у скифов и греков Рипейские горы.⁶⁰ На этих горах – обитель богов, здесь живет и божественная птица, похитившая сому-хаому. Молочный океан – вместилище амриты, напитка бессмертия. Простые смертные не могут попасть в северный круг. Это дано избранным (например, Юдхистхире из «Махабхараты»). Авторы правильно подчеркивают, что у иранцев и индийцев эти представления образуют устойчивую систему, которая не надумана, и сохраняется как священное знание. Встает вопрос, может ли знание подобного рода быть заимствованы у других народов и сохраняться так бережно. Авторы книги «От Скифии до Индии» считают, что «арии заимствовали сведения о полярных странах у их северных соседей, поскольку длительное время индоиранские племена находились в тесных контактах с предками финно-угорских народов».⁶¹

Отсюда вывод, который делают ученые, состоит в том, что из всех территорий, в пределах которой ученые помещают прародину ариев, только области от Днепра до Урала могут считаться таковой, так как здесь текут реки с севера на юг, а их истоки теряются далеко на севере, в районах, уже непосредственно незнакомых древним обитателям степи.⁶²

Мы исходим из нашей концепции индоевропейских прародин, согласно которой индоевропейцы к 3000 г. до н.э. достигли Южной Скандинавии и ввели там земледелие. Археологический эквивалент этих индоевропейцев – культура воронковидных кубков (КВК), которая лежит и в основе баденской культуры, и древнейшей древнеямной культуры. Следовательно, те удивительные явления, которые индоевропейцы видели на севере и полярный день, и ночь, и Северный Ледовидый океан, и Полярные сияния, и замерзшие воды, и горы, отделявшие Океан от материка, вошли в сокровищницу географических знаний, которые передавались от поколения к поколению, и были сохранены и после распада и иранцами, и индоариями. Это – система представлений, причем во всех деталях повторяющаяся и у античных авторов, и у индийцев, и у иранцев. Не случайно с севером связывается уже упомянутый «путь предков», что следует в данном случае понимать буквально. Вот почему мы рассматриваем полярные мотивы в индийской и иранской мифологии как доказательство центральноевропейской прародины ариев, а не восточноевропейской прародины, как думают авторы увлекательной книги «От Скифии до Индии». Эта книга заслуживает специального изучения, однако в данном контексте мы могли коснуться только отдельных ее моментов

Таким образом, мы привели систему доказательств в пользу движения индоиранцев, индоариев с территории Центральной Европы и локализации индоариев в Северном Причерноморье, в Приазовье, частичному уходу индоариев через Закавказье

⁵⁹ Там же С.6,7..

⁶⁰ Там же.С.92.

⁶¹ Там же. С.154.

⁶² Там же. С.160.

казье, где они контактировали с картвелами, которая сводится к следующему.

1. Концепция индоевропейских прародин обуславливает и закрепляет только один ареал для прародины ариев – Карпатский бассейн, Потисье.

2. Ареал индоарийского присутствия от Трансильвании до Тамани и Прикубанья вдоль побережья Черного и Азовского морей, по данным О.Н. Трубачева, совпадает полностью с ареалом культуры с повозками (КДК), которая на Северном Кавказе появляется к 23 в. до н.э.

3. Арио-уральские контакты, по В.И. Абаеву, показывают сепаратные контакты индоариев с финно-угорскими народами и тохарами, что подкрепляет локализацию индоарийского ареала в Восточной Европе и объясняет тохарские заимствования в картвельский через индоарийских посредников.

4. Индоевропейские заимствования из индоарийского в картвельский и грузинско-занский языки происходили на рубеже III-II тыс до н.э. и связаны с скотоводческой терминологией, указывающей на использование картвелами и индоариями быков в упряжке для плуга и для повозки. Есть свидетельства появления культа быка у картвел (лексема «подросший бычок для заклания»).

5. Индоарии также приняли участие в создании «Нартского эпоса» – эпоса, начало которому положили и другие индоевропейские народы.⁶³ Это выразилось в цикле о Сослане/Созырыко – солнечном герое, который родился из камня так же, как родился индоарийский бог света – Митра.

6. «Арктические» мотивы, сохранившиеся в индийской и древнеиранской литературной традиции, а также у античных авторов, начиная с Геродота, говорят о том, что это реальные знания, которые со временем приобрели мифологическую окраску. Эти знания о северной стране получили древнеевропейцы, из среды которых вышли и индоиранцы.

7. Путь северопричерноморских индоариев прослеживается до Северной Месопотамии, где в 17 в. до н.э. появляется отдельный индоарийский язык и хурритско-митаннийское государство Митанни. Промежуточный пункт – алазано-беденская культура с повозками, а возможно и хуррито-индоарийская триалетская культура, датируемая соответственно началом II тыс. до н.э. и до 13 в. до н.э. Индоарии после проведенного исследования не представляются «абстрактным явлением», как определял исходное состояние знаний по этой проблеме академик О.Н. Трубачев, теперь скорее следует говорить об абстрактном понятии «древнеямная культура».

Приложение

КАТАЛОГ ПОВОЗОК

Венгрия, Потисье. Кетедьхаза, курганное поле (раскопки Д. Газдапустаи, 1966 г. и И. Эчеди, 1968г.). Древнеямная культура. Тип погребений «с деревянными конструкциями», выделенный Эчеди, находит аналогии в памятниках Венгрии из раскопок более раннего периода Ж. Чалога, и по мнению всех исследователей, эти конструкции могут иметь отношение к повозке.

1. **Кетедьхаза 3/7** – основное погребение, установлено по выкиду, после удаления которого были расчищены деревянные конструкции. Конструкция состояла из 4 продольных брусков, положенных как перекрытие могилы, поверх которых было положено 11 поперечных брусков разной толщины, сделанных из толстых веток, рас-

⁶³ Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «история и политические науки». Вып.1. С.10.

щепленных пополам. Кроме надрезки и расщепления, никаких следов обработки дерева (скрепления, связывания) не было отмечено. В двух метрах от могилы находилось место, где подготавливали эту конструкцию – следы коры, ветвей. Скелет человека лежал на спине, головой на запад, с руками, протянутыми вдоль туловища и согнутыми в коленях ногами, упавшими направо. Таковы наблюдения полевых исследователей.

2. Кетедьхаза 3/6 – первое впускное в курган 3 погребение. «Могила была перекрыта деревянной конструкцией, основа которой подобна конструкции в могиле 3/4». «Были соединены между собой большие брусы, предварительно подогнанные друг другу». Над скелетом лежали узкие, толщиной до 2 см планки. «Скелет лежал на спине, головой на 3. Обе руки были согнуты и лежали на тазу, а ноги распались ромбом. К деревянной конструкции относились кожаные покрытия в 3 слоя, которые поднимались над деревянной рамой». Таким образом, на дне могилы был положен щит из рамы с поперечными планками. Скелет лежал на возвышении по отношению к плоскости рамы на 20 см. Деревянная конструкция, включавшая три слоя кожаных покрывал, находилась выше скелета.

3. Кетедьхаза 3/5 – впускная в кургане. В могиле находились «остатки колоды», которая была покрыта кожаными покрывалами с четко различимыми заплатами, светло-коричневого и красно-коричневого цвета. Содержала захоронение ребенка.

4. Кетедьхаза 3/4 – впускная могила в кургане. Была перекрыта «деревянной конструкцией», состоящей из 4 прямоугольных брусев. Брусы были соединены между собой шипами, вставленными в гнезда. Рама была покрыта тонкими жердями, кожей. Конструкция перекрытия рухнула со временем на скелет. Под скелетом также отмечены жерди. Обряд погребения – на спине, скорченно; ноги упали на левую сторону, ориентировка – головой на запад. Скелет был покрыт мелом. Инвентарь состоял из серебряных подвесок и кусочка охры. (так А.Н. Гей называет нашу КДК)

5. Словакия. Группа Болераз. Радошин-Топольчаны Модель повозки с парной упряжкой волов. Представляло собой «корыто почти квадратной формы. По краю – орнаментальные наколы в два ряда. Стенка, на которой укреплены протомы быков, имеет над краем жгутовидную полудугу. Скульптурные воспроизведения парной запряжки только наполовину выступают из плоскости стенки. Колес не было. Длина повозки – 10,5 см. Высота – 6,2 см. Калиц относит находку к баденской культуре, что не противоречит действительности, учитывая, что Болераз – древнейшая ступень Бадена, однако в данном случае существенна хронологическая позиция Болераза и модели повозки из Радошина, в ряду баденских моделей повозок как древнейшей.

6. Будакалаш, около Будапешта. Грунтовый могильник. Раскопано 400 могил в 1950 году. Ямы овальной формы содержали скелеты на правом и левом боку, парные и одиночные; есть вытянутые захоронения. Руки часто помещались перед лицом. Использовались каменные заклады могил. Есть трупосожжения, характерные для Болераза. Длинные могилы содержали также захоронения животных, на основании чего Калиц и Чалог делают предположение, что народ баденской культуры производил захоронения в повозках. Модель повозки из Будакалаша представляет собой изолированную находку, не связанную с комплексом керамики. В то же время нет сомнений в принадлежности: ее к баденскому комплексу, что впоследствии было доказано обнаружением аналогичной повозки в Сигетсентмартоне. В целом в могильнике обнаружены разнообразные вазообразные сосуды, верхняя часть которых была подобно «корытцу», орнаментированному зигзагом и аналогична модели повозки только без колес. Связь модели повозки с сосудами указывает, по мнению

исследователей, на культовый характер модели. Повозка, которая может быть реконструирована по модели в Будакалаше, была четырехколесная с высотой бортов около 1 м. Высота бортов может указывать на их защитную функцию и делает возможным предположение, что такие повозки служили для военных целей. Площадь их по дну была около 0,7 кв. м, т. е. на нее могли встать 2 человека.

7. Сигетсентмартон. Погребение с моделью повозки баденской культуры (раскопки Т. Каменцеи, публикация Калица). Глиняная модель повозки или в подражание модели повозки в виде сосуда с вертикальной ленточной ручкой. Модель повозки была связана с выразительным комплексом баденской культуры». Обряд погребения – левый бок, ССЗ. Погребение связано с грунтовым могильником баденской культуры.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.

8. Плачидол. Северо-Восточная Болгария. Курган 1. Погребение 1. Погребение с повозкой. Обряд погребения – на боку, с отклонением на спину. В могиле находилось 4 колеса и остатки повозки. Атрибуция – древнеямная культура, по Панайотову, Дергачеву или кубано-днепровская культура, по Николаевой, Сафронову. Дата по С 14 для этого погребения – 2220 г. до н. э., что не расходится с датой для Кетедьхазы 2315 г до н.э.. Этот пункт является самым западным для погребений с повозками, не считая деревянных колес из КВК в Нидерландах, которые также предполагают существование повозок в этом регионе и в этой культуре.

9. Маяки. Днестра-Дунайское междуречье, Одесская область (раскопки Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР и Одесского археологического музея). Погребение с остатками повозки. Впускное при основном погребении усатовского времени, со скелетами на спине с подогнутыми ногами.

ПОИНГУЛЬЕ

10-12. Софиевка 1/9, Отрадный 26/п Подкурганное погребения Николаевской области (раскопки Ингульской экспедиции ИА АН УССР в 1966-1967 гг., рук. О. Г. Шапошникова: 1971, 1977, 1980). Софиевка 1/9 – впускное в кургане; основное для 3-й насыпи. Основным и предшествующими в кургане были древнеямные погребения с западной ориентировкой с обрядом положения на спине, скорченно. Обряд погребения в Софиевке 1/9 – правый бок, скорченно, головой на С., руки у колен. Могила перекрыта повозкой и плитой каменной. Инвентарь состоял из кремневого наконечника.

НИЖНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

13. «Сторожевая могила» Подкурганное погребение с повозкой, Нижнее Поднепровье, правобережье, 18 км к югу от Днепропетровска (раскопки 1949 г. А.И. Тереножкина). Повозка была обнаружена на уступе впускной, древнеямной, по Тереножкину, могилы. Колеса находились по одну сторону; части повозки – на другом уступе. Было обнаружено только два колеса, что дало основания Тереножкину и другим исследователям, их упоминавшим, говорить о двухколесной арбе. Сохранность дерева хорошая. Колеса сделаны «из сплошного куска дерева, рассеченного продольно диаметром 50 см со ступицами и круглыми отверстиями для осей». Длинная плаха на уступе связывается Тереножкиным с дышлом. Кроме того, выявляется ряд деталей конструкции повозки, которые не прослеживаются в других случаях – «столбики-балахники». Обряды погребения – яма с уступом; на спине, ноги скорчены, головой на СЗ. Требуется уточнения, действительно ли на спине лежал скелет,

поскольку описывает погребение с повозкой А.И. Тереножкин иначе, чем основное, которое совершено по древнеямному обряду. Основное погребение находилось в яме, окруженной кольцом из камня; на спине скорченно, с согнутыми и упавшими направо ногам, «Сторожевая могила» головой на СВ.

14-18. Первоконстантиновка 1/6. Погребения с повозками у с.Первоконстантиновка, Староселье. Нижнее Поднепровье (раскопки Херсонской экспедиции ИА АН УССР). Основное погребение – в могиле трапециевидной формы. Содержало повозку, от которой сохранились продольные плашки длиной 1,2 м, шириной до 7 см, толщиной до 1,5 см; два колеса диаметром 69 см. Диаметр ступицы – 24 см; диаметр отверстия – 16 см. Высота ступицы – 9 см. В плашках есть пазы (пазы отмечаются и в Кетедьхазе, см. выше). Скелет на правом боку (углы скорченности 90/45°), с отклонениями на спину, головой на СВ. Безинвентарное.

Первоконстантиновка 1/19. Основное. На краю могилы было найдено стоящее колесо. Никаких следов конструкции повозки нет. Скелет на спине (на правом боку, с отклонением на спину), скорчено, углы скорченности 120/60°, головой ЗЮЗ. Дно могилы и нижняя часть ее покрыты сажей. Инвентарь: черешковый нож удлиненной формы.

Староселье 1/8. Было восьмым впускным в курган. Основное погребение было совершено в яме с заплечиками, перекрытой поперечными узкими жердями шириной 12 см. На уступе расположено 7 колес. Плахи имеют отверстия до 2 см. Диаметр колес до 50 см; диаметр ступицы – 17-22 см; диаметр отверстия – 4,7 см. Скелет на спине, головой на ЗЮЗ, ноги очень слабо подогнуты, почти вытянуты. Руки вытянуты. **Староселье 1/10.** Являлось десятым впускным погребением. Могила с заплечиками перекрыта разобранной повозкой. Плашки шириной от 2 до 10 см имеют следы обработки. Сверху перекрытия – следы циновок (сравни с кожаными покрывалами, следы которых сохранились в Кетедьхазе и Новотитаровской. По углам – 4 колеса. Прослежено крепление частей в колесе штырями в отверстия шириной 1,6 см. Отверстия пробиты долотом. Обряд – левый бок, головой на СВ. Левая рука вытянута, правая согнута в локте.

Староселье 4/13. Впускное в кургане. Яма с заплечиками. Сохранилось 2 колеса на заплечиках. Могила перекрыта деревом. Обряд: левый бок, скорченно, левая рука вытянута, правая согнута в локте. Ю.А. Шилов указывает, что по фрагменту керамики Первоконстантиновка 1/8 сближается с, погребениями майкопской культуры. Погребения 1/8 и 1/19 принадлежат к рубежу I и II этапов ямной культуры. В другой работе автор определяет местом кеми-обинских погребений Староселье 1/3 и 1/4, за которыми следовали 1/8 и 1/19 как начало раннеямного периода (на основании типологического сходства с погребениями в Софиевке 9/1, с горшками михайловского типа, слой I II Михайловки). Дату этого периода Ю.А. Шилов принимает по Шапошниковой как 24-23 вв. до н. э., а с учетом дат Телегина для Михайловки II несколько удревняет ее до 25-24 вв. до н. э.

ПРИАЗОВЬЕ

19.Северное Приазовье Совхоз Аккермень Молочанского района. (раскопки В. А. Ильинской в 1952 г. в экспедиции А.И. Тереножкина: 1956, 1961). Впускное в курган. Основным в кургане было погребение в дольменовидной гробнице, составленной из необработанных каменных блоков, перекрытой плитой и ограбленной. Впускных в кургане было 7 погребений древнеямной культуры. **Погребение 1/ 12**, о котором в предварительной публикации сообщалось как о содержащем остатки колес, в

публикации отчета Николаева, Сафронов, 1983 фигурирует как объект со сложным перекрытием могилы, но без колес. Погребение 12 (с предполагаемой повозкой) — яма с заплечиками. Выше уступа могила имеет форму неправильного четырехугольника размером 2,6X2,25X1,0 м. Ниже уступа — 1,75X1, 1X2, 1 м. Перекрытие могилы — поперечные плашки шириной от 0,15 до 0,25 м. Длина плашек — 2,0 м. На восточном уступе плашки были закреплены продольной плахой. На западном уступе прослеживаются какие-то плахи, расположенные под углом к короткой оси могилы. Западный уступ большой — 0,8 м. Судя по предварительному сообщению, на нем находились остатки колес.

НИЖНЕЕ ПОДОНЬЕ

20. Погребение с повозкой в кургане близ Ростова-на-Дону. Основное в кургане. Впускные при нем — погребения катакомбной культуры. Яма почти квадратной формы, размером 2,0x1,8 м. Перекрыта поперечным накатником. В углах ямы — столбики. В заполнении ямы — плашки равной длины и ширины. Скелет на правом боку, руки перед лицом, головой на С. В углу могилы стояло колесо. Диаметр — 0,5 м; диаметр ступицы — 0,15-0,2 м; диаметр отверстия — 0,08 м. Инвентарь: бронзовые шилья и кремниевые отщеп и скребок; ступица двусторонняя. Дно посыпано мелом, а скелет — охрой (см. погребения в Кетедьхазе). Автор раскопок пишет: «По расположению в кургане, а также по инвентарю это захоронение является обычным для ямной культуры... На Нижнем Дону колесо встречено впервые в погребении ямной культуры. ...Колеса из ямных погребений, вероятно, старше колес предкавказского варианта катакомбной культуры и Триалети».

21-22. Нижнее Подонье. Древнеямные погребения с «деревянными рамами» на дне могилы 1/6 или 1/7 (раскопки А.Н. Мелентьева 1965) Учитывая, что в некоторых погребениях в Кетедьхазе были такие же рамы, мы считаем возможным привести в этой связи «древнеямные погребения» из Нижнего Подонья. Оба погребения были совершены в прямоугольных ямах, на правом боку, головой на З. На дне — охра и мел. Основным в кургане было погребение на спине с подогнутыми ногами. Погребенные были положены на остатки погребальных носилок, по Мелентьеву, покрытых корой, может быть, кожей. Перекрытие — накат поперечных бревен, уложенных на продольные, сложенные попарно вдоль длинных сторон. Инвентарь впускных могил не выразителен, но в основной могиле — круглодонный горшок и топор из змеевика.

ПРИКУБАНЬЕ

23-25. Погребения с повозками у ст. Роговская. Краснодарский край, Прикубанье, Тимашевский район (раскопки Н.В. Анфимова, 1971) Были впускными при правобочных основных в прямоугольных ямах, перекрытых деревом или настилом; по углам и продольным сторонам прослеживаются столбики, Ориентировка основных — З. В кургане 2 при основном, содержащем инвентарь — зубы ископаемой рыбы, костяные булавки (III гр. по Сафронову), браслеты из квадратных обоймочек, с 4 медными бляхами, подвески в 1,5 оборота. Впускное погребение было парное с 4-колесной повозкой и медным ножом. Из раскопок 1970 г. Н.В. Анфимов сообщает еще о двух повозках. Колеса этих повозок — цельные с выступающими ступицами.

26. Повозка в насыпи, без погребения. Ст. Роговская Тимашевского р-на Краснодарского края (раскопки Н.А. Николаевой, В.А. Сафронова в 1972 году:). Курган 3. Основное погребение — на правом боку, головой на З, перекрытое настилом на

столбовой конструкции. Впускное погребение — на спине, скорченно, с отклонением на спину, головой на ССЗ. Инвентарь: бронзовые обоймочки с пуансонным орнаментом и бусы из зубов ископаемой рыбы, т. е. такой же, как в основном погребении к. 2 из раскопок Н.В. Анфимова.

27-33. Новотитаровская к. 1, к. 2, к. 10. Краснодарский край, в 20 км от Краснодара к северу (раскопки В. И. Козенковой в 1970 г.).

Новотитаровская 1/12. Основное погребение. Содержало повозку. Впускные — 1/8, 1/7, 1/6, 1/5, 1/4 также содержали повозки. В кургане, таким образом, зафиксировано 7 повозок. Перекрытие 1/12 составлено из 30 тонких поперечных плашек, покрытых войлоком. По углам могилы — столбики (как в основных погребениях у ст. Роговской). Скелет — на левом боку с отклонением на спину, головой на ВСВ. Окрашен охрой. Инвентарь состоял из обломка чернолощеного сосуда с прочерченными треугольниками по плечикам. Повозка находилась на восточном краю. Конструкция повозки состояла из прямоугольной рамы изготовленной из 4 тонких досок; центр скреплен перекрещивающимися досками; колеса из 4 отдельных кусков имели одностороннюю ступицу. На повозке и перекрытии — следы огня.

Новотитаровская 1/8. Впускное с повозкой. Дно посыпано мелом и охрой. Перекрытие из 5 поперечных досок со следами узоров и войлоком на них. Обряд — на правом боку, головой на ЮЗ. Правая рука перед лицом. Кости обожжены, окрашены. Наблюдается прямая стратиграфия погребения 1/8 над 1/9, содержащим двуручный сосуд. Таким образом, правобочное погребение с сосудом 1/9 занимает место между 1/12 и 1/8.

Новотитаровская 1/7 и 1/11 и расположенная рядом с 1/11 повозка 1/4. Детали погребения те же. В погребении 1/11 содержалось парное захоронение на правом боку с отклонением на спину (В. С.) и вытянутой на спине, головой на З. На дне — мел. Скелеты окрашены. Правая рука согнута.

Новотитаровская 1/6. Обряд погребения не описан. Повозка № 1 имела более квадратную форму кузова.

Новотитаровская 1/4,5. Трупосожжение, а не трупоположение. Две повозки в насыпи. Обломки колес.

Новотитаровская 2/6. Основное. Могила перекрыта продольными и поперечными плахами. Скелет на правом боку, головой на ЮЗ. Окрашен. Инвентарь: бронзовый нож. Скелет слегка обожжен. От повозки сохранились три колеса.

Новотитаровская 10/осн. Центральное. Могила имела перекрытие из поперечных плах, которые были скреплены продольным куском деерва. Скелет находился на правом боку, головой на СЗ. Руки помещались на пояс.

34. Пластуновская. Динской район Краснодарского края, курган 2, погребение с повозкой (раскопки А.А. Нехаева в 1977 г. АО за 1977 г. М., 1978, с. 133). «Над перекрытием одной из ям лежала в разобранном виде повозка, имевшая 12 колес». Об обряде погребения не сообщается. Центральным погребением в кургане являлось, по Нехаеву, захоронение майкопско-новосвободненского времени, о чем свидетельствовала находка золотых проволочных подвесок с несомкнутыми концами.

35, Пластуновская, курган 7, погребение 2 (раскопки (А.А. Нехаева в 1979). Обряд погребения — вытянутое на спине, головой на С.

36-42. Малаи 1, курган 9, погребение 25. Красноармейский район Краснодарского края. Повозка с надетыми колесами на уступе могил. Погребение КДК, по нашей терминологии. Автором раскопок отнесено к числу поздних погребений этой серии.

37. Лебеди 1, курган 6, погребение И. Калининский р-н. Краснодарский край.

38-42. Повозки из одного кургана. Лебеди 1, к. 2, п. 100, 116, 119, 120, 121. (Раскопки А.Н. Гея в Калининском районе)

43-60. Нижнее Прикубанье. Калининский район, Красноармейский районы Краснодарского края (раскопки В. А. Сафронова и Николаевой Н.А., 1978-1979 гг.).

Сведения о погребениях с повозками кубано-днепровской культуры, раскопанных в Нижнем Прикубанье
(Николаева, Сафронов, 1983, с. 58, табл. 12)

Место находки (инвентарь)	Осн./вп. (О/В)	Положение скелета. Угол скорченности в градусах	Положение рук. Угол в градусах	Ориентация
1. Павлоград 6/10	В	л. л. 1140/60	115	В б\и
2. Павлоград 6/11 (керамика)	В	л. б./с. 135/135	90	В и
3 Павлоград 6/14 (б/и)	В	л. б./с., пр. б./с.		ЗСЗ, ВЮВ
4. Павлоград	В	пр. б.	160	СВ
5. Павлоград 6/16 (б/и)	В	пр. б.	160	
6. Павлоград 7/5	О	л. б. 100/60	120	СЗ
7. Крупская 1/10	В	с./ск.	0	ВСВ
8 – 10. Крупская 3/14	В	л. б.		СВ
11. Крупская 3/16 (сосуд и 2 ножа)	В	пр. б. /с.		ССВ
12. Крупская 3/17	О	л. б. /с.	90	З
13. Крупская 3/18	О	л. б.	120	СВВ
14. Крупская 4/4	В	тройное л. б.	150	ЗЮЗ
15. Крупская 4/7	В	л. б./с.	больше 90	З
16. Крупская 9/4		пр. б.	вытянуты	З

Принятые сокращения:

л. б. – левый бок; пр. б. – правый бок; с. – спина; л. б./с. – левый бок с отклонением на спину; с./ск. – спина скрюченно.

ЗАКАВКАЗЬЕ

Бедени. Тетрицкаройский район. Грузия. Повозки в погребениях обнаружены в трех могилах под курганами № 5, 8, 10. Могилы представляли собой грунтовые простые ямы, перекрытые деревянным настилом. В кургае № 5 в могилу был поставлен деревянный склеп из бревен (дно покрыто деревянным настилом); в другом кургане перекрытие держалось на 6 массивных бревнах. Обряд погребения -правый бок. головой на З., ЮЗ. В инвентаре погребений – плоские медные бляхи с пуансонным орнаментом, вислообушный топор, ракетообразная и дисковидная булавки, двуволютная булавка, орнаментированная шнуром, кружками и меандром, золотые дутые бусы, бисер и сердоликовые бусы, стрелы кремниевые и пращевые камни, керамика. Датировка Бедени, по Гобеджишвили, – вторая половина III тыс. до н. э. – начало II тыс. до н. э.

Арич. Ширак. Северо-Восточная Армения. Повозки, в куро-аракской культуре. Представлены три типа: 1) площадка на колесах с приподнятыми краями; 2) площадка на колесах; 3) площадка с приподнятыми с трех сторон краями на коле-

сах. Металлические и керамические предметы на поселении позволяют датировать повозки последней четвертью 23-21 вв. до н. э. (Хачатрян, 1980). Это, в первую очередь, булавка с рожковидным навершием, булавка с волютным навершием, трубчатобушные топоры. Керамика поселения, близкая к эларской, также указывает на более поздний возраст в массиве куро-аракских памятников.

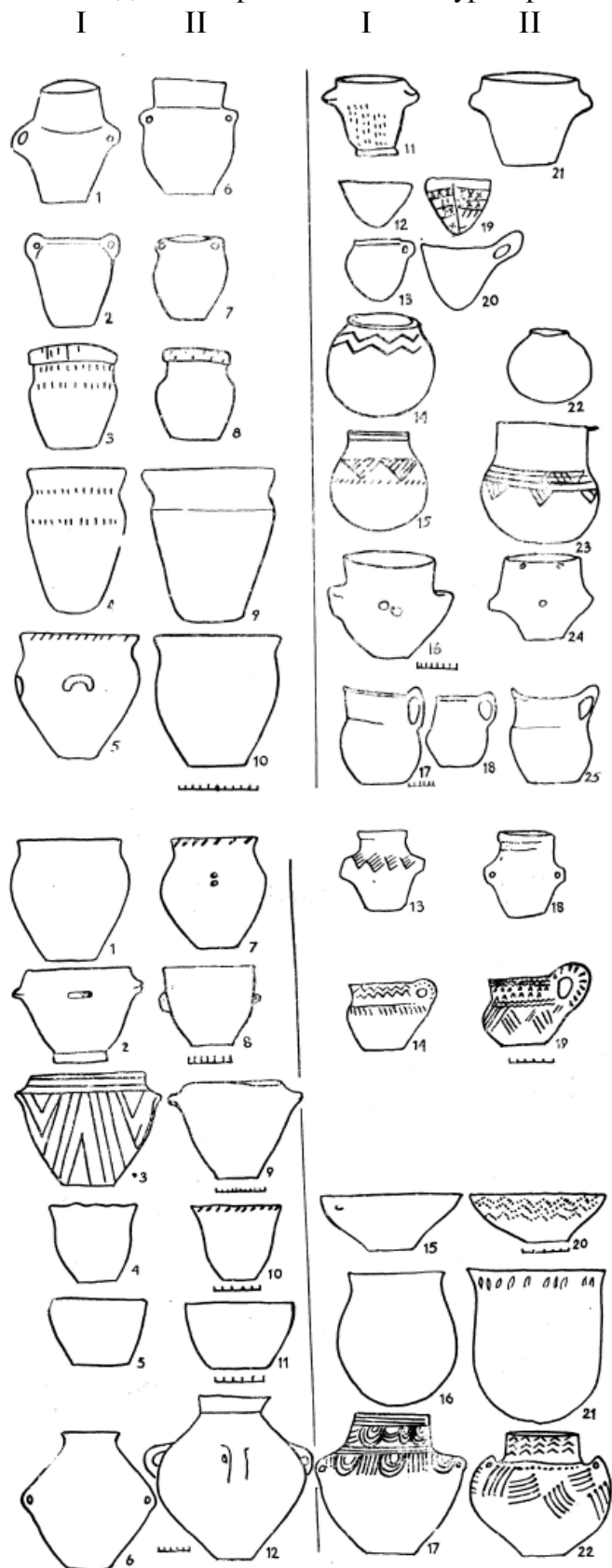

Рис. 1 Связи древнеямной культуры (индоиранцы) с праиндоевропейскими культурами Центральной Европы Лендьел и КВК

I - ДЯК

II - КВК, Лендьел.

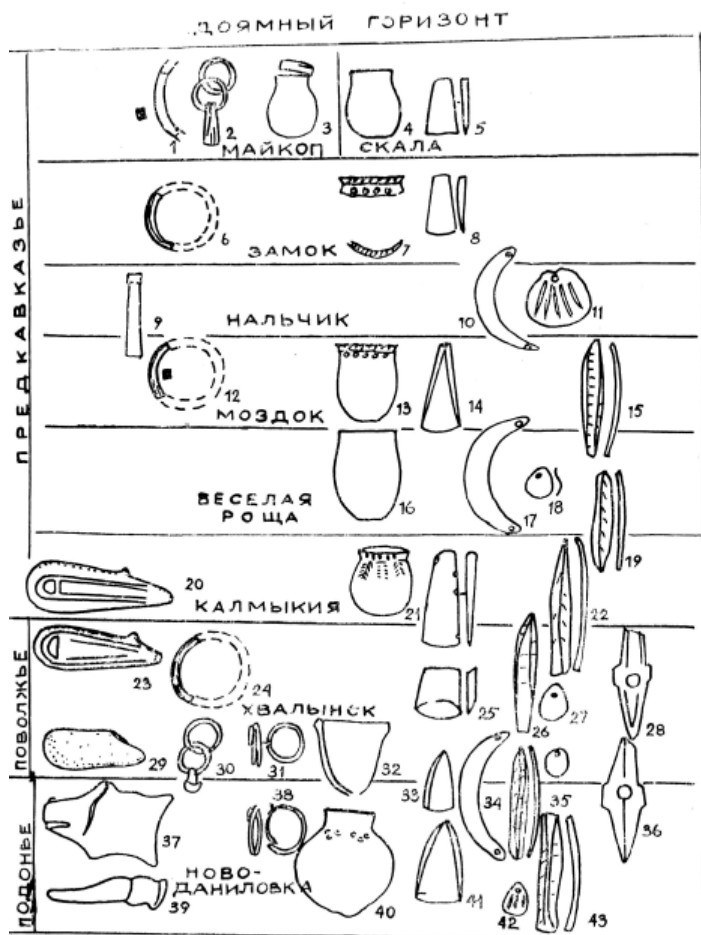

Рис. 2. Индо-иранцы и тохары в Восточной Европе (Средний Стог II -- Хвалынск-домайкопский горизонт).

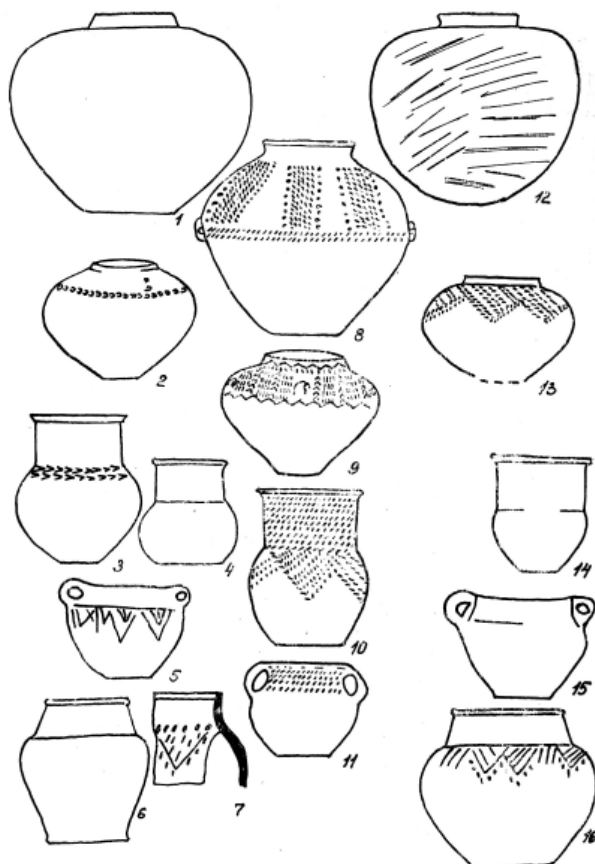

Рис. 3. Связи новосвободненской и кубано-днепровской культуры с центрально-европейскими культурами КШК и КША (№ 1-7 -- дольменная культура; № 8-11 -- КШК и КША, № 12-16 -- КДК).

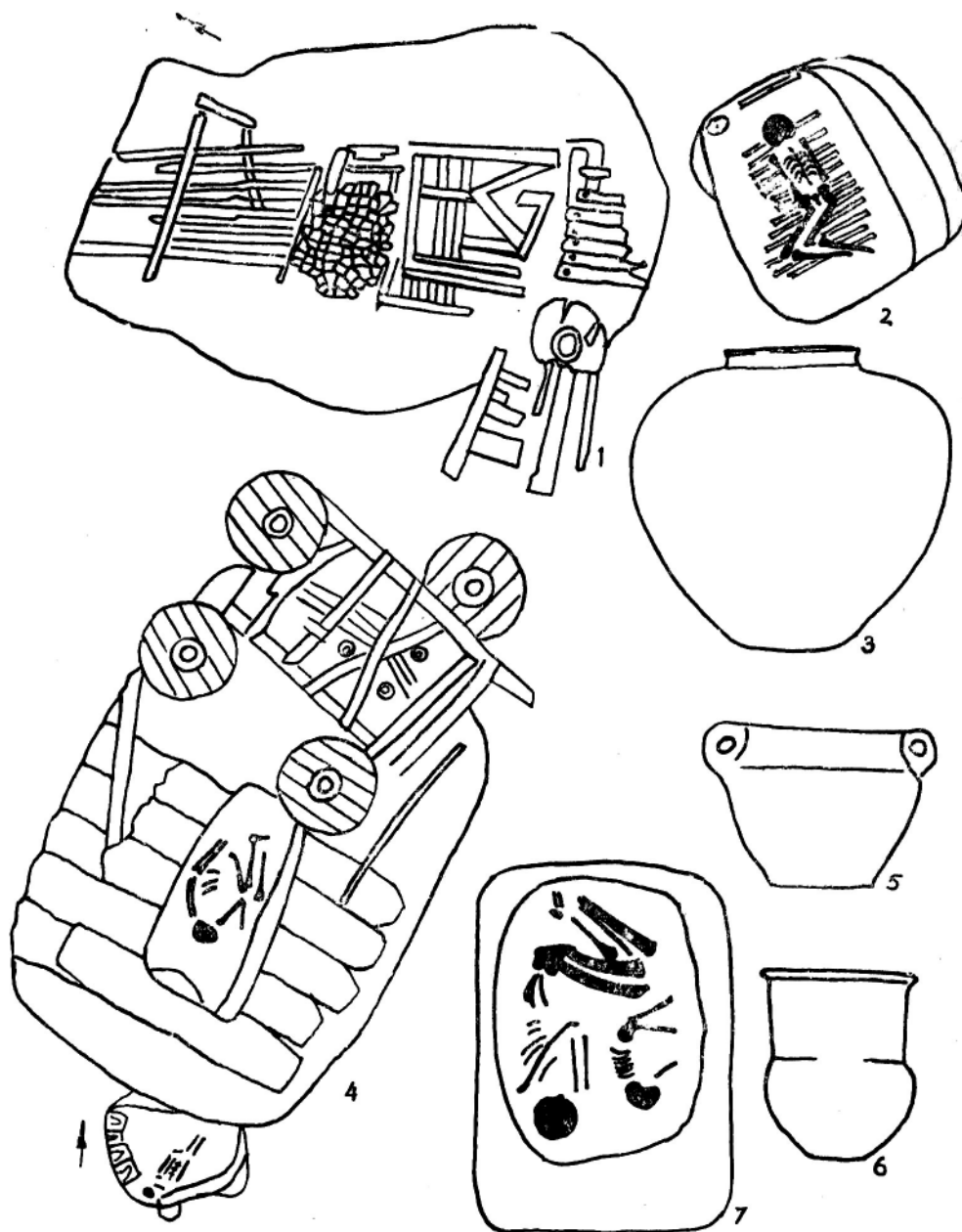

Рис. 4. Индоарии (КДК) в Нижнем Прикубанье (Крупская, к. 3/16, Краснодарский край).

Сети II и Аменмессу: два брата-два фараона-два врага *

Кризис царского дома Рамессидов в конце XIX династии (с 1214 по 1200 гг. до н.э.) до сих пор остается «белым пятном» в истории Египта эпохи фараонов. Скудность источников этого времени и их разнообразные трактовки в многочисленных зарубежных научных статьях не вносят ясности в решение проблемы.⁶⁴ Для отечественной египтологии рассматриваемая проблема вообще является *terra incognita*. В единственном очерке двадцатилетней давности даются лишь самые общие сведения по проблеме.⁶⁵ Данная статья посвящена началу кризиса XIX династии после смерти фараона Мернептах, которая выразилась в появлении в Египте двух противоборствующих фараонов Аменмессу и Сети II, которые параллельно правили в Верхнем и Нижнем Египте. Результаты, к которым пришел автор в ходе данного исследования, заставляют его пересмотреть господствующий в настоящий момент взгляд на происхождение Аменмессу и аргументировано выдвинуть собственную реконструкцию событий в период с 1214 по 1208 г. до н.э.

После смерти сына Рамсеса II фараона Мернептах (1224-1214 гг. до н.э.) в Египте начинается династийная смута. Еще при жизни Мернептах его старший сын Сети-Мернептах, будущий фараон Сети II, становится соправителем престарелого царя. Помимо титула *imj-r mš3 wr* «главнокомандующий войска» он носит титулы *(j)r(j)-p^ct m st Gb hrp t3wj n it.f* «наследный принц на престоле Геба, управляющий землями своего отца». Это совершенно очевидно свидетельствует, что Сети-Мернептах уже при жизни своего престарелого отца фактически правил Египтом.⁶⁶ После смерти Мернептах он всходит на престол как царь Сети II и первое время правит всем Египтом.⁶⁷

Однако на второй год его правления (1212 г. до н.э.) на юге воцаряется «узурпатор» Аменмессу. Видимо, первоначально он провозгласил себя правителем в Ну-

⁶⁴ Автор признателен «Фонду содействия отечественной науке» за финансовую поддержку при подготовке данного исследования.

Последние зарубежные работы с обзором историографии по теме: Callender V.G. *Queen Tausret and the end of Dynasty 19*. // *Studien zur altägyptischen Kultur* (далее - SAK). Hamburg, 2004. Bd. 32. S. 81-104; *Ibid.* *The Cripple, the Queen and the Man from the North*. // *K.M.T.: a modern journal of Ancient Egypt*. San Francisco, 2006. Vol. 17, № 1. P. 49-63; Schneider T. *Siptah und Beja. Neubeurteilung einer historischen Konstellation*. // *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* (далее - ZAS). Leipzig-Berlin, 2003. Bd. 130. S.134-146.

⁶⁵ Перепелкин Ю.Я. Египет после солнцепоклоннического переворота. // *История Древнего Востока. Зарождение классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Т. 2. М., 1988, С. 559-562.

⁶⁶ Eaton-Krauss M. *Seti-Merneptah als Kronprinz Merneptahs*. // *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion* (далее - GM). Göttingen, 1981. Hf. 50. S. 19-10, 21. Abb. 2.

⁶⁷ Ряд надписей на юге Египта (стела 2-го года из Гебель-эль Сильсилэ (Kitchen K.A. *Rameside Inscriptions* (далее - KRI). Oxf., 1968. Vol. 4, 274, 2), стела 2-го года из Амады (KRI. 4, 274, 12), надпись 1-го года в Абу-Симбеле (KRI. 4, 275, 10) свидетельствуют о том, что первые два года Верхний Египет и Нижняя Нубия находился под властью Сети II. Высказываемые сомнения по поводу того, можно ли на основании вышеупомянутых надписей считать, что Сети II воцарился ранее Аменмессу (Callender V.-G. *Queen Tausret...* P. 82, Not. 6), опровергаются фактом совместного правления первого с Мернептахом. Кроме того, во всех этих надписях картуши, содержащие имена Сети II, показывают попытки уничтожения имени этого фараона, что также свидетельствует о более позднем появлении Аменмессу. Поскольку стела из Гебель-эль Сильсилэ датируется 2-м годом правления Сети II, это и есть, видимо, *terminus post quem* Аменмессу захватил Фивы и провозгласил себя царем в Верхнем Египте, т.е. в 1212 г. до н.э. Подробнее см.: Krauss R. *Untersuchungen zu den König Amenmesse: Nachträge*. // SAK. 1997. Bd. 24. S. 161-170.

бии, которая к этому времени являлась фактически автономной провинцией Египта с мощным военным потенциалом под руководством наместника, носившего титул «царский сын Куша». Нубия стала базой для восстания Аменмессу.⁶⁸ В конце 2-го или начале 3-го года правления Сети II Аменмессу подчиняет себе Верхний Египет и Фивы.⁶⁹ За два года своего правления⁷⁰ он узурпирует памятники Сети II и строит себе гробницу в Долине Царей (KV 10), в то время как строительные работы в гробнице Сети II (KV 15) прекращаются.⁷¹ Насколько власть Аменмессу распространялась далее к северу от Фиваиды, сказать сложно. Однако практически полное отсутствие его монументов в Нижнем Египте⁷² свидетельствует, что фактически он владел Нубией, южными областями Верхнего Египта и Фиваидой; в лучшем случае, судя по находкам вещей с его именем, власть Аменмессу простиралась не далее Гермополя.⁷³

О самом правлении и о дальнейшей судьбе Аменмессу нам практически ничего не известно, однако его памятники, повсеместно узурпированные Сети II, свидетельствуют, что, по крайней мере, уже к 1209 г. до н.э. Сети II становится единственным правителем Египта.⁷⁴ Сети II ненадолго пережил своего врага и в 1208 г. до н.э., на шестой год своего правления, умер, о чем говорится в журнале строительных работ царских гробниц в Долине царей (О. CGC 25515 verso)⁷⁵: Col. 2.21 *3bd 1 prt r^c 19 ḥ^cw^{2.22} hrw n ij ir:n^{2.23} ḥrj Md3j^{2.24} Nht-mn.j m dd^{2.25} bik p3j.f^{2.26} r pt n Sthj^{2.27} kj ḥ^c r t3j.f^{2.28} st* Col. 2.21 (год 6), первый месяц (сезона) перет, день 19-й день, приостановление (работ).^{2.22} День, когда пришел^{2.23} начальник маджаев Нахтмени,^{2.24} чтобы объявить:^{2.25} «Сокол, взлетел он^{2.26} на небо, тот, который (букв. будучи) Сети,^{2.27} другой взошел на его^{2.28} трон».⁷⁶

При рассмотрении противоборства Сети II и Аменмессу, ключевым является

⁶⁸Krauss R. Untersuchungen zu den König Amenmesse (2. Teil). // SAK. 1977. S. 131-132.

⁶⁹ Он же. Untersuchungen zu den König Amenmesse: Nachträge. // SAK. 1997, S. 171. См. также указание Р. Краусса на остраконы правления Сети II оDM 319 и оJE 72465, в которых содержится упоминание о том, что «враг пришел» и «враг напал». Р. Краусс считает, что эти сведения датируются серединой правления Сети II и говорят о захвате Аменмессу Фив (Ibid. S. 169).

⁷⁰ Ibid. S. 165 с указанием, что в фиванских документах не зафиксировано надписей, датированных 3 и 4 годом правления Сети II.

⁷¹ Ibid. S. 166.

⁷² Единичная находка фаянсовой вазы с картушем Аменмессу в эль-Рикке не может свидетельствовать, что Аменмессу правил в Нижнем Египте, хотя и расширяет северную границу находок с именем этого фараона (Kitchen K.A. Amenmesses in Northern Egypt. // GM. 1987. Hf. 99, S. 23-25; Dodson A. King Amenmesse at Riqqa. // GM. 1990. Hf. 117/118. S. 153-155).

⁷³ Krauss в: SAK, 1977, S. 144.

⁷⁴ При входе в гробницу 26 в Ассасифе (Западные Фивы) содержится надпись (KRI. 4. 271. 14-15): *ḥ3t-sp 5 3bd 3 3ht r^c 14 hrw n krst n 3 n pr Qd.(t)-mr.t m3^c-hrw n n3 msw nswt n Sthj Mr.n.Pth m pr ntj ḥr šms* «Год 5-й, 3-й месяц сезона ахет день 14. День погребения управительницы домом царских дочерей (фараона) Сети-Мернептаха Кедет-Мерет, правоюгласной в доме, который на следовании». Эта надпись свидетельствует о том, что к началу 5-го года правления Сети II под его властью уже находился Верхний Египет. Следовательно, владычество Аменмессу в Верхнем Египте можно датировать между последней третью 2 года Сети II и началом его 5 года правления, т.е. фактически в лучшем случае двумя полными годами. См. также указание Р. Краусса (Krauss. в: SAK. 1997. S. 170)

⁷⁵ KRI. 4. 327.

⁷⁶ В другом месте данного остракона (CGC 25515 verso, Col. 4, 1-3) также говорится о смерти Сети II, причем это сообщение отстоит от первого упоминания на 10 дней и датируется уже первым годом правления преемника Сети II фараона Сиптаха: Col. 4.1 *ḥ3t-sp 1 3bd 1 prt sw 29^{4.2} ij ir:n ḥrj Md3j Nht-mn.j ḥn^c Hnsw-m-ḥb^{4.3} m dd bik tsj r pt n Sthj* «Col. 4.1 Год 1-й, 1 месяц сезона перет^{4.2} Пришли начальник маджаев Нахтмени вместе с Хонсу-эм-хебом,^{4.3} чтобы сказать: «Сокол поднялся на небо, тот, который Сети» (пер. по иероглифической транскрипции Я. Черни: Černý J. Ostraca Nijratiques. Le Caire, 1930. Fasc. 1. P. 12* = Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire N°s 25501-25538).

Каирская статуя первоначально принадлежала либо Рамсесу II, либо Мернептаху, а царица Тахат, изображенная на ней была женой либо Мернептаха, либо Рамсеса II.⁸³ В конце концов, Ф. Юрко пришел к следующему выводу: и на Каирской статуе, и на статуе из Карнака изображена одна и та же царица Тахат, жена либо Рамсеса II, либо Мернептаха и мать Аменемесеса, которая, однако, к Сети II никакого отношения не имеет!⁸⁴ Между тем, это противоречит заявлениям самого Ф. Юрко, согласно которым никаких следов надписей ни Рамсеса II, ни Мернептаха на Каирской статуе не зафиксировано.⁸⁵ Следовательно, приписывание статуи CG 1198 кому-то из предков Сети II ничем не подкреплено. Пытаясь объяснить факт, почему надписи царицы Тахат, «матери Аменмессу» не были уничтожены Сети II при узурпации обеих вышеупомянутых статуй из Карнака и Каирского музея, Ф. Юрко выдвигает уже совсем умозрительную гипотезу. Согласно ей, Сети II не сделал этого, поскольку царица Тахат не принимала участия в мятеже своего сына Аменмессу. Кроме того, Сети II, согласно Ф. Юрко, не уничтожил надписи царицы Тахат, поскольку она все же была супругой кого-то из легитимных правителей – Рамсеса II или Мернептаха, и у него были основания почитать ее как законную царицу.⁸⁶ Последняя «гипотеза» особенно впечатляет в свете вышеупомянутых высказываний самого же Ф. Юрко о том, что на Каирской статуе Сети II полностью уничтожил надписи кого-то из своих почитаемых предков!

Таким образом, попытки сделать царицу Тахат женой фараонов Мернептаха или Рамсеса II на основании подобной системы доказательств следует признать несостоятельными; установить же родство Аменмессу с кем-то из этих фараонов, даже если оно действительно существовало, на основании умозрительных гипотез Ф. Юрко нельзя. Из всех высказываний Ф. Юрко, по сути, только два момента заслуживают внимания:

1. гипотеза об изменении Сети II титулов царицы Тахат на статуе Аменмессу в Карнаке.

2. отсутствие на этой статуе титулов *hmt nswt wrt* «великая жена царя», что, якобы, указывает на царицу Тахат как на жену либо Рамсеса II, либо Мернептаха.⁸⁷

Остановимся на этом подробнее. Прежде всего, вызывают сомнения упоминаемые исследователем минимальные следы соскабливания: 0,3-0,35 см. Замена

знака на группу знаков и , по мнению автора, должна была оставить более заметные следы, особенно учитывая, что другие знаки при этом остались неизменными. Однако надпись этого не показывает, в чем автор мог лично убедиться, осмотрев статую в Карнакском храме в феврале 2006 года. Гипотеза Ф. Юрко о том, что второй

знак после и его асимметричное положение по отношению к этой группе знаков, якобы, может свидетельствовать об остатках первоначально выгравированной

группы знаков вызывает большие сомнения. Трактовать второй как дополнение к не представляется возможным, поскольку это полностью бы нарушило классическое для египетской палеографии правило «квадрата», когда «в строке верхний знак имеет первенство перед нижним».⁸⁸ Иными словами, египтяне могли бы

⁸³ Ibid. P. 29. Not. 36.

⁸⁴ Ibid. 29-30. Fig. 16.

⁸⁵ Ibid. P. 28.

⁸⁶ Ibid. P. 29.

⁸⁷ Yurco. Op. Cit. P. 30.

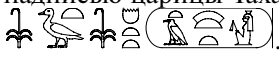

⁸⁸ Петровский Н.С. Египетский язык. Л., 1958. С. 37; Gardiner A. H. Egyptian Grammar. Being

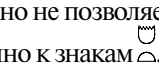

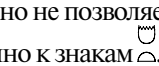
выписать титул *hmt nswt* «царская жена» как , либо как , либо как , но никогда как .⁸⁹ Таким образом, этот, по всей видимости, основополагающий вывод, на котором базируется вся теория Ф. Юрко, следует признать ошибочным. Возникает вопрос: как же тогда трактовать написание знаков , если учитывать, что второй не относится к , а слово «жена» египтяне в любом случае выписали бы как ? Самое простое было бы объяснять подобное написание ошибкой резчика. Однако это объяснение явно спекулятивно и, как мы увидим в дальнейшем, попросту невозможно.

Автор данной статьи выдвигает собственную гипотезу относительно добавочной графемы в титуле , которая, насколько ему известно, до сих пор не упоминалась в научной литературе.⁹⁰ Дело в том, что написание титула на Карнакской статуе редко, но отнюдь не уникально. Автору известно, по крайней мере, еще два памятника эпохи XIX династий, где титул несомненно относится к супругам царя, которые носили титул «великой царской жены».

В первом случае, речь идет об одной из двух стел Аменмессу из заупокойного храма фараона Сети I в эль-Курне, впоследствии узурпированной фараоном Сиптахом (1208-1202 гг. до н.э.). Первоначально на стеле был изображен Аменмессу, которой получает меч *xepesh* из рук Амона-Ра. За Аменмессу стоят наиболее почитаемые царские особы Нового Царства – жена основателя XVIII династии Яхмоса и мать Аменхотепа I Яхмос-Нефертари, фараоны Сети I и Рамсес II.⁹¹ Для нас особенно важен тот факт, как выписан титул царской жены Яхмос-Нефертари: .

Во втором случае речь идет о знаменитом колоссе Рамсеса II, ранее находившемся на площади перед Каирским вокзалом.⁹³ На левой стороне статуи выгравиро-

an Introduction to the Study of Hieroglyphs. Oxf., 1957. P. 25. Мне известно написание в титуле царицы Яхмос-Нефертари, матери Аменхотепа I на стеле начальника ремесленников Дейр эль-Медина Неферхотепа (II) (BM 1516) (KRI. 7. 199. 11; Bierbrier M. The Tomb-builders of the Pharaohs. Cairo, 2004. P. 30, Fig. 16). Необычное положение второй графемы , казалось бы, должно нарушать «правило квадрата». Однако здесь речь все же идет о вполне объяснимой палеографии титула *hmt nswt wrt* «великая царская супруга». Знак указывает, что графема *-t* относится к слову *nswt*. В случае же с надписью царицы Тахат на статуе Сети II в Карнаке подобная «связующая» графема отсутствует -- . Если все же предположить, что и в этом случае вторая графема относится к слову *nswt*, то тогда трудно объяснить, почему подобная графема не появляется в предшествующем *s3t nswt*.

⁸⁹ Некая асимметричность второго по отношению к группе знаков все равно не позволяет считать его дополнением к , поскольку на рис. 2 отчетливо видно, что он принадлежит именно к знакам .

⁹⁰ Любопытно, что в эпоху Нового царства аномальная палеография с добавочной графемой периодически фиксируется и для других слов, причем наличие подобных прецедентов ограничиваются лишь констатацией факта (ср.: Jansen-Winkel K. Spätmittelägyptische Grammatik. Wiesbaden, 1996. S. 86. § 132).

⁹¹ Lepsius R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. B., 1949-1959. Bd. 7. Abth. 3. Bl. 201(c).

⁹² KRI. 4, 196, 11.

⁹³ 25 августа 2007 года колосс Рамсеса II был перемещен с площади перед Каирским вокзалом

вано изображение Бинт-Анат, дочери и великой жены Рамсеса II.⁹⁴ На рис. 5 отчетливо видно, что титул «царская жена» выписан как с «анормальным» выписыванием второго !

Таким образом, обе надписи показывают ту же палеографию титула царицы , которая засвидетельствована на рассмотренном выше изображении царицы Тахат на Карнакской статуе. Следует особенно отметить, что в титуле Яхмос-Нефертари выписано так же асимметрично к знакам ,⁹⁵ как и на изображении царицы Тахат из Карнака; во втором же случае последние два знака группы (рис. 2) настолько «сдвинуты» по отношению к знаку , что о принадлежности последнего к знаку не может идти никакой речи! Это, по мнению автора, свидетельствует о том, что титул царицы Тахат на Карнакской статуе должен транслитерироваться как *hmt.t nswt*.

Теперь следует ответить на неизбежно возникающий вопрос, как трактовать аномальную «дополнительную» графему в титуле , зафиксированную для эпохи XIX династии, по крайней мере, три раза. Надписи цариц Яхмос-Нефертари и Бинт-Анат не подвергались переделке, и мы имеем дело с первоначальным написанием, причем очевидно, что ошибка резчика исключена. Выше упоминалось, что и та и другая царица носили титул *hmt nswt wrt* «великая царская жена» (Яхмоса и Рамсеса II соответственно).⁹⁶ Вследствие этого автор выдвигает гипотезу, согласно которой в титуле второй следует рассматривать как сокращенное написание от , а весь титул транслитерировать как *hmt nswt (wr)t* «великая жена царя».

Таким образом, можно сформулировать один весьма любопытный принцип письма эпохи Нового царства: начиная, по крайней мере, с XIX династии египетские писцы в редких случаях в титуле «великая царская жена» могли использовать графему как сокращение лексической основы .

в Гизу.

⁹⁴ Eaton-Krauss M. Ramses II // Lexikon der Ägyptologie. Bd. 5. 1984. Wiesbaden. S. 108. Автор признателен В.А. Большакову, который, ознакомившись с изложенной выше гипотезой, любезно указал на палеографию титула Бинт-Анат.

⁹⁵ KRI. 4, 196, 11.

⁹⁶ Для Яхмос-Нефертари см., например: Utk. IV, 25, 4; 26, 14; для Бинт-Анат – KRI, 2, 385, 1.

⁹⁷ В этой связи необходимо упомянуть об одном любопытном примере палеографии титула «великая царская супруга» времени XVIII династии. Титул выписан над изображением царицы Анхесенамон на знаменитом наосе из гробницы Тутанхамона. В одном случае титул «великой царской жены» Анхесенамон выписан как (Troy L. Patterns of Queenship in ancient Egyptian myth and history. Uppsala, 1986. P. 63. Fig. 39). Другие написания титула на наосе показывают и (Ibid. P. 62-63. Fig. 38, 40). Заманчиво было бы видеть в этом примере времени XVIII ди-

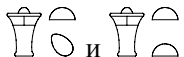
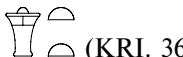
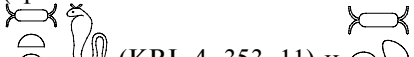
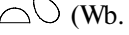

настии указание на постепенную трансформацию палеографии титула в усеченное написание , которое мы встречаем в вышеуказанных случаях с великими царицами Яхмос-Нефертари, Бинт-

Теперь вернемся к интересующему нас изображению царицы Тахат в Карнаке. Как было показано выше, идея Ф. Юрко о переделке надписи не выдерживает критики. Вследствие этого нам остается считать, что титул царицы Тахат идентичен титулам Яхмос-Нефертари и Бинт-Анат и означает тоже самое -- *hmt nswt (wr)t* «великая жена царя». Это автоматически снимает сомнения⁹⁸ относительно идентичности царицы Тахат на Карнакской статуе и на статуе Сети II CG 1198 в Каирском музее, и заставляет нас уверенно считать царицу Тахат, изображенную на обоих памятниках одним и тем же лицом, а именно «великой женой» фараона Сети II. Вследствие этого гипотезу Ф. Юрко следует признать полностью несостоятельной, поскольку никакой «переделке» надпись царицы Тахат на Карнакской статуе не подвергалась!

Учитывая вышеприведенные аргументы в пользу идентификации царицы Тахат как «великой жены» Сети II, автор данной статьи считает: изображение царицы Тахат на Карнакской статуе должно было быть выгравировано лишь после узурпации фараоном Сети II данного монумента, который первоначально принадлежал Аменmessу. Это, в свою очередь, заставляет констатировать, что теория, согласно которой Сети II был отцом Аменmessу, должна быть окончательно отвергнута как несоответствующая действительности, поскольку в нашем распоряжении нет ни одного памятника, который бы свидетельствовал о таком родстве.⁹⁹

Однако гипотеза Ф. Юрко об изменении титулов на рельефе Тахат в Карнакском храме все же сыграла свою «роковую» роль в реконструкции политических событий в Египте после смерти Мернептаха. Опираясь на выводы Ф. Юрко, большинство исследователей избрали наиболее простой путь: они идентифицировали «мнимую» мать Аменmessу Тахат с «великой женой» Сети II, а противостоя-

Анат и Тахат. Другое дело, как в свою очередь понимать появление дополнительной графемы в первом случае написания титула царицы Анхесенамон. Дополнительную графему можно было бы трактовать как указание на фонетику слова *Hmt* (указание М.А. Чегодаева). Но, как кажется автору, возможно и другое объяснение. По крайней мере, с XX династии титул «великой царской жены» мог выписываться как (KRI. 6. 471. 11). Создается впечатление, что в эпоху

Нового Царства графемы и были взаимозаменяемы (ср. написание имени богини Бастет как и (KRI. 365. 3, 8), имени богини Нейт – как (KRI. 4. 353. 11) и (Wb. 2. 198. 9), Исиды – как (Wb. 4. 8. 11) (Jansen-Winkeln. Op.cit. S. 86. § 132). Возможно, позднее написание титула «великой царской жены» ранее могло иметь форму , что собственно и объясняло бы появление второй графемы в вышеупомянутом титуле царицы Анхесенамон. Однако этот момент требует специального исследования, и останавливаться на его рассмотрении подробно в рамках данной статьи невозможно.

⁹⁸ Yurco. Op. Cit. P. 29-30.

⁹⁹ Справедливости ради следует отметить еще один курьезный случай в истории с попытками сделать из царицы Тахат мать Аменmessу. Дело в том, что в гробнице Аменmessу изображена *mwt ntr mwt nswt T3h't* «мать бога, мать царя Тахат», которая приносит жертвы различным божествам. Этот факт одно время трактовался как указание на то, что Тахат была матерью Аменmessу (Yurco. Op. Cit. P. 29). Однако А. Додсон убедительно показал, что ее изображения были нанесены в конце XX династии, и к Аменmessу не имеют никакого отношения. Этот вывод, собственно, следует и из того факта, что изображения Тахат в гробнице KV 10 не подверглись уничтожению, что произошло с надписями и изображениями Аменmessу. См.: Dodson A. The Takhats and some other royal ladies of the Ramesside period. // The Journal of Egyptian Archaeology. Oxf., 1987. Vol. 73. P. 224-226; Callender. Queen Tausret... P. 83-84.

ние Аменмессу и Сети II стали считать восстанием сына против отца.¹⁰⁰ Причину восстания Аменмессу они объясняли попыткой Сети II сделать своим наследником принца Сети-Мернептаха.¹⁰¹ Некоторые исследователи все же предполагали видеть в Аменмессу сына фараона Мернептаха от наложницы.¹⁰² Однако следует особенно подчеркнуть, что их высказывания носили декларативный характер и не подкреплялись серьезными аргументами. При прочих равных, точка зрения первой группы исследователей неизбежно оказывалась бы в более выигрышной позиции. Однако учитывая доказанную выше несостоятельность гипотезы Ф. Юрко, теперь можно констатировать, что трактовка противостояния Сети II и Аменмессу как борьба отца с сыном попросту невозможна из-за отсутствия самих данных о подобном родстве.

Все это заставляет нас возвратиться к вопросу об отношении Аменмессу к правящей династии. Неизбежно встает вопрос: какие права на престол мог предъявить Аменмессу в противовес законному наследнику Сети II? По логике вещей, Аменмессу должен был несомненно принадлежать к дому Рамессидов, поэтому естественно полагать, что отцом Аменмессу могли быть два фараона: либо Рамсес II, либо Мернептах. Однако это необходимо доказать.

Помимо ошибочного отождествления с сыном Сети II от царицы Тахат Р. Краусс выдвинул несравненно более аргументированную и, по мнению автора, верную гипотезу. Он предложил сравнивать фараона Аменмессу с жившим практически в это же время наместником Нубии Мессуи и неожиданно «канувшим в Лету» после воцарения Аменмессу.¹⁰³ Мессуи, судя по надписям, был назначен Мернептахом наместником в Нубию,¹⁰⁴ причем в одной надписи он упоминается как *s3 nswt Msswj* «царский сын Мессуи»,¹⁰⁵ а в другой как *s3 n nswt ds.f* «царский сын собственной персоной».¹⁰⁶ Исследователи отмечали, что рельефы на боковых косяках главных ворот храма в Амаде (Нижняя Нубия) изображают Мессуи с царской коброй-уреем на челе, что является еще одним признаком наследного принца.¹⁰⁷ По-видимому, после смерти Мернептаха Мессуи принял имя Аменмессу и воцарился в Нубии и на юге

¹⁰⁰ Krauss R. Untersuchungen zu König Amenmesse (2. Teil). // Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg, 1977. S. 136, 138-141. Он же. Zu den Familienbeziehungen der Königin Tachet. // GM. 1983. Hf. 50. S. 51; Dodson A. Monarchs of the Nile. Cairo-New York, 2000. P. 133-134, Fig. 46; Dodson A., Hilton D. The Complete Royal Families of Ancient Egypt. Cairo, 2004. P. 179-181; Callender. Queen Tausret... P. 83; Она же. The Cripple, the Queen... P. 50; Vandersleyen C. L'Égypte et la vallée du Nil. Tom 2. De la fin de l'Ancien Empire à la fin du Nouvel Empire. Paris, 1995. P. 577.

¹⁰¹ Krauss в: SAK. 1977. S. 142. Вообще, данная гипотеза уже сама по себе вызывает большие сомнения. Сын Сети II принц Сети-Мернептах известен нам по единственному изображению в часовне Сети II в храме Амона в Карнаке. Однако, в лучшем случае, это изображение может быть датировано концом правления Сети II, если не временем уже после смерти этого фараона (обзор мнений см.: Schneider. Siptah und Beja... S. 141-143). Другими словами, ничто не указывает на то, что он был назначен наследником в начале правления Сети II, что могло вызвать восстание Аменмессу.

¹⁰² von Beckerath J. Chronologie des ägyptischen Neuen Reiches. Hildesheim. 1994. S. 70-71; Kitchen K. A. Pharaoh Triumphant. The Life and Times of Ramesses II, King of Egypt, Warminster. 1982. P. 216; Он же. Ramses II le pharaon triomphant. Sa vie et son époque. Monaco, 1985. P. 293-294).

¹⁰³ Krauss в SAK. 1977, S. 137; Он же в: SAK. 1997. S. 172.

¹⁰⁴ KRI. 4. 94. 5-7.

¹⁰⁵ KRI. 4. 95. 14.

¹⁰⁶ KRI. 4. 95. 8.

¹⁰⁷ Krauss в: SAK. 1977. S. 140-141; Dodson A. Messuy, Amada, and Amenmesse. // Journal of the American Research Center in Egypt (далее — JARCE). Cairo, 1997. Vol. 34. P. 42, 44-45. С неудачной критикой этого выступил Ф. Юрко, который предположил, что урей на челе Мессуи — результат натуральной эрозии (Yurco F.J. Was Amenmesse the Viceroy of Kush, Messuwu? // JARCE. 1997. Vol. 34. P. 50-54). Однако гипотеза об эрозии одного и того же места, где должен располагаться царский урей, на двух изображениях выглядит сомнительно.

Египта. Кроме того, гипотеза о тождестве Аменмессу и Мессуи получила серьезную поддержку благодаря свидетельству папируса Солт 124.¹⁰⁸ События, упоминающиеся в папирусе, датируется временем правления фараонов Сети II и его преемника Сиптаха.¹⁰⁹ В тексте папируса содержится обвинения против Панеба, начальника строителей царских гробниц. Помимо ярких описаний бесчинств Панеба в документе упоминается о конфликте Панеба и Неферхотепа, который являлся начальником строителей царских гробниц до Панеба и, в конечном счете, был им убит. Для нашего исследования особенно интересны строки 17-18 (Pap. Salt 124, recto 2, 17-18)¹¹⁰: 17. *mt ʕ n ist Nfr-ḥtp smj.f n ʕtj Imn-ms mtw.f ir n.f sbʕj mt.f smi ʕtj* 18. *n Msj mt.f di.t r wj(ʕ) m ʕtj r dd ir.f knkn.i* 17. И начальник команды (рабочих) Неферхотеп подал жалобу визирю Аменмессу, чтобы он учинил наказание ему (Панебу). И он (Панеб) обвинил визиря 18. перед Меси, и тот приказал, чтобы удалился он (Аменмес) с (места) визиря из-за сказанного (Панебом): «Учинил он мне избиение!». Судя по тексту, визирь Аменмес (не путать с фараоном Аменмессу – А.С.) был изгнан с должности из-за навета Панеба.

Поскольку лишить визиря его должности мог только фараон, то исследователями давно было отмечено, что имя *Msj* «Меси», скорее всего, является сокращением от имени фараона Аменмессу.¹¹¹ Р. Краусс показал, что может с большой долей вероятности быть аналогом имени наместника Куша *Ms-sw.j*, которое также является сокращенным именем со значением «тот, кто родил его» со стандартным пропуском в начале имени божества.¹¹² По мнению Р. Краусса, писец выписал так имя фараона Аменмессу, поскольку тот носил его до своего восстания, еще будучи наместником Нубии.¹¹³ Таким образом, перед нами возникает возможность соотнести имя наместника Нубии Мессуи, который был царским сыном, с именем фараона Аменмессу. Исчезновение Мессуи с воцарением Сети II и появление фараона Аменмессу, центром восстания которого была Нубия, еще более убеждают в том, что пред нами Мессуи и Аменмессу – один и тот же человек.

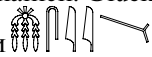

В свете вышесказанного становятся понятными причины восстания Аменмессу: он сам был сыном фараона – либо Рамсеса II, либо Мернептаха, и вследствие этого мог претендовать на трон. Однако идентичность Аменмессу и Мессуи все еще не позволяет до конца установить, кто же был отцом Аменмессу – Рамсес II или Мернептах.

Для решения этой задачи автор считает необходимым привлечь данные еги-

¹⁰⁸ Полный перевод текста в: erny J. Papyrus Salt 124 (Brit. Mus. 10055). // JEA. 1929. Vol. 15. Pt. 3-4. P. 244-246.

¹⁰⁹ Krauss в: SAK. 1997. с. 170-172.

¹¹⁰ Транслитерация по: Černy. Papyrus Salt... Pl. XLIV.

¹¹¹ Černy. Op. Cit. P. 255-256. Подобные сокращения были довольно распространенным явлением в эпоху Нового царства. Ср.: и как краткие формы имени Рамсеса II - (Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Glückstadt, 1935. Bd. 1. S. 320. № 11). Этот пример еще более усиливает подозрения, что в имени папируса Солт 124 следует видеть сокращение полного имени Аменмессу - (Krauss в: SAK. 1977. S. 136-137. Not. 22).

¹¹² Окончание - в имени наместника Нубии часто встречается в сокращенных именах (Ranke H. Die ägyptischen Personennamen. Glückstadt/Hamburg, 1952. Bd. 2. S. 129-131, 143), однако его значение неясно (Ibid. S. 130). Ср. мнение Р. Краусса, который, ссылаясь на различные клинописные варианты передачи имени Рамсеса II (Riamašeša и Riamšeši), полагает, что в нашем случае речь может идти об одной из форм написания Аменмессу (Krauss в: SAK. 1977. S. 138-139. Anm. 24).

¹¹³ Krauss в: SAK. 1997. S. 172-174.

петского жреца Манефона, который в 3 в. до н.э. изложил историю Египта на греческом языке. Интересующий нас отрывок Манефона, сохранившийся в передаче Иосифа Флавия, дает следующую информацию: «(98)... Затем (правил) Гармесес Миамун – шестьдесят шесть лет и два месяца, затем Аменофис – девятнадцать лет и шесть месяцев (98) Затем правил Сетос, он же Рамсес, у которого были сильные конница и флот. Он назначил правителем Египта своего брата Хармаиса и наделил его всеми царскими полномочиями, только велел не носить царского венца, не трогать царицу, мать его детей, и воздерживаться от остальных царских наложниц. (99) А сам пошел войной против Кипра, Финикии, а потом против ассирийцев и мидян. Всех подчинил он своей власти: одних силой оружия, других – без боя, наводя ужас своей несметной силой. Воодушевленный успехами он решительно продвигался на вперед, покоряя земли на востоке. (100) Когда прошло уже немалое время, оставленный в Египте Хармаис стал вести себя дерзко, все делая вопреки наказам брата. Он силой овладел царицей, а другими наложницами пользовался сколько хотел и поддавшись на уговоры друзей, стал носить царский венец, и, наконец, восстал против брата (курсив мой – А.С.). Но верховный жрец Египта написал и отправил Сетосу письмо, рассказав ему все, в том числе, что, мол, брат Хармаис восстал на него. Немедленно возвратился Сетос в Пелусий и овладел собственным царством».¹¹⁴

Любопытно, что у других античных авторов, сохранивших выдержки из труда Манефона, после Рамсеса и Аменофтиса следует Аменмесес (т.е. Аменмессу – А.С.), срок правления которого в одном случае даже назван – пять лет.¹¹⁵ Рамсес Миамун и Аменофис, очевидно, являются фараонами Рамсесом II и Мернептахом, чье имя изменено у Манефона в Аменофиса.¹¹⁶ Таким образом, исторические события, отразившиеся в переданном Иосифом Флавием рассказе Манефона о конфликте Сетоса со своим братом Хармаисом, следует помещать после правления Мернептаха. Несмотря на различные анахронизмы (упоминание ассирийцев и мидян) и явную контаминацию в образе манефоновского Сетоса различных фараонов XIX династии,¹¹⁷ возможным историческим коррелятом этому отрывку Манефона, по мнению автора, может быть только реальное противостояние Сети II и Аменмессу между 1212-1209 гг. до н.э. Как уже отмечалось выше, несмотря на то, что в версии Манефона, переданной Иосифом Флавием, брат Сетоса назван Хармаисом, в ряде других версий после Мернептаха (Аменофиса) следует Аменмесес (Аменмессу).¹¹⁸ Это позволяет выдвинуть гипотезу, что процитированный отрывок из Манефона сохранил воспоминания об историческом противостоянии двух братьев, Сети II и Аменмессу, причем предание Манефона об изгнании Хармаиса его братом Сетосом полностью совпадает с историческими событиями, когда Сети II, в конце концов, одержал верх над своим противником Аменмессу.¹¹⁹

¹¹⁴ Перевод цит. по: Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Том первый: от Геродота до Плутарха. М., 1997. С. 76.

¹¹⁵ Wadell W. Manetho. L., 1940. P.149.

¹¹⁶ von Beckerath J. Op. Cit. S. 58-59. Идентичность имен манефоновского Гармесеса Миамуна (у других авторов, цитирующих Манефона - Рамсес) и фараона Рамсеса (II) Мериамона, а также полное совпадение срока его правления (66 лет) с датами египетских источников указывают, что в Аменофисе следует видеть сына Рамсеса II Мернептаха.

¹¹⁷ Ладынин И.А., Немировский А.А. К эволюции восприятия амарнских царей и Хоремхеба в идеологической и исторической традиции древнего Египта. // Древний Восток: общность и своеобразие культурных традиций. М., 2001. С. 90

¹¹⁸ Wadell. Op. Cit. P. 149, также см. с. 109-111, 151.

¹¹⁹ Этот отрывок уже многократно обращал на себя внимание, причем исследователи предлагали относить этот пассаж ко времени смены XVIII династии XIX династией. Они ссылались на

Таким образом, данные Манефона помогают ответить на вопрос, как Аменмесу был связан с домом Рамессидов. Автор считает, что он был сыном Мернептаху, который на 5-й год правления своего отца был назначен наместником Нубии. После смерти Мернептаху он поднял восстание против своего брата и законного наследника Сети II и, по крайней мере, на два года захватил власть в Нубии и Верхнем Египте.

О причинах успеха мятежа Аменмесеса можно только догадываться. Вероятно, наместничество в Нубии позволили Аменмесу аккумулировать в своих руках военные и административные ресурсы, которые на время помогли вытеснить Сети II из Верхнего Египта. Видимо, неслучайно следующий фараон Сиптах уделяет Нубии повышенное внимание, что отразилось в появлении большого количества его изображений на территории бывшей мятежной провинции.¹²⁰

Рис. 1 Кварцитовая статуя Аменмесу, узурпированная Сети II, в гипосильном зале храма Амона в Карнаке (фото автора).

имя Хармахис отражает имя Хоремхеба, последнего правителя XVIII династии, и предлагали считать отрывок Манефона отражением перехода власти от Хоремхеба к основателю XIX династии Рамсесу I (Ладынин, Немировский. Ук. Соч. С. 90-94). Однако, учитывая четкое хронологическое помещение истории о конфликте Сетоса и Хармаиса после правления Мернептаху, автор считает, что противостояние Аменмесу и Сети II в конце 13 в. до н.э. является лучшим историческим коррелятом данным Манефона.

¹²⁰ Krauss в: SAK. 1997, S. 145.

Рис. 2. Изображение царицы Тахат на статуе в гипостильном зале храма Амона в Карнаке (фото автора).

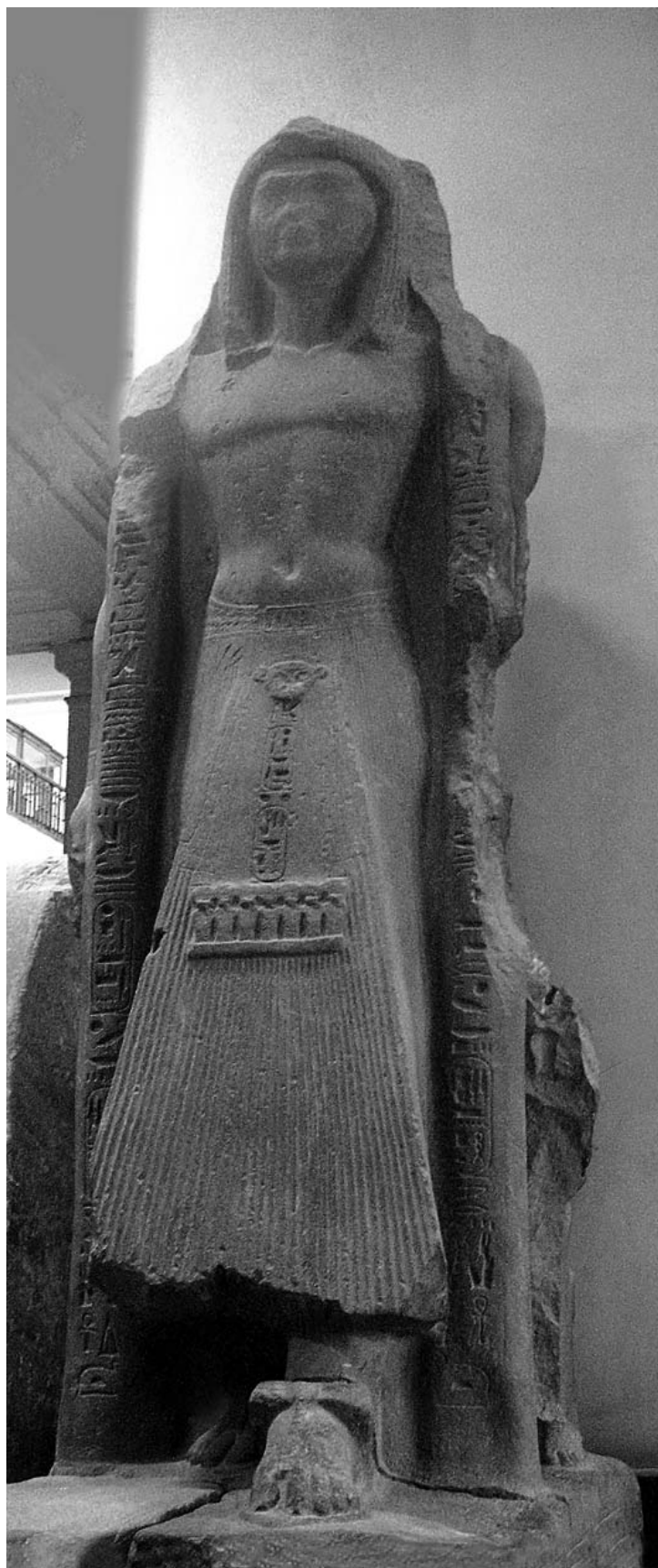

Рис. 3. Статуя Сети II CG 1198 в Каирском музее (фото автора).

Рис. 4. Изображение царицы Тахат на статуе CG 1198 (фото автора).

Рис. 5. Изображение дочери и жены Рамсеса II Бинт-Анат на колоссе Рамсеса II (фото автора).

Происхождение и семейные связи немецких купцов в России в XVIII веке

Существует уже немало работ, посвященных деятельности немецких купцов на русском рынке, торговле между Россией и германскими землями в XVIII в.¹²¹ В последние десятилетия историки все большее внимание уделяют личности купцов, их происхождению, характеру, личным и родственным связям, образу жизни, общественной деятельности. Подобный подход не только помогает понять многие проблемы истории бизнеса, но и позволяет решить целый ряд вопросов истории культуры, повседневности, семьи, сохранения национальной идентичности в иной этнической среде. Из российских исследований последних лет важны труды В.А.Ковригиной, посвященные эпохе Петра I.¹²² В немецкой историографии подобная традиция существует уже более полувека. Нельзя не упомянуть обширный труд гамбургского историка Перси Эрнста Шрамма о девяти поколениях своих предков, видных купцов Гамбурга.¹²³ Целую серию биографических исследований о немецких купцах, живших в России в XVII-XIX вв., создал Эрик Амбургер.¹²⁴ Но большинство из них посвящены одной семье или группе родственных фамилий.

Тем не менее просматриваются общие черты, свойственные личности многих немецких коммерсантов и промышленников. На этой основе может быть создан некий обобщенный портрет купца, уроженца немецких земель, решившегося достичь предпринимательского успеха в России. Большой труд на эту тему еще ждет своего автора. В настоящей небольшой статье мы коснемся только одной стороны данной проблемы, попытаемся обобщить имеющиеся сведения о происхождении немецких купцов, проживавших в России в XVIII в., об их семейных связях.

Уже данные за XVII в. и начало XVIII в. свидетельствуют об особом значении семейных и родственных связей в деятельности немецких купцов в России. Наиболее крупные и известные из них принадлежали к обширным семейным кланам, старшие члены которых действовали обычно в ведущих ганзейских городах, а младшие – во многих других городах Европы. Наиболее ярким примером такого семейного концерна XVII в. является фамилия Марселисов, выходцев из Голландии, обосновавшихся в Гамбурге. В России от их имени действовал Петр Марселис, его братья и другие родственники находились также в Амстердаме, Христиании, Копенгагене.¹²⁵ В начале XVIII в. ведущую роль в торговле Гамбурга с Россией играла семья Поппе. Ее члены принадлежали к городскому патрициату, были сенаторами и бургомистрами. До 1718 г. во главе семейного предприятия стоял Франц Поппе,

¹²¹ Angermann N. Hamburg und Rußland in der Frühen Neuzeit. Hamburg, 1972; Harder Elisabeth. Seehandel zwischen Lübeck und Rußland im 17/18 Jahrhundert // Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. Bd.41-42. 1961-1962; Menke Ch. F. Die wirtschaftliche und politische Beziehungen der Hansestädte zu Rußland im 18. und frühen 19. Jahrhundert. Göttingen, 1958. Man. Diss.; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра Великого. Москва, 1996 и др.

¹²² Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. Москва, 1998.

¹²³ Percy E. Schramm. Neun Generationen. Dreihundert Jahre deutscher "Kulturgeschichte" im Lichte der Schicksale einer Hamburger Bürgerfamilie (1648-1948). Bd.1-2. Göttingen, 1959.

¹²⁴ Amburger E. Die van Brienens und ihre Sippe in Archangel. Aus dem Leben einer Kolonie. Berlin, 1936; Idem. Die Familie Marselis. Gießen, 1957; Idem. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Die Familie Amburger in St.Petersburg. 1770-1920. Wiessbaden, 1986.

¹²⁵ Martens A. Hamburger Kaufleute im vorpetrinischen Moskau. Lüneburg, 1999. S. 6-7.

затем его старший сын Корнелиус (Cornelius). В России действовали младшие братья Франца Поппе: Матвей (Hans Matthias) и Иван (Johann Rudolph), вошедшие в число приближенных Петра I. После их кончины в 1711 г. представителем семейства Поппе в России стал Франц Людвиг, третий сын Франца Поппе. Его брат Пауль постоянно проживал в Лиссабоне.¹²⁶

К числу ведущих купцов Гамбурга принадлежали в начале XVIII в. фон Сомы (von Som). Они также занимали различные должности в городском управлении (Ehrenämter). Иоганн фон Сом был сенатором. В России в конце XVII - начале XVIII в. находился его брат Андрей (Hinrich) фон Сом.¹²⁷

Крайне активны в торговле на Севере Европы и в России были несколько богатых менонитских семей Альтоны, прежде всего Розены (Rosen или Roosen). В середине XVII в. для торговли в Россию регулярно ездил Герман Розен, сын которого Герман и его дети и внуки играли ведущую роль в деятельности семейства в Альтоне в течение всего XVIII в. Но у Германа Розена-старшего был еще один сын Павел (Paul), который умер в Архангельске в первые годы XVIII в. По сведениям семейного биографа, у него имелся сын, также Павел.¹²⁸ Видимо, этот тот самый Павел Розен, деятельность которого в Архангельске прослеживается по русским источникам до 30-х гг. XVIII в.¹²⁹ Из любекских купцов на русский рынок в начале 20-х гг. вышли представители фамилии Родде, ее ревельско-нарвской ветви. В самом Любеке это была одна из влиятельнейших патрицианских семей.¹³⁰

В течение XVIII века состав немецкого купечества в России постоянно менялся. Прекращалась деятельность одних купцов и фамилий. Появлялись новые лица. Кто они были? Далеко не о всех удалось найти какие-либо данные о происхождении. Известно более тысячи немецких коммерсантов. Сведения о происхождении имеются не более, чем о пятнадцати - двадцати. Но и этого достаточно, чтобы сделать определенные выводы.

В связи с развитием торговли Петербурга в Россию все больше прибывают купцы из Любека, которые стали здесь более многочисленны, чем гамбургцы. Около 1750 г. в российскую столицу на берега Невы прибыл Герман Николас Моллво (Mollwo), третий сын Якоба Мартина Моллво, внук Людвиг Моллво. Якоб Мартин Моллво был крупным купцом в Любеке, занимался по преимуществу виноторговлей, имел контакты с Бордо и Португалией.¹³¹ Его торговый дом был хорошо известен в первой половине XVIII в. Изабелла Моллво, супруга Якоба Мартина Моллво и мать Германа Николаса, была дочерью ратсгера Генриха Волдта, одного из крупнейших в Любеке коммерсантов, имевших контакты с Россией.¹³² Таким образом, выезд Германа Николаса в Россию был обусловлен коммерческими интересами его деда со стороны матери.

Так, Герман Николас Моллво, начавший торговлю в Петербурге в середине XVIII в. происходил из богатой купеческой семьи Любека. И в Петербурге он практически сразу вошел в элиту иностранного купечества российской столицы. Об этом свидетельствует его женитьба на Анне Стеллинг, дочери гамбургского купца Якоба

¹²⁶ Deutsches Geschlechtsbuch. (Далее - DGB). Bd.27. S. 149, 159, 164.

¹²⁷ Clasen A. Aus den Stammtafeln der Familie von Somm // Zeitschrift für niederdeutsche Familienkunde. Jg. 48. 1973. Heft. 6. S. 230-231.

¹²⁸ Roosen B. C. Geschichte unseres Hauses. Hamburg, 1905. S. 63-64.

¹²⁹ Захаров В.Н. Иностранные купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 207.

¹³⁰ Там же. С. 207-208.

¹³¹ Archiv der Hansestadt Lübeck. (Далее - AHL) Familienarchiv Mollwo. No 32.

¹³² AHL. Familienarchiv Mollwo. No 32.

Стеллинга, который пользовался в Петербурге большим авторитетом и состоял старейшиной (Kirchenältester?) общины лютеранской церкви св.Петра. Якоб Стеллинг был женат на Катарине Иоганне Крюйс (Стуys), дочери крупного голландского купца Яна Крюйса и внучке знаменитого адмирала Крюйса.¹³³

Однако наряду с Германом Николасом Моллво в Петербурге действовало еще несколько любекских коммерсантов, не уступавших ему по товарообороту или даже превосходивших. Например, в 1774 г. Герман Николас Моллво отправил за море и получил оттуда товаров на сумму 50,7 тыс.руб. Но в том же году товарооборот фирмы Брунс и Иве составил 303,4 тыс.руб., у Миллер и Швадтке – 540,5 тыс.руб., Гилсенбек(Hülßenbeck)и Фридрици – 84,8 тыс.руб.¹³⁴ Но, в отличие от Моллво, они не имели влиятельных и знаменитых родственников в Любеке. По крайней мере, об этом ничего не известно. Напротив, имеющиеся данные свидетельствуют о довольно скромном происхождении этих крупнейших в то время в Петербурге иностранных купцов, выходцев из Любека.

Герман Иве (Ive), входивший в компанию Брунс и Иве, был сыном Германа Иве, пивовара в Любеке, проживавшего на Энгельсгрубе. Пивоварами были его дед и прадед, имевшие то же имя Герман, а также дядя Маттиас. Причем Герман Иведед, неоднократно менял место жительства жил то на Хюксштрассе (Hüxstraße), то на Холь[ц?]штрассе, занимался к тому же и изготовлением изделий из воска (Waxgärber). Герман Иве-младший решил попытать счастья в России довольно молодым человеком.¹³⁵ Уже в 1765 г. он ведет самостоятельную торговлю на берегах Невы, принимает торговые корабли из-за моря.¹³⁶ Тогда ему было 26 лет. Вскоре он нашел себе компаньона, возникла фирма Брунс и Иве, операции которой отмечаются до конца 70-х гг. XVIII в. Почему Герман Иве отправился в Россию? Возможно, здесь сыграли свою роль родственные связи. Его старшая сестра Катарина Маргарета вышла замуж за Михаила Шредера.(Schröder). Это достаточно известная и разветвленная купеческая семья в Любеке, представители которой действовали и в России (Вильгельм Геронимус Шредер).

О семье Фридрици известно с середины XVII в. Тогда в Хальберштадте проживал купец Иоганн Генрих Фридрици (Friderici). Его потомки переехали в Любек, но почти никто из них уже не занимался торговой деятельностью. Иоганн Андреас Фридрици, сын Иоганна Генриха, был кантором (Cantor), его старший внук - Маркус Генрих стал священником (Prediger) в церкви Св.Лоренца. Только младший брат Маркуса Генриха, Иоганн Георг, был торговцем (Händler) на Браунштрассе в Любеке.¹³⁷ Именно он и переехал в Россию. Так, в Петербурге возникла еще одна любекская фирма Гилсенбек и Фридрици.

Следует отметить, что И.Г.Фридрици далеко не единственный из немецких купцов в России, кто имел на родине родственников среди священнослужителей. Напротив, подобные случаи были весьма типичны. Так, Франц Шумахер (1794-1798), крупнейший из бременских купцов в Петербурге в конце XVIII в., был сыном пастора церкви Св.Ансгара в Бремене Германа Генриха Шумахера.¹³⁸ Один из первых ростокских купцов в Петербурге Иоганн Генрих Роггенбау был сыном Генриха Па-

¹³³ Vêluwenkamp Jan Willem. Dutch Merchants in St.Petersburg in the Eighteenth Century //Tijdschrift voor Scandinavistiek. Jg. 16. No 2. 1995. S. 263, 280.

¹³⁴ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 423 об.

¹³⁵ ANL. Schnobel. Lübeckische Geschlechte. S. 723.

¹³⁶ Российский государственный архив древних актов. (Далее - РГАДА). Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 7.

¹³⁷ ANL. Schnobel. Lübeckische Geschlechte. S. 496.

¹³⁸ Amburger E. Deutsche in Staat... S. 260.

риса Роггенбау, пастора из Шенберга, что в Мекленбурге¹³⁹. Основатель сахарного завода в Петербурге, известный купец петровского времени Иероним Кизл (Küsel) был младшим внуком Иоганна Кизла, пастора в Травемюнде.¹⁴⁰

Кое-что удалось выяснить о происхождении и родственниках в Любеке Иоахима Гака (Нааск или Наке), принадлежавшего к числу видных любекских купцов в Петербурге в середине XVIII в. Он родился в 1714 г. и был третьим и самым младшим сыном Иоахима Гака, мелкого торговца шелком на Кляйнгерберге (Seidenkramer am Kleingerberge). Старший сын в этой семье — Иоганн — стал священником (Prediger) в церкви Св.Лоренца, средний — Якоб — входил в объединение купцов, торгующих со Скандинавией (Schonenfahrer).¹⁴¹ Иоахим Гак-младший отправился в Петербург.

Удалось установить также происхождение Иоганна Генриха Гансланда. Он торговал в Петербурге в 50-х—60-х гг. XVIII в. В 1768 г. его товарооборот составил почти 20 тыс.руб., (больше имели в том году из любекских только двое: Г.Н.Моллво и Ф.Н.Студ (Stuht)).¹⁴² Иоганн Генрих Гансланд имел множество родственников в Любеке. Его отец Вильгельм Гансланд жил на Фиштрассе. Из четырех братьев двое — Конрад Генрих Вильгельм и Иоганн Вильгельм — занимались торговлей, но в небольших масштабах. В источниках того и другого называют торговца (Händler), но не купца (Kaufmann). Только младший из братьев Реттгер (Röttger) назван купцом (Kaufmann). Иоганн Генрих был четвертым, предпоследним сыном в этой семье. Кто же из его родственников поддерживал с ним контакты из Любека? Вряд ли братья. Скорее всего это был муж его старшей сестры Катарины Элизабет — Иоганн Михаэль Кролл (Croll), который вел регулярные контакты с Россией в течение многих лет. Связи с этой семьей сохранялись у Гансландов и в дальнейшем. Саломея, дочь Иоганна Вильгельма, в 1778 г. стала женой Иоганна Вильгельма Кролла.¹⁴³

Примерно, в конце 30-х гг. XVIII в. в Петербург приехал из Любека Иоганн Грот, сын торговца галантерейными товарами. В русской столице он вступил в компанию с Бландоу (Blandow), о происхождении которого ничего не известно. В 1743 г. Иоганн Грот вернулся в Любек, а вместо него на берега Невы прибыл его младший брат Беренд Лоренц.¹⁴⁴ В 50-х—60-х гг. фирма Грот и Бландоу стала ведущей среди любекских компаний в Петербурге, к ней прибывало до двадцати и более торговых кораблей ежегодно. А создана она была при участии сыновей мелкого торговца из Любека.

Генрих Христиан Штегельманн (Stegelman), также уроженец Любека, сын бедных родителей, в 1721 г. отправился в Митаву, оттуда в 1723 г. перебрался в Петербург. Почти двадцать лет о нем ничего неизвестно, но в правление императрицы Елизаветы Петровны он получает доступ ко двору, становится придворным агентом по доставке всевозможных товаров (гоф-фактором). В 50-х гг. он входит уже в число богатейших и авторитетнейших немецких коммерсантов Петербурга, жертвует для школы при лютеранской церкви Св.Петра (Petri-Schule) 12 тыс. рублей.¹⁴⁵ Очевидно, что его успех связан с женитьбой на Анне Крюйс, дочери крупного купца и внучке знаменитого адмирала.¹⁴⁶

¹³⁹ Müller M. Mecklenburger in Osteuropa. Ein Beitrag zu ihrer Auswanderung im 16. bis 19. Jahrhundert. Marburg/Lahn, 1972. S. 346.

¹⁴⁰ AHL. Schnobel. Lübeckische Geschlechter. Bd. 3.

¹⁴¹ AHL. Schnobel. Lübeckische Geschlechter. S. 614.

¹⁴² РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 195. Л. 101-102.

¹⁴³ AHL. Schnobel. Lübeckische Geschlechter. S. 542.

¹⁴⁴ Menke Chr. Fr. Die wirtschaftliche und politische Beziehungen. S. 344.

¹⁴⁵ Ibid. S. 348.

¹⁴⁶ Ibid.

Гамбургские купцы, хотя и несколько уступили любекцам по численности и масштабам торговли в Петербурге, все же они сохранили за собой вторую позицию среди немецкого купечества в российской столице.¹⁴⁷ Если в начале XVIII в. среди них выделялись представители фамилии Поппе, то во второй половине века среди гамбургских купцов в Петербурге такого доминирующего семейства нет. В то же время практически никто из гамбургских купцов, торговавших в Петербурге во второй половине XVIII в., не имел близких родственников среди купеческой элиты Гамбурга.

Весьма типичной является родословная Петера Гилица (Güllich). Его прадед был капитаном бюргерской дружины общины Св.Петра в Гамбурге (Bürgerkapitan im Regiment St.Petri), а дед – рубщиком мяса и костей (Knochenhauer). О роде занятий отца Петера Гилица, также Петера, составителям генеалогии вообще ничего неизвестно.¹⁴⁸ Петер был его шестым сыном и отправился в Петербург. На берегах Невы он развернул самостоятельную торговую деятельность, в 90-х гг. фрахтовал корабли, прибывавшие к нему из-за моря.¹⁴⁹

Еще более знаменитыми из гамбургских купцов в Петербурге были члены семейства Мас (Mahs, Maaß). Эта фамилия известна в Гамбурге со второй половины XVII в. Но ни тогда, ни позже они не выделялись ничем особенным среди простых бюргеров, проживали в приходе церкви Св.Михаила. Иоганн Мас (1716-1787) занимался окраской шелковых материй (Seidenfärber).¹⁵⁰ Его младший брат Иоганн Иоахим (1718-1783) в 40-х гг. прибыл в Петербург, вел торговые операции сначала вместе с Иоганном Мейбомом, выходцем из Бремена, а с 60-х г. XVIII в. самостоятельно, возглавив фирму «Мас и Сын». Впоследствии вошел в состав первой гильдии Санкт-петербургского купечества. Иоганн Иоахим Мас был отцом 24 детей. Первый из них – Иоганн (1746-1796) и десятый – Иоахим (1758-1836) – продолжили дело отца в составе известной фирмы «Маса Сыновья» («Mahs Söhne»). Но в 1799 г. фирма «Маса Сыновья» потерпела банкротство. Иоахим Мас лишился должности генконсула, мог вести торговлю в небольших масштабах, стал в последствии биржевым маклером и купцом всего лишь третьей гильдии.¹⁵¹

К концу XVIII в. среди немецких купцов в Петербурге все большую роль играют выходцы из внутренних земель Германии. Еще в 70-х гг. началась деятельность в России братьев Амбургер – Фридриха Вильгельма и Карла Людвига. Их отец Иоганн Андреас Амбургер происходил из небогатой семьи, но получил образование и сделал карьеру чиновника, служил рентмейстером у князей Нассау-Узинген в Висбадене, а с 1755 г. состоял камерратом у князей Сольмс в Браунфельсе/Лан.¹⁵² Его сыновья Карл Людвиг и Фридрих Вильгельм, в отличие от старшего брата, ставшего врачом и аптекарем, изучали торговую науку, чтобы поступить на службу в купеческие конторы. В Петербург они прибыли, видимо, в качестве доверенных лиц зарубежных торговых фирм (так, Фридрих Вильгельм до приезда в Россию находился на службе одного торгового дома в Базеле). Только накопив определенный капитал, они смогли начать собственное дело. В 90-х гг. созданные ими фирмы находились в числе десяти ведущих внешнеторговых компаний Петербурга. Так, в 1797 г. Фрид-

¹⁴⁷ Zacharov V.N. Der Anteil west- und mitteleuropäischer Kaufleute am Außenhandel Rußlands im 18 Jahrhundert // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1997. S. 46.

¹⁴⁸ Staatsarchiv Hamburg. (Далее - St.AH). 741-2. Gen.Sammlung. Güllich.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 14.

¹⁵⁰ St.AH. 741-2. Gen. Sammlung. 1. Maaß. S. 1.

¹⁵¹ St.AH. 741-2. Gen. Sammlung. 1. Maaß. S. 2-3.

¹⁵² Amburger E. Deutsche in Staat. S. 22.

рих Вильгельм Амбургер отправил за море и продал в России товаров на общую сумму 904 тыс. руб., фирма Карла Людвига, именуемая «Амбургер и Сын», — на 720 тыс. руб.¹⁵³ Больше имели только четыре английские фирмы и два любекских купца — И.Г.Бландоу и Г.В.Бетлинг (Böthlingk).

В середине 90-х гг. возникла компания «Киммель и Блессиг» (Kümmel & Blessig). По масштабам торговли эта фирма лишь немного уступала Амбургерам. В 1799 г. ее товарооборот превысил полмиллиона рублей.¹⁵⁴ Однако отцы и деды ее владельцев вряд ли были крупными коммерсантами. О предках Фридриха Вильгельма Киммеля, происходившего из Касселя¹⁵⁵, ничего неизвестно. Филипп Якоб Блессиг прибыл в Петербург в 1787 г. из Страсбурга, где его отец был владельцем трактира (Gasthaus).¹⁵⁶ Несколько лет Ф.Я.Блессиг трудился приказчиком в купеческой конторе, пока не создал фирму совместно с Киммелем.

Приведенные факты свидетельствуют, что почти все крупнейшие коммерсанты немецкого происхождения, прибывавшие в Россию в середине и второй половине XVIII в., были выходцами из небогатых бюргерских семей. Это характерно как для уроженцев ганзейских городов, так и для лиц, добравшихся до Петербурга из внутренних районов Германии. Их родители и деды были мелкими торговцами, ремесленниками, священниками, иногда чиновниками. Почти никто из них не принадлежал к городскому патрициату, не вел обширных внешнеторговых операций. Исключение составляют, может быть, любекцы Моллво.

Но вряд ли стоит думать, что в России наилучшие шансы имели те, кто не мог похвастаться богатством и знатностью родителей. В действительности в Россию в XVIII в. приезжали тысячи молодых людей из стран Центральной и Западной Европы в надежде добиться успеха. В это время Россия стала более доступной страной и близкой к Западу, чем в допетровское время. И если в XVII в., в правление Петра I, торговля с Россией была в руках ряда богатых торговых семейств Гамбурга и Любека, которые и отправляли туда своих отпрысков (сыновей, младших братьев), то XVIII в. меняется сама организация торговых контактов России и немецких земель. В связи с большей «открытостью» России для выходцев из зарубежной Европы, активизацией эмиграционного потока на Восток, ведущие торговые фирмы Запады могли использовать в качестве своих торговых партнеров множество мелких торговцев, оседавших в Петербурге или Архангельске. Необходимости отправлять в Россию своих детей или младших братьев у ведущих купцов и банкиров Гамбурга, Любека и других немецких городов уже не было. Связи внутри семьи заменялись партнерскими отношениями с фирмами, создававшимися в России, необязательно родственниками.

Но ведь молодых людей в Петербург прибывало множество, а преуспевали единицы. Почему? Разумеется, как всегда в бизнесе, большую роль играли удача, упорство, целеустремленность. Но помогали и семейные, родственные и свойственные связи. Однако теперь это были не старинные фамильные связи родителей и дедов (Eltern und Großeltern), как в начале XVIII в. и до Петра I, а новые родственные отношения, установленные самими прибывшими в Россию начинающими коммерсантами.

¹⁵³ Tooke William. View of the Russian Empire during the reign of Catherine the Second and to the close of the eighteenth century... London, 1800. P 524.

¹⁵⁴ Ibid. P. 539.

¹⁵⁵ Amburger E. Die deutsche Kaufmannschaft St.Petersburgs //Der Herold für Geschlechter- Wapen- und Siegelkunde. Bd. 2. 1941. S. 139.

¹⁵⁶ Idem. Deutsche in Staat. S. 216.

Во-первых, помогали родственные контакты с зарубежными партнерами. Мы уже отмечали, как некоторые выезжавшие в Россию коммерсанты из небогатых семей посредством брака устанавливали свойство с купеческими фамилиями, известными у себя на родине обширной внешнеторговой деятельностью. Выходец из Любека Луис Христиан Буассонет (Lois Christian Voissonet) был зятем любекского купца и бургомистра Иоганна Филиппа Плессинга, имевшего торговые интересы в России.¹⁵⁷ Гансланды, как уже говорилось, были в родстве с любекской купеческой фамилией Кролл. Как известно, одна из крупнейших гамбургских фирм в Петербурге «Маса Сыновья» потерпела крах в 1799 г. Однако эта семья все же осталась среди деловой элиты Петербурга в первой половине XIX в. Старшая дочь Иоахима Маса Розина вышла замуж за Германа Энгельберта Шредера (Schröder), принадлежавшего к одной из богатейших купеческих семей Гамбурга, сына бургомистра Христиана Маттиаса Шредера. Герман Энгельберт переселился в Петербург, стал владельцем сахарного завода и торговой фирмы «Г.Э.Шредер и К^о». Это способствовало коммерческому успеху Томаса Маса, старшего брата Розины. В 1826 г. он совместно с Иоганном Генрихом Шредером, братом Германа Энгельберта, основал в Гамбурге крупную торговую фирму «Шредер, Мас и К^о», которая вела активную деятельность в России.¹⁵⁸

Еще большее распространение получили родственные связи прибывших в Петербург немецких коммерсантов с уже проживавшими в России семьями. Зачастую это было крайне важным фактором, способствовавшим успеху. Так во многом благодаря родственным связям с кланом Стеллингов-Крюйсов, добились успеха в Петербурге Герман Николас Моллво и Генрих Христиан Штегельманн, прибывшие из Любека. В 1732 г. в Петербурге оказался уроженец Бремена Иоганн Мейбом (Meubohn), о семье которого на родине мало что известно. В России он стал зятем Павла Тамеса (Tamesz), одного из крупнейших голландских коммерсантов, которого лично знал Петр I.¹⁵⁹ До конца века Мейбом и его сыновья были известны среди активных участников внешней торговли Петербурга.

Подобные родственные контакты с давно укоренившимися в России семьями иностранных коммерсантов характерны и для представителей фамилии Мас. Иоганн Иоахим, родоначальник российской линии фамилии Мас, женился в Петербурге на Хедвиге Грен (Hedwige Graan), дочери Санкт-Петербургского купца I гильдии Николаса Иоганна Грена (Graan), бургомистра общины иностранных купцов в Петербурге, которая объединяла всех иностранных коммерсантов, кроме англичан. Дочери Иоганна Иоахима вышли замуж за известных иностранных коммерсантов, находившихся в Петербурге. Иоганна Мас стала женой Готтлиба Фридриха Круга (Kroug), одного из ведущих саксонских купцов в российской столице. Ее сестра Хедвига вышла замуж за купца Фридриха Гроотена (Grooten), уроженца Гамбурга. Еще одна сестра Анна вышла замуж за Петера Аарона Клейна (Klein)¹⁶⁰. Он был сотрудником компании «Маса Сыновья» (Maß Söhne),¹⁶¹ и его женитьба на Анне Мас была скорее «внутрифирменным делом». Но впоследствии Клейн сам стал банкиром и компаньоном Людвиг Штиглица, крупнейшего финансиста в Петербурге начала XIX в. Наконец, достаточно близко семейство Мас породнилось в России с кланом Сиверсов (Sievers), члены которого жили и торговали также в Любеке, Ревеле, Петербурге. Иоахим Мас, сын Иоганна Иоахима, был женат на Элизабет Сиверс, доче-

¹⁵⁷ Menke Ch. F. Die wirtschaftliche und politische Beziehungen. S. 343-344.

¹⁵⁸ St.AH. 741-2. Gen. Sammlung. 1. Maaß; DGB. Bd. 128. S. 217-218.

¹⁵⁹ Amburger E. Deutsche in Staat. S. 250.

¹⁶⁰ St.AH. 741-2. Gen. Sammlung. 1. Maaß.

¹⁶¹ Menke Ch. F. Die wirtschaftliche und politische Beziehungen. S. 348.

ри от первого брака любекского и ревельского купца Томаса Сиверса. Второй женой того же Томаса Сиверса была Доротея Хедвига, племянница Иоганна Иоахима, дочь его младшего брата Иоганна Петера. Иоганн Готтлиб Мас, еще один из сыновей Иоганна Иоахима Маса, женился на Катарине Бахерахт, дочери Габриеля Бахерахта, предки которого, выходцы из голландской общины Глюкштадта,¹⁶² жили в России с конца XVII в., почему эта фамилия имела обширные деловые и родственные связи в Москве, Петербурге и за границей.¹⁶³

Фридрих Вильгельм Амбургер, оказавшись в России, первым браком женился на Анне Доротее Реч (Retsch), дочери капитана Иоганна Реча. Эта женитьба иностранного коммерсанта на дочери российского офицера выглядела бы нетипичным случаем, если бы не одно обстоятельство: Анна Доротея, оставшись без родителей, воспитывалась в семье саксонского купца Готтлиба Вильгельма Круга, супруга которого происходила из фамилии Бахерахт.¹⁶⁴ Вторым браком Ф.В.Амбургер женился на Доротее ван Зантен, дочери голландского купца Франца ван Зантена (Franz, François van Zanten). Но это не означало установления контактов с голландским торговым домом. Отца Доротеи уже не было в живых, а она вместе с сестрами воспитывалась у родственников пастора Николауса Бютцова (Bützow), своего деда по матери. Тем не менее женитьба на Доротее ван Зантен способствовала установлению свойства Ф.В.Амбургера с другими иноземными коммерсантами. Он стал шурином Филиппа Якова Блессига и Иоганна Карстенса (Carstens), поскольку те женились на сестрах Доротеи ван Зантен: Катарине и Юлии.¹⁶⁵ Блессиг был петербургским деловым партнером Амбургера, Карстенс принадлежал к знаменитой в Гамбурге торговой фамилии.

Таким образом, при помощи брачных уз формировалась целая сеть родственных, а следовательно, и коммерческих отношений, в которой недавно прибывшие откуда-либо из Германии небогатые коммерсанты обретали разветвленные контакты с иностранными купцами, издавна проживавшими в России как в Москве, так и в Петербурге, известными при дворе, а также с торговыми фирмами Ревеля, Любека, Гамбурга.

Итак, в течение всего XVIII в. и в начале XIX в. семейственность в жизни и деятельности немецких коммерсантов в России играла столь же важную роль, что и в XVII в. и в начале XVIII в. Но в течение века характер и значение этих семейных связей существенным образом изменились. В допетровское время и в начале XVIII в. крупнейшие купцы немецкого происхождения в России принадлежали к целым семейным корпорациям, центры которых находились в Гамбурге или (реже) в Любеке. В России действовали младшие братья, сыновья, племянники тех, кто возглавлял такой фамильный «концерн». Другие члены того же клана находились в других европейских странах – Голландии, Норвегии, Португалии и т.д. Но в послепетровский период большинство немецких коммерсантов в России, даже наиболее крупных, составили уже выходцы из небогатых бюргерских семей различных городов Германии. Оказавшись в России, они устанавливали родственные, свойственные связи со многими другими иноземными купцами в России, в том числе находившимися здесь давно, а также друг с другом и с некоторыми известными торговыми домами германских городов. Это помогло им развить деловые связи как в России, так и за рубежом, сохранять и передавать по наследству капиталы, накопленные в родственном кругу, образовавшемся уже на их новой родине.

¹⁶² Amburger E. Die deutsche Kaufmannschaft. S. 135.

¹⁶³ St.AH. 741-2. Gen. Sammlung. 1. Maaß. S. 1-2.

¹⁶⁴ Amburger E. Deutsche in Staat. S. 254.

¹⁶⁵ Ibid. S. 270.

Межкультурное взаимодействие и иностранные гувернантки в России

Исходя из того, что каждый представитель любой культуры – это и продукт, и потребитель, и производитель, и творец, и транслятор культуры¹⁶⁶, проблема межкультурного взаимодействия в ситуациях, когда первичная социализация ребенка осуществлялась под влиянием представителей иной культуры, представляется особенно интересной для современного исследователя. Культура «присваивается» человеком в процессе социализации – первичной (инкультурации) и/или вторичной (аккультурации), различающихся между собой, прежде всего, степенью осознанности¹⁶⁷. В XVIII – XIX вв. в России процессы воспитания в привилегированных слоях российского общества осуществлялись (с разной степенью интенсивности во временном континууме) по западным образцам и с помощью иностранных наставниц; какими особенностями отличался этот процесс и к каким результатам приводил, мы и попытаемся выяснить.

В указанном ключе межкультурного взаимодействия тема до сих пор не рассматривалась, однако в целом проблема гувернерства прежде всего как педагогического феномена в нашей литературе освещалась¹⁶⁸. Краткий хронологический период рубежа XVIII – XIX вв. освещен в интересных работах А.И. Любжина¹⁶⁹, но привлеченный документальный материал недостаточен для выводов аналитического плана. Наиболее значимым является вклад О.Е. Кошелевой¹⁷⁰ (для XVIII в.) и Н.Л. Пушкаревой¹⁷¹ (для XVIII – начала XIX вв.). Их работы написаны на основе анализа солидного числа мемуарных источников. Однако и в данном случае остается достаточное поле для исследования как хронологически (XIX в.), так и тематически (аспект кросскультурных коммуникаций также не вошел в число основных).

Часть исследователей изучала вопрос взаимовлияния культур¹⁷², но не приме-

¹⁶⁶ Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Воронеж, 2203. С.26.

¹⁶⁷ Там же. С.20.

¹⁶⁸ Ганичева А. Некоторые страницы из истории женского образования в России // Дошкольное воспитание. 1996. № 10; Студеникин М.Т. Внегосударственные формы обучения в самодержавной России // Педагогика. 1994. №4; Флит Н.В. Школа в России в конце XIX – начале XX вв. Государственные и частные гимназии, прогимназии, домашнее обучение, экстернат. Методич. пособие. Л., 1991; Королева К.П. Семейное воспитание и школа в России в мемуарной и художественной литературе (середина XIX – начало XX в.). Пособие для педвузов. М., 1994; Куприянов С.В. Организация работы гувернерской службы. Иваново, 1992; Савушкина Е.В. Введение в специальность «Гувернер»: Метод. пособие. Рязань, 1999; Сергеева С.В. Частное образование в России (последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв.). Пенза, 2000; Она же. Теория и практика частного образования в России (последняя четверть XVIII в. – первая половина XIX в.). М. Пенза, 2003.

¹⁶⁹ Любжин А. Домашнее воспитание в конце XVIII – начале XIX в. в России // Лицейское и гимназическое образование. 1998. №1.; Он же. Очерки по истории российского образования императорской эпохи. М., 2000; Он же. «Париж, столица Франции ... ищите, дети!» Домашнее воспитание на рубеже XVIII-XIX веков // Домашнее воспитание. 2001. №1.

¹⁷⁰ Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI – XVIII вв.): Учебное пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000; Она же. У истоков женского образования в России // Педагогика. 1993. №2.

¹⁷¹ Пушкарева Н.Л. Домашнее образование российских дворянок (по мемуарной литературе конца XVIII – начала XIX в.) // Вестник Университета Российской академии образования. 1999. №2; Она же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.

¹⁷² Артемова Е.Ю. Французские путешественники о Москве (Вторая половина XVIII – первая

нительно к деятельности домашних наставников и воспитателей. Эти работы полезны прежде всего методологически. Отдельные сообщения о результатах деятельности иностранных воспитательниц содержатся в работах биографического характера; британская и немецкая историографии, анализируя социокультурный феномен гувернерства, освещают в том числе и некоторые аспекты работы иностранных наставниц в России¹⁷³.

Воспитанием детей в семьях русской знати занимались и до появления такой персоны, как гувернантка / гувернер. «Ребенок оберегался, как зеница ока, целой толпой кормилиц, мамок, нянек и прочих членов женской прислуги, неусыпно заботившихся, чтобы барское дитя росло в холе, в бережи, сытно ело и сладко пило, ни в чем не знало бы отказа и повсечасно развлекалось всякого рода забавами и утехами, на которые так изобретательна русская няня»¹⁷⁴. На протяжении всего XVIII, а частично и XIX века, эта традиция воспитания продолжала существовать, обеспечивая преемственность культур. Начиная с Петра I, «вместо того, чтобы учиться, как учились отцы и деды, стали учиться жить и мыслить, как европейцы». Бонна обеспечивала физиологический процесс выращивания младенца, гувернантка же занималась воспитанием и, прежде всего, обучением, т.е. в ее руки ребенок переходил тогда, когда уже мог быть относительно самостоятелен и не нуждался в ежеминутном уходе. Девочку гувернантка воспитывала вплоть до взросления (например, выхода замуж), мальчиком занималась до 5-7 лет (в исключительных случаях и позже), после чего он переходил в руки гувернеров или учителей. Если бонна заменяла няню, традиция национального воспитания практически сразу же утрачивалась, если же за ребенка „бралась“ только гувернантка, он успевал получить „инъекцию“ национального, народного в виде сказок, песен, баловства и т.п. Совершенно справедливо замечание В.О. Михневича: «„Детская“ служила для „культурного“ человека главной, нередко единственной школой национального чувства; она роднила ребенка с народом, воспитывала в нем способность понимать народную жизнь, убаюкивая его с пеленок чарами народной поэзии и зароняя в его впечатлительную душу чистонародные воззрения, поверья и наклонности, которые часто неизгладимо запечатлевались в нем на всю жизнь»¹⁷⁵. О результате мы можем судить по творчеству А.С. Пушкина, выросшего с французскими гувернантками и гувернерами, но с русской няней.

половина XIX века) // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып.1. М., 2000; Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825-1853гг. М., 1982; Итенберг Б.С. Российская интеллигенция и Запад: Век XIX. Очерки. М., 1999; Кантор В.К. Феномен русского европейца. Культурфилософские очерки. М., 1999; Коротков С.Н. Французские эмигранты в Санкт-Петербурге в конце XVIII века, русская цензура и культура Просвещения //Петербургские чтения – 96. СПб., 1996; Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996; Орлов А.А. Русские и англичане друг о друге (1787-1815) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997; Фролова О.Е. Восток и Запад в русском художественном повествовательном тексте первой половины XIX века //Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. Вып.1. М., 2000; Хренов Н.А., Соколов К.Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001;

¹⁷³ Cross A. Early Miss Emmies: British Nannies, Governesses and Companions in Pre-Emancipation Russia // Anglo-Russica. Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries. Selected Essays by Anthony Cross. Oxford/Providence, 1993; Gathorne-Hardy J. The Rise and Fall of the British Nanny. London, Sydney, Auckland, Toronto, 1972; Pitcher H. When Miss Emmie was in Russia. English Governess Before, During and After the October Revolution. London, 1984; Hardach-Pinke I. Die Gouvernante: Geschichte eines Frauenberufs. Frankfurt am Main, 1993.

¹⁷⁴ Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. М., 1990. С.44.

¹⁷⁵ Там же. С.45.

Сначала гувернантки появились в России в царской семье, у ближайших сподвижников Петра и в семьях иностранцев. В Европе тогда так мало знали о России и считали ее столь варварским государством, что требовалось известное мужество или абсолютно безнадежная жизненная ситуация, чтобы решиться на такой шаг. (Как писал М.А. Дмитриев по поводу своей французской гувернантки, «какая же порядочная женщина поехала бы в едакую даль, за несколько сот рублей ассигнациями и в такое семейство, где ни один человек не говорил по-французски?»¹⁷⁶). Те, кто трудился в семьях иностранцев, живущих в России, оказывались в более благоприятной ситуации: им не пришлось преодолевать межкультурные барьеры или испытывать состояние культурного шока от слишком близкого, ограниченного пространством дома, ежедневного взаимодействия с носителями иной культуры. (Насколько серьезным могло быть потрясение от знакомства с ежедневными практиками существования хозяев, написала К. Вильмот¹⁷⁷).

Однако более значимым оказывался процесс воздействия гувернанток, прибывавших со своими культурными стереотипами и нормами, на молодое поколение русских, чем влияние русских на них. Бонны и особенно гувернантки в значительной степени определяли направление и даже возможности развития ребенка, а в провинции часто выступали как единственные представители той или иной национальной группы (англичанки, француженки, немки, швейцарки и т.д.), формируя определенные этнические стереотипы, предпочтения или, наоборот, предубеждения по поводу той или иной страны. Если многие мальчики после воспитания гувернантками в детском возрасте потом попадали в казенные учебные заведения, то у девочек весь период взросления часто проходил «под крылышком» иностранной наставницы, а ведь «благоденствия будущих поколений созиждутся на образовании будущих матерей семейств, первых руководительниц человека на поприще жизни, первых наставниц и в добрых нравах, и развитии умов»¹⁷⁸.

Иностранное влияние сказывалось прежде всего в речевой деятельности: воспитанники иностранных гувернанток порой лучше говорили на иностранных языках, чем на русском, сохраняя акцент до конца дней. Выросшие за границей испытывали серьезные затруднения. Графиня Д.П. Салтыкова, дочь графа Чернышова, русского посланника в Лондоне и Париже, « всю первую молодость провела за границей и оттого не совсем свободно объяснялась по-русски, тогда как французский язык не был еще в столь общем употреблении, как ныне. Сие затруднение делало ее часто молчаливой с другими женщинами, но зато она строго соблюдала все формы вежливости, всем без изъятия платила визиты, и у себя была внимательной к каждому, никого не оставляя без того, чтобы не сказать несколько слов»¹⁷⁹. Сестра Д.П. Салтыковой, княгиня Н.П. Голицына, прототип пушкинской графини из «Пиковой дамы», «долго путешествовала по чужим краям и там воспитала всех своих детей, почему все они очень плохо знали по-русски. Ее сын, князь Д.В. Голицын, генерал-губернатор Москвы в 1820-1844 гг., был известен тем, что «проведши всю свою первую молодость до семнадцати или восемнадцати лет в чужих краях, он конечно, хорошо знал иностранные языки и очень плохо русский. <...> Впоследствии он на-

¹⁷⁶ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. Вступит. статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М., 1998. С.40.

¹⁷⁷ Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. Под общ. ред. С.С. Дмитриева. М., 1991. С.394.

¹⁷⁸ Из дневника юноши «тридцатых годов». Сообщ. Т. Северцева-Полилова // Вестник Европы. 1908. Т.4. Кн.7. С.117.

¹⁷⁹ Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. Кн.1. М., 2003. С.93-94.

учился по-русски, и хотя у него сохранилось в выговоре что-то иностранное, он, однако, объяснялся довольно изрядно. Говорят, и просьбы ему подавали сперва на французском языке»¹⁸⁰. Дочь Н.П. Голицыной Софья Владимировна, впоследствии графиня Строганова, уже замужней дамой «усидчиво занималась изучением русского языка, от которого отстала, так как воспитывалась за границей, долго путешествуя ребенком с своей матерью княгиней Н.П. Голицыной по чужим краям»¹⁸¹. Старшая сестра А.С. Пушкина О.С. Павлищева вспоминала, «что дети и говорили и учились только по-французски». Основные предметы (кроме русского, арифметики и Закона Божьего, «преподавались им по-французски домашними гувернерами и частными учителями. Когда у сестры была гувернанткой англичанка (m-me Бели), то он (А.С. Пушкин – О.С.) учился и по-английски, но без успеха»¹⁸². Неслучайно первые стихи были написаны будущим великим русским поэтом именно по-французски. Выросшая с итальянскими, французскими и английскими гувернантками Анна Оленина, дочь Президента Академии художеств А.Н. Оленина, в своем дневнике вставляла слова из разных языков, в зависимости от описываемого сюжета и чувств: «и <чувством> той пустой любви, которую называют Англичане to be in love»; «Ах, как тогда я часто дышала, но все казалась так unconscious of his gaze, что Маминька подумала, что в самом деле я была спокойна»; «итак, она принуждена забыть // To love, d'aimer, amar, любить, // Заняться просто садом, // Садить капусту «рядом», // Расходы дома проходить // И птичий двор свой разводить»¹⁸³. Именно о таких барышнях, как Анна Оленина, писала Надежда Дестунис в журнале «Воспитание»: «Хорошо говорят по-французски у нас только дамы высшего аристократического круга, при которых с малых лет была неотлучно гувернантка французенка. Эти дамы говорят хорошо и по-английски, потому что у них, кроме гувернантки французенки, была еще няня англичанка»¹⁸⁴. Но иногородние помещики, приезжавшие в Москву в «странных экипажах», как писал П. Вистенгоф, «для приискания мамзелей и гувернеров», не всегда получали качественных воспитателей с правильным парижским или геттингенским выговором. Их французский или немецкий мог оказаться диалектным, но и в таком случае «необычайная страсть подражать во всем людям высшего полета, существующая между людьми среднего круга, заставляет их в своем обществе выражаться иногда каким то странным французским языком»¹⁸⁵. Т.А. Володина констатирует: «получалось, что чем более образованным был человек, тем больше он проникался чужеземной культурой. Какой-нибудь мелкий помещик у себя в захолустье мог свободно «думать по-русски», то есть сохранять весь соответствующий комплекс коммуникативных связей в повседневной жизни. Но аристократия, двор, высшее чиновничество как будто принадлежали к другой породе людей»¹⁸⁶. И к этой породе вряд ли приложимо определение В.К. Кантора: «фран-

¹⁸⁰ Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. Л., 1989. С.181.

¹⁸¹ Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774-1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. Т.1. СПб., 1903. С.220.

¹⁸² Павлищева О.С. Из воспоминаний // Жизнь Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2 томах. Т.1. М., 1988. С.93-94.

¹⁸³ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания / Вступ. статья В.М. Файбисовича. Сост., подг. текста, комм. Л.Г. Агамалян, В.М. Файбисовича, Н.А. Казаковой, М.В. Арсентьевой. СПб., 1999. С.93, 107, 62.

¹⁸⁴ Надежда Д. Чему мы, женщины, учились? // Воспитание. 1859. № 9. С.172.

¹⁸⁵ Вистенгоф П. Очерки московской жизни. М., 1842. С.153, 160.

¹⁸⁶ Володина Т.А. «Русская история» С.Н. Глинки и общественные настроения в России в начале XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С.149.

цузский, немецкий и прочие европейские языки нисколько не меняют национальную структуру души, просто облагораживают ее, придают широту, шлифуют бриллиант, если таковой имеется»¹⁸⁷. Возможно, если бы влияние ограничивалось языком, можно было бы согласиться с этим утверждением. Но межкультурный диалог получался более существенным. Человек приучался не только говорить, но и думать на чужом языке, что формировало определенные культурные коды. К.Н. Батюшков в записных книжках повторял чьи-то злые, но справедливые слова: «Этот человек умен, да только по-французски <...> - то есть нам кажется, что он умен»¹⁸⁸. Не совсем «настоящим» французским считал язык поколения начала XIX в. князь С.М. Волконский: «Скажем кстати о французском языке наших дедов и бабушек. Они писали им охотно и свободно. <...>. Да, он превратился в родной в смысле легкости, с какой они выражались. Но, конечно, это был не настоящий французский язык. Он часто отзывался, в особенности под женским пером, классной комнатой. Чувствовалась традиция прописей; речь изобиловала готовыми формулами. <...> Мышление <...> приобретало те же приемы приблизительности и неточности»¹⁸⁹. Люди этого поколения в 1812 году, переживая патриотический подъем, по свидетельству К.Н. Батюшкова, «жалуются и бранят французов по-французски»¹⁹⁰, поскольку по-русски изъясняться не умеют. Один из самых ярких эпистолярных памятников эпохи – письма М.А. Волковой к В.И. Ланской написаны по-французски и производят «странное впечатление»: «на чистейшем французском языке выражается величайшая ненависть к французам»¹⁹¹. Французский язык дворянина должен был отличаться парижским выговором, это придавало изящную завершенность всему процессу воспитания. Журнал «Русский архив» под ремаркой «Исторически достоверное из Московской старины» приводил высказывание «чадолюбивого отца» единственной дочери: «Ничего не жалею, держу при ней двух гувернанток, французенку и англичанку; плачу дорогие деньги всем возможным учителям: арифметики, географии, рисования, истории, танцев, - да бишь Закона Божия. Кажется, воспитание полное. Потом повезу дочь в Париж, чтоб она *канальски схватила парижский прононс*, так чтобы не могли распознать ее от парижанки. Потом привезу в Петербург, начну давать балы и выдам ее замуж за генерала»¹⁹². Д.П. Рунич свидетельствовал: «Чем дом был знатнее, тем менее в нем думали о русском языке, на котором детям говорить даже между собою запрещали»¹⁹³. Немецкий воспитатель сыновей князя Михаила Голицына, кузена московского генерал-губернатора Д.В. Голицына, Фридрих Боденштедт, работавший в России в 1841-1845 гг., вспоминал о жизни семейства, проживавшего на Тверской улице в Москве: «Мне редко представлялся случай упражняться в правильной разговорной русской речи; с воспитанниками моими я говорил по-немецки; в доме общеупотребительным языком был французский, по-русски же приходилось говорить только с прислугою. Я помню, как однажды младший мой воспитанник, кн. Михаил Михайлович, рассказывал за столом своему старшему брату что-то по-русски и получил за это следующее замечание: «Michel, ne parlez donc pas toujours russe comme les paysans» - Миша, не говори же постоянно по-

¹⁸⁷ Кантор В.К. Феномен русского европейца. Культурфилософские очерки. М., 1999. С.194.

¹⁸⁸ Батюшков К.Н. Из записных книжек // Батюшков К.Н. Избранная проза / Сост., послесл. и примеч. П.Г. Паламарчука. М., 1987. С.238.

¹⁸⁹ Волконский С.М. О декабристах. По семейным воспоминаниям. Берлин, 1924. С.34-35.

¹⁹⁰ Батюшков К.Н. Из записных книжек. С.333.

¹⁹¹ От редакции. Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812-1818 гг. / Пер. М. Свистуновой // Вестник Европы. 1874. № 8. С.577.

¹⁹² Из старой записной книжки // Русский архив. 1874. Кн.1. С.477-478.

¹⁹³ Сто лет тому назад (Из записок Д.П. Рунича) // Русская старина. 1896. Т.88. № 11. С.308.

русски, как мужик»¹⁹⁴. Гувернантка дочерей графа А.К. Разумовского, впоследствии министра народного просвещения, швейцарка Калам, за 45 лет, проведенных в России, «не выучилась по-русски, не имел случаев говорить на этом языке иначе, как только с прислугою»¹⁹⁵. Столь различные статусы языков, русского и французского, приводили к казусам, когда аристократы, объяснявшиеся на изысканном французском, переходя на русский, вставляли просторечные выражения и вульгаризмы. О дочери А.Х. Бенкендорфа, М.А. Волконской, своей бабке, С.М. Волконский писал: «Она по-русски плохо говорила. Она принадлежала к тому поколению, которое воспитывалось по-французски, а русский язык воспринимало в девичьей. Так вышло, что, тончайший цвет аристократизма, бабушка, говоря по-русски, употребляла такие выражения, как “в эфтом” и “с эстим”»¹⁹⁶.

Наиболее легкими для восприятия являются повелительные конструкции: здесь интерпретация практически всегда адекватна смыслу. Гувернантки и начинали обучение языку с таких речевых конструкций. Затем происходил переход к повествовательным конструкциям, наиболее сложным для восприятия, но к тому моменту знакомство с гувернанткой уже переходило в стадию тесного ежедневного общения, а уровень владения языком позволял воспринимать речевые конструкции воспитательницы однозначно. При разрыве преемственности между поколениями, когда гувернантки и родители были из разных языковых сред, возникала опасность коммуникативного провала. Княгиня Е.Р. Дашкова по-русски почти не говорила, и в Петербурге это не создавало ей проблем: там в ходу в свете были уже иностранные языки. Но Москва отставала, и с московской родней надо было говорить по-русски: «Меня смущало и то обстоятельство, что я довольно плохо изъяснялась по-русски, а моя свекровь не знала ни одного иностранного языка. Ее родня состояла все из стариков и старушек, которые относились ко мне очень снисходительно, <...> но я все-таки чувствовала, что они желали бы видеть во мне москвичку и считали меня почти чужестранкой. Я решила заняться русским языком»¹⁹⁷. От недостатка знания родного языка при исключительном воспитании иностранными гувернантками ребенок мог и закомплексовать. Великая княжна Ольга Николаевна писала о своей сестре Александре: «Адини была всегда очень молчаливой в его (Николая I - О.С.) обществе из боязни неправильно говорить по-русски. (Благодаря своей английской воспитательнице, она не научилась свободно говорить на родном языке)»¹⁹⁸.

Знакомство с той или иной литературой во многом зависело от знания языка. Для многих и образование сводилось собственно к знанию тех или иных классических французских книг и подражанию их героям. Не про одно поколение русских женщин, воспитанных иностранными гувернантками, можно было сказать словами К.Н. Батюшкова: они «презирают все, что написано не галльскими музами»¹⁹⁹. Именно такой была А.А. Семенова, урожденная княжна Волконская, воспитанная на французский лад. Она «пренебрегала русской литературой, напр. вовсе не допус-

¹⁹⁴ Боденштедт Ф. Воспоминания Фридрих Боденштедта о пребывании в России в 1841-1845 гг. // Русская старина. 1887. Т.54. №5. С.424.

¹⁹⁵ Из автобиографических записок княжны В.Н. Репниной // Русский архив. 1897. Кн.2. № 7. С.480.

¹⁹⁶ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х т. Т.2. Родина. М., 1992. С.2.

¹⁹⁷ Дашкова Е.Р. Записки // Записки русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеева. М., 1990. С.75.

¹⁹⁸ Сон юности. Записки дочери императора Николая I Великой Княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963. С.154.

¹⁹⁹ Батюшков К.Н. Опыты в прозе // Батюшков К.Н. Избранная проза / Сост., послесл. и примеч. П.Г. Паламарчука. М., 1987. С.39.

кала в свою библиотеку Гоголя, находя его неприличным <...> Из русских поэтов признавала только Пушкина и Лермонтова, все прочее находила пошлым, а старых писателей убийственными. Она превосходно говорила и писала на языках французском, немецком и английском, и на всех языках были у нея все лучшие писатели. Она охотно давала мне книги, первое время особливо французские романы и познакомила меня с Жюлем Жаненом, Альфонсом Карром, Александром Дюма, Эженом Сю, а более всего с любимицей своей Жорж Занд, от которой была в восторге»²⁰⁰, - так писала о своей тетушке Н.П. Грот, сестра известного путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского. К этой породе любительниц иностранной литературы относилась и Е.М. Полякова, дочь известного московского богача, хлебосола М.А. Дурасова. Как вспоминал о ней Г.И. Филипсон, адъютант ее мужа, это было «существо исковерканное московским аристократическим воспитанием. Русский язык знала плохо, и если видела у кого русскую книгу, то всегда спрашивала: “Что это у вас за гадость?” <...> она брэнчала на фортепиано, рисовала цветы и читала французские романы и стихотворения»²⁰¹. И все же эта дама в условиях военного гарнизона была образцом совершенства, а «общество, которое встречал я в их доме, было во всех отношениях гораздо лучше того, в котором живут наибольшая часть офицеров»²⁰². Готовившийся стать офицером В.В. Бобарыкин, учившийся в Школе гвардейских подпрапорщиков в одно время с М.Ю. Лермонтовым, признавался: «домашнее образование под руководством швейцарца и швейцарки, пропитанных духом энциклопедистов, сделало то, что Русская литература была для меня terra incognita»²⁰³.

Косвенно, посредством чтения, и напрямую, в общении с носителями иной культуры, формировался причудливый внутренний мир и чужаковатый тип поведения российского дворянина. Как писал А.И. Герцен, «в России люди, подвергнувшись влиянию этого мощного западного веяния, не вышли историческими людьми, а людьми оригинальными. Иностранцы дома, иностранцы в чужих краях, праздные зрители, испорченные для России западными предрассудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность и терялись в искусственной жизни, в чувственных наслаждениях и в нестерпимом эгоизме»²⁰⁴.

Иностранное влияние сказывалось на физических кондициях. «Холодные обтирания по утрам, плавание, узкая, жесткая походная кровать, бесконечное просиживание за работой в безликом кабинете, доведенное до педантизма чувство долга - даже в общении, - невероятное бесстрашие на поле боя, нежелание раскрывать душу перед другими - все это, вместе взятое, можно считать весьма английским отношением к жизни. Английское воспитание в том виде, в каком оно было известно, не придавало особого значения чувствам, теплым человеческим отношениям, эротике. Оно делало акцент на самодисциплине, сдержанности, деловитости и неподкупном выполнении долга»²⁰⁵. Именно такое спартанское воспитание от английских нянюшек и бонн было характерно для императорской семьи. Француженки были менее строги к температуре воздуха в помещении, физическим упражнениям и т.п., чем англичанки, но к распорядку дня приучали столь же твердо. Гувернантка обра-

²⁰⁰ Грот Н. Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. СПб., 1900. С.93.

²⁰¹ Воспоминания Г.И. Филипсона // Русский архив. 1883. Кн.3. №5. С.113.

²⁰² Там же.

²⁰³ Бобарыкин В.В. Три встречи с М.Ю. Лермонтовым // Русский библиофил. 1915. № 5. С.73.

²⁰⁴ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Лунин и его сибирские сочинения // Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1987. С.307.

²⁰⁵ Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии / Пер. со шведского. М., 1997. С.12.

щала особое внимание на фигуру - как воспитанники держат спину, распрямляют ли плечи. Гувернантки все время были рядом с воспитанниками, и дети невольно им подражали или просто отмечали инокультурные невербальные методы общения. Анна Оленина писала о прощании с А.П. Чечуриным: «взяв за руку, потрясла по-англицки»²⁰⁶.

Таким образом, гувернантка даже чисто внешне формировала русского ребенка по образцу, известному ей и, конечно, не отечественному.

Гувернерское воспитание воспроизводило в детях не национальные, а европейские модели поведения. В Польше, где особенно сильны были патриотические настроения, это следствие заметили достаточно быстро, и поскольку «образование, получаемое от гувернанток, не соответствовало целям ополячения», при создании Виленского учебного округа (а его в начале XIX в. возглавил князь А. Чарторыйский) открыли частные женские пансионы, где преподавание «шло в духе патриотическо-польском»²⁰⁷. На собственно российской территории обращение к национальным традициям началось со вступления на престол Николая I. «С первых же шагов нового царствования утвердилось начало, которое так или иначе окрасит собой всю культуру и в особенности литературу этого времени - идея “народности”. <...> Радикальная демократизация образования и науки, культуры и литературы в этот период есть прямое свидетельство, если не выражение, этих устремлений правительства». Даже в императорской семье был замечен (и осознавался!) этот поворот. Как свидетельствовала великая княжна Ольга Николаевна, «в семье мы, четверо старших (Александр, Мария, Ольга, Александра - *О.С.*), говорили между собой, а также с родителями, всегда по-французски. Младшие же три брата (Константин, Николай, Михаил, родившиеся в 1827 г., 1831 г., 1832 г. соответственно - *О.С.*), напротив, говорили только по-русски. Это соответствовало тому национальному движению в царствование Папа, которое постепенно вытесняло все иностранное, до сих пор господствовавшее в России»²⁰⁸.

В 30-40-е гг. возрос спрос на учителей русского языка в аристократические семьи. А.Д. Галахов, по окончании университета потрудившийся во многих великосветских московских семьях, считал, что «запрос на уроки русского языка проистекал вовсе не из настоящей в нем потребности, еще менее из любви к родному слову, как бы внезапно восчувствованной. Ни то, ни другое не могло явиться там, где без родного слова обходились очень удобно, где каждый и каждая гораздо свободнее объяснялись на французском диалекте. Факт объясняется взглядом правительства на народное образование и сообразно тому принятыми мерами. Оно, согласно с намерением и волею государя, должно было совершаться “в духе православия, самодержавия и народности”, как выражено в циркуляре графа С.С. Уварова, при занятии им министерского поста. Подчиняясь этой формуле, русское юношество стало предпочтительно воспитываться в отечественных учебных заведениях, а не в пансионах, содержимых иностранцами, или дома, под крылом иностранных гувернеров. Конечно, знание русского языка, не только научное, но и просто практическое, не имело еще обязательной силы для лиц женского пола - для дочерей богатых и знатных семейств: они учились русской грамоте, следуя моде, по чисто формальному склонению в ту сторону, в которую хотя-нехотя направлялись их братья»²⁰⁹. «Русское направление» в воспитании мальчиков было заметнее. Ребенка после забот иннос-

²⁰⁶ Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. С.76.

²⁰⁷ Из истории Виленского учебного округа // Русский архив. 1874. Кн.1. С.1250.

²⁰⁸ Сон юности. С.128.

²⁰⁹ Галахов А.Д. Записки человека. М., 1999. С.110-111.

транного воспитателя отдавали в какое-нибудь учебное заведение — практически все они к тому моменту, благодаря деятельности правительства, стали «русскими» по духу. В случае девочек воспитание иностранными наставницами на протяжении всего периода первичной социализации не воспринималось как что-то опасное. Согласно представлениям той поры, женщина была лишена этнической идентичности — она принимала национальность мужа²¹⁰. Поэтому иностранные влияния в воспитании юношества признавались опасными с точки зрения национальной идентичности, а воспитанию девочек то же самое иностранное влияние практически не вредило, наоборот, иностранный шарм, легкий флер «иностранщины» делали дворянскую девушку более привлекательной. Внук декабриста С.М. Волконский считал, что «воспитание всегда вырывало у нас человека из почвы и, смотря по положению его, отчуждало его либо от среды, либо от родины». О своем деде по материнской линии, Григории Петровиче Волконском, он писал, что тот «был тем менее русский, чем более культурен»²¹¹. Герой произведения «Москва и москвичи» М.Н. Загоскина искал себе жену среди образованных дворянок и столкнулся с неожиданной проблемой: «У нас хорошо воспитанных благородных девиц довольно; да вот что беда: я хотел, чтоб девица, которой я отдам мою руку, не походила ни на французскую *мудемуазель*, ни на немецкую *фрайлейн*, ни на английскую *мисс*, а была бы просто образованная, просвещенная русская *барышня*, которая любила бы свое отечество, свой язык и даже свои обычаи. Вещь, кажется, самая простая: я хотел, чтоб русская барышня была русская; а вот тут-то именно и вышел грех!»²¹² Все образованные барышни (в столицах) оказывались нерусскими по сути, а русские (в провинции) были глубоко невежественны. «"Ах, Боже мой!" думал я "что-ж это за неуловимое существо такое русская барышня?... Уже полно есть ли на свете русская барышня?... Не миф ли это какой?"»²¹³. В начале эпохи Великих реформ стало ясно, что «любовь к отечеству надо показывать не на словах, а на деле. Будем жить в нем, не как пришельцы-иностранцы, и детей своих будем воспитывать не так, как будто им придется жить не в России, а за границей, как мы их доселе воспитывали»²¹⁴. В журнале «Воспитание» в 1859 г. появляется в разделе «Иностранные известия» весьма примечательная сентенция: «Дикие убеждения в необходимости подавления национальности ради большей централизации власти до сих пор сильны в некоторых государствах Европы; и так как перерождение народа может совершиться только при преобразовании воспитания в среде его, то очевидно нам нередко еще придется сталкиваться с попытками в этом роде»²¹⁵. М.Н. Загоскину казалось, что западные влияния в воспитании постепенно переходят из высших слоев общества к более низшим, и затем совсем сойдут на нет. Как только дворяне увидят комичные образцы западного воспитания в купеческой среде, они будут считать приглашение иностранной гувернантки дурным тоном и воспитание элиты вернется к традициям национальным. Герой «Москвы и москвичей» услышал, как по-французски говорит купеческая дочка и «готов был прыгать от радости, а особливо когда вскоре после этого узнал, что большая часть секретарских и купеческих дочек не только гово-

²¹⁰ Муравьева М.Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: Pro et contra. Межвузов. сб-к дискус. мат-лов и программ / Отв. ред. М.Г. Муравьева. СПб., 2000. С.16.

²¹¹ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х т. Т.1. Лавры странствия. М., 1992. С.383.

²¹² [Загоскин М.Н.] Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным: В 4-х ч. Выход первый. М., 1851. С.14.

²¹³ Там же. С.17.

²¹⁴ А.З-н. Деревенское дворянское воспитание // Журнал землевладельцев. 1859. Т.4. №13. С.86.

²¹⁵ Иностранные известия // Воспитание. 1859. №8. С.29.

рят по-французски и толкуют о Париже; но даже, потихоньку от своих старичков, без милосердия позорят матушку Святую Русь. “Славно!” говорил я, потирая руки; “славно! дело идет отлично хорошо! Видно эта французская дурь выходит из моды, если начала уже пробираться в нижние слои нашего общества”»²¹⁶. Пожалуй, некое рациональное зерно присутствовало в таких рассуждениях: достаточно посмотреть, как обратились к традициям старины представители русской знати рубежа XIX-XX вв. (Шереметевы, например) и сколь европеизированными были купцы (Морозовы, Андреевы etc), однако иностранных гувернанток для воспитания детей продолжали использовать и те, и другие.

Воспринимая поведение гувернантки, особенно недавно приехавшей из своего «заграничного далека», воспитанники и их родители исходили из собственных ситуативных знаний, привносили свои коннотации и в целом интерпретировали его в соответствии со своим внутренним миром. Серьезные сложности возникали в интерпретации невербальных средств общения – жестов, мимики и т.п. Здесь декодирование, поиск смысла происходили особенно трудно. Интенции гувернантки становились предметом интерпретации, и смысл, который улавливали русские воспитанники, значительно отличался от того смысла, который вкладывали в свои слова и действия гувернантки.

Взаимоотношение типа «воспитательница-воспитанник /воспитанница» предполагает определенную иерархичность отношений, однако здесь возникала асимметрия из-за разности статусов и взаимных положений: статус гувернантки был определенно ниже статуса ее учеников. Кроме того, возникала определенная иерархия гувернанток – представительниц разных национальностей. Типичные шаблоны межличностных отношений не срабатывали, ситуация становилась гораздо более сложной. Постоянное общение с гувернантками – представительницами разных культур и конфессий, носительницами разных языков и сторонниц разных культурных ценностей – формировало человека толерантного, открытого к новой информации. Одновременно с изучением иностранного языка происходило формирование способности понимать ментальность носителей другой культуры. Правда, при этом мог деформироваться (или не сформироваться вовсе) навык понимания людей своей культуры.

Глубина взаимопонимания в ситуации общения «гувернантка – воспитанник/воспитанница» одна из наибольших, ведь совместными являются ежедневные практики, когда общение идет буквально круглосуточно, без перерывов: гувернантки спали в непосредственной близости от ребенка и в течение дня должны были все время находиться рядом (во время еды, уроков, прогулок, в часы досуга). Соответственно если взаимопонимания не возникало, результаты были просто фатальны, и все заканчивалось обычно сменой воспитательницы или серьезной психологической травмой для детей.

Процесс воспитания первого поколения в русских дворянских семьях приводил к ситуациям деятельностного непонимания, когда ребенок должен был вести себя за столом или во время досуга согласно инокультурным деятельностным образцам, сценариям. Пассивное непонимание деятельностей гувернанток возникало в ситуациях, которые можно выразить вопросом: «А что это они делают?» или «Почему они это делают так?». Ложная оценка давалась разжиганию камина летом, поджариванию хлебцев (тостов) и т.п.

²¹⁶ [Загоскин М.Н.] Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М.Н. Загоскиным: В 4-х ч. Выход первый. М., 1851. С.20.

Вступающие в межкультурное общение гувернантки уже имели определенную картину мира, систему представлений и т.п., и в процессе воспитания они формировали у учеников / учениц примерно тот же комплекс представлений. Если изначально у детей были какие-то взгляды, заложенные нянями, получалось сложное взаимодействие внутри отдельного индивида, в случаях воспитания иностранными боннами с рождения у ребенка возникали ситуации межкультурного недопонимания при общении с родными (если те были воспитаны воспитателями из другой страны, в том числе и России) и другими русскими, разделявшими российские культурные стереотипы и не имевшими картины мира, сформированной иностранными наставницами.

Являясь воплощением черт национального характера, иностранки знакомили с европейскими практиками повседневного существования своих воспитанниц, добиваясь результата от полной европеизации с потерей национальной идентичности до гибридных форм с разной степенью архаики / европеизма. Межкультурное взаимодействие – межкультурный контакт – инокультурное влияние – чуждые заимствования – межкультурный конфликт, противостояние и шок - практически всю гамму оттенков межкультурного взаимодействия можно проследить в деятельности иностранных гувернанток в дореформенной России, и столь же глубокими и разноуровневыми были результаты такого сосуществования представителей различных культур.

Образование и деятельность Государственного архива Министерства иностранных дел в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. происходит значительная централизация и бюрократизация государственного аппарата Российской империи. В 1802-1811 гг. создаются министерства, строившиеся по принципу единоначалия и бюрократического централизма. В этих условиях перед правительством встаёт вопрос об организации специального архива, где бы хранилась наиболее важная в политическом отношении документация правительства.

Традиционно в XVII и XVIII вв. местом хранения наиболее важных политических документов было внешнеполитическое ведомство (Посольский приказ, Коллегия иностранных дел). Причина этого заключалась в том, что многие политически ценные документы, подтверждавшие права и полномочия русских царей активно использовались в дипломатической деятельности. Кроме того, ещё в XVII в. в Посольском приказе работали наиболее образованные и проверенные государственные служащие, которым можно было доверить хранение самой важной и секретной документации. Не случайно, что в XVII в. архив Посольского приказа превратился в главный политический архив страны.

В XVIII веке многие ценные в политическом отношении документы также передавались на хранение во внешнеполитические архивы (Петербургский и Московский архивы Коллегии иностранных дел). Поэтому когда встала задача создания специального архива для хранения важнейшей политической документации XVIII – XIX вв., в том числе и документации императорского дома Романовых именно Министерство иностранных дел должно было взяться за его организацию.

Первоначально предполагалась концентрация важнейших политических документов императорской России при Петербургском архиве Коллегии иностранных дел. Вопрос о создании при этом архиве особого хранилища для секретной недипломатической документации был впервые поднят при обсуждении проекта в 1784 г. В специальном письме, подписанном И. А. Остерманом, А. А. Безбородко и П. В. Бакуниным, говорилось о необходимости особого хранения материалов дома Романовых, высших правительственных учреждений и органов политического сыска.²¹⁷ По мнению известного историка, специалиста по истории Государственного архива Российской империи Ю. Ф. Кононова авторами указа предусматривалось «создание единого государственного архива в Санкт-Петербурге при Коллегии иностранных дел».²¹⁸ Однако внимательное прочтение документов позволяет согласиться с выводом другого автора – В. Н. Самошенко – о том, что в 1784 г. планировалась всего лишь пересистематизация дел Петербургского архива, позволявшая выделить в отдельное хранение внутриведомственные документы. В указе 1784 г. о проведении реорганизации и систематизации Петербургского архива КИД об образовании отдельного архива не говорится ни слова.²¹⁹

Формирование Государственного архива МИД началось в 1801 г. После дворцового переворота 11 марта 1801 г. и убийства Павла I на престол вступил его сын

²¹⁷ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 31. Канцелярия Госархива. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 – 2.

²¹⁸ Кононов Ю.Ф. Из истории организации и комплектования Государственного архива Российской империи. - Труды МГИАИ. Т. 8. – М., 1957. С. 283.

²¹⁹ Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга. – М., 1981. С. 62.

Александр. Новый император дал указание разобрать бумаги его отца и Екатерины II, оставшиеся в Михайловском и Зимнем дворцах, в Гатчине и Царском селе. Этим занялась специально созданная комиссия. Её деятельность постоянно находилась в поле зрения императора, более того, он сам принимал активное участие в просмотре и разборе документов. Некоторые из бумаг Александр I приказал оставить у себя, остальные велел передать в Санкт-Петербургский архив Коллегии иностранных дел, где для их хранения был образован секретный, или как его тогда называли недипломатический отдел. Первоначально предполагалось, что эти дела передаются временно «для разбора и раздачи в последующие министерства».²²⁰ Однако уже вскоре эти дела были выделены в отдельное место хранения при архиве, о чём свидетельствует «Краткая опись Государственной Коллегии иностранных дел Санкт-Петербургского архива» сделанная в декабре 1802 г.²²¹ Таким образом в недипломатическом отделе оказались дела из Тайной канцелярии, часть дел о Е. И. Пугачёве, А. Н. Радищеве, Н. И. Новикове, рескрипты П. А. Румянцева-Задунайского, Г. А. Потёмкина, А. В. Суворова на имя Екатерины II, её переписка с Вольтером и Дидро.²²²

Вслед за этими кабинетными архивами в недипломатический отдел в 1808 г. поступило огромное собрание документов, оставшихся после смерти канцлера А. А. Безбородко. В результате секретный отдел пополнился также материалами Тайной экспедиции Сената и сенатских следственных комиссий по ряду политических процессов последней четверти XVIII века, бумагами Екатерины II, взятыми канцлером после её смерти, а также делами из личных архивов екатерининских фаворитов Г. А. Потёмкина и П. А. Зубова.²²³

Сразу после Отечественной войны недипломатический отдел Коллежского архива пополнился рядом интереснейших документов Наполеона и французской армии за 1812 г. Часть этого архива была захвачена в сражении при Красном, а также была перехвачена партизанами и казаками во французских обозах и у наполеоновских курьеров. Главнокомандующий М. И. Кутузов препроводил эти документы в Коллегию иностранных дел к канцлеру Н. П. Румянцеву, но в конце концов эти документы оказались в руках у графа А. А. Аракчеева, в ведении которого с 1812 по 1825 гг. находилась «Собственная его императорского величества канцелярия». В 1815 г. генерал К. Ф. Толь, собиравший материалы о событиях Отечественной войны, обратился в Коллегию иностранных дел с просьбой просмотреть документы французской армии. Выяснилось, что они находятся у А. А. Аракчеева, который в том же году по распоряжению Александра I «все оныя бумаги в восьми описях» передал в Коллежский архив.²²⁴

Однако наиболее интенсивное формирование Государственного архива началось с 1826 г. В 1829 г. туда были переведены бумаги императрицы Марии Фёдоровны. Тогда же в архив поступили дела личного Кабинета Павла I. В 1832 г. поступили дела из кабинета вел. кн. Константина Павловича. Были переданы так же документы ряда центральных учреждений (Преображенского приказа за 1690-1726 гг., Тайной канцелярии за 1718-1726 гг, Сибирского приказа за 1722-1763 гг. и др.). После смерти обер-гофмейстера Кошелева в архив поступило следственное дело поручика Мировича.²²⁵

²²⁰ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.

²²¹ Там же. Л. 8.

²²² *Автокротова М. И., Буганов В. И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986. С. 49.

²²³ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 – 2.

²²⁴ *Автокротова М. И., Буганов В. И.* Указ. соч. С. 49 – 50.; РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 6.

²²⁵ *Самошенко В. Н.* Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга. С. 62.; РГАДА. Ф. 31.

Особо стоит остановиться на истории поступления в недипломатический отдел Санкт-Петербургского архива КИД крупного собрания документов под общим названием «Кабинет его императорского величества». Он возник в 1704 г. как личная походная канцелярия Петра I, которой руководил его личный секретарь А. В. Макаров. Со временем, Кабинет стал важнейшим государственным учреждением, в деятельности которого нашли отражение все преобразования первой четверти XVIII в. в области экономики, военного дела, строительства флота, культуры, просвещения, науки. Там же концентрировались злободневные дела политического характера.

После смерти Петра I значение Кабинета как государственного учреждения стало падать, а в 1727 г. он был упразднён. В дальнейшем архив Кабинета хранился в очень плохих условиях и подвергался порче. Только в 1761 г. по распоряжению Елизаветы Петровны для кабинетных бумаг её отца было выделено подходящее помещение. Архив разместился в Царском Селе, в четырёх «тёплых покоех» Летнего дворца, для отапливания которых предписывалось «отпустить восемь сажен сухих берёзовых дров», а для охраны приставить команду солдат.²²⁶

При Екатерине II архиву Кабинета стало уделяться ещё большее внимание. С 1768 г. им стал заведывать известный историк, придворный историограф князь М. М. Щербатов. За 10 лет заведывания архивом, он привёл в порядок его бумаги, составил описи, которые благодаря их прекрасному качеству и подробности используются и по сей день. При Щербатове значительную часть документов переплели красно-коричневой кожей с золотом.

Кабинет Петра I вошёл в качестве одной из составных частей в архив Кабинета е. и. в. При Елизавете Петровне и Екатерине II он занимался в основном управлением комнатными суммами императриц и дворцовым хозяйством. Тем не менее, в архиве Кабинета этого времени отложились важные документы, поступавшие на утверждение царствующих особ от самых разнообразных учреждений, ведомств и политических деятелей России. Там были дела Сената, Преображенского приказа, Коллегии иностранных дел, Военной коллегии, Академии наук, Академии художеств, Московского университета. Екатерина II в конце жизни передала туда бумаги своего фаворита Г. А. Потёмкина.²²⁷

Эта часть дел архива Кабинета е. и. в. в 1829 г. была описана под руководством статс-секретаря Николая I Д. Н. Блудова. Надо сказать, что Блудов, которого сам Николай I называл своим «заместителем по архивной части», пользовался огромным личным расположением царя и играл колоссальную роль в формировании будущего Государственного архива. На полях составленной Блудовым описи Николай I сделал пометки, куда какие дела передать: «в адмиралтейство», «в штаб», «в Иностранную коллегию». Против заголовков документов из архива Г. А. Потёмкина была сделана следующая надпись: «Разобрать, что важно – отобрать, прочее можно и уничтожить». Большинство материалов из Кабинета должно было поступить в недипломатический отдел Петербургского коллежского архива.²²⁸

Третью часть ценнейшего Кабинета е. и. в. составили дела канцелярий статс-секретарей Екатерины II и Павла I – Г. Н. Теплова, И. П. Елагина, С. М. Козьмина, П. В. Завадовского, А. А. Безбородко. Их значение росло по мере падения роли Кабинета как учреждения верховной власти. Через статс-секретарей контролировалась вся система государственного управления.

Оп. 1. Д. 14. Л. 3 – 7; Д. 38. Л. 44 об. – 45.

²²⁶ Автократова М. И., Буганов В. И. Указ. соч. С. 51.

²²⁷ Там же. С. 52 – 53.

²²⁸ Цит. по: Там же.

Все эти три части архива Кабинета е. и. в. в 1828 г. были сконцентрированы в Петербурге, в Зимнем дворце. А затем, в 1830–1831 гг. около 15 тыс. дел Кабинета были переданы в недипломатический отдел.²²⁹ Как оказалось в дальнейшем, это было самое крупное пополнение документами Государственного архива Российской империи.

В 1828–1830 гг. в формирующееся государственное хранилище поступило ещё одно ценное собрание документов. Николай I распорядился доставить сюда из Главного штаба в «тридцати шести картонах, двух сундуках и двух пакетах, запечатанных императорской печатью» материалы Следственной комиссии и Верховного уголовного суда над декабристами. Позже к ним были присоединены бумаги умершего коменданта Петропавловской крепости генерала Сукина, касавшиеся содержания там декабристов. Эти «дела и бумаги» хранились «запечатанными, как и пакеты за императорскою печатью».²³⁰

В 1830 г. Государственный архив пополнился поступившей из военно-топографического депо частью архива генерал-аншефа П. И. Панина, руководившего действиями правительственных войск против армии Е. И. Пугачёва. Таким образом в архиве оказалась огромная коллекция документов по истории Пугачёвского восстания.²³¹

Обильное пополнение недипломатического отдела важной и секретной документацией заставляло поднять вопрос об организации самостоятельного архивохранилища. В 1829 г. недипломатический отдел, вместе с династическими материалами и важнейшими делами по «уголовным и государственным преступлениям» были отделены от внешнеполитических документов и стали храниться особо, оставаясь по-прежнему в ведении Коллегии иностранных дел. В том же году «заведывание секретными бумагами» было поручено действительному статскому советнику В. А. Поленову.²³²

Много документов, представлявших большой интерес находилось в Сенатских архивах Санкт-Петербурга. Весной 1830 г. по указу Сената была создана специальная комиссия под председательством сенатора С. Ф. Маврина для разборки дел Петербургского государственного архива старых дел и Петербургского сенатского архива. В своей деятельности комиссия руководствовалась инструкцией, лично утверждённой Николаем I. В результате четырёхлетней деятельности Комиссией были отобраны наиболее важные комплексы документов. Из Петербургского государственного архива старых дел были изъяты материалы Тайной экспедиции Сената за 1762–1801 гг., Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел за 1801–1817 гг., документы по истории крестьянской войны Е. И. Пугачёва за 1773–1775 гг. и др. Из Петербургского Сенатского архива были переданы документы Приказа Тайных дел, Ближней канцелярии, Верховного тайного совета, некоторые дела Конференции при высочайшем дворе, Кенигсбергской губернаторской канцелярии, канцелярии Г. А. Потёмкина по Екатеринославской губернии и Таврической области, канцелярии П. С. Потёмкина по управлению Кавказским наместничеством и др.²³³ Процесс передачи этих дел шёл до 1837 г.

В 1832 г. была проведена реорганизация внешнеполитического ведомства

²²⁹ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 21; Д. 38. Л. 44 об.

²³⁰ Там же. Л. 44 об.; *Автократава М. И., Буганов В. И.* Указ. соч. С. 54.

²³¹ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 24.

²³² Там же. Д. 38. Л. 8.; Д. 17. Л. 2 – 3.

²³³ *Самошенко В. Н.* Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга. С. 62.; РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 32. Л. 1; Д. 34. Л. 1; Д. 46. Л. 1 – 5.

России. По указу Николая I от 10 апреля 1832 г. структура МИД России была изменена: окончательно упразднилась Государственная Коллегия иностранных дел. В указе особо отмечалась принадлежность к МИД трех архивов, получивших название главных: два в Санкт-Петербурге и один в Москве. Бывший Санкт-Петербургский архив был разделен на два: в Первом Главном архиве подлежали хранению дела всех департаментов МИД и документы ликвидированной Государственной Коллегии иностранных дел с 1801 по 1832 год, имевшие практическое значение для повседневной дипломатической работы. Дела бывшего недипломатического и секретного отделов отныне стали самостоятельным архивом, получившим название Второй Главной архив МИД. Его руководителем стал тайный советник В. А. Поленов. Он предназначался для хранения особо важных и секретных политических документов, в том числе, касающихся истории царской семьи. Сюда начали поступать и дела Сенатских архивов, отобранные комиссией С. Ф. Маврина.

Разнородность дел, сконцентрированных во вновь образованном архиве, натолкнула правительство на мысль о новых организационных изменениях. Их инициатором стал министр двора П. М. Волконский. 17 апреля 1834 г. в письме к канцлеру К. В. Нессельроде он предложил «ту часть архива, где акты до императорской фамилии принадлежащие хранятся отныне именовать отделением архива Государственного».²³⁴ По распоряжению Николая I была создана комиссия в составе министра юстиции Д. В. Дашкова, М. М. Сперанского и К. В. Нессельроде. В проекте комиссии говорилось, что «Второй главный архив сделался настоящим хранителем бумаг государственных и как по сей причине, так и за раздачею бумаг, бывших в государственном архиве старых дел существование сего последнего оказывается уже не нужным». На основе этого проекта было разработано положение об учреждении Государственного архива МИД, которое было утверждено 17 июня 1834 г. Одновременно Петербургский государственный архив старых дел ликвидировался, а Первый главный архив МИД получил наименование Петербургского главного архива МИД.²³⁵ Таким образом, в 1834 г. был образован Государственный архив министерства иностранных дел, который в дальнейшем многими историками назывался «Государственный архив Российской империи».

После официального создания Государственного архива МИД заканчивается первый период его комплектования. Всего к 1834-1835 гг. в нём оказалось сконцентрировано более 40 тыс. дел, которые имели огромное политическое и научное значение.

Документы нового хранилища с момента его образования были разбиты на два отделения. В первом, административном отделении были преимущественно сконцентрированы материалы членов дома Романовых, во втором, следственном отделении — документы о политических процессах, крестьянских войнах и восстаниях, материалы о развитии русской общественно-политической мысли и т. д.

Штаты архива были очень невелики (всего 5 человек). По штатам 17 июня 1834 г. в архиве служили: управляющий (тайный советник В. А. Поленов) с жалованием 1143 руб. 68 коп. и 1429 руб. 60 коп. столовых; старшие архивариусы (коллежские асессоры Наумов и Филатов) с жалованием 514 руб. 60 коп. и 214 руб. 43 коп. столовых; младшие архивариусы (коллежский асессор Беляев, надворный советник Лаубе) с жалованием 343 руб. 10 коп. и 142 руб. 96 коп. столовых.²³⁶

29 октября 1838 г. вице-канцлер К. В. Нессельроде представил проект новых штатов Министерства иностранных дел. Согласно им оклады чиновников Петер-

²³⁴ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 38. Л. 10.

²³⁵ Там же. Л. 11 — 14.

²³⁶ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 38. Л. 18 — 19, 43.

бургского и Государственного архивов МИД были повышены Управляющий Государственным архивом в ранге 4 класса получал 4000 руб. жалования и 5000 руб. столовых, старшие архивариусы (2 чел.) в ранге 8 класса – 1800 руб. жалования и 750 руб. столовых, младшие архивариусы (2 чел.) в ранге 9 класса – 1200 руб. жалования и 500 руб. столовых. В случае если чиновник числился по другому месту в министерстве, то старший архивариус получал жалования 1500 руб., а младший 800 руб. без столовых.²³⁷ В составе С.-Петербургского Главного архива было два отделения. В архиве работали 23 чиновника: 8 из них – архивариусы, 4 – канцелярские чиновники.

Как правило чиновниками Государственного архива были люди добросовестные и образованные. По сравнению с остальными архивистами сотрудники Государственного архива имели гораздо более высокие оклады и быстрее продвигались по служебной лестнице. К тому же, в соответствии с «Правилами установленными для представления к наградам» от 28 февраля 1836 г. «за отличную работу и выслугу не менее трёх лет в одной должности» они награждались деньгами, орденами и землями «по чину».²³⁸ Щедро вознаграждалось выполнение дополнительных работ по требованиям лиц царской фамилии. 17 апреля 1837 г. коллежский асессор Инехов и титулярный советник Филатов были награждены бриллиантовыми перстнями «в знак признательности за составление выписок из дел Государственного архива для его высочества государя наследника».²³⁹

Здесь необходимо сказать несколько слов о личностях первых управляющих Государственным архивом МИД. Василий Алексеевич Поленов (1776-1851) возглавлял Государственный архив с момента его основания до своей смерти. Кроме того он в 1830-1840-х гг. возглавлял два министерских департамента: внутренних сношений, а также департамент хозяйственных и счётных дел. Уже говорилось о том, что он принимал активное участие в реформировании мидовских архивов после упразднения Коллегии иностранных дел. Ещё в 1830 г. «с высочайшего соизволения» его назначили в комиссию «по разбору, приведению в порядок и размещению по родам разных бумаг и дел, поступивших в архивы министерства». Несколько позже он составил обзорение прежнего и современного ему состояния МИД, которое было опубликовано в 31 томе «Сборника Императорского русского исторического общества».

Сам Василий Алексеевич был учёным-филологом, человеком очень интересной биографии. Он получил образование в академической гимназии в Петербурге, когда директором Академии наук была княгиня Е. Р. Воронцова-Дашкова, а начальником гимназии – известный путешественник и составитель «Словаря академии российской» И. И. Лепёхин, который полюбил способного ученика и оказывал ему всяческое покровительство. Прослужив пять лет в Преображенском полку, Поленов в начале XIX в. поступил в Коллегию иностранных дел и более 50 лет своей жизни отдал внешнеполитическому ведомству. В 1812 г. он был управляющим походной канцелярией армии П. В. Чичагова, участвовал в сражении при Березине. После Отечественной войны вернулся в Коллегию, где долгое время состоял правителем Канцелярии.

С юных лет Поленов много занимался литературным творчеством: он публиковал различные переводы под псевдонимом «Ять». Избранный в 1828 г. членом Академии наук, он самозабвенно отдался филологическим исследованиям. Главным его делом стало составление «Словаря русского языка». Он особенно увлекался духовной литературой, работал над словарём имён собственных, даваемых при кре-

²³⁷ Там же. Д. 44. Л. 82.

²³⁸ Там же. Л. 11 – 23.

²³⁹ Там же. Л. 62.

щении, был отмечен золотой медалью Академии.²⁴⁰

В 1851 г. умершего В. А. Поленова на посту управляющего архивом сменил Ф. И. Гильфердинг. Как и В. А. Поленов, он одновременно являлся руководителем Департамента внутренних сношений. Ф. И. Гильфердинг начал свою службу на дипломатическом поприще в 1822 г. в Коллегии иностранных дел. В 1829 г. участвовал в переговорах с Турцией в Адрианополе, был секретарём мирной конференции. Заведывал дипломатической канцелярией в армии И. И. Дибича и И. Ф. Паскевича во время войны с польскими повстанцами, а также во время венгерского похода 1849 г. По отзывам видного славянофила И. С. Аксакова, Ф. И. Гильфердинг был человеком высоких душевных качеств. Историк М. И. Семевский отмечал, что учёные, приходившие работать в Государственный архив МИД, встречали со стороны управляющего исключительно радушный приём и получали всевозможное содействие.²⁴¹ Последнее, впрочем, не является удивительным, особенно если учесть, что допуск в архив разрешался только «по высочайшему соизволению».

Первейшей задачей архива было обеспечение сохранности поступавших в него документов и составление описей, указателей, алфавитов и других видов справочного аппарата. В 1840-1845 гг. проходило описание дел, принятых из Кабинета е. и. в., были составлены описи дел Тайной экспедиции, Тайной канцелярии, приказа Тайных дел, проходила активная разборка многочисленных бумаг Екатерины II, были составлены алфавиты на дела её статс-секретарей. В 1858 г. началось составление алфавитного указателя к Кабинетным делам Петра I.²⁴² Однако в целом справочный аппарат архива находился в плохом состоянии. Ощущалась острая нехватка сотрудников для проведения описательных работ, составления алфавитов, каталогов и указателей. Несколько облегчал работу по поиску документов составленный в 1853-1854 гг. т. н. «Дневник Государственного архива». В нём были отражены все сведения о времени и обстоятельствах поступления дел в архив, начиная с 1801 г. В «Дневник» входили все распоряжения, относящиеся к вопросам хранения, приведения в порядок и научно-практического использования документов, давался обзор мест и учреждений откуда поступали дела.²⁴³

Размещался архив в центре Петербурга, в здании МИД на Дворцовой площади, где занимал пять комнат на втором этаже. Интенсивное комплектование архива привело к возникновению трудностей с размещением документов. Некоторые документы по-старинке хранились в сундуках, ларцах и баулах. В 1852 г. при Ф. И. Гильфердинге началась перестройка хранилища. Особое внимание уделялось предохранению «от внешнего влияния огня». Все дела помещались в небольших ясеневых шкафах (ясень заслуженно считался самым подходящим материалом для изготовления архивного оборудования). На все шкафы была составлена валовая опись «с показанием ведомства и года производства дел». Однако помещений для хранения документов не хватало. Все 111 шкафов не могли разместиться в комнатах и частично располагались на лестнице (там располагались менее важные в политическом отношении дела).²⁴⁴

Часть документов, хранившихся в архиве, находилась в неудовлетворительном состоянии. В отчёте о работе архива за 1852 г. говорилось, что «некоторые дела

²⁴⁰ Очерки истории министерства иностранных дел России. 862 – 2002 гг. В 3-х тт. Т. 1. М., 2003. С. 330 – 331.

²⁴¹ Там же. С. 331.

²⁴² РГАДА. Ф. 31. Д. 64. Л. 16, 18, 21 – 23, 24, 26, 30, 34, 57.

²⁴³ Там же. Л. 45 – 47.

²⁴⁴ Там же. Л. 40 – 41.

совершенно истлели, другие слиплись, иные же по ветхости требуют величайшей осторожности при раскрытии листов. Те которые, представляют особенное затруднение для разборки или даже совсем не могут быть раскрыты обыкновенными средствами убраны в два особых помещения, устроенных в архиве. Они преложены большей частию в бумажные крепкие мешки, на которых означено состояние их ветхости и прибавлены по мере возможности другие указания, полезные для последующих архивских работ».²⁴⁵ Таким образом, даже в одном из самых привилегированных и обеспеченных архивов России проблема обеспечения сохранности документов стояла достаточно остро.

После образования Государственного архива МИД его комплектование продолжалось весьма активно. Из Петербургского архива МИД в 1835 г. передали часть материалов Литовской метрики; в 1836 г. — собственноручные записки Екатерины II, её письма «к разным особам», законодательные проекты, некоторые дела канцлера Безбородко, «масонские бумаги» М. П. Елагина и др.; в 1857 г. — дела о Брауншвейгской фамилии и комплекс источников о взаимоотношениях России со странами Западной Европы 1814-1821 гг.²⁴⁶

Из Петербургского Сенатского архива в 1835-1837 гг. продолжилось поступление дел Тайного приказа, Верховного Тайного совета, Конференции при высочайшем дворе, Кенигсбергской губернаторской канцелярии, управлений западных областей и Новороссийского края, Кавказского наместничества, Тайной канцелярии и Тайной экспедиции, особых следственных и других комиссий, комитета для пересмотра прежних уголовных дел.²⁴⁷ В 1844 г. оттуда поступили печатный манифест о суде над царевичем Алексеем Петровичем, родословные листы московских царей, составленные историком и коллекционером XVIII в. П. Н. Крекшиным, рисунки о коронации Елизаветы Петровны. Необходимо отметить, что большая часть дел сдавалась в неупорядоченном состоянии, «безо всякого систематического порядка и с неверными оглавлениями». Передаточные описи дел, по словам сотрудников Государственного архива «составлены были так, что по ним было трудно приискывать бумаги».²⁴⁸

Документы поступали и из других хранилищ. Активно привозились материалы из «комнатных архивов» Романовых, накапливавшиеся в дворцах Санкт-Петербурга и их пригородов. В 1850 г. директор императорской публичной библиотеки барон М. А. Корф передал документы о пребывании Брауншвейгского семейства в Холмогорах. Из императорского Эрмитажа поступило 56 писем Екатерины II и ряд других бумаг.

Ценные материалы передавались и из провинциальных архивов. В 1834 г. из Киевского губернского архива поступило несколько писем Петра I и других материалов начала XVIII в. В 1850 г. из архива Воронежского губернского правления передали дела о самозванцах при Екатерине II.²⁴⁹ Этот процесс пытались поставить на организованную основу. В 1839 г. Археографической комиссии Академии наук было дано специальное поручение «при осмотре старинных бумаг губернских архивов определять бумаги дипломатические и сообщать о них сведения в Министерство

²⁴⁵ Там же. Л. 43.

²⁴⁶ Там же. Д. 62. Л. 1 — 22, 24 — 25.

²⁴⁷ Там же. Д. 38. Л. 45 об.

²⁴⁸ Там же. Д. 64. Л. 113 — 114.; *Самошенко В. Н.* Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга... С. 66.

²⁴⁹ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 99.; Д. 38. Л. 46, 48 об.

иностранных дел».²⁵⁰

На протяжении 1834-1864 гг. в Государственный архив вливались собрания бумаг известных государственных деятелей России: статс-секретаря Екатерины II и Павла I Д. И. Трошинского (1834 г.), члена Негласного комитета графа Н. Н. Новосильцова (1838 г.), М. М. Сперанского, министра юстиции Д. В. Дашкова (1839 г.), сенатора графа Огинского (1842 г.), генерал-адъютанта кн. Долгорукова (1844 г.), действительного тайного советника кн. Голицына (1846 г.).²⁵¹

Ценные коллекции документов поступали и от частных лиц. Особо необходимо отметить ценное пополнение, связанное с именем бывшего «архивного юноши» А. И. Тургенева. Как уже говорилось, находясь за границей в 1830-1840-х гг., он добился права работать в архивах и библиотеках Парижа, Берлина, Веймара, где скопировал многие важные документы по русской истории XVIII в. Архивных копий и выписок набралось шесть толстых портфелей, и в 1842-1844 гг. эти бумаги были переданы в Государственный архив Российской империи. Примерно в то же время коллекцию выписок и копий документов из Венского государственного архива, связанных с пребыванием в 1716-1717 гг. в Вене и Италии царевича Алексея подарил историк, академик Н. Г. Устрялов, автор «Истории царствования Петра Великого».²⁵²

Отдельные ценные документы передавались мелкими чиновниками и частными лицами. В 1836 г. вологодский чиновник титулярный советник Котов и вдова действительного статского советника Рунича, а в 1842 г. поручик Левашов передали свои коллекции, в которых находилось значительное количество автографов Петра I.²⁵³

В 1841 г. специально для отбора документов профиля Государственного архива МИД в Москву был откомандирован Д. Н. Блудов. Основное внимание он уделил Московскому главному архиву МИД, где сам когда-то служил в юности. Для передачи в Петербург он отобрал материалы по делу царевича Алексея Петровича: переписку Петра I с сыном и австрийским императором Карлом VI, подлинный манифест 1718 г. об отречении царевича от наследования престола, документы следствия и суда над Алексеем в феврале-июне того же года. Внимание Блудова привлекли также подённые записки кн. А. Д. Меншикова, записки Екатерины II о некоторых европейских странах и её переписка с монархами иностранных государств. К ним он присоединил коллекцию документов о Пугачёвском восстании, собранную Н. Н. Бантыш-Каменским. В Московском сенатском архиве Блудов отобрал только один столбец Преображенского приказа, в котором имелись сведения о следственных делах царевича Алексея и первой жены Петра I — Евдокии Лопухиной. В 1841-1842 гг. все эти дела поступили в Государственный архив МИД.²⁵⁴

Здесь необходимо отметить, что ряд исследователей, в частности В. Н. Самошенко и Ю. Ф. Кононов, удивлялись по поводу того, в их число не вошли находившиеся в Московском главном архиве МИД (МГАМИД) материалы Верховного тайного совета, Кабинета министров, Конференции при высочайшем дворе и др., которые соответствовали профилю Государственного архива. Кроме того, Блудов не познакомился с документами Московского государственного архива старых дел, где хранились дела Преображенского приказа, Московского отделения тайной экспедиции Сената, Московской и Казанской следственных комиссий по Крестьянской войне 1773-1775 гг. В результате Ю. Ф. Кононов и В. Н. Самошенко пришли к вы-

²⁵⁰ Там же. Д. 76. Л. 1 – 2.

²⁵¹ Там же. Д. 38. Л. 46 об. – 48 об.

²⁵² Там же. Л. 46 об.; Д. 93. Л. 1 – 6 об.

²⁵³ Там же. Д. 58; Д. 60; Д. 90.

²⁵⁴ Там же. Д. 83; Д. 84; Д. 85; Д. 86; Д. 87.

воду, что работа Д. Н. Блудова по выявлению документов в московских архивах «носила поверхностный характер».²⁵⁵ Думается, что это не совсем так. На мой взгляд, Блудов не счёл нужным разрушать сложившиеся комплексы МГАМИД и Московского Сенатского архива, отобрав из них только самые ценные, с его точки зрения, династические дела XVIII в. Состав и содержание документов Московского государственного архива старых дел Блудову был знаком плохо, так как этот архив ещё не преодолел полностью последствий его разгрома во время войны 1812 г. и не был снабжён необходимым справочным аппаратом. Кроме того, очевидно сказались и ограниченные временные сроки командировки Д. Н. Блудова в Москву.

В целом за 1834-1864 гг. архив пополнился ещё около 20 тыс. единиц хранения. Комплектование архива имело свои особенности. В архив поступали только дела имевшие политическое значение (документы государственных деятелей, материалы о самозванцах, дела по государственным преступлениям и т. д.). Видно, что он пополнялся в основном за счёт небольших комплексов документов, представлявших собой коллекции, и лишь изредка он пополнялся целыми фондами. Большинство материалов относилось к XVIII в., но были документы за XV – XVII вв. и первую половину XIX в. Передача этих материалов из других архивов не нарушила внутренней организации последних (за исключением полностью ликвидированного Петербургского государственного архива старых дел).

В результате Государственный архив МИД сформировался по чисто коллекционному принципу как своеобразная крупная (около 60 тыс. единиц хранения) коллекция документов по Политической истории России XVIII – первой половины XIX вв. Коллекционный характер формирования и комплектования архива приводил к тому, что проблема организации и систематизации документальных материалов стояла в Государственном архиве очень остро. Это серьёзно мешало работе по поиску и научному использованию его документов. Наконец, Государственный архив МИД был одним из самых засекреченных исторических архивов. Многие дела, особенно относящиеся к императорской фамилии, хранились в «запечатанных пакетах». В результате исследователям для получения доступа к документам требовалось разрешение самого царя. Это приводило к тому, что в первой половине XIX в. число исследователей, работавших с документами архива было незначительным. В 1830-х – 1840-х гг. в архиве занималось в среднем два-три учёных в год.

Тем не менее, говорить о полной «закрытости» Государственного архива от общества нельзя. Количество документов, хранящихся в «запечатанных пакетах», было относительно невелико. В материалах канцелярии Госархива за 1830-1850-е гг. имеется только два дела об отказе исследователям в выдаче запрашиваемых документов. Весьма примечательным является тот факт, что в 1832-1835 гг. к изучению секретных дел по истории восстания Пугачёва был допущен А. С. Пушкин. На основании этих документов им была написана «История пугачёвского бунта».²⁵⁶

В отчётах по Государственному архиву МИД за 40-е гг. постоянно встречается фраза о том, что «в Государственном архиве работают действительный статский советник Шульгин и профессор Устрялов, которым доставляются разные бумаги для составления нужных им выписок».²⁵⁷ Первый из них готовился к лекциям по рус-

²⁵⁵ Кононов Ю. Ф. Указ. соч. – С. 335 – 337; Самошенко В. Н. Исторические архивы Москвы и Санкт-Петербурга.... С. 66.

²⁵⁶ Более подробно о работе А. С. Пушкина с документами Государственного архива см.: *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачёва»). Л., 1969; *Он же.* Над «пугачёвскими» страницами Пушкина. М., 1981.

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 64. Л. 29.

ской истории, которые читал великому князю Константину Николаевичу, второй собирал материалы для написания «Истории императора Петра Великого». Весьма любопытно, что приведённые Устряловым в своём труде сведения о формах и методах следствия в Тайной канцелярии, вызвали большой интерес в русском обществе, и использованные им источники были переведены на секретное хранение в «запечатанных пакетах» до конца XIX в.²⁵⁸

Среди лиц, работавших с документами архива, можно выделить статс-секретаря Николая I барона М. А. Корфа. Примечательно, что дела архива ему выдавались на дом.²⁵⁹ Для него первого были распечатаны документы о движении декабристов, которые хранились в запечатанных пакетах. На основании этих материалов им была написана книга «Восшествие на престол императора Николая I», которая в 1848 и 1854 гг. публиковалась тиражом лишь в 25 экземпляров «для членов императорского дома и многих приближённых» и только в 1857 г. вышла для широкой аудитории.²⁶⁰

Таким образом, создание Государственного архива было положительным явлением в истории отечественных архивов и отечественной исторической науки. Многие важные исторические материалы, большинство из которых в прежних архивах хранилось в отвратительных условиях, были сконцентрированы в относительно неплохом архивохранилище, взяты под надёжную охрану и таким образом дошли до нас. Эти документы представляли значительный интерес для историков. Несмотря на существование ограничений по работе с наиболее секретными документами, материалы Государственного архива МИД постепенно начинают вовлекаться в научный оборот, что во многом способствовало развитию российской исторической науки в XIX в.

²⁵⁸ Самошенко В. Н. Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С. 113.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 106. Л. 1-4.

²⁶⁰ Самошенко В. Н. Исторические архивы дореволюционной России. С. 113; Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. С. IV – V.

Национальный вопрос в России в XIX в. (на материале северного Кавказа)

Российская империя в XVIII – начале XX вв. – это континентальное многонациональное государство. В конце 1897 г. на ее территории проживало более 200 этнических общностей. Доля русских в стране составляла 44,3%²⁶¹.

Многонациональный состав населения России – одна из особенностей развития российского государства на разных срезях его истории. Этим во многом определялись экономическое состояние государства, многообразие культур, вызывающих необходимость особого подхода к выработке методов регулирования социальными процессами в обществе, включая и сферу межнациональных отношений, учета специфики регионов страны, традиций и обычаев населяющих его народов. Этот опыт уникален, неизмеримо его значение для современной России. Он позволяет, прежде всего, ответить на вопрос: так что же представляла собой Россия – это «империя зла», «тюрьма народов» или это государство, развивавшееся на демократических основах, или, во всяком случае, продвигавшееся в своем развитии по этому пути?

Исследование материалов применительно к национальным регионам Северного Кавказа во многом позволяет дать научные ответы на поставленные вопросы, выявить особенности развития регионов в условиях Российской империи с учетом национальной составляющей²⁶².

Российское законодательство, на основе которого строились отношения между народами, было одинаковым для всех. Народы России считались подданными царя. Однако следует отметить, что имели место различия, в частности, в религиозном отношении, что объяснялось наличием множества конфессий. В России, по переписи 1897 г., проживало: 87,1 млн. православных (76% населения); 13,9 млн. мусульман (11,9 %); 3,6 млн. иудаистов (3,1%); 1,5 млн. католиков (1,2%); 2,4 млн. протестантов (2% населения)²⁶³. Остальные граждане исповедовали буддизм (преимущественно – ламаизм), шаманизм, конфуцианство, старообрядчество и др.

За исключением представителей отдельных народов, например, татар, лица, не исповедовавшие христианскую религию, официально именовались «инородцами». Согласно более точному юридическому толкованию к ним причисляли «некоторые племена, преимущественно монгольские, тюркские и финские, которые и по правам состояния, и по управлению поставлены в особое положение». Управление ими осуществлялось на основании Устава 1822 г. об «инородцах», разработанного М. Сперанским.

Для них государственные налоги заменялись особым сбором (ясак, подать со скота, кибиточная подать и др.). Эта категория граждан пользовалась правом управления и суда по своим обычаям, своими выборными родовыми старшинами и родоначальниками и только за тяжкие преступления подлежала юрисдикции общих судов.

В унитарной и абсолютистской Российской империи национальная политика в значительной степени сводилась к регулированию статуса так называемых «инородцев». Если исходить из формального признака, то такую политику трудно назвать государственной национальной политикой. Она не столько регулировала

²⁶¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1990.

²⁶² Подробней см.: Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик, 2006.

²⁶³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1990.

положение нерусских этносов, сколько считалась с особенностями организации социальной жизни «инородцев». Единственным субъектом подобной «национальной политики» был имперский центр. Нерусские народы оставались только объектом «национального» регулирования.

Однако заметим, что при таком подходе к проблеме «инородцев», включавшем учет конфессионального фактора, имелся и определенный позитивный смысл — признание и учет отдельных цивилизационных особенностей общественной жизни, обычаев «инородцев», проистекавших из конкретной религии и исторических традиций. Не вмешиваясь в эти вопросы, а в определенной мере и консервируя традиционный образ жизни на национальных окраинах, царизм смог обеспечить в них определенную политическую стабильность. После победы советской власти вместе с реакционными основами «национальной политики» были отброшены одновременно и подходы, учитывавшие особенности народов России.

Законом ограничивались в правах (в некоторых — независимо от вероисповедания) евреи, а с 1864 г. — поляки-католики. На уровне подзаконных актов существовали ограничения для татар-мусульман. Правовые ограничения действовали, исходя из конфессионального признака и степени владения русским языком. В связи с тем, что конфессиональные различия совпадали в основном с национальными, ограничения носили характер национальной дискриминации. При этом, опять-таки, «инородец» (в юридическом и бытовом значении этого слова) мог, не переходя в православие, пользоваться, в ряде случаев, всеми правами государственной службы и сословными привилегиями, если проявлял верноподданническую готовность служить «государственной идее»²⁶⁴.

Разумеется, политика царского правительства по отношению к нерусскому населению державы не была одинаковой. Украинцы и белорусы рассматривались как часть русского народа, состоящего из трех родственных этнических групп: мало, бело- и великороссов. В «восточных землях» царская администрация не стремилась к подрыву устоев жизни, а управляла с помощью местной знати. Российское дворянство, по мере расширения территории империи, включало в себя феодалов различного национального происхождения. По переписи 1897 г. только 53% потомственных дворян называли родным языком русский²⁶⁵. Остальную их часть составляли потомки польской шляхты, украинской казачьей старшины, остзейских рыцарей, грузинских князей, мусульманских ханов и беков. Полиэтничной была по своему составу не только верхушка власти. Из представителей разных национальностей формировалось население административных и промышленно-торговых городских центров и особенно таких, как Рига, Вильнюс, Одесса, Симферополь, Владикавказ, Тифлис, Баку, Ташкент. В Российской империи сложились обширные регионы со смешанным населением (Новороссия, Крым, Приазовье, Донбасс, Северный Кавказ, Среднее и Нижнее Поволжье, Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области и др.).

В целом государственная политика империи в отношении «инородцев» с 1831 г. отличалась нарастающей тенденцией к репрессиям, усилению процессов унификации. Такая политика все более отдалялась от традиционных принципов уважения существующего статус-кво, кооперации с лояльными элитами и толерантности, при которой сохранялись приоритеты безопасности и государственного единства.

В 1860-х гг. на первый план выдвигались задачи административной унифи-

²⁶⁴ Национальная политика в России: история и современность. — М., 1997. С.174.

²⁶⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — СПб., 1990

кации и культурно-языковой русификации. Национальная политика в отношении многих этнических общностей была направлена вовсе не на их интеграцию, а на их сегрегацию и дискриминацию. Тенденция к обособлению проявилась по отношению к мусульманским народам Северного Кавказа и Средней Азии, а с 1890-х гг. в более мягкой форме это проявлялось по отношению к евреям. Что касается некоторых других народов, например мусульман Закавказья, то хотя они и насильно интегрировались, но о культурной русификации их не было речи. Да и политика культурной интеграции не была во всех случаях единой. Если в отдельных регионах на западе и на юге империи пытались внедрить русский язык в делопроизводство, судопроизводство, школьное образование, то в районах Среднего Поволжья, Урала, Севера и Сибири, он должен был стать средством обращения их в православие.

Наконец, русификация проводилась в жизнь с разной степенью интенсивности. Лояльных балтийских немцев, немецких колонистов и армян она затронула довольно поздно, а жителей Финляндии вообще едва коснулась. Когда поляки, а вслед за ними украинцы, белорусы и литовцы в 1860-х и 1870-х гг. подвергались усиленной русификации, правительство продолжало и дальше сотрудничать с лояльными элитами в Прибалтике, а также с армянским и мусульманским духовенством.

Таким образом, обращение к обобщающему понятию «русификация» не в полной мере выражает суть политики в Российской империи в отношении «инородцев». Это было подмечено одним из современников — А. Каппелером, который пишет: «Имперская политика в национальном вопросе так же пестра и многообразна в своих проявлениях, как само население этой империи пестро и многообразно. Привести это многообразие в последовательную систему, а тем более в некое единство невозможно, ибо такого единства в действительности просто не существует»²⁶⁶.

Непосредственная интеграция Северного Кавказа в состав России мыслилась двумя путями. Сторонниками одного из них были представители военной элиты П. Д. Цицианов, А. П. Ермолов и др. Начавшийся диалог качественно различных цивилизаций — российской и кавказской — они пытались разрешить исключительно насильственными мерами, рассматривая «чуждый мир горских обществ, как хищнический и разбойный»²⁶⁷. Другая «модель» политики в отношении народов Кавказа исходила из признания несостоятельности наступательных действий и применения военной силы в качестве главных средств усмирения горских народов и включения их в состав империи. Так, А. Грибоедов, Н. Мордвинов и др. придерживались либерально-просветительского направления.

С XVIII в. на Кавказе начинается строительство цепи кордонных укреплений и казачьих станиц, крепостей-городов (1722 г. — Святой Крест, 1763 г. — Моздок, 1777 г. — Ставрополь, 1784 г. — Владикавказ и др.) как форпостов установления власти России. С этой же целью в 1785-1786 гг. создается Кавказское наместничество в Екатеринограде. В духе просвещенного абсолютизма оно не только должно было обеспечить присоединение Кавказа к России, но и провести масштабные административные, политические, экономические и культурные реформы с целью «цивилизовать» и «просветить» Кавказ, приобщить его к российскому (европейскому) обществу, «гражданскому состоянию».

После заключения Кючук-Кайнарджийского договора (1774) Российская империя начинает колонизацию Северного Кавказа. Кавказская война стоила народам России и Северного Кавказа огромных материальных и людских потерь. Только в

²⁶⁶ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. / перевод с нем. яз.: С. Червонная. М., 1996. С. 227.

²⁶⁷ Черноус В. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX-XX вв. — Ростов н/Д, 1992.

1810 г. войсками Булгакова и Глазенапа в Кабарде было сожжено около 200 сел, за что Булгаков был отстранен от должности военным министром Барклаем де Толли.

С другой стороны, шел процесс переселения государственных и крепостных крестьян из Центральных областей России на Северный Кавказ. Как отмечает В. Д. Дзидзоев, чаще всего они поселялись с казаками. В 1780-х гг. в селах вдоль р. Кура, Золка, Колода, Ташлы и др., помимо казаков, поселились 4 тыс. русских крестьян Курского, Воронежского и Тамбовского наместничества. В различные районы Северного Кавказа организовано переселялись русские казаки, украинцы, представители других народов. После подавления восстания К. Булавина на Дону в 1707-1708 гг. около 8 тыс. казаков ушли на Северный Кавказ. Большое количество вынужденных переселенцев осела в Терской области и после подавления восстания Льва Маноцкого²⁶⁸.

Процесс насильственной колонизации, отбирания земель и разорения сел продолжался и в 1830-1860-е гг. За это время были построены десятки военных казачьих укреплений и крепостей. С приходом на Кавказ в качестве наместника генерала А. С. Барятинского был разработан новый подход к войне, суть которого заключалась в планомерном завоевании равнинных земель и проникновения в глубь ущелий, в вырубке широких просек, строительстве более крупных военных укреплений. Как писал генерал Вольф, эти меры должны были вынудить горцев «либо покориться, либо удалиться в горы, либо уйти в изгнание». Народы Северного Кавказа мужественно сопротивлялись царским войскам. С 1829 г. центрами освободительной борьбы горцев становятся Закубанье, Дагестан, Чечня.

Одним из самых трагических последствий Кавказской войны явилось переселение значительной части горцев в Османскую империю. С отменой крепостного права в России этот процесс приобрел широкий размах и охватил десятки тысяч семей горцев. Колониальные власти всячески поощряли и подталкивали горцев к переселению, поскольку это была возможность освободиться от наиболее непокорной части населения, физически и духовно ослабить ту или иную этническую общность, заодно укрепить свое влияние. Освобождающиеся земли оперативно заселялись военными казаками и переселенцами из различных губерний России. Массовое переселение горцев продолжалось до начала Октябрьской революции 1917 г. По приблизительным данным Комиссии по переселению, только в 1858-1865 гг. в Турцию переселилось около 500 тыс. горцев²⁶⁹. Историк Т. Х. Кумыков отмечает, что в результате военных действий, опустошительной чумы и переселения в Османскую Турцию население Кабарды, составлявшее к середине XVIII в. 300 тыс. чел., к последней четверти XIX в. насчитывало 35 тыс., т. е. сократилось в девять раз²⁷⁰.

Известные факты и коллизии исторического процесса (Кавказская война) и накопленный в XIX в. опыт в сфере управления полиэтничным и поликонфессиональным регионом обусловили необходимость выработки принципов и правовых основ политики Российской империи на Северном Кавказе. Они были закреплены в положениях «О Кавказском управлении» (1865) и «О Кавказском военно-народном управлении» (1880). Согласно этим Положениям военно-народное управление соединяло общеимперскую систему управления на макроуровне (наместничество, губернии) с традиционным местным самоуправлением и судопроизводством. Оно являлось переходной системой управления, создающей условия для достаточно

²⁶⁸ Дзидзоев В. Национальные отношения на Кавказе. — Владикавказ, 1995. С. 66.

²⁶⁹ Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. — 1882. Т. 33. С. 287.

²⁷⁰ Кумыков Т. Х. Выселение адыгов в Турцию — следствие Кавказской войны. — Нальчик, 1994. С. 8.

длительной и постепенной унификации управления при сохранении местного своеобразия. Система строилась на следующих принципах:

- неприкосновенность этнического общественного строя;
- право горских народов управляться по адатам (чтобы ослабить влияние ислама и Османской империи);
- сохранение местного судопроизводства и традиционных способов разрешения правовых проблем;
- ведение делопроизводства как на русском, так и арабском языках;
- поддержание внешнего порядка на основе единоначалия русской администрации.

Важно отметить, что российская политика не была универсальной и в каждой административной единице отличалась своеобразием.

Таким образом, в результате введения положений «О Кавказском управлении» произошло разграничение полномочий между центральной и местной властью: состояние гражданских отношений подпадало под действие традиционных горских институтов (внутриродовых и межродовых), а также норм шариата, а сфера государственно-политического управления полностью находилась в ведении империи. Следует согласиться с мнением исследователя Л. Л. Хоперской, отмечающей, что разделение сфер управления между империей и органами местного самоуправления, при всех противоречиях, отвечало интересам кавказских народов, создавало благоприятные условия для сохранения своей самобытности. Поощряемый империей рост их общекультурного уровня привел к тому, что автономность горцев постепенно повышалась. Поэтому попытка в 1906 г. заменить военно-народное управление общегражданскими формами правления, введением земских учреждений натолкнулась на сопротивление местных народов. В годы первой русской революции было восстановлено Кавказское наместничество с чрезвычайными полномочиями²⁷¹.

В определенном смысле двойственность нормативно-правовой системы соответствовала традициям горских народов. В XVIII-XIX вв. на Северном Кавказе происходило разрушение родового принципа расселения и замена его территориально-сельской общиной. На ее основе формировались различные самоуправляющиеся государственные образования авторитарного (ханство, княжество, майсумство, уцмийство), олигархического и демократического типа («вольные общества» и «союзы вольных обществ»). Одним из следствий этого процесса стал факт биюридизма общественной жизни горских народов, при котором сельские кадии регулировали повседневную политическую и хозяйственную жизнь на основе норм и адата, и шариата.

Хотя система военно-народного управления Кавказом вводилась временно, до полного замирения горцев, фактически она просуществовала до марта 1917 г., когда вследствие падения империи Кавказское наместничество было упразднено Временным правительством.

В целом политика царского самодержавия по отношению к «инородцам», национальным окраинам в начале XX в. была направлена на укрепление унитаристских тенденций. Это явно противоречило не только российскому менталитету, но и европейским традициям либерализма. Именно в таких условиях сформировались позиции различных политических партий по национальному вопросу, в том числе российских социал-демократов, а затем и большевиков.

²⁷¹ Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. – Ростов н/Д, 1997. С.42.

Из многочисленных государственных учреждений в Российской империи не было единого органа власти ответственного за выработку и осуществление политики в национальных окраинах. Как правило, для решения конкретных вопросов в разное время создавались различные высшие комитеты и совещания. Необходимо упомянуть о VI Отделении Собственной его императорского величества канцелярии, созданном для разработки административной реформы на Кавказе, Департаменте дел Царства Польского в структуре Государственного совета, в котором рассматривались законопроекты, годовые росписи доходов и расходов, касающиеся функционирования различных учреждений на польской территории. Правительствующему Сенату подчинялись Главное управление Западной Сибири и Главное управление Восточной Сибири.

Среди центральных учреждений, в функции которых входило обустройство жизни населения на окраинах империи или поддержание связей с местными феодалами в период перехода их в подданство России, имелись различные управления Министерства внутренних дел: Переселенческое управление (с 1905 г. вошло в состав самостоятельного Главного управления землеустройства и земледелия), Управление по делам о воинской повинности, Главное управление по делам местного хозяйства. Наибольший интерес представляет Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (1810-1817, 1824-1832), а с 1832 по 1917 г. — Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Им вменялась в обязанность подготовка для императора предложений об определении епископов и духовных лиц иных звании католического и униатского исповеданий. Им же назначались начальники семинарий и директора католических консисторий, рассматривались вопросы о разрешении браков лицам протестантского вероисповедания при близких степенях родства. Оно выдавало разрешения евреям принимать одно из терпимых в России христианских вероисповеданий, переходить из одного христианского (кроме православия) в другое вероисповедание. Департамент также ведал всеми делами, касавшимися мусульманства.

Как отмечалось, ряд территорий на окраинах Российской империи находился в ведении военного ведомства. В 1866 г. в составе Главного штаба Военного министерства для военно-административного управления территориями Кавказа было образовано Азиатское отделение (в 1867-1903 и 1910-1918 гг. — Азиатская часть, в 1903-1910 гг. — Азиатский отдел). В функции этого структурного подразделения входило управление военными округами азиатской части России, устройство здесь укреплений и путей сообщения, охрана границ России в Азии, организация военно-народного управления на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии, сбор сведений о военном и политическом положении сопредельных с Россией азиатских государств и т.п.

Ближние задачи решал Департамент таможенных сборов (1864-1917), Отдельный корпус пограничной стражи, находившиеся в ведении Министерства финансов, а также Азиатский департамент Министерства иностранных дел, ведавший управлением народами пограничных районов Кавказа, Казахстана и Астраханской губернии до середины XIX в. Следует отметить, что на ключевые административные должности в национальных окраинах назначались, как правило, способные чиновники, знавшие местный язык, традиции и обычаи, служившие здесь ранее. Часто это были перешедшие на русскую службу представители народов, вошедших в состав России. Как правило, именно они становились наиболее ревностными защитниками империи.

В XIX в. многим представителям правящего сословия, высшего чиновничес-

тва стало ясно, что существующая форма правления в России уже не удовлетворяет потребностям развития страны. Неслучайно в 1820 г. по указанию Александра I был подготовлен проект конституционного устройства России – «Государственная уставная грамота Российской империи». Предполагалось разделить страну на 12 наместничеств (без учета Царства Польского, Финляндии и Кавказа), в каждом из которых создавался бы свой представительный орган. Таким образом, предполагалась существенная децентрализация управления, учет экономических, конфессиональных и национальных особенностей страны.

Близкие по смыслу предложения выдвигала радикально настроенная дворянская оппозиция. Так, «Русская Правда» П. И. Пестеля предусматривала установление в России республиканского правления, распространение демократических прав и свобод на все национальные окраины, предоставление независимости Польше. Проект государственного устройства Н. М. Муравьева объявлял Россию федерацией из 15 «держав», каждая из которых имела свою столицу и самостоятельное управление. Как известно, всем этим проектам не суждено было воплотиться в реальность²⁷².

В период проведения реформ 1860-1870 гг. неоднократно вставал вопрос о привлечении выборных представителей народа к управлению государством. В феврале 1862 г. тверское дворянство в адресе на имя Александра II видело единственное средство для успешного завершения реформ в созыве «выборных от всей земли русской». В январе 1865 г. московское дворянство обратилось к императору с адресом, в котором читаем: «Довершайте, государь, основанное вами государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству». Александр II был недоволен адресом, но не стал прибегать к репрессиям. В частной же беседе с одним из московских дворян он отметил, что охотно дал бы какую угодно конституцию, если бы не боялся, что Россия на другой день после этого распадется на куски.

Известный государственный деятель второй половины XIX в. П. А. Валуев призвал Александра II включить в законотворческий процесс представителей земских учреждений и даже образовать при Государственном совете Съезд государственных гласных. Пойти на замещение 50% Государственного совета выборными представителями от губернских земств предложил военный министр Д. А. Милютин.

В марте-апреле 1881 г. П. А. Валуев, Д. А. Милютин, а также министр финансов А. А. Абаза и министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов доказывали только что вступившему на престол Александру III необходимость привлечения общественных представителей к предварительной разработке реформ, к законотворчеству. Александр III полагал, что достигнуть стабилизации страны можно не путем политических реформ, а мощным экономическим подъемом, быстрым развитием стратегически важных отраслей промышленности. Однако за успехи политики индустриализации пришлось расплачиваться политическим кризисом начала XX в. его сыну Николаю II. В 1904 г. министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский вновь заговорил об участии выборных представителей народа в законотворчестве. В январе 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов прямо заявил императору, что успокоить общественность может только созыв выборной земской Думы. Власть, как обычно, медлила. Наконец в условиях нараставшей революционной волны Николай II был вынужден пойти на уступку – созвать полностью выборную Государственную думу и распространить выборность на 50% Государственного совета, передав этим учреждениям функции законодательных органов.

²⁷² Павел Пестель. «Русская правда». М., 1993. С. 115.

Уже тогда имело место проявление практического воплощения в государственных структурах власти конституционных демократических принципов правления; например, в Государственной Думе. Красноречиво свидетельствует об этом и тот факт, что в составе первых Государственных дум были представлены многие этнические общности России, которые могли, если и не защищать интересы этнических меньшинств²⁷³, то, несомненно, ставить вопросы организации их жизни и взаимодействия. В состав 1-й Государственной думы (1906) были избраны 448 депутатов, 265 из них – великороссы (русские 59,1 %), 77 чел. – украинцы, белорусы, обрусевшая мордва и вотяки (17 %), 106 чел. – другие национальности; во 2-й Государственной думе России (20 февр. – 2 июня 1907 г.): было избрано 518 депутатов: русские – 366 депутатов (87,6 %), других национальностей – 52 депутата (13,4 %); в 3-й Государственной думе (1 ноября 1907 – 9 июня 1912 г.) было 442 депутата, из них: 350 русских (79,7 %), других национальностей 90 человек, в том числе немцев-колонистов – 24 чел.; в 4-й Государственной думе России (ноябрь 1912 г. – октябрь 1917 г.) – 442 депутата, из них: 361 – русские, 81 – нерусской национальности (28,3%).

Таким образом, в составе корпуса депутатов первых 4-х Государственных дум России представители других национальностей исчислялись в диапазоне от 13% до 28% . Разумеется, что в составе дум представительство от национальных регионов, губерний было урезанным²⁷⁴, но тем не менее, при формировании депутатского корпуса учитывалась национальная составляющая. Правда, сложно делать выводы об эффективности работы нерусских депутатов в плане защиты коренных интересов нерусского населения в России. Однако соблюдены были правила взаимодействия в государстве между этническими общностями и властью. Этим формам взаимодействия придавался демократический характер.

Представители реформаторской части российской политической и интеллектуальной элиты, занимаясь поиском путей выхода из прогрессирующих кризисных тенденций, чреватых в перспективе, по их мнению, победой социалистических и революционных идей, обращали внимание и на состояние проблемы взаимоотношения с «инородцами». Так, известный финансист, председатель Комитета министров Н. Х. Бунге составил политическое завещание, известное как «Загробные заметки», в котором, наряду с постановкой социально-экономических и нравственно-образовательных вопросов, призывал верховную власть (как русскую государственную власть), проводя свою политику, учитывать бытовые интересы «инородцев и окраин», их языковые и религиозные запросы, сосредотачивая в то же время усилия на распространении русской культуры на национальных окраинах²⁷⁵.

Анализ государственной политики в имперский период в отношении народов

²⁷³ Это признавали и сами депутаты Государственных дум. Например, депутат 1-й Государственной Думы Н.А. Бородин писал: «Инородцы все взятые вместе, составляют всего немного более 1/5 всего числа членов Думы. И, конечно, не могли и не могут оказать решающего влияния на мнение и суждение остальных 4/5 думского состава» (См. Информационная записка о национальном составе Государственных дум Российской империи (1906-1917 гг.) // Текущий архив Министерства по делам национальностей и федеративным отношениям Российской Федерации. 1997. Окт.

²⁷⁴ Так, Туркестан избирал 13 членов Государственной думы, но при этом туземцы (92% населения края) избирали 6 депутатов, а русские (8% населения края) избирали 7 депутатов. Город Варшава по закону 1907 г. избирал 1 депутата от всего нерусского населения и 1 депутата – от незначительного числа русских чиновников. Население Казахстана и Якутии было лишено права участия в выборах. Финляндия не воспользовалась правом выборов, так как относилась к ним крайне отрицательно (1906-1917 гг.) // Текущий архив Министерства по делам национальностей и федеративным отношениям Российской Федерации. 1997. Окт.

²⁷⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. – СПб., 1996. С. 423-424.

позволяет сделать следующие выводы:

1) В XIX в. российское правительство и Кавказская администрация строили дифференцированные отношения с отдельными этническими группами (ныне составляющими современные народы) и социальными слоями внутри этих групп. Даже признавая ситуативный характер этих отношений, можно констатировать о формировании государственной национальной политики России на Северном Кавказе.

2) В XIX в. сложились два направления кавказской политики Российской империи: силовое (колонизаторское) и либеральное (просветительское), – конкурирующие друг с другом и создающие фактор политической конъюнктуры в разрешении кавказских противоречий.

3) Была осознана неприемлемость исключительно силовых мер и механического применения общероссийских форм управления Северным Кавказом и признана необходимость учета самобытности кавказских народов, которая проявлялась не только в хозяйственной, социальной, духовно-культурной, но и в политической сфере. Местная власть у народов Кавказа, вне зависимости от конкретного характера ее устройства, осуществляла законодательную, исполнительную и судебную функции, что свидетельствовало о наличии достаточно развитых институтов самоуправления и требовало определенного компромисса в построении отношений с местными этническими элитами.

4) Введение системы двойного российско-кавказского управления учитывало менталитет кавказского населения, большинство которого воспитывалось в традициях полиюридизма (одновременном подчинении нормам адата, шариата и законам империи). В это же время с учетом местных условий были апробированы такие механизмы управления этническими процессами, как переселение по этническому принципу и включение ислама в политическую систему империи.

Таким образом, введение империей правовых форм взаимодействия с горскими народами, по существу, явилось признанием того факта, что они стали не только объектом силового воздействия со стороны России, но и субъектом ее внутривнутриполитической жизни.

Именно благодаря объединяющей роли русского народа во все времена на территории России сохранялись относительное единство, многообразие, духовная общность и союз различных народов. Разумеется, что на всех этапах истории государства национальной составляющей – формированию единого многонационального общества – уделялось пристальное внимание. Опыт достижения единства в многонациональном сообществе вырабатывался поколениями. На каждом из этапов истории он приобретал свою особенность и специфику, которые характеризовались то жесткими формами правления с крайним централизмом, то стремлением перехода к умеренным демократическим формам правления, то возможностями перехода к широкой форме демократии.

Имея дело со страной, уникальной по своему составу населения, самодержавие группировало народы по общим характеристикам на своей территории, выстраивая и соответствующий жесткий механизм управления ими (институт наместничеств, государственные комитеты и т.д.). Накапливался и определенный опыт организации государственного руководства, сотрудничества с элитами на местах. В этой связи важным фактором выступала моральная поддержка власти со стороны нерусских народов. Это позволило Всероссийскому Демократическому Совещанию 1 сентября 1917 г. провозгласить в России Республику.

Крымская война как война цивилизаций: историографические стереотипы и современные параллели ^{276*}

Одним из распространенных стереотипов навязываемых либеральными СМИ является тезис о том, что Запад не представляет потенциальной угрозы для безопасности России. Курс на свертывание ВПК обосновывался посредством утверждения, что на Россию отнюдь никто не собирается нападать. Но отсутствие прямой агрессии в течение ряда последних десятилетий не означает, что она не возможна в потенциале и такие планы по ее осуществлению отсутствуют. Мощный советский ВПК как раз и являлся сдерживающим фактором от внешней экспансии. Дж. Тойнби, будучи сам представителем западной культуры, во взаимоотношениях России с Западом, однозначно отводил роль агрессора последнему. Если агрессия против СССР обосновывалась спецификой коммунистической идеологией, то при рассмотрении западной экспансии против дореволюционной России, данный аргумент теряет силу.

Для иллюстрации истинных целей и отношения Запада к России особо показательным может стать исторический опыт Крымской войны. Она носила общеевропейский характер, и даже существует предложение трактовать ее в качестве «предмировой». Крымская война показательна тем, что в иных конфликтах, как правило, не так очевидно обнаруживалось европейское единство. В данном случае шла война цивилизаций, как соперничество России со всей остальной Европой. Непосредственно в Крымской компании принимало участие лишь 10-15 % русской армии. Действовать более значительные силы в боевых действиях Россия не могла, т.к. ей приходилось держать войска по всему периметру империи. Опасность удара исходила от любой страны, даже от занимавшей толерантную позицию Пруссии.

Как теперь за фасадом западных сил выступают США, так и в середине XIX в. за созданием антироссийской коалиции просматривались, прежде всего, усилия английской дипломатии. Как за политикой современной Германии усматриваются реваншистские амбиции, так и деятельность Наполеона III мотивировалась стремлением взять реванш за национальное унижение 1812-14 гг. Впрочем, крымское поражение вызвало обратную реакцию, приведя к росту антифранцузских настроений в российском обществе, прежде всего среди офицерства. Не случайно, что в 60-е гг. XIX в. русские военные с симпатией относились к Пруссии как потенциальному противнику Франции. Взгляды Ф.М. Достоевского, видевшего во Франции главного соперника, а в Германии – союзника России, также восходили к стереотипам крымской эпохи.

Как в настоящее время, даже второстепенные в политическом отношении страны Запада, наподобие Швейцарии, обнаруживают антироссийский вектор дипломатического курса, так и в Крымскую войну даже Сардинское королевство считало целесообразным принять участие в конфликте. Впрочем, все 15 тыс. сардинцев, отправленных в Крым, не вернулись обратно в Италию.

Как ныне актуализируется фактор измены бывших псевдосоюзников, первоначально в лице государств Варшавского договора, а теперь в перспективе и Украины, так и в 1853 г. австрийское предательство стало, пожалуй, самым большим потрясением для Николая I. Кроме того, балканские прозелиты России, из-за ко-

^{276*} Работа выполнена при поддержке Совета по грантам президента Российской Федерации, грант МД - 3647.2006.6.

торых она, по большому счету, и вступила в войну, какого бы то ни было содействия ей не оказали. Напротив, русская дипломатия встретила многочисленные препятствия со стороны греческого духовенства. Таким образом был сорван план привлечь на сторону России часть арабского населения, что имело перспективу создания в тылу Турции внутреннего фронта. Константинопольский патриарх являлся одним из главных противников распространения русского влияния в землях Османской империи. В частности, им была враждебно встречена идея русской духовной миссии в Иерусалиме.

Как в XIX, так и в начале XXI века в антироссийской политике разыгрывалась мусульманская карта. Внешний соперник в лице Турции, дополнялся внутренним — сепаратистами имамата Шамиля. Показательно, что английские либералы оказывали моральную и материальную поддержку шамилевскому теократическому полурабовладельческому государству. Так же, как в настоящее время западные демократы и северокавказские террористы выступали в одной упряжке.

Причем, сравнительный анализ боевых операций различных частей русской армии — полевой и кавказской, — приводят к заключению, что последняя действовала значительно эффективнее. Историками высказано предположение, что если бы под Севастополь была направлена кавказская армия, исход войны мог быть другой. Но в Крым опраляли отборные войска мирного времени, умевшие с блеском проводить парады, но не подготовленные к боевой обстановке. Та же самая кадровая проблема обнаружилась в первой чеченской войне, продемонстрировав принципиальное различие между армией тыла и армией, имеющей боевой опыт.

Впоследствии, для обоснования антирусского единства западного мира в Крымской войне, в широкий оборот была введена трактовка России как «жандарма Европы». Таким же образом и в настоящее время прозападные СМИ оправдывают курс расширения НАТО на Восток имперскими амбициями России. Подавление Венгерской революции в 1849 г. было, пожалуй, единственным случаем, укладываемым в представление о жандармской политике. Но единичный характер такого рода действий более корректно трактовать как исключение, нежели политический курс. Впервые данную дефиницию апробировал отнюдь не К. Маркс, как считается традиционно, а прусские генералы. Они использовали ее не в связи с венгерским походом, а с Ольнюцким решением Николая I, вставшего на сторону Австрии против Пруссии. Подавление Паскевичем выступления венгров не только не вызвало противодействия со стороны официальных кругов Запада, а встретило активную поддержку ведущих дипломатов и государственных деятелей. Английский банковский дом представил России специальный заем на осуществление данной операции.

Таким образом, ни в русской угрозе, а в амбициях самого Запада заключались мотивы войны. Даже американский историк Б. Елавич констатировал, что после наполеоновских войн Россия была единственной страной Европы, не имеющей претензий ни к одному из своих соседей. Об этом она декларировала в ряде договоров 1820-х гг. Не России, а ведущим западноевропейским странам, прежде всего Англии, было необходимо разрушение сложившейся системы международных отношений, для осуществления чего выдвигалась военная программа.

Еще одна историческая параллель касается позиции российской интеллигенции. Как в разгар Крымской кампании, так и Чеченской, в ее среде обнаруживались странные симпатии к врагам отечества. Олицетворявшего данные умонастроения А.И. Герцена, который активно пропагандировал поражение самодержавия в войне, можно оценивать как предтечу ряда журналистов современных российских СМИ.

О подлинных планах Николая I в восточном вопросе свидетельствуют следующие его рассуждения: «Все христианские области Турции по необходимости станут независимыми, вновь станут тем, чем были, княжествами, христианскими государствами, и, как таковые, вернуться в семью христианских стран в Европе. Гарантию свободного отправления религии, их организации, их отношений между собой и с соседями, — все это следует урегулировать на чрезвычайном конгрессе, предположительно в Берлине». Как видно, ни о каких территориальных приращениях России речи не шло. Но британские государственные деятели преподносили конфиденциальные речи императора совершенно иначе, в качестве плана уничтожения независимости Турции, низведения ее до уровня вассала.

Англия усматривала в развитие Черноморского флота вызов своей морской гегемонии. Занятие русскими войсками Дунайских княжеств означало для Британии уничтожение альтернативного рынка зерна, после чего Петербург мог диктовать на него цены. Экономическое значение Турции для Англии определялось также ростом ее роли, как рынка сбыта английской обрабатывающей промышленности. Вследствие крайне низких таможенных ставок она ежегодно закупала больше английской промышленной продукции, чем протекционистски ориентированная Россия. Разгром Турции грозил для Англии потерей единственного независимого от России транзитного пути торговли с Персией, а следовательно, и с Индией.

Цель, преследуемая Наполеоном III, заключалась в отвлечении французов от революции эффектом победоносной войны. Успех ее гарантировался выступлением в союзе с Англией, которого можно было достичь только в антирусской коалиции по восточному вопросу. Толерантность революционного подполья обеспечивалось только в случае борьбы с властителем еще более одиозным в ее глазах, чем сам Наполеон III, а таковым воспринимался лишь русский царь. Реваншистские настроения французского общества, жаждавшего отмщения России за ее торжество над Францией в кампании 1812–1814 гг., также явились важным фактором эскалации международной напряженности.

Реванш над Россией за 1812г. мог быть полный только при повторении маршрута Наполеона I. Для этого основной театр боевых действий предполагалось перенести на территорию Царства Польского. Наполеон III сам намеривался встать во главе союзной армии. Но для реализации данного сценария требовалось вступление в войну Австрии или Пруссии, чья территория была бы необходима в качестве плацдарма. К тому же Великобритания блокировала всяческие попытки повторения сценария 1812 г.

Систему международных отношений, построенных на началах христианской этики, Николай I видел в Священном Союзе. По словам одного из иностранных авторов, «политика законности Священного Союза была религией императора. Конституционная система представлялась ему ересью, полной лжи и обмана: либо скрытой республикой, либо деспотизмом под маской». Дореволюционные историки оправдывали внешнеполитические ошибки Николая I рыцарским стилем ведения международных дел. «Меня, — говорил император И.Ф. Паскевичу, — всякий обмануть может раз, но зато после обмана я уже никогда не возвращаю утерянного доверия». В действительности, Священный Союз в николаевском понимании являлся идеальной моделью, тогда как в реальности собственно союзнических отношений уже не существовало. За ширмой союза имели место неразрешимые противоречия. Австрия видела в России препятствия для проведения своих интересов на Балканах, что только актуализировало спасение империи Габсбургов русскими войсками. Пруссия обнаруживала в лице России помеху для

реализации плана объединения Германии.

Роковую для России роль в выстраивании сценария конфликта сыграла Австрия. Цель австрийской дипломатии обнаружилась в намерении столкнуть Россию с ее оппонентами, ослабить обе стороны в войне и воспользоваться ее результатами в своих интересах при любом возможном исходе. Образцом двуличия Австрии явился ее договор с Турцией от 28 июня 1854г., по которому Порты уступала австрийцам исключительный протекторат над Придунайскими княжествами. Данный шаг венский кабинет для Порты разъяснял как проявления покровительства Турции, для Франции и Англии – развязыванием рук для боевых действий в Крыму, для России – защитой христианского населения края. Перспектива войны с Австрией была актуальна в течение всей Крымской компании, заставляя держать на границе с ней значительные силы.

Уже в ходе войны предпринимались попытки расширения антироссийской коалиции. Не только Сардинское королевство, которому за участие в войне было обещано покровительство Франции в отношениях с Австрией, но и другие европейские государства предполагалось вовлечь в войну. Слепленная кажущимся могуществом Наполеона III Испания обещала предоставить в распоряжение союзников вспомогательный корпус. Французская дипломатия лоббировала вхождение в войну Дании. Питавший надежды на возвращение Финляндии, шведский король Оскар I объявлял о готовности выставить против России 60-тысячную армию. Уже разрабатывались конкретные операции по совместным боевым действиям в Балтийском море.

Активным сторонником вступления Пруссии в войну против России являлся наследник прусского престола, будущий кайзер Вильгельм Прусский. Из других германских государств склонялись к вступлению в антирусскую коалицию Ганновер и Гессен.

Главным свидетельством агрессивных намерений Николая I в отношении Османской империи являлась в интерпретации западной историографии его беседа с лордом Г.Сеймуром о «больном человеке Турции». В действительности, этот пресловутый разговор носил приватный характер. К тому же западные историки и политики исказили его содержание. Николай I, основываясь на констатации болезненного состояния Турции, вел речь не о ее разделе, а о совместной русско-английской защите от возможных аннексий со стороны Франции.

В соответствии с накопленными фактами, требуют исторической переоценки цели турецкой миссии А.С. Меншикова. Искажение ее задач в западной дипломатии доходило до случаев откровенной фальсификации. Так, Ч. Редклифф, при переводе донесений в Лондон текста проекта русско-турецкой конвенции, вместо слов «делать представления» (перед османскими властями) написал «давать приказы». Самого английского посла Редклиффа в Стамбуле именовали «вторым султаном». Его советы великому визирю Рашид-паше биограф виконта Л. Бирд называл «инструкциями». Последние требования А.С. Меншикова во время константинопольских переговоров сводились лишь к сохранению «на основе строгого статус-кво» прав и привилегий православной церкви в Османской империи. Достаточно было тривиального заверения Порты в дипломатической ноте. Но даже на столь умеренные запросы русская сторона получила отказ. Была разыграна карта Ч. Редклиффа, стремившегося превратить двусторонние русско-турецкие отношения в международные. Таким образом, подлинную угрозу суверенитету Турции представляли не русские претензии о соблюдении прав православных, а англо-французские проекты взять земли Османской империи под коллективный протекторат.

Некорректно также утверждать, что после константинопольской миссии А.С.

Меншикова война стала неизбежна. Насчитывается двенадцать проектов и инициатив урегулирования назревающего конфликта (наибольшую известность из которых получила т.н. «венская нота»). Причем, Петербург в целях достижения консенсуса шел на компромисс с частичным ущемлением своих интересов. Но усилиями английской и французской дипломатии все планы мирного урегулирования оказались сорваны. Историографический акцент на миссии А.С. Меншикова, при гораздо меньшем внимании к иным дипломатическим перипетиям, приводил к тенденциозным обвинениям России как зачинщика конфликта.

А.С. Меншиков вез в Константинополь пакет мирных инициатив. Предложения князя Порте, вопреки утверждениям западной печати, отнюдь не носили ультимативного характера и не включали заведомо неприемлемых условий. Напротив, вносился проект оборонительного союза, а также ряд договорных обязательств, предусматривавших активное русско-турецкое экономическое и культурное сотрудничество. Но тайная дипломатическая игра английской и французской миссии сорвала подписание этих судьбоносных документов.

Как правило, советские историки акцентировали внимание на проявивших себя в Крымскую кампанию пороках российской военно-феодальной системы. Но при сравнении с союзническими армиями обнаружилось бы, что аналогичные проблемы существовали и в войсках передовых европейских государств. Так указывалось, что российское командование к началу военных действий в Крыму не имело даже пригодной карты южного побережья полуострова. Но и у союзников отсутствовала картография Крыма, хотя они, а не русские избрали театр боевых действий.

Союзнические армии во время войны столкнулись с массовым дезертирством. Из призванных в британские войска дезертировали 25%, а в французские – 10% солдат. У английского солдата был несравненно более калорийный пищевой рацион, чем у русского. Но, как и последний, он подвергался довольно сильной муштре. Повальный характер в британской армии имело пьянство. По оценке одного из английских историков: «Привычка солдат к пьянству воспринималась общественностью как профессиональная болезнь». Процветал средневековой обычай покупки офицерских должностей. Стоимость места в элитных частях равнялась целому состоянию. Такого рода офицеры могли неделями не появляться в подведомственных частях.

Клише советской историографии стало указание на то, что русскому парусному флоту противостояли пароходы союзников. Данные по диспозиции Балтийского и Черноморского флотов в годы Крымской войны, свидетельствуют, что паровые суда находились на вооружение крепостнической России. На рейде в Черном море находилось 4 паровых фрегатов и 10 пароходов, в Балтийском – 27 пароходов. У союзников, хотя и имелось больше паровых судов, но они также не превосходили численности парусников, оставаясь тактически подчиненными им в боевых операциях.

Ссылка на превосходство союзнических армий по качеству ружей, как главный фактор русского поражения, пошла от реляций А.С. Меншикова, пытавшегося оправдать указанием объективных факторов субъективные просчеты. Даже Н.С. Лесков, судя по его «Левше», видел в превосходстве английских ружей один из главных факторов поражений в Крымской кампании. В предисловии к первой публикации «Левши» он, аннотируя рассказ, писал: «Здесь же выясняется некоторая секретная причина военных неудач в Крыму». В действительности, уже в ходе войны старые русские мушкеты были в основной массе переделаны в штуцера. «Современные» британские ружья регулярно отказывали своим владельцам при дождливой и морозной погоде. А поскольку подобные климатические условия были довольно часты,

то технические преимущества английского вооружения сводились на нет. При таких ситуациях решающим фактором становилось умение ведения штыкового боя, в чем николаевский солдат находился на недосягаемой высоте. В сражении при Инкермане, единственном, которое русская армия проиграла, имея численный перевес, дальноточность союзнических ружей нивелировалось туманом. Конечно, ружье Минье внесло свою лепту в победу союзников, но не являлось главной ее причиной.

Русская армия была закалена в непрекращающихся войнах. Храбрый кавалерийский генерал Я.П. Кульнев сформулировал военную парадигму мышления русского дворянства: «Матушка Россия тем хороша, что все-таки в каком-нибудь углу ее да дерутся».

Отнюдь не во всех аспектах вооружения и подготовки русская армия уступала противникам. В частности, апробированные в Крымскую кампанию русские гальванические мины академика Б.С. Якоби были более совершенными, чем западноевропейские образцы. Мины иностранного поставщика русской армии Нобеля принципиально уступали в поражающем действии русским образцам. В 1855г. на вооружение севастопольского гарнизона поступила первая партия револьверов системы Кольт производства Тульского завода. Правда, ее хватило лишь для оснащения незначительной части офицерского состава. В самом преддверии войны великий князь Константин Николаевич развернул программу реорганизации парусного флота в паровой. России не хватило всего нескольких лет для перевооружения. Таким образом, крепостная система не являлась непреодолимым препятствием к модернизации ВМФ. В отдельных областях военного дела крепостная Россия была вполне конкурентоспособна в сравнении с капиталистическими государствами Запада.

На случай наихудшего сценария развития событий у русских царей имелось старое средство – обращение с призывом о создании народного ополчения. Впрочем, несмотря на кажущуюся неэффективность мобилизационной системы России, она позволила призвать в армию за период Крымской войны 1 млн.45тыс. рекрутов и ратников, не исчерпав всего ресурса. В то же время существенные проблемы с мобилизацией испытывали Англия и Франция. Англичане были вынуждены пойти на рискованные меры, ослабив гарнизоны Мальты и Гибралтара.

До конца своих дней Николая I требовал наступления и ожидал близких побед. Судя по его высказываниям, он ни при каких условиях не принял бы мир в качестве проигравшей стороны. В намерения Николая I входило обратиться к народу с воззванием и провозгласить Отечественную войну. Жесткость и требовательность Николая I мобилизовали армию, а либеральный стиль его преемника действовал разлагающе. Александр II, придя к власти, в отличие от отца, избрал поражение терпеливому пути борьбы.

Удивительной на первый взгляд может показаться позиция российской интеллигенции, сочувствовавшей национальным противникам России. В Крымскую войну вся общественность аплодировала военным успехам антирусской коалиции. Н.Г. Чернышевский был весьма недоволен Парижским миром, полагая, что унижение России и гекатомбы жертв недостаточны.

Даже С.М. Соловьев, отстаивавший впоследствии в своих трудах идею о движущей силе государственного начала в русской истории, признавался, что совместно с единомышленниками желал поражения николаевского государства в Крымской войне. В диссонанс с курсом лекций звучат слова воспоминаний историка: «В то самое время, как стал грохотать гром над головою нового Навуходоносора, когда Россия стала терпеть непривычный позор военных неудач, когда враги явились под

Севастополем, мы находились в тяжком положении: с одной стороны, наше патриотическое чувство было страшно оскорблено унижением России, с другой, мы были убеждены, что только бедствие, и именно несчастная война, могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение; мы были убеждены, что успех войны затянул бы еще крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему; мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные приводили бы нас в трепет». Историческое значение войны для России С.М. Соловьев видел в преодолении чувства нарциссизма, порожденного чередой предшествующих побед. Пораженческие и антиниколаевские настроения публики в Крымскую войну дирижировались, естественно, из Лондона, усилиями А.И. Герцена. Он верил, что военный провал царизма станет началом крупных общественных преобразований, а в лучшем случае народной революции. А.И. Герцен и пытался выступить ее застрельщиком, взывая к новой пугачевщине.

А.И. Герцен, как никто другой из западников испытывал персональную неприязнь к Николаю I. Его смерть он воспринял с нескрываемой радостью — «бельмо снято с глаз человечества». Герценовский некролог звучал приговором царствованию ушедшего из жизни императора: «Разбитый, обкраденный, обманутый, одуроченный шеф Павловского полка отошел в вечность».

Если генерация западников-либералов боялась победы самодержавия в войне, то среди молодого поколения революционного разночинства преобладающим чувством было, переходящее в цинизм, злорадство о поражениях России. Н.В. Шелгунов приводит в своих воспоминаниях характерный пример такого отношения: «Когда в Петербурге сделалось известным, что нас разбили под Черной, я встретил Пекарского. Тогда он еще не был академиком. Пекарский шел, опустив голову, выглядывая исподлобья и с подавленным и с худо скрытым довольством; вообще он имел вид заговорщика, уверенного в успехе, но в глазах его светилась худо скрытая радость. Заметив меня, Пекарский зашагал крупнее, пожал мне руку и шепнул таинственно в самое ухо: «Нас разбили!»».

Те же чувства испытывал при получении сообщений о взятии Севастополя Н.А. Добролюбов: «Севастополь взят, эта весть никого почти не поразила, потому что давно была ожидана. Все как будто перевели дух после долгого ожидания и сказали: ну, наконец-то... Взяли же таки!...». Единственное недоумение молодого студента вызывал вопрос, почему до сих пор просвещенная Европа сносила Николая I, заслонявшего ей дорогу к совершенствованию и старавшегося погрузить в мракобесие?

Парадигма прогрессивного поражения в общественном сознании была преодолена лишь через семь лет после подписания Парижского мира. Поддержка Европой польского восстания открыла русской общественности глаза, что и в Крымской кампании та воевала не с николаевским режимом, а против России как таковой. Либеральничавший в период Крымской войны А.И. Кошелев приветствовал решительность действий властей против польских сепаратистов: «А. Муравьев хват! Вешает да расстреливает, дай ему бог здоровья».

Еще видный российский дореволюционный военный историк Н.Ф. Дубровин, выявляя причины поражения России, сформулировал в свое время концепт «удара в спину». В качестве внутренних врагов, чья деятельность негативно сказалась в ходе Крымской войны, он называл поляков, крымских татар и революционеров. Н.Ф. Дубровин писал о сознательной работе представителей революционной эмиграции в целях деморализовать и пошатнуть дисциплину в русской армии. Польский фактор сказался в измене офицеров-поляков, находящихся на русской

службе. В частности, одной из главных причин поражения в битве при Альме стала измена польского подполковника Залесского, приказавшего свести войска с возвышенности в низину, что ставило их в заведомо невыгодное положение. Переход офицеров и солдат поляков к неприятелю в период Крымской войны носил массовый характер. Крымские татары связывали с экспансией союзников, и, прежде всего, единоверцев турок, надежды на восстановление независимости. К русским они относились подчеркнуто враждебно. Предвидя вероятность татарской измены, власти предприняли ряд превентивных мер, запретив в частности им ходить с подводами далее Перекопа. Содействие крымских союзникам, в положении нехватки у тех продовольствия и воды, стало спасением для вражеской армии в решающей фазе крымского противостояния.

Отношение западной общественности к России в Крымской войне определялось позицией прессы и зачастую манипулировалась ей. Сложилось целое направление антироссийской памфлетистики. Характерными ее инсинуациями являлись сообщения о зверствах русских солдат, добивавших раненых. Известия о Синопской победе наполеоновские памфлетисты преподносили первоначально следствием русского вероломства, а затем как избиение слабого, фактически беззащитного противника, каковым являлся турецкий флот.

Умонастроения европейцев иллюстрируют тюремные письма А. Барбеса, приветствовавшего вступление Франции в войну против северного деспота. В виду проявленного патриотизма Наполеон III даже амнистировал заключенного, что того крайне оскорбило.

Советские историки предпочитали обходить вопрос о массовом участии в войне против России в качестве добровольцев представителей европейских революционных организаций. Только Е.В. Тарле вскользь упоминает о том, что в Турции укрывались около 1100 венгерских и польских участников восстания 1849 г. В их числе находились такие видные деятели революционного движения как Бем, Дембинский, Замойский и Высоцкий. Там же скрывались и руководители польского восстания 1830 – 31 гг. Вопреки грозным нотам Петербурга и Вены, Порты отказала в выдаче эмигрантов. Добровольцы к участию в войне против России кооптировались фактически со всей Европы. В боевых операциях союзников в Крыму широко использовались африканские колониальные силы. Известны даже случаи привлечения наемников из стран Латинской Америки.

По масштабам потерь Крымская война находилась на уровне доиндустриальной эпохи в истории развития техники. В силу периферийной локализации театра боевых действий, сравнительно невелики были жертвы среди мирного населения. Новым явлением в истории военного искусства стал позиционный характер войны, вследствие чего число солдат умерших от болезней впервые превышало боевые потери. Даже не участвующая в боях отобилизованная австрийская армия лишилась по фактам смерти 35 тыс. человек (суммарно больше чем, к примеру, воевавшие английские войска). Как известно, жертвы России, приносимые на алтарь войны, были всегда значительными. Зачастую их масштабы превосходили потери неприятеля даже в выигранных русской армией сражениях и войнах. Императив «завалить противника трупами», - являлся стратегическим принципом русских побед. В проигранную же Крымскую войну, Россия понесла даже несколько меньшие потери, чем суммарно потерял неприятель.

Всемирно-историческое значение Крымской войны заключалось в разрушение европейской политической системы Священного Союза. Попытка построения

международных отношений на началах христианской этики потерпела крах.

Одна из главных причин поражения в Крымской кампании определялась рассредоточенностью русских военных сил. Возможностей для обороны по всему периметру Российской империи не хватало.

Россия хоть и потерпела поражение, но при том не уронила чести великой державы. Война велась одновременно против четырех держав, а успех союзников имел лишь локальный характер, ограниченный Крымским театром боевых действий.

На Парижском конгрессе поднимался вопрос о реставрации суверенной Польши. Усилиями российской дипломатии он был временно снят с повестки дня. Гораздо большее внимание уделялось в связи с установлением последствий Крымской войны итальянской проблеме. Вытеснение Австрии с Апеннинского полуострова, а в перспективе и создание единой Италии было предопределено. Еще в 1854 г. и М.П. Погодин и Ф.И. Тютчев предсказывали, что прямым последствием победы Наполеона III под Севастополем будет изгнание Австрии с Апеннин. «Пушка, которая разбивает Севастополь, прогонит Австрию из Италии», – пророчествовал Ф.И. Тютчев.

Авторы капитальной монографии «Кембриджской истории внешней политики Британии» обратили внимание, что после Первой мировой войны политическая карта Балкан и Ближнего Востока в точности соответствовала предложениям Николая I в отношении Османской империи. Стоило ли вести кровопролитную бойню с Россией в Крымскую кампанию, если через 60 лет пришлось самим утверждать прежние русские представления. Таким образом, глобальная историческая перспектива подтверждала правоту Николая I в его оценках восточного вопроса, несмотря на то, что в частной политической конъюнктуре он допустил ряд серьезных просчетов.

Оценивая последствия поражения в Крымской войне для внутренней жизни России, все исследователи сходились в том, что оно стало большим психологическим потрясением. Национальное оскорбление нанесенное России в Крымской войне привело к конструированию на уровне этнопсихологии образа врага, под которым подразумевались французы и англичане, и изменника – австрийцы. Симпатии, испытываемые в 1860-70е гг. кадровым офицерством к Пруссии были связаны с противостоянием её бонапартистской Франции. Победа немцев под Седаном вызвала рефлексию отщепенения в русском обществе. Мало известен факт о присутствии в войсках прусской армии во время войны 1870г. добровольцев из России. В канун русско-турецкой войны в народе царило воодушевление в связи с предстоящим реваншем не только над турками, но и на англичанами. Планы же заключения нового союза с Веной не состоялись во многом из-за недоверия к «изменникам-австриякам».

П.Б. Струве одним из первых высказал парадоксальную мысль об отсутствии объективных предпосылок отмены крепостного права в России. Крепостнический строй мог бы просуществовать вне кризисных потрясений еще ни одно десятилетие. Реформы были обусловлены в большей степени моральным потрясением от крымского поражения, нежели внутренними противоречиями.

Масштабы оценки поражения были в российском обществе существенно завышены. Данная переоценка предопределила иноцивилизационный вектор развития страны в последующее царствование. Под прикрытием реформ произошло фактическое отступление от парадигмальных принципов функционирования российской цивилизации. Никогда уже впоследствии Российская империя и ее вооруженные силы не достигали уровня того могущества, которым обладали они в николаевскую эпоху.

Злоупотребления в финансовом ведомстве во второй половине XIX века

Злоупотребления в сфере государственного финансового управления России XIX в. является важной темой, рассмотрение которой позволит лучше понять предпосылки и причины злоупотреблений в государственном аппарате в целом, раскрыть механизмы злоупотреблений и проанализировать их влияние на общую политическую, социальную и экономическую ситуацию в стране. Изучение механизмов злоупотреблений второй половины XIX в. представляет наибольший интерес из-за некоторой схожести обстановки того времени с современной: перерождение (постепенное в пореформенной России и стремительное в недавнем прошлом) костного государственного аппарата в условиях развития капиталистических (рыночных) отношений.

Переход к новым экономическим условиям в первую очередь сказывается на положении ведомств, отвечающих за экономическую политику. В России XIX в. таким ведомством было Министерство финансов, которому в середине столетия были подчинены как финансы, так и управление промышленностью, горным делом, торговлей, таможенным делом и т. д. При этом к середине 1850-х гг. Министерство финансов считалось одним из самых коррумпированных ведомств в стране, где коррупция была способом существования чиновничества.

В чем были причины высокой коррумпированности русских чиновников? Современный исследователь А.В. Оболонский видит три источника распространения коррупции в рядах российского чиновничества: несовместимость самих основ идеологии и психологии абсолютной монархии с идеей гражданской службы как службы обществу; централистская организация власти; крайняя бедность низшего чиновничества недостаточность жалования, ведущая к необходимости брать взятки²⁷⁷. Л.Ф. Писарькова дала более широкое освещение главным причинам злоупотреблений: «1) Состав гражданских служащих, формировавшийся преимущественно из малообеспеченных и малообразованных слоев населения, которые стремились нередко любой ценой «выбиться в люди»; 2) Необеспеченность государством необходимого уровня оплаты труда чиновников и вытекавшее отсюда попустительство по отношению к нарушителям закона; 3) Вседозволенность и правовой нигилизм богатых и знатных людей, характерные для жестко регламентированного общества; 4) Использование для формирования системы коллективных злоупотреблений вертикали власти, созданной министерской формой управления; 5) Традиция «кормления» должностных лиц, в видоизмененной форме сохранявшаяся на протяжении всей истории и развращавшая администрацию; 6) Терпимость общества по отношению к взяточникам, вытекавшая из этой традиции»²⁷⁸.

Все эти причины, безусловно, объясняют высокий уровень злоупотреблений в финансовом ведомстве середины XIX в. Но, возможно, наибольшее значение имела вторая причина — недопустимо низкий уровень оплаты труда российских чиновников. Нищенское жалование являлось закономерным обоснованием наличия у чиновников «нетрудовых» доходов и терпимого отношения общества к ним.

²⁷⁷ Государственная служба (комплексный подход): Учебное пособие. — М., 1999. С. 79–80.

²⁷⁸ Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. №5. С. 47–48.

Осознаваемая современниками несправедливость (и даже нелепость) штатных расписаний, не менявшихся в течение десятилетий, особенно в провинциальных учреждениях, оправдывала в глазах общества стремление чиновников к самостоятельному «вознаграждению» своего труда. Примером анахронизма штатного расписания была система разделения одинаковых должностей на старших и младших, так как их обязанности практически не различались, и разделение отражалось лишь на жаловании. Например, в отношении управляющего Главного Казначейства от 25 ноября 1892 г. отмечалось, что должность младшего казначея стоит наравне с должностью старшего кассира (IX класс), хотя по служебной значимости и обязанностям должна быть приравнена к должности бухгалтера (VIII класс). Но все представления по этому поводу были отвергнуты²⁷⁹.

Низкие оклады чиновников оставались очень серьезным препятствием для развития аппарата министерства. В отношении управляющего Главного Казначейства от 9 июня 1890 г. говорилось, что «оклады содержания, назначенного штатным чином Главного Казначейства, совершенно не соответствует уже ныне ни размерам денежных оборотов, производимых этим учреждением, ни дороговизне жизненных потребностей в Петербурге, ни количеству служебного труда, которые несут означенные чины. ... Крайняя скудность назначаемого по службе содержания ... лишает учреждение возможности иметь постоянный хороший личный состав служащих, заставляя лучших и наиболее способных из них приискивать себе места в других учреждениях, где труды служащих лучше вознаграждаются»²⁸⁰. Министр финансов С.Ю. Витте старался увеличить жалование своим подчиненным, но и к 1903 г. жалование большинства чиновников среднего звена центрального аппарата едва превышало 2 тыс. руб., а местных – 1000 руб.

Низкие оклады вызывали бегство финансовых чиновников в другие управления и в частные структуры. Расцвет частного предпринимательства способствовал усилению этих тенденций. В 1885 г. на заседании Комиссии для составления проектов местного управления при обсуждении вопроса о статусе земских бухгалтеров товарищ министра финансов поведаль, что 7/8 всего состава бухгалтеров Государственного банка ежегодно переходят в частные банки²⁸¹.

Большую проблему представляла неравномерность в оплате труда финансовых чиновников разных частей управления. Бумаги Общей канцелярии и департаментов Министерства финансов содержат большое количество жалоб управляющих казенными палатами на несправедливость в оплате труда, на отток чиновников из старых частей управления во вновь образованные с более высоким окладом жалования. Например, в донесении управляющего Бессарабской палатой говорилось, что в акцизном управлении даже самые низшие должности контролеров, не требующие ни особой подготовки, ни особых познаний, оплачиваются выше «нежели довольно ответственные должности столоначальников и бухгалтеров Палаты, для занятия которых требуется уже известной степени служебная опытность»²⁸². Управляющий казенной палатой в Тамбове отмечал, что его содержание, даже с учетом различных надбавок, ниже содержания управляющего отделением Государственного банка

²⁷⁹ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Фонд 565. Опись 3. Дело 11107. Лист 11.

²⁸⁰ РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 11107. Л. 1об.

²⁸¹ Журнал высочайше учрежденной Особой комиссии для составления проектов местного управления. № 9. Заседания 26 и 29 января и 1, 5, 7, 9, 12, 14, 16, 21 и 23 февраля 1885 года. С. 102.

²⁸² РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 119. Л. 59.

на 10% и в три раза меньше содержания управляющего акцизными сборами²⁸³. При том, чем меньше должность, тем разница становилась существеннее. В министерство С.Ю. Витте, когда было создано множество новых управлений, эта проблема приобрела особую остроту. Даже в центральном аппарате подобная диспропорция была очень сильна. В 1902 г. наименьший оклад директора департамента составлял 3431 руб., наибольший — 8560 руб.

В дореформенный период чиновники финансового ведомства прежде всего решали проблему низкого уровня оплаты труда за счет откупной системы, которая была самым ярким проявлением их коррумпированности. В 1830-1850-х годах во всех губерниях само собой подразумевалось, что значительная часть чиновников получала двойное жалование: меньшее — от казны, большее — от откупщиков. В Новгородской губернии председатель казенной палаты получал от откупщика 2000 руб., советник питейного отделения — 600 руб., 500 руб. давалось на стол и 600 руб. — винному приставу²⁸⁴. По воспоминаниям одного из современников, начальник питейного отделения Казанской казенной палаты считался местным Крезом²⁸⁵.

По справедливому замечанию К.А. Скальковского, «в провинции вся администрация была на откупу у откупщиков»²⁸⁶. «Все председатели казенных палат были на содержании откупщиков», — отмечал Е.И. Ламанский²⁸⁷. Председатель казенной палаты получал от откупщиков в год от 15 до 30 тыс. руб.²⁸⁸ О том, какие доходы получали представители высшего финансового управления, можно только догадываться. Известно, что откупщики, чтобы спасти свое дело в период подготовки отмены откупов, предлагали готовившему ее К.К. Гроту 1 млн. руб.²⁸⁹ Грот отказался, но ведь многие не отказывались. Пример — директор Общей канцелярии МФ барон Гревениц, которого называли «барон Гривенничек» за то, что он, не стесняясь, обирал и председателей казенных палат, и откупщиков²⁹⁰. Винозаводчик, бывший откупщик и концессионер А.И. Кошелев отмечал: «Надо пожить в Петербурге и иметь там значительные дела, чтобы изведать всю глубину и ширь беспутства центральной нашей администрации»²⁹¹.

Легендарным в дореформенный период был уровень злоупотреблений в таможенном ведомстве. А.М. Тургенев утверждал, что когда он был назначен руководить Федосеевской таможней, с которой до этого в год собиралось не более 40 тысяч рублей, то достиг вскоре сбора в 900 тысяч (!), невзирая на серьезное давление «снизу» и «сверху» своих сослуживцев²⁹². Конечно, изменения в таможенном тарифе, происходившие в эти годы постоянно, влияли на размер таможенных доходов, но не до такой же степени!

Немало злоупотреблений было в горном ведомстве. Управляющего Отделе-

²⁸³ РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 119. Л. 123.

²⁸⁴ Прыжов И.Т. История кабаков в России в связи с историей русского народа. — Репринт, 1991 г. С. 242.

²⁸⁵ Из воспоминаний 1859—1861 годов. Ф.А. П-ва // Исторический вестник. — 1907. Т. 110. №10. С. 112.

²⁸⁶ Скальковский К.А. Воспоминания молодости (по морю житейскому). 1843—1869. — СПб., 1906. С. 107.

²⁸⁷ Из воспоминаний Е.И. Ламанского // Русская старина. Т. 161. №3. С. 577.

²⁸⁸ Скальковский К.А. Воспоминания молодости... С. 107.

²⁸⁹ Константин Карлович Грот, как государственный и общественный деятель (1815—1897). Материалы для его биографии и характеристики. К столетию со дня его рождения. В 3-х т. — Пг., 1915. Т. 1. С. 175.

²⁹⁰ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. — Pamфлеты эмигранта. — М., 1992. С. 361.

²⁹¹ Записки Александра Ивановича Кошелева // Всемирный вестник. 1906. №9. С. 103.

²⁹² Тургенев А.М. Судьба (Автобиографическая записка) // Русский архив. 1912. III. С. 434.

нием частных заводов А.Л. Пашенко называли Волынкинский Монте-Карло (в Волынкино у него была дача)²⁹³. Жил он явно не по средствам и имел немало покровителей. «В горной службе, как и повсюду, господствовала система «безгрешных доходов», московское «кормление», – вспоминал К.А. Скальковский, – правительство давало грошовое жалованье, предоставляя награждать себя другими путями, смотря сквозь пальцы, если кто «брал по чину»²⁹⁴. Е.И. Ламанский с иронией отмечал, что начальник алтайских заводов получал казенного содержания вдвое меньше, чем платил гувернантке своих детей²⁹⁵.

Взятки брали и в дореформенных казначействах, в которых крестьяне иногда не могли без взятки казначеям внести подати²⁹⁶.

Высокий уровень коррумпированности местного чиновничества угрожал успеху намечаемых в конце 1850-х – начале 1860-х гг. преобразований. Высшее финансовое руководство не доверяло местным финансовым чиновникам. В докладной записке Ю.А. Гагемейстера (после 1856 г.) впрямую отмечалось: «В Пруссии винный акциз собирается чиновниками правительства, но сомнительно, чтобы по неблагонадежности этого класса людей в России, можно было у нас следовать этому примеру»²⁹⁷.

Министр финансов А.М. Княжевич при обсуждении проекта отмены откупов и замены их акцизным доходом представил записку, в которой писал о том, что «для исправного поступления в казну столь огромного дохода и отвращения кормчества вином с заводов необходимо учредить более чем в 4000 местах строгий контроль из лиц испытанной и непоколебимой честности. Министр финансов не может скрыть перед Государственным советом, что в случае утверждения этой системы он будет поставлен в большое затруднение в приискании даже половины таких чиновников»²⁹⁸.

Акцизная реформа все же была проведена, и одним из самых важнейших ее результатов стало очищение местных и центральных органов МФ от разгула откупной коррупции. В результате этой реформы и реформ отчетности 1862-1868 гг. злоупотреблений стало на порядок меньше.

Но и после реформ 1860-х гг. почва для злоупотреблений у финансовых чиновников оставалась богатейшая.

Одним из самых громких дел о злоупотреблениях стало «соляное дело» 1867 г., показавшее всю глубину возможных хищений и злоупотреблений по всем частям управления и безнаказанность и бесподконтрольность высокопоставленных расхитителей и взяточников. Нижний Новгород был местом хранения огромных запасов соли, добываемой и свозимой сюда с государственных промыслов. Всеми делами, связанными с хранением и распределением соли, заправляла местная казенная палата, а точнее, ее управляющий и пристав соляных запасов. Амбары для хранения соли были специально выстроены на берегу реки Ока, которая каждый год разливалась и затопляла амбары. Под предлогом этого соль списывалась в убыток, а на самом деле заранее вывозилась и продавалась местным купцам. На протяжении

²⁹³ Скальковский К.А. Воспоминания молодости... С. 172.

²⁹⁴ Там же. С. 215.

²⁹⁵ Из воспоминаний Е.И. Ламанского... С. 577.

²⁹⁶ Крылов Н.А. Накануне великих реформ // Исторический вестник. 1903. Т. 93. №9. С. 805.

²⁹⁷ Государственные финансы России накануне реформы 1861 года // Исторический архив. 1956. №2. С. 110.

²⁹⁸ Сведения о питейных сборах в России. Составлено в Государственной канцелярии. Ч. 1. СПб., 1860. С. 46.

нескольких лет ни одна ревизия не вскрыла злоупотреблений, тем более что проводилась она чиновниками, зависимыми от управляющего палатой, который был наряду с соляным приставом главными расхитителями. Но введение акциза на соль привело к распоряжению Министерства продать все запасы соли. По бумагам соли должно было быть около 1,5 млн. пудов, а на поверку оказалось ... 5416 (!). Общий убыток для казны по самым скромным подсчетам составил 787865 руб., прибыль для управляющего палатой В.Е. Вердеровского – не менее 210 тысяч²⁹⁹. Интересен и тот факт, что предшественник Вердеровского на посту управляющего палатой, уходя в отставку, купил имение на 4000 душ, и никого это не смутило.

В этом и других подобных делах оказались напрямую замешаны и представители центрального аппарата. С незаконной продажей железа с уральских заводов оказался связан вице-директор Горного департамента – приятель нижегородского управляющего казенной палатой, который сбывал железо местным купцам³⁰⁰.

Сохранялся высокий уровень злоупотреблений в казначейской части. После 1861 г. злоупотреблений в деле приема податей стало меньше, но и в 1870-е гг. возникали для плательщиков податей разнообразные затруднения³⁰¹. Даже в 1880-е гг. платеж податей был чрезвычайно тягостным для крестьян, и те, через Министерство внутренних дел, настояли на праве пересылать их по почте³⁰². Думается не только нежелание тратить время на дорогу, но и нежелание иметь дело с казначейскими чиновниками лежало в основе этого прошения.

Главными видами злоупотреблений в казначействах были подлоги, выдачи по подложным ассигновкам и хищения. Большую известность получило дело о неправильном производстве пенсioнов по Казанскому уездному казначейству. Служивший там с 1848 по 1861 гг. журналист Тимофеев, пользуясь покровительством казначея, путем приписок и других злоупотреблений похитил не менее 73 тыс. руб.³⁰³. Как позже вскрылось, управляющий Казанской казенной палатой В.Е. Ведерников за семь лет получил пенсий за «мертвые души» на сумму более 80 тыс. руб., и вскрылось это случайно, – после того как Ведерников попался на хищении соли в Нижнем Новгороде³⁰⁴. Злоупотребления с выплатой пенсий были вообще достаточно распространены. В 1887 г., например, было вскрыто крупное злоупотребление в Главном казначействе – выдача по подложным документам пенсий на сумму более 50 тыс. руб.³⁰⁵.

Утайка гербовой бумаги, медной монеты, ветхих казначейских билетов, получение процентов по бумагам распорядительных учреждений, получение пенсий на умерших и т. д., – эти злоупотребления были достаточно многочисленными. Немаловажную роль в распространности злоупотреблений играли невыполнение по небрежности служебных инструкций и недостатками ревизии. В Казанской казенной палате грубейшим образом нарушались правила поверки пенсионных книг, что способствовало хищениям в местном уездном казначействе³⁰⁶. В предписании

²⁹⁹ Морозов П.О. Соляное дело (По документам и личным воспоминаниям) // Голос минувшего. 1915. №11. С. 144–160.

³⁰⁰ Там же. С. 153.

³⁰¹ См., например, Научно-исследовательский Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (НИОР РГБ). Фонд 328. Картон 8. Единица хранения 3. Рапорт Костромской казенной палате о взимании податей (1879).

³⁰² Вестник финансов. 1889. Приложение. №1. С. 6.

³⁰³ НИОР РГБ. Ф. 31. IV. 4. Л. 13.

³⁰⁴ Морозов П.О. Соляное дело... С. 146.

³⁰⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1887 год. СПб., 1888. С. 5–6.

³⁰⁶ НИОР РГБ. Ф. 31. IV. 4. Л. 3.

Департамента государственного казначейства от 14 июля 1889 г. приводится следующий случай: один из казначеев заметив, что ветхие казначейские билеты никогда не подвергаются пересчету при свидетельстве касс, делал на бандеролях неверные отметки о количестве находящихся под бандеролью билетов³⁰⁷. Одно из крупнейших хищений в 1880-е гг. — похищение из Тифлисского губернского казначейства процентных бумаг на 330 тыс. руб. — стало возможным благодаря грубому нарушению служебных правил со стороны одного из чиновников. В Петрозаводском казначействе растрата была связана с тем, что прием и выдача из сберегательной кассы производились одним контролером, без участия казначея, а это было грубым нарушением правил³⁰⁸.

Многочисленные злоупотребления отмечают и историю созданного в 1860 г. Государственного банка. Наиболее распространенными были обсчет клиентов, подделка векселей и отказ на размен. Если первые два нарушения были опасны для самих нарушителей, то последнее злоупотребление совершалось без всякой опаски. В 1860-1880-е гг. у предпринимателей часто возникала необходимость размена бумажных денег на серебро в достаточно больших количествах (часто для выплаты жалованья служащим и рабочим). Но предприниматель, являвшийся в банковскую контору, получал ответ, что серебра нет. В то же время банковские служащие производили размен для «своих людей», которые уже по завышенному курсу производили размен.

В 1860-е гг. прогремело по всей стране «Дело Сикорского» — дело о крупных хищениях из Московской конторы Государственного банка. В злоупотреблениях были замешены 19 чиновников!³⁰⁹

Высокое жалование, предназначенное акцизным чиновникам, также не было достаточной страховкой от злоупотреблений, хотя уровень нарушений в этой области управления был действительно меньше ожидаемого. Но нужно подчеркнуть, что вскрытие нарушений в акцизном деле было затруднено спецификой дела. А о том, что возможности у чиновников здесь были самые широкие, свидетельствует следующий факт: простой надсмотрщик на Туриянском заводе получал от заводчика 600 руб. за то, что закрывал глаза на выпуск «лишнего» спирта. Только донос рабочих позволил вскрыть это³¹⁰.

Даже податная инспекция, о тщательном подборе членов которой финансовое руководство проявило особую заботу, не избежало язвы коррупции. При сборе промыслового налога они входили в непосредственный контакт с предпринимателями, что вело к большим соблазнам. Например, в 1894 г. податный инспектор Скерневицко-Блонского участка Варшавской губернии был обвинен в попытке получения взятки с акционерного общества жирардовских мануфактур в 40 000 руб.³¹¹

Большие и постоянные злоупотребления оставались отличительной чертой деятельности таможенного управления. Ф.Г. Тернер отмечал, что в начале 1860-х гг. «состав таможенных чиновников, особенно в пограничных таможнях, оставлял много желать, контрабанда происходила в довольно широких размерах и не только в смысле провоза товаров мимо таможен, но и в самых таможнях допускалось немало

³⁰⁷ Сборник циркуляров Министерства финансов казенным палатам, казначействам и податным инспекторам за 1865–1894 гг. Вып. 1. /Сост. Н.А. Дмитриев. Киев, 1902. С. 360.

³⁰⁸ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1890 год. СПб., 1891. С. 5–6.

³⁰⁹ Бугров А.В. Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999. С. 100–101.

³¹⁰ Указатель правительственных распоряжений по МФ за 1865 г. №17. С. 262.

³¹¹ РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1136. Л. 193–212.

злоупотреблений, в виде пропуска высоко обложенных товаров по низкой пошлине, несмотря на то, что формализм и бумажный контроль были доведены до последних границ сложности. Злоупотреблениям последнего рода было присвоено даже особое название – легальная контрабанда. Одной из главных причин недовольности состава таможенных чиновников следовало считать «недостаточность содержания»³¹². Устаревшее и несовершенно таможенное законодательство позволяло чиновникам наживать огромные барыши, ничем почти не рискуя. Согласно таможенному уставу стоимость провозимого через таможенную товары определялась самими торговцами. Те ее, естественно, безбожно занижали. У таможенных чиновников было право, если они считали, что цена занижена, купить у торговца товар по указанной стоимости, причем последний не мог уже отказаться от сделки. После чего товар продавался через аукцион. Но таможенникам не было это выгодно, так как, рискуя казенными суммами, они могли и не реализовать товар из-за саботажа купцов во время аукциона. Поэтому таможенники за определенную «мзду» просто закрывали глаза на заниженную стоимость товара. Причем, если они умело ставили процесс получения «вознаграждения», уличить их в злоупотреблениях было невозможно, ведь не существовало каких-то правил определения «на глазок» стоимости товаров.

Более опасным для взяточников видом злоупотребления был подлог, связанный с переводом товара из одной категории обложения в другую. Подчистки и подписки в документах были обычным делом³¹³. Так в отчете государственного контролера за 1872 г. приводится следующий случай: на одной из таможен шелковая ткань была проведена как полунешелковая, что снизило ставку пошлины³¹⁴. Причем злоупотребление было вскрыто исключительно из-за небрежности самих таможенных чиновников, которые вначале вписали в документы шелковую ткань, потом, видимо договорившись с купцом и не имея времени или желания переоформить документацию, просто перед словом «шелковая» поставили «полу», причем крайне неловко, что и заметил проверяющий.

Наиболее простым злоупотреблением был пропуск товаров без пошлины. Как отмечал Е.И. Ламанский, таможенные чиновники «вели открытую торговлю за пропуск товаров без внесения пошлин»³¹⁵.

Вознаграждение от предпринимателей иногда принимало и официальный характер. Чины Рижской таможни ежегодно с 1828 по 1871 г. получали от местного биржевого комитета пособия на сумму 60000 руб., о чем знали и директор таможенного Департамента, и сам министр финансов. Наконец, в 1871 г. М.Х. Рейтерн решил, что такая «приплата» является неудобной, и запретил ее. Но уже в 1877 г. министр согласился вновь ввести этот «обычай»³¹⁶. И лишь в 1884 г. последовала окончательная отмена этой традиции, замененной регулярным канцелярским сбором в пользу канцелярских чиновников и писцов для всех таможен³¹⁷.

Высшее финансовое руководство пыталось бороться с таможенной коррупцией разными путями. Князь Оболенский – глава Департамента внешней торговли, а впоследствии Департамента таможенных сборов, – с одной стороны, проводил

³¹² Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. В 2-х т. Т. 1. СПб., 1910. С. 230.

³¹³ См., например, Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1868 год. СПб., 1869. С. 17–18.

³¹⁴ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1872 год. СПб., 1873. С. 17.

³¹⁵ Из воспоминаний Е.И. Ламанского... С. 577.

³¹⁶ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1883 год. СПб., 1884. С. 52–53.

³¹⁷ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1884 год. СПб., 1885. С. 59–60.

политику увеличения жалования чиновникам за счет слияния с ним 5% прибавки с пошлин, с другой — увольнял старых чиновников. В результате, «весь состав таможенных чиновников, изменился и облагородился, благодаря чему появилось в таможенной службе совершенно новое направление. Повеяло как бы свежим духом»³¹⁸.

Другим способом было изменение законодательства в сторону упрощения и ограничения прав чиновников. Авторы биографического очерка М.Х. Рейтерна указывали, например, что в 1850-1860-е гг. происходило упрощение таможенного законодательства. В таможенном тарифе 1850 г. было 472 статьи, в тарифе 1857 г. — 362 статьи, 1868 г. — 260 статей. И этим «значительно были уменьшены предлоги к недоразумениям, шиканам и произволу таможенных чиновников»³¹⁹.

Но и после упрощения таможенного законодательства простор для злоупотреблений был столь широк, что даже самые низшие таможенные служащие — надзиратели переходных пунктов — жили не хуже управляющих первоклассными таможнями³²⁰. «Скромные» надзиратели «честно» наживали 40-50 тысяч рублей³²¹.

Новое массовое рождение коррупции в центральном аппарате министерства случилось с началом формирования крупных акционерных компаний. Среди их учредителей и акционеров было много высокопоставленных чиновников и аристократии, что стало следствием взаимонаправленных тенденций: с одной стороны, несомненно заинтересованность чиновников в получении дополнительных и весьма значительных доходов, с другой стороны, очевидна и заинтересованность руководства компаний в привлечении к ее деятельности влиятельных сановников с целью получения государственных привилегий.

Особенно отличились коррупционеры в железнодорожном строительстве — в Министерстве финансов была разработана целая система льгот, субсидий, страхования доходов по железнодорожным ценным бумагам — и многие предприимчивые люди не преминули ей воспользоваться.

Так, по подсчетам ученого-экономиста А.И. Чупрова, «высота издержек по добыванию капиталов», как правило, составляла от 30 до 50% действительной стоимости сооружения железных дорог (и значительная их часть шла на взятки влиятельным лицам в правящих верхах для получения концессий). А.И. Дельвиц, например, отмечал в своих мемуарах, что ходатаи по делам железнодорожных обществ получали по 4 тыс. рублей за версту пути только за посредничество. Предприниматели называли это «взять дорогу с балластом»³²².

Недобрая слава ходила о Департаменте железнодорожных дел, образованном в Министерстве финансов в 1889 г. Как считал И.П. Табурно, получение концессии при комиссии по предоставлению новых концессий на постройку железных дорог при этом департаменте зависело «во-первых, от расположения или нерасположения господина Начальника того Департамента, в коем вопрос решается, а иногда даже от расположения более мелких чинов, во-вторых, от того нравится данная личность, или нет; если она почему-либо благоприятна для начальства, то решается все скоро»³²³. Директор департамента В.В. Максимов получал взятки от известного дельца С.И. Мамонтова.

³¹⁸ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. 1. С. 231.

³¹⁹ Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. С. 46.

³²⁰ Минцлов С.Р. В таможенном мире. Из воспоминаний. — Трапезунд, 1917. С. 12.

³²¹ Там же. С. 14.

³²² Дельвиц А.И. Мои воспоминания. Т. IV. М., 1913. С. 258.

³²³ Табурно И.П. Эскизный обзор финансово-экономического состояния России за последние 20 лет (1882–1901). — СПб., 1904. С. 77.

При этом коррупция редко принимала формы открытой взятки. Один из героев пьесы В. Соллогуба «Тарантас» говорил: «Не думай, впрочем, чтоб петербургские чиновники брали взятки, — сохрани бог! Не смешивай петербургских чиновников с губернскими. Взятки, братец, дело подлое, опасное и притом не совсем прибыльное. Но мало ли есть проселочных дорог к той же цели. Займы, аферы, акции. Облигации, спекуляции... Этим способом при некотором служебном влиянии, при удачной сметливости в делах состояния точно так же наживаются. Честь спасена, а деньги в кармане»³²⁴.

Таким путем действовал, например, Е.И. Ламанский, который являлся не только создателем нового Государственного банка, но и активным участником в деятельности сразу нескольких кредитных учреждений, созданных по частной инициативе. Он состоял председателем совета Волжско-Камского коммерческого банка, был одним из первых акционеров Московского купеческого банка, председателем совета Русского для внешней торговли банка, председательствовал на первом общем собрании акционеров Сибирского торгового банка, стал учредителем первого Общества взаимного кредита; он разработал его устав, предоставил помещение в Государственном банке, был членом правления с основания до 1870 г., а в совете состоял до 1879 г. Кроме того, он способствовал оказанию обществу материальной поддержки. По его инициативе Государственный банк открыл этому кредитному учреждению специальные текущие счета под векселя и ценные бумаги, по которым общество кредитовалось на крупные суммы. По этому поводу в письме к матери А.Н. Куломзин писал: «Ламанский, которого я всегда считал рыцарем честности, положительно торгует своим официальным положением»³²⁵. Он приводил пример одной из афер управляющего Государственным банком, который вместе с компанией финансистов скупил еще не выпущенные акции одной железной дороги по 80 коп. за рубль, а потом перепродал их публике с барышом. При этом для операции использовался кредит Государственного банка.

Подчиненность частных банков Государственному банку давала много возможностей для чиновников. В 1860–1880-е гг. одни и те же чиновники заседали и в Государственном банке, и в частных.

Публицист Н.И. Колышко отмечал, что при С.Ю. Витте администрация частных банков, при фикции выборности, состояла по существу из чиновников Министерства финансов. «А так как биржу составляли именно они, то ясно, что биржа, с ее взмахами вверх и вниз, с ее аппаратом обогащения и разорения была финансами Министерства финансов»³²⁶.

Как свидетельствует И.Х. Озеров, директора Кредитной канцелярии, ведавшие распределением миллионных сумм за границей, распределяли их между отделениями русских банков из ничтожного процента (1,4 вместо 2–4), а после выхода в отставку оказывались в правлениях тех самых банков с годичным содержанием в 200 тысяч рублей и больше³²⁷. Видимо, «грели руки» и менее высокопоставленные сотрудники. Естественно, что для них проводимая С.Ю. Витте активная политика по привлечению иностранных капиталов и иностранных займов была весьма желанной, так как обеспечивала расширение возможностей для злоупотреблений.

Вообще, министерство Витте характеризуется невиданным расцветом систе-

³²⁴ Соллогуб В.А. Избранная проза. М., 1983. С. 262–263.

³²⁵ НИОР РГБ. Музейное собрание. Ф. 178. Карт. 9803. Ед. 4. Л. 31. В тексте фамилия Ламанский и название Государственного банка были зачеркнуты.

³²⁶ По: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 88.

³²⁷ Мемуары профессора И.Х. Озерова // Вопросы истории. 1997. №2. С. 84.

мы фаворитизма, прямых и косвенных субсидий, хищений и взяточничества, которые «создавали прямую заинтересованность правящей бюрократии в «делах» крупного капитала»³²⁸. И «получить заказ для несуществующего еще завода мог далеко не всякий, а только тот, кто знал пути в темных коридорах министерства финансов и был угоден лицам, стоявшим во главе этого учреждения...»³²⁹. Во взяточничестве были замешаны ближайšie сотрудники Витте, в том числе товарищ министра финансов В.И. Ковалевский.

Следует отметить, что очень многие, особенно высокопоставленные, чиновники находили себя потом в предпринимательстве. И большая часть начинала налаживать связи с частными структурами и «зарабатывать» будущие высокие оклады еще находясь на службе в Министерстве финансов. До 1884 г. финансовые чиновники имели право, сохраняя свои посты, служить в частных компаниях. А.Н. Куломзин вспоминал о случае, когда однажды в Комитет министров был представлен проект одной компании, в которой принимали гласное участие пять высших чиновника финансового ведомства³³⁰. По «Правилам о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и кредитных установлениях» 3 декабря 1884 г. чиновникам первых трех рангов запрещалось совмещение государственной и частной службы. Но это запрещение не достигло своей цели. И.Ф. Гиндин отмечал: «Многообразные формы связи высших чиновников с крупными предприятиями и банками — казенные заказы, казначейское и неуставное финансирование, разрешительная система учредительства акционерных обществ и любого изменения их уставов — оставались питательной средой для тесных связей крупных чиновников с заправилами банков и предприятий и, конечно, для взяточничества»³³¹. И после 1884 г. чиновники входили в правление крупных банков и предприятий, получая всякий раз особое «высочайшее разрешение». В акционерные общества записывали жен, детей и других членов семьи, что еще раз подтвердило непоколебимость взятки в России.

После 1884 г. возникла необходимость в посредниках, в равной степени связанных с бюрократической и предпринимательской средой. Директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел А.Д. Арбузов вспоминал: «Кто внимательно следил за эволюцией нашего чиновничества ... не мог не обратить внимания на появление на чиновничьем горизонте особых типов дельцов, стоящих вне служебной иерархии и пользующихся каким-то странным и даже, сказать бы, таинственным влиянием в чиновничьих, а иногда и общественных сферах. Лица эти появлялись обыкновенно неизвестно как и откуда, большею частью в качестве причисленных к министерствам или в лучшем случае чиновников особых поручений разных классов; они не имели определенных обязанностей, но влияние их на все возможные стороны министерской жизни было иногда очень сильно, с ними считались люди влиятельные и через них обделывались многие дела, которые обделать в правильном ходе бюрократической машины представлялось трудным, а иногда и невозможным»³³². Правда, А.Д. Арбузов связывал появление таких чиновников с противостоянием С.Ю. Витте и министра внутренних дел В.К. Плеве, но, по нашему мнению,

³²⁸ Гиндин И.Ф. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства // Исторические записки. Т. 35. М., 1950. С. 89.

³²⁹ С.Ю. Витте и падение русского национального кредита. СПб., 1907. С. 86.

³³⁰ НИОР РГБ. Музейное собрание. Ф. 178. Карт. 9803. Ед. 4. Л. 31об.

³³¹ Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960. С. 407.

³³² Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки. Фонд 1000. Опись 2. №54. Л. 3, 13.

уже в конце XIX в. такие получиночники-полудельцы играли немаловажную роль в «темных делах», творимых вокруг финансового ведомства.

В салоне генеральши А.В. Богданович говорилось о целом синдикате из крупных чиновников для проведения дел в Министерстве финансов. Указавшему на дело лицу платилось 10 тыс. руб. (т. е. тому, кто принес дело в синдикат), остальные, и это лицо в том числе, делили 90 тыс. руб., которые уплачивал тот, кто желает получить дело³³³. Возможность существования такого синдиката из высших руководителей вполне вероятна, так как подобные синдикаты, состоящие из чиновников среднего и низшего ранга, были в порядке правил.

Причем эти синдикаты, в условиях большой загруженности работой высшего руководства, оказывались вне контроля последнего и, более того, часто бывали случаи, когда прямые распоряжения высшего руководства игнорировались низшим, если последнее не получало своих «дивидендов» от дела.

Здесь следует привести свидетельство предпринимателя Н.А. Варенцова, который столкнулся с подобной ситуацией³³⁴. В министерство И.А. Вышнеградского Варенцов начал хлопотать по делам своего Товарищества с самых сильных чиновных особ того времени. Благодаря знакомству с кругом лиц, близко стоящим к Александру III, он получил полное согласие от всех высокопоставленных чиновников, в том числе министра финансов и директора Департамента торговли и промышленности. Но чиновники, стоящие по своему положению ниже директора, дали Варенцову понять, что он еще не взял быка за рога, а сделал грубейшую ошибку от небрежного отношения к их иерархическим ступеням. Его дело провалили, затянув его на два года вместо 3–4 месяцев. Один из мелких чиновников департамента дал тогда Варенцову добрый совет: «Начинать в министерстве все дела не с голов, а с ног». И Варенцов отмечает: «Совет этот оказался мне весьма полезен, и при следующих хлопотах я всегда держался этого правила и добивался результатов скорейших и для меня весьма полезных»³³⁵.

При этом надо отметить, что аппетиты мелких чиновников чаще всего были достаточно скромными. Вознаграждение чиновникам в 50 – 1000 руб. для лиц, хлопотавших о миллионных делах, казались иногда смехотворными, а услуги были нешуточными. Тот же Н.А. Варенцов рассказывает о чиновнике, который написал очень важную деловую бумагу за 800 рублей, и присяжном поверенном, который взялся за написание такой же бумаги за 20 тысяч³³⁶.

Некоторые мелкие чиновники, выполнявшие роль «деловодителя», ограничивались совсем скромным вознаграждением. Один из таких «деловодителей» так определял свои функции перед «нанимателем»: «Берусь немедленно направить его [дело – Я. С.] по надлежащей инстанции с наблюдением, чтобы оно где-нибудь не задержалось по небрежности чиновника, к которому попадет, а также если в дальнейшем его ходе по канцеляриям где-нибудь найдут неисполненным какие-нибудь формальности, то я вас уведомя телеграммой, и вы тогда должны приехать и лично все это устроить». За эту услугу было спрошено всего 50 рублей.

Кроме того, что такой чиновник следил за ходом дела, он сводил заинтересованное лицо с другими полезными и более влиятельными чиновниками, т. е. служил передаточным звеном к более высокой ступени иерархии. Скромное вознаграждение страховало такого чиновника от крупных неприятностей и позволяло завести

³³³ Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. – М., 1990. С. 222.

³³⁴ Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. – М., 1999. С. 84–87, 346.

³³⁵ Там же. С. 346.

³³⁶ Там же. С. 348.

широкую и долговременную «клиентуру».

Интересно мнение «клиента» о деятельности такого чиновника. Н.А. Варенцов пишет о своем «деловодителе»: «Сергей Сергеевич Захаров был хорошим человеком и, несомненно, честным, я смотрел на его работу как на пользу, извлекаемую им от своей необычайной памяти, он не делал ничего противозаконного и вредного государству тем, что помог мне и многим другим сберечь свои труды, деньги и время хождением по канцелярским дебрям, где и опытный человек мог запутаться и растеряться»³³⁷.

Часто такие «честные» услуги шли у чиновников параллельно с взятками и злоупотреблениями. Типичным «деловым» и одновременно «темным» чиновником был нижегородский пристав соляных запасов Терский. «У купцов он был любимым гостем и собутыльником, — вспоминает П.О. Морозов, — а «чиновные и должностные» были ему «все друзья и все родные», и все, кто больше, кто меньше, от него зависели и в нем нуждались»³³⁸.

Разгулу коррупции способствовало поведение высшей власти и высшего финансового руководства. Коррупция захватила даже семью Романовых. Александр II лично утверждал все железнодорожные концессии и не гнушался огромных взяток. В аферы активно вовлекали великих князей.

В коррупции были замешаны и некоторые министры финансов. А.А. Абазу называли «великим магом и волшебником по части железнодорожных сделок»³³⁹. Но особенно сильные подозрения вызывала личность И.А. Вышнеградского. Ходили красноречивые слухи, что обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву при назначении Вышнеградского министром поручили принять от него особую присягу на честность, дабы обезопасить казну. Но слухи о нечистоплотности Вышнеградского так и не утихли. Ходил, например, анекдот о сочиненном для него гербе: ворон с обрванными крыльями, на нем лента. На одном конце ленты написано «ворон» (вор он), на другом — «летать и воровать». Многие сведущие люди обвиняли его в собственной, параллельно государственной, биржевой игре на курсе рубля. Намекали и о многочисленных взятках, полученных Вышнеградским при конверсиях русских займов.

И.А. Вышнеградский сквозь пальцы смотрел на злоупотребления своих чиновников. Сам, будучи предпринимателем, он давал крупные взятки. В.Н. Ламздорф даже указывал в своем дневнике, что Вышнеградский оказался в несколько неловком положении, вступив в управление министерством вскоре после того, как дал нескольким своим будущим подчиненным «в лапу»³⁴⁰. «Казна на то и создана, чтобы воровать у ней», — говорил будущий министр³⁴¹.

В 1890 г. по России распространялось стихотворение «Всероссийское эхо», в котором были следующие строки: «Вышнеградский приезжал? Жаль. // Кризис общий разобрал? Брал. // Чем же кончил разговор? Вор. // Много дал Вам на бакшиш? Шиш»³⁴².

Погрязшие в коррупции и злоупотреблениях чиновники часто пользовались покровительством иногда более коррумпированного начальства. Например, журналист Казанского уездного казначейства Тимофеев пользовался покровительством

³³⁷ Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. С. 350.

³³⁸ Морозов П.О. Соляное дело... С. 146–147.

³³⁹ НИОР РГБ. Музейное собрание. Ф. 178. Карт. 9803. Ед. 4. Л. 34.

³⁴⁰ Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). М.; Л., 1926. С. 39.

³⁴¹ Витмер А.Н. Отрывочные воспоминания // Исторический вестник. 1911. №9. С. 869, 870.

³⁴² НИОР РГБ. Музейное собрание. Ф. 178. Карт. 9803. Ед. 5. Л. 57об.

уездного казначея, а тот — покровительством председателя казенной палаты. Под руководством последнего палата чинила разнообразные препятствия для проведения ревизии³⁴³.

Многие, даже не коррумпированные, начальники смотрели сквозь пальцы на «провинности» подчиненных, если считали их незначительными. Характерное мнение высказал таможенный чиновник С.Р. Минцлов: «Мелочи — не злоупотребление»³⁴⁴.

Часто в злоупотребления чиновники втягивались под давлением начальства. Как отмечал еще Д.П. Трошинский «несогласно с природою, чтобы чиновник противупоставил закон своему начальнику, от которого зависит все его счастье и несчастье. ... Впрочем и подчиненному не невыгодно исполнять то, что от него требует начальник, ибо в свою очередь, и он по своей части может также позволять себе злоупотребления, соразмеримые со степенью своего звания»³⁴⁵. То же соляное дело 1867 г. показало, что если злоумышленник, сам начальник, то подчиненные чиновники даже при наличии желания практически не имеют возможности вывести его на чистую воду.

Чиновники высшего, среднего и низшего рангов, погрязшие в злоупотреблениях, не стеснялись жить на широкую ногу, и их проделки были тайной Полишинеля. Вот как один из современников описывал жизнь управляющего нижегородской казенной палатой В.Е. Вердеровского: «Дом его преисполнен предметами роскоши, изящного мастерства и искусства; его повар — истинный артист; его погреб полон тонких, редких вин и напитков, его гостеприимство, посвященное только избранным, носит на себе яркую печать приветливого барства. Каждый день ... по четыре раза в день меняет свое раздушенное белье и костюмы. Он мастерски умеет жить, умеет мастерски пользоваться жизнью и всеми ее благами и хорошо знает себе цену»³⁴⁶.

По воспоминаниям П.О. Морозова нижегородский пристав соляных запасов, получая 400 руб. в год, «имел прекрасный собственный домик, держал целый штат прислуги и отличался большим хлебосольством»³⁴⁷. Не имеющий чина журналист Казанского уездного казначейства Тимофеев, получая содержание «едва ли достаточное для прожития», давал роскошные обеды для начальства и сослуживцев, имел лошадей и экипаж, покупал дома и т. д.³⁴⁸.

Таким образом, общественное мнение весьма снисходительно относилось к взяточникам, которые даже не скрывали своих действий. Благоприятная атмосфера для взяток развращала даже честных чиновников. Более того, вызывало удивление не то, что чиновник берет взятки, а то, что он не берет. Один из первых фабричных инспекторов И.И. Янжул вспоминал: «Всякий старался всучить взятки и очень, видимо, удивлялся, иногда наивно это выражая, отказу. Даже запросто спрашивали, не мало ли?»³⁴⁹.

Распространению злоупотреблений способствовала неэффективная система контроля. С.Р. Минцлов отмечал, что ревизии таможен проводятся чиновниками

³⁴³ НИОР РГБ. Ф. 31. IV. 4. Л. 3, 48.

³⁴⁴ Минцлов С.Р. В таможенном мире... С. 13.

³⁴⁵ Записка Дмитрия Прокофьевича Трошинского о министерствах // Сборник императорского Российского исторического общества. Т. 3. — СПб., 1868. С. 44.

³⁴⁶ По: Морозов П.О. Соляное дело... С. 145.

³⁴⁷ Морозов П.О. Соляное дело... С. 146.

³⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 31. IV. 4. Л. 25.

³⁴⁹ Воспоминания И.И. Янжула о прожитом и виденном в 1864-1909 гг. В 2-х вып. Вып. 1. — СПб., 1910. С. 176.

особых поручений, 99% которых не знают таможенной службы³⁵⁰. «Приедет такой ревизор в таможенную, как в дремучий лес, и не знает не только главного – досмотровой части, но и ни бухгалтерской, ни пакгаузной. Вся его ревизия сводится к пустякам и к проверке книг, в которых могут отыскаться только описки, да к замечанию о том, что чиновник ест не по чину много омаров; настоящие злоупотребления всплывают случайно, исключительно только по доносам»³⁵¹. Как отмечал один из сенаторов: «Открытия злоупотреблений обуславливались только случаем, тайной жалобой или доносом»³⁵². Примером может служить дело о злоупотреблениях в Казанском уездном казначействе, которые вскрылись только после смерти главного действующего лица – Тимофеева.

Даже вскрытие внутренней или внешней ревизией злоупотреблений или нарушений не гарантировало немедленного исправления ситуации. В циркуляре Департамента государственного казначейства от 29 ноября 1867 г. отмечалось, что «некоторые казенные палаты не считают себя обязанными уведомлять ревизионные учреждения о распоряжении по исправлению обнаруженных ими при внезапных свидетельствах казначейств упущений»³⁵³. Серьезные проблемы возникали у ревизирующих органов в случае раскрытия злоупотреблений, продолжавшихся на протяжении многих лет. При расследовании дела о пенсиях в Казанском казначействе проводившие ревизию вице-директор Департамента государственного казначейства А.К. Жуковский и чиновник особых поручений Министерства финансов Н.А. Казин признали, что полная проверка пенсионных дел по всем полагающимся документам растянулась бы на долгие годы³⁵⁴. Кроме того, само состояние дел было просто ужасно: вырванные листы, отсутствие шнуровки, многочисленные помарки. Некоторые пенсионные книги вообще не были обнаружены³⁵⁵.

Развитию злоупотреблений способствовала и относительная мягкость и избирательность наказания. Чаще всего министерское начальство старалось не выносить сор из избы. Провинившиеся чиновники отправлялись в отставку, часто добровольную и даже дающую право на пенсию. Например, когда в Тобольской губернии вскрылась у местного соляного пристава недостача соли в 1596 пудов, начальство было удовлетворено увольнением пристава по собственному желанию с возмещением убытков для казны³⁵⁶. Причем оправданием отсутствия наказания было не отсутствие злонамеренности, а именно факт согласия возместить убыток. Только в случае огласки чиновников привлекали к суду. Причем последнее грозило в большей степени чиновничьей «мелкоте», крупные взяточники и расхитители попадали на скамью подсудимых очень редко. Наказывались непосредственные виновники, а чиновники, знавшие о злоупотреблениях, но не сигнализировавшие о них уходили от ответственности. Даже результаты громкого соляного дела 1867 г., где о злоупотреблениях знала вся губерния, и, в котором так или иначе, были замешаны многие чиновники, вызывают удивление: управляющий и соляной пристав – непосредственные виновники были лишены прав и сосланы в Сибирь, начальник соляного отделения палаты был уволен, – больше никто не был наказан³⁵⁷.

³⁵⁰ Минцлов С.Р. В таможенном мире... С. 14.

³⁵¹ Минцлов С.Р. В таможенном мире... С. 14.

³⁵² Русская старина. 1881. №12. С. 828.

³⁵³ Сборник циркуляров МФ... Вып.1. Киев, 1902. С. 676.

³⁵⁴ НИОР РГБ. Ф. 31. IV. 4. Л. 5об–6.

³⁵⁵ Там же. Л. 3.

³⁵⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 8. Д. 914. Л. 26.

³⁵⁷ Морозов П.О. Соляное дело... С. 159.

Высокий уровень коррумпированности российских чиновников финансово-го ведомства конца XIX в., безусловно, так же угрожал результатам экономических преобразований, как и злоупотребления их предшественников возможности проведения реформ 1860-х гг. Однако косность административной системы, нежелание высшей власти позволить обществу осуществлять хотя бы частичный контроль за бюрократией и незрелость самого общества делали, в условиях роста возможностей чиновников влиять в своих корыстных интересах на экономическую ситуацию, борьбу с злоупотреблениями обреченной на неудачу.

**Дачные поселения и пригороды на территории
Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.:
особенности возникновения и развития**

Примеры многих типичных перерождений пореформенного периода хорошо известны и нередко глубоко изучены. Это, в первую очередь, распространение промысловой деятельности, рост вокруг фабрик рабочих поселков, которые со временем превращались в города, ускорение процессов урбанизации, приток в города люмпенизированного крестьянства, и некоторые др. Одним из результатов новой пореформенной действительности на территории Московского уезда является массовое, невиданное до того развитие дачного промысла, многочисленный рост пригородных дач. Вершиной данного процесса стало формирование самоуправляющихся крупных дачных поселков, своеобразных «дачных городков» и постепенное их развитие по пути урбанизации. Результатом чего стало происшедшее в скором времени негласное слияние дач с городом (превращение их в «спальные районы» Москвы),³⁵⁸ или приобретение ими самими городского статуса (Пушкино, Сходня, Химки и др.). Аналогом этого процесса, но в иной плоскости, является формирование городов из рабочих поселков (Реутово, Балашиха, Ивanteeвка, Красноармейск и др.)

Однако несмотря на большое внимание, которое отечественная историческая наука обращала на процессы хозяйственного и социального развития России пореформенного периода, «дачный промысел» и порожденные им формы оказались практически не изученными, несмотря на всю свою значимость, хотя важность «дачной проблемы» для начала XX в. и ее неразработанность была отмечена еще современниками.³⁵⁹

Внимание к дачам как явлению (а не отдельному эпизоду) принадлежит в первую очередь писателям начала XX в. (А.П. Чехову, И.А. Бунину, А.И. Куприну и др.) и исследователям культуры.³⁶⁰ Круг научно-исторических работ, посвященных данному явлению, значительно уже.³⁶¹ Одной из важных причин, обусловивших нераскрытость «дачной темы» рубежа XIX-XX вв., состояние источниковой базы. Несмотря на все богатство документального наследия, оставленного московскими губернскими статистиками, оно не освещает целого ряда важнейших аспектов. Это вызвано неполнотой собранных данных (по признанию самих земцев, на разосланные ими анкеты по различным поселкам было получены далеко не полные ответы), а также

³⁵⁸ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 54. Оп. 147. Д. 72. Л. 2 об. (Подтверждение массового характера переселения горожан можно найти в уже в материалах за 1880 г. Так, в графе убытки из-за зимнего простоя дач указывается прочерк, что доказывает круглогодичное использование загородных зданий для проживания).

³⁵⁹ Богословский М.М. Москва в 1870-1890-х годах // Московская старина. М., 1989. С. 360; Землевание в Московском уезде // Экономическо-статистический сборник. Вып. 5. М., 1912. С. 94-126; и др.

³⁶⁰ Нащокина М. Гости съезжались на дачу // Памятники Отечества. Иллюстрированный альманах всероссийского общества охраны памятников истории и культуры № 31. Подмосковье. М., 1994. С. 77-83; Шукин В.Г. Чеховская дача: культурный феномен и литературный образ // Очерки русской культуры XIX века. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М., 2005. С. 414-458 и др.

³⁶¹ В первую очередь к ним нужно отнести первый том «Города Подмосковья» (Кн. 1. М., 1979), ряд краеведческих работ (в частности, Б.А. Павлова и И.И. Поляка по истории города Химки;) и некоторые др. Особо необходимо отметить работу Я.М. Белицкого, написанную не только по различным материалам, но и личным воспоминаниям, что придает ей особую ценность.

задачами сбора материала, которые в первую очередь были обращены к вопросам налогообложения и развития поселков.³⁶² Из внимания, в частности, выпадала тема распространения дачного пригорода, функциональные задачи, выполняемые дачными комплексами, их иерархия и др. Кроме того, сложность привлечения статистического материала была связана с сохранением в первую очередь его конечных результатов — общих обзоров, а не конкретных анкет или записей.

В связи с этим особый интерес представляет источник, внимание к которому в настоящее время недостаточное. Это дачные путеводители конца XIX — начала XX вв. Несмотря на бесспорную субъективность и (в буквальном смысле) «проплаченность» очерков, они представляют большой интерес как своей массовостью,³⁶³ так и наличие ярких свидетельств очевидцев. Использование данного источника в сочетании друг с другом и прочими свидетельствами может дать интересный результат.

Дачные поселения к востоку от Москвы. По сообщению путеводителя в ближайших окрестностях Москвы — Пекунове и Перове — существовали в основном не дачи, а приспособленные под отдых крестьянские избы: «еще дешевле чем в Перове. Но удобств никаких не ищите».³⁶⁴ Таким образом, здесь мы еще не находим настоящих дачных поселков — крупных летних «городков». Далее описывается станция Люберцы, где (как отмечает автор путеводителя 1894 г.) «лица, не стесняющиеся средствами могут найти здесь прекрасные, вполне благоустроенные дачи в имении г. Носова. При главном доме есть великолепный сад; есть купальни. Но провизию нужно приобретать в Москве».³⁶⁵ Однако и в этом случае в наличии только отдельные дома, не связанные инфраструктурой и самоуправлением в один поселок. Наиболее престижные и развитые места летнего отдыха следуют дальше. Это Малаховка, Быково и Удельная.

Путеводитель так характеризует Малаховское поселение: «За станцией Люберцы полустанок Малаховка, где в последнее время построено не мало дач, но цены на них нельзя признать дешевыми. Правда, местность прекрасная, сухая, в растительности нет недостатка, воздух чудесный и затруднение может встретиться только в том, что провизию нужно привозить из Москвы».³⁶⁶ Местность пользовалась вниманием и активно развивалась. Перед 1917 г. в Малаховке, благодаря усилиями местного «Общества Благоустройства», функционировало несколько школ, 2 театра, 1 гимназия, 1 почта, 1 телеграф, несколько кофейных и чайных, множество спортивных площадок. Почти на все дачи (а их было к этому времени около тысячи) провели электрическое освещение. В это время главной достопримечательностью стали вечерние гуляния местных жителей по освещенному «Невскому проспекту».³⁶⁷

³⁶² Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911; Поселковая жизнь. Землевладение // Экономически-статистический сборник. Вып. V. М., 1912; Землевладение в Московском уезде // Экономическо-статистический сборник. Вып. 5. М., 1912; Московский уезд. Статистические сведения о хозяйственном положении Московского уезда // Сборник статистических сведений по московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. М., 1877; и др.

³⁶³ Всего в фрондах ГПИБ сохранилось почти четыре десятка путеводителей по дачному Подмосквью, изданных с 1860 по 1916 гг. Наибольший интерес представляют в связи с полнотой своих материалов: Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894; Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888; Путеводитель по Москве и ее древним и современным достопримечательностям и окраинам. М., 1903; Канчаловский П.П. По Московско-Ярославско-Архангельской дороге. М., 1897 и некоторые др.

³⁶⁴ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 22.

³⁶⁵ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 23.

³⁶⁶ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 23.

³⁶⁷ Белицкий Я.М. Окрест Москвы. М., 1996. С. 110.

Кроме того, в знаменитом малаховском театре выступали крупнейшие артисты того времени, а по праздникам и воскресеньям здесь давали замечательные утренники.

По соседству с Малаховкой располагались сразу четыре дачных поселения - Красково, Быково, Удельная, Томилино, которые пользовались не меньшей славой, чем их знаменитая соседка. В путеводителе 1903 г. эти поселения характеризуются, как «спокойная дачная местность, известная чрезвычайно красивыми, живописными пейзажами».³⁶⁸ Кроме того, почти все путеводители отмечают здесь обширную и гремящую на всю губернию культурную жизнь. Причем львиная доля общественной жизни этого «дачного архипелага» приходилась все-таки на Малаховку, которая неоднократно упоминалась в качестве «культурной столицы» московского лета.

Соседние поселки также вносили свою лепту в культуру загородной жизни, но бесспорно более скромную. По отношению к Малаховке они выступали как жилые пригороды по отношению к главному центру. Это сравнение подтверждается данными из путеводителя 1894 г., из которого мы узнаем, что «находящееся в 2-х верстах от этого полустанка Малаховка деревню Краськово» можно рекомендовать «лицам с ограниченным средствами». Далее поясняется причина: «Эта местность «высокая, безусловно здоровая; чистоте воздуха способствует большой, прекрасный сосновый лес; есть река. Но помещения здесь можно найти исключительно крестьянские».³⁶⁹ Такую же функцию выполняли дачные домики, расположившиеся неподалеку на земле имения Торбеево.³⁷⁰

Быково – не столь значимое как Малаховка, но все-таки занимавшее приметное место среди дачных мест Подмосковья. «Множество дач разных цен, смотря по величине»³⁷¹ располагались здесь в буквальном смысле на руинах старой и некогда очень красивой усадьбы, от которой осталось «много замечательного».³⁷² Это придавало местности особый романтизм. Но вообще «имение Быково» путеводители рекомендовали «лицам с недостатком средств». Некогда оно принадлежало помещику Ильину, в имение и селе близ него сохранился «прекрасный парк», причем «открытый для гуляющих» (что очень ценилось дачниками) и «пруды для купания. Все необходимые продукты можно было приобрести «в местных лавках».³⁷³ Но, несмотря на все эти удобства, местность значилась среди второсортных и здесь не возникло крупное дачное поселение. Лишь отдельные домики.

Последней станцией, до которой тянулось пригородное железнодорожное сообщение, была расположенная на 42 версте от Москвы станция Раменское. «По красоте и живописности это оно из самых замечательных окрестностей Москвы», – сообщает путеводитель 1894 г. Благодаря этому здесь «не мало дач, цены которых зависят от величины и удобств».³⁷⁴ Впрочем, «благодаря порядочному расстоянию от Москвы» место это пока еще не пользовалось столь большой популярностью, чтобы здесь возник один или несколько крупных самостоятельных поселков и все свелось,

³⁶⁸ Путеводитель по Москве и ее древним и современным достопримечательностям и окраинам. М., 1903. С. 15.

³⁶⁹ Путеводитель по Москве и ее древним и современным достопримечательностям и окраинам. М., 1903. С. 23-24.

³⁷⁰ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 24.

³⁷¹ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 23-24.

³⁷² Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 57.

³⁷³ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. С. 24.

³⁷⁴ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 24.

как и в Быково, к отдельным домам. В тексте путеводителей заметен сильный рекламный момент, зазывающий сюда любителей летнего отдыха («в местах для купания нет недостатка... жизненные припасы можно получить на месте»), но оговаривающий его удаленность.³⁷⁵ Небольшая популярность данной местности и желание ее «раскрутить» заметно в материалах сразу нескольких путеводителей.³⁷⁶

Дачные поселения к северу и северо-востоку от Москвы. В 1859 г. началось строительство железной дороги Москва-Архангельск. Спустя три года движение по ней было открыто до Сергиева-Посада, что привело к усиленному развитию вдоль новой магистрали как промышленности, так и дачного промысла.

В начале XX в. (1888 г.) на Ярославской железной дороге было всего шесть железнодорожных станций и полустанков: Москва, «Платформа 10-й весты» (ныне – Лосиноостровская), Перловская, Тайнинская, Мытищи (на 17-й версте от Ярославского вокзала), Тарасовка, Пушкино (на 28-й версте), Талицы (на 42-й), Хотьково (на 55-й) и Сергиево (в Сергиевом-Посаде на 67-й).³⁷⁷ Причем позже всех появились остановки – «Платформа 10 весты», Перловская, Тайнинская, Мытищи, Тарасовка. Все они, так или иначе, были связаны с дачными поселками или дачными районами. Таким образом, их возникновение в начале XX в. само по себе говорит о повышенных темпах развития по этому направлению дачного промысла.

Пригородный поезд шел до Сергиева-Посада. Разовый билет до первой остановки (Лосиноостровская) в одну сторону в I классе стоил 30 коп.³⁷⁸ Правда значительная часть дачников ездил в III классе, покупая простонародные билеты, называемые благодаря своему цвету «зелеными», цена которых была вдвое ниже.

Лосиноостровская. До 1898 г. называлась «Платформа 10 версты». Дачи в этих местах стали появляться в конце XIX в. Официальная дата возникновения поселкам 1904 г. Главная причина его роста – близость Москвы, и расположение среди тогда еще не тронутого Лосиноостровского острова – самого большого около столичного города массива настоящего леса. В первые десятилетия своего существования, когда дачный поселок только возник, не мог похвастаться ни чем особенным, но с началом XX в. статус поселка резко изменяется. Благодаря рекламе, близости города и активному развитию инфраструктуры (торговые точки, освещение и уборка улиц, создание кумысной станции и др.) он становится модным местом пригородного отдыха. Так, только на освещение улиц поселка Лосиноостровская местным «Обществом Благоустройства» было изыскано и израсходовано 600-800 руб. только в одном 1911 г.³⁷⁹ Становление его в данном качестве приходится на рубеж веков. Явное и стремительное развитие занимает всего за 12-15 лет.

В 1908 г. здесь начинает выходить собственное печатное периодическое издание «Лосиноостровский вестник». Его страницы почти целиком посвящены проблемам благоустройства. К концу первого десятилетия XX в. в Лосиноостровской появляются даже собственные детские образовательные и воспитательные заведения – детский сад и четырехклассное училище. Его заведующий Павел Павлович Ордынский – был человеком достаточно образованным и видной фигурой в среде

³⁷⁵ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 24.

³⁷⁶ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 58; Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 24; Всеобщий путеводитель. М. 1913. С. 21.

³⁷⁷ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 120-122.

³⁷⁸ Записная книжка земского корреспондента. Вып. 4. М., 1914. С. 17.

³⁷⁹ Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 152.

московских педагогов, являясь одним из руководителей «Московского Педагогического Кружка».³⁸⁰ Вообще больше всего успехов, направленных на улучшение жизни в поселке, было достигнуто в «учебном деле». Благодаря данным статистического бюро³⁸¹ мы знаем, что здесь в начале XX в. располагались лучшие образовательные учреждения из всех созданных дачниками. К 1917 г. при дачном поселке значатся сразу 2 средних учебных заведения: одно при «Обществе Благоустройства», которое собрало на его открытие 12,000 руб. и строило «свое здание пока на 6 классов в центре поселка». Другое - специального «Общества средней школы», которое содержалось на средства его членов, родителей и специальные пожертвования. Мысль об организации гимназии при «Обществе Благоустройства» возникла еще в 1907-1908 гг., но открыта она была 1 сентября 1910 г. в «собственном здании», где обучалось «пока лишь 2 гимназических класса». Постройка обошлась «Обществу» и его меценатам в 21,200 руб., помимо того было приобретено «школьного имущества» на 3.100 руб. Всего на оборудование помещения было израсходовано 24,300 руб.³⁸²

В первом полугодии 1911-1912 учебного года «Общество Благоустройства» ожидали «такой состав учащихся гимназии: в детском саду — 15 чел., в приготовит классе — 25, в первом — 15, во втором — 8. Всего учащихся — 63 чел.». Плата за обучение в год в детском саду составляла 70 руб., «приготовительном» 100 руб., I и II классах — 125 руб. Смета расходов, составленная в 1911 г., равнялась 6,787руб.50коп., но так как расход составляла 8.761руб., дефицит равнялся 1,973руб.50коп.» Впоследствии гимназия была отдана в аренду некой Кирпичниковой.³⁸³

Гимназия Лосиноостровского поселка, создаваемая «Обществом средняго учебного заведения», была открыта в сентябре 1910 г. в таком же наборе классов как и гимназия «Общества Благоустройства» — 2 гимназических. Обе гимназии были созданы для совместного обучения и мальчиков, и девочек.³⁸⁴

Пожарная дружина была предметом гордости дачников, не менее чем гимназии. Состоятельные жители жертвовали суммы на ее обеспечение. Начальником местных пожарных был владелец слесарно-механической мастерской Михаил Фрейман. В пожарном обозе значилось 14 дружинников. В 1913 г. они 4 раза выезжали на пожары. Всего было 11 пожаров, но на остальные дружина не выезжала «за отдаленностью от района обязательного выезда...». Кроме того, лосиноостровская дачная пожарная команда располагала даже специально закупленным инструментом для тушения (одни из двух случаев в дачных поселках Подмосковья), но инструмент этот «хранится или в отдельном пожарном сарае или просто у одного или нескольких членов «Общества Благоустройства» и, следовательно, не всегда мог быть вовремя использован.³⁸⁵

Лосиноостровское «Общество Благоустройства» отчасти решило и проблему медицинской обеспеченности своих жителей. Первоначально для того, чтобы обратиться к врачу нужно было ехать в Москву, а поезда ходили всего 4 раза в сутки. Ближайший фельдшер жил в 3-4 верстах. Дабы иметь гарантированную медицинскую помощь дачное общество специально договорилось с приходящим врачом, которому предоставилось помещение и были утверждены условия приема (зимой 4 раза в неделю, летом ежедневно). Разовая плата с приходящих составляла — 50 и 75 коп,

³⁸⁰ Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 152.

³⁸¹ Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 61.

³⁸² Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 62.

³⁸³ Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 63.

³⁸⁴ Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 64.

³⁸⁵ Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 42.

визит врача на дом — 1,5, 2 и 3 рубля в зависимости от сложности задачи. При этом отдельного жалования от «Общества Благоустройства» врач не получал.³⁸⁶

Лосиноостровская, как и прочие крупные дачные посеки с развивающейся инфраструктурой и целенаправленно улучшающимися условиями жизни, создавались конкретными людьми, которые вкладывали немалые средства с целью получения со временем прибылей. Современники называли этот тип инвестирования — «дачным промыслом». Наглядный пример этого дает дачная деятельность в Подмоскowie известного купца В.С. Перлова, имя которого сохранилось в названии следующей станции Ярославской железной дороги.

Перловка долгое время была первой платформой от Москвы (всего 17 верст), что и способствовало росту здесь дачного поселка.³⁸⁷ Как и многие поселки по этой дороге, она появилась вскоре после строительства Северной железной дороги в последние десятилетия XIX в. Землю здесь целенаправленно скупал предприниматель Василий Семенович Перлов — чаеоторговец, владелец одного из самых знаменитых московских магазинов, — чайного, построенного на Мясницкой в виде китайской пагоды. Для себя он обустроил в Перловке роскошный дом, каждая комната которого была выдержанна в одном стиле — японском, русском, украинском. Помимо дачного промысла В.С. Перлов создал по близости ферму с образцовым стадом английских коров и таким же образцовым птичьим питомником.³⁸⁸

Множество дач, согласно путеводителю М.П. Захарова, составленного в 1887 г., были «выстроены Вас. Сем. Перловым среди молодого соснового леса. Всего в это время их было более 70». Для улучшения условий гуляния в лесу (что было обязательным атрибутом дачного отдыха) весь лес был специально «изрезан дорожками, утрамбованными красным песком». Благодаря этому прогулки здесь могли осуществляться даже в сырую погоду или скорее после дождя. По окраине дачного поселка на реке Яузе были также устроенными «купальни».³⁸⁹

Близость Москвы, удобство сообщения с ней, здоровый сосновый воздух, песчаная и сухая почва, а также устройство дач «со всем приспособлениями к летней жизни» (как отмечают абсолютно все, кто писал о дачах Перлова) — делали эту местность особенно популярной. В результате дачный поселок практически всегда был переполнен. О его повышенной популярности говорит и то обстоятельство, что на платформе Перловка останавливались специальные «дачные поезда». Так же, для того, чтобы добраться до города у владельца можно было получить экипаж для прогулок — 50 коп. в час, или 3 руб. до Москвы и обратно.³⁹⁰

Чтобы сделать время пребывания своих съемщиков более вольготным и удобным Перлов неизменно «приглашает музыку, которая играет в Перловке два раза в неделю». В поселке работал знаменитый театр. Также здесь были устроены «всевозможные удобства: почтово-телеграфная станция, телефонное сообщение с Моск-

³⁸⁶ Поселковая жизнь в 1910 году // Экономически-статистический сборник. Вып. I. М., 1911. С. 48.

³⁸⁷ Захаров М.П. Окрест Москвы по Ярославской железной дороге. Из Путеводителя по окрестностям Москвы и Указателя их достопримечательностей, составленного М.П. Захаровым. М., 1887. С. 1.

³⁸⁸ Москва. Энциклопедия. М., 1997. С. 623; Захаров М.П. Окрест Москвы по Ярославской железной дороге. Из Путеводителя по окрестностям Москвы и Указателя их достопримечательностей, составленного М.П. Захаровым. М., 1887. С. 3.

³⁸⁹ Захаров М.П. Окрест Москвы по Ярославской железной дороге. Из Путеводителя по окрестностям Москвы и Указателя их достопримечательностей, составленного М.П. Захаровым. М., 1887. С. 1 - 3.

³⁹⁰ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 45 — 46.

вой, несколько лавок, множество разнощиков».³⁹¹ Кроме того, в доме Перлова располагалось чудо техники того времени – телефон, который был соединен с московским домом чаесторговца.³⁹² Для обеспечения дачников продуктами в поселке работали две лавки (мясная и овощная) и по утрам из Москвы приходили разносчики.³⁹³ Последнее особенно радовало отдыхающих, так как сбивало цены на товары – в том случае, когда в поселки существовали только местных магазинчики, их владельцы сильно взвинчивали цены. Дотошные земские статистики, собрали сведения и подсчитали разницу.³⁹⁴ Цена на хлеб (в коп. за фунт в среднем) выросла с 2,82 коп. за фунт до 3,32 коп. То есть в 13,1%. На муку – в 13,5%; мясо – 6,7%, сахар – 7,0%; керосин – 16,8%; «масло русское» – 2%.

Условия жизни в Перловке были одни из самых благоустроенных, поэтому нет ничего удивительного в том, что, рекламируя Перловку, автор одного из путеводителей (некто Н.Н.Ч.) отмечал, что расположенные здесь дачи крайне привлекательны, но «по ценам доступны только людям с порядочными средствами».³⁹⁵ Автор другого справочника-путеводителя называет точные расценки – на все лето от 200 руб. до 1 тыс. 200 руб.³⁹⁶

Тайнинская – не менее известная дачная местность, но дачники селились не в поселке, а снимали комнаты и дома у крестьян. Первый поселок появился здесь только в 1897 г.³⁹⁷ и получил свое развитие позже, преимущественно после 1917 г. благодаря тому, что здесь устраивались прибывавшие в Москву беженцы.

Мытищи – село стоявшее по обеим сторонам оживленной дороги на «Троицу». Здесь находились родники с самой вкусной водой в ближнем Подмосковье. Особенно славился так называемый «Громовой ключ». По преданию он стал бить из земли, когда в нее ударила молния. Об этом источнике писали поэт Н. Языков, а также историк и литератор Н.М. Карамзин.

Мытищи какое-то время привлекали дачников, но вскоре их приход сюда практически прекратился. С проведением железной дороги в окрестностях стали активно расти фабрики и фабричные поселки, а местность быстро превратилась в грязный рабочий район. Дачная жизнь вяло и эпизодически протекала в окрестностях Мытищ, где дома москвичам сдавали крестьяне. В частности, в 1885 г. на окраине села Большие Мытищ («в последней избушке с краю») жил художник Василий Суриков, который начал писать здесь свою знаменитую картину «Боярыня Морозова».³⁹⁸ Даже в самом конце XIX – начале XX вв. в Мытищах и соседних деревнях снимали дачи небогатые и непритязательные москвичи. В путеводителе М.П. Захарова, составленного в 1887 г., о Мытищах сказано одной короткой фразой: «станция следующая за Перловкой».³⁹⁹ Как видим, о дачах здесь нет ни слова. Ситуация мало

³⁹¹ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 24-25.

³⁹² Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 45 – 46.

³⁹³ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 45 – 46.

³⁹⁴ Экономически-статистический сборник. Вып. V. Поселковая жизнь. Землевладение. М., 1912. С. С. 42.

³⁹⁵ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 24-25.

³⁹⁶ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 45 – 46.

³⁹⁷ Записная книжка земского корреспондента. Вып. 4. М., 1914. С. 22.

³⁹⁸ Князев Ю. Прошлое земли Мытищенской. Селения. События. Люди. М., 2001. С. 194.

³⁹⁹ Захаров М.П. Окрест Москвы по Ярославской железной дороге. Из Путеводителя по ок-

изменилась и к началу XX в. по сообщению описания 1897 г. здесь как и прежде можно снять у «ближних крестьян помещение в дешевую плату, но для житья эта местность не представляет ничего привлекательного: удобства отсутствуют. Совсем другое можно найти в Тарасовке...».⁴⁰⁰

Тарасовка — находится среди довольно обширной дачной местности уже в 1890-е гг. «Дачи (вблизи полустанка) неимоверно дороги. Всеми припасами нужно запастись в Москве: в ближайшей деревушке того же имени невозможно достать ничего порядочного. Для купания — есть река», пишет автор путеводителя 1894 г.⁴⁰¹ Вообще, — Тарасовка привлекала многих своим обществом и купанием в тогда еще широкой и чистой Клязьме. Даже в советское время эта местность оставалась одним из самых дорогих дачных мест по Ярославской железной дороге.

Также выделялась дача фабриканта В.Г. Сапожникова, при которой на средства владельца содержалось училище для окрестных фабричных и крестьян.⁴⁰² Не секрет, что местные жители не всегда чтили горожан, особенно обеспеченных и живущих наемным трудом. В данном случае, дельцы давали пример того, как надо спастись от поджогов — окружить себя людьми, которые не станут ненавидеть твой достаток на фоне своей бедности.

Поселок в Тарасовке был центром целого района летнего отдыха (как и Малаховка). В окрестных деревнях и усадьбах снимали комнаты многие москвичи, которым «не доставало средств» осесть в Тарасовке. Недалеко от платформы в бывшем имении Любимовка началась театральная жизнь К.С. Станиславского, одного из создателей МХТ.

Мамонтовская. Возникла вокруг двух частных владений, по одной из которых и получила свое название (потомственного почетного гражданина Александра Николаевича Мамонтова). Вторым владельцем был хозяин имения Горбов. Позже около них появилось несколько дач, некоторые из которых сдавались, однако цены здесь были еще выше, чем в Тарасовке.⁴⁰³ Это, по-видимому, объясняется тем, что поселок носил не общественный, а практически закрытый характер: несколько частных коттеджей у станции, которые не допускали в свою жизнь никого постороннего. «Маленькие дачки, — как пишет о них один из путеводителей конца XIX в., — без балов и нарушителей спокойствия».⁴⁰⁴

Дачные поселения к северо-западу от Москвы. Движение по первой железной дороге, связавшей две столицы, было торжественно открыто в 1850 г. К 1888 г. здесь существовали следующие станции и полустанки: Москва, Петровско-Разумовское (8 верст от вокзала), Химки (18 верст), Сходня (29 верст), Крюково (36 верст). В начале XX в. конечной станцией пригородных поездов стали Клин.⁴⁰⁵

Химки — долгое время были первой пассажирской станцией от Москвы. Офи-

рестностям Москвы и Указателя их достопримечательностей, составленного М.П. Захаровым. М., 1887. С. 3.

⁴⁰⁰ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 25.

⁴⁰¹ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 25.

⁴⁰² Захаров М.П. Окрест Москвы по Ярославской железной дороге. Из Путеводителя по окрестностям Москвы и Указателя их достопримечательностей, составленного М.П. Захаровым. М., 1887. С. 6.

⁴⁰³ Белицкий Я.М. Окрест Москвы. М., 1996. С. 84.

⁴⁰⁴ Захаров М.П. Окрест Москвы по Ярославской железной дороге. Из Путеводителя по окрестностям Москвы и Указателя их достопримечательностей, составленного М.П. Захаровым. М., 1887. С. 7-8.

⁴⁰⁵ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 120-122.

циальное открытие – «Химская» состоялось в ноябре 1851 г., т.е. практически одновременно с началом работы самой дороги. Расположенная тогда среди нетронутого леса вблизи речки Химки, в окружении красивой, здоровой и нетронутой городской цивилизацией местности станция была обречена стать центром дачного района.

Дополнительным фактором развития здесь дач, помимо возникновения железнодорожной станции, стала старая традиция москвичей летом по воскресеньям и в праздники гулять в окрестностях города. Поэтому многие доезжали до Химок (первой станции от города) и проводили здесь весь день. Все проходящие из Москвы поезда останавливались здесь и стояли. Время остановки пассажирского поезда составляло 10 минут.⁴⁰⁶ Традиция эта породила привычку к посещениям, а она в свою очередь провоцировала желание обзавестись здесь летним домиком. «Местность в высшей степени живописна, – сообщает путеводитель, – суха и удобна для дачников. Громадный сосновый лес, пруд и речка Химка, в которой дачники занимаются рыбной ловлей, а также купаются. Воздух необыкновенно здоровый и чистый. Вообще эта местность одна из удобных для дачной жизни и излюблена москвичами. Жизненные припасы доставляются из Москвы».⁴⁰⁷

К концу XIX в. все окрестности вокруг станции Химки превратились в один большой дачный поселок. На рубеже XIX-XX вв. в летнее время здесь проживало до 5 тыс. чел. Только в поселке при станции Химки в 1907 г. насчитывалось 47 дворов. От станции к Петербургскому шоссе через лес была проведена дорога, которую называли Царской дорогой. Усилиями местного «Общества» «Царское шоссе» – имело булыжное покрытие шириной в 3 м. Вдоль него строятся 1-2-этажные деревянные частные дачи.⁴⁰⁸ Сегодня это Московская улица. Путеводители неизменно отмечают «местность... сухая и здоровая».⁴⁰⁹

Сходня. Строительство участка Николаевской железной дороги началось в районе будущего дачного поселка Сходня и современного города Сходня в 40-е гг. XIX в. Осень 1851 г. на новой магистрали началось регулярное движение поездов. Несмотря на то, что самое первое железнодорожное сообщение прошло именно по этим местам, они не стали осваиваться раньше других, уступив пальму первенства Рязанскому и Ярославскому направлениям. Первые дачи на территории будущего города появились только в конце XIX в. Это связано с тем, что полустанок Сходня был открыт только в 1870 г.

Толчком к освоению местности дачниками стала смерть богатого московского купца Х.С. Леденцова. Вблизи бывших владений Х.С. Леденцова находились земли помещицы Мухановой. Фактически оба участка жили единой жизнью. Путеводители отмечали, их прекрасное расположение «среди роскошного леса» и вполне обустроенный характер. Но дачи в поселки были, как и в большинстве других мест «к сожалению недешевые и потому доступны только людям со средствами». Особое удобство составляли «купальни» на реке Сходне и возможность купить «необходимые припасы... в местных лавках».⁴¹⁰ Особенно необходимо отметить, что в качестве дач здесь выступали не обычные крестьянские домики, а специально выстроенные

⁴⁰⁶ Ильин Г.В., Павлов Б.А., Поляк И.И. и др. Химки и окрестности. Очерки из истории. К 60-летию города Химки и Химкинского района. Химки, 2000. С. 48.

⁴⁰⁷ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 53-54; Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 19.

⁴⁰⁸ Ильин Г.В., Павлов Б.А., Поляк И.И. и др. Химки и окрестности. Очерки из истории. К 60-летию города Химки и Химкинского района. Химки, 2000. С. 50.

⁴⁰⁹ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 19

⁴¹⁰ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 19

для сдачи дома, отвечающие требованиям комфорта того времени («удобные дачи на 4-8 комнат. С печами и всеми хозяйственными пристройками, конюшнями, сараями, погребам и пр., ценою от 200 до 600 руб. за лето»). Также дачники имели возможность «нанимать для катания лошадей».⁴¹¹

Активное развитие крупного дачного поселка вело вокруг Сходни (как и в других дачных местностях) к распространению дачного крестьянского промысла на близлежащую округу. Так, «в 2 верстах от ст. Сходня, — сообщает путеводитель, — есть деревня Подolino, где людям небогатым и неприхотливым можно снять любую крестьянскую избу за очень дешевую цену».⁴¹² Это общая тенденция для развития дач Подмосковья второй половины XIX — начала XX вв.

Фирсановка — один из последних «дачных городков» на территории Подмосковья дореволюционного периода. Окрестными землями владела предприниматель, потомственная почетная гражданка Вера Ивановна Фирсанова, которая и устроила здесь дачи. Ее отцом был известный лесопромышленник Иван Григорьевич Фирсанов. После его смерти дочь не только не оставила дела родителя, но преумножила семейное добро. В частности, она стала собственницей знаменитых Сандуновских бань в Неглинном проезде в Москве, которые ее усилиями были перестроены. Впрочем, в истории столичного региона Вера Ивановна больше известна как владелица другой достопримечательности — усадьбы Средниково, где одно время жил М.Ю. Лермонтов. Фирсанова не только помнила об этом, но и увековечила память о пребывании здесь поэта.⁴¹³

Путеводители отмечают красоту окрестностей новой дачной местности, особенно в течение протекающей здесь речки Горетовки: «Купание под открытым небом в небольшой речке Горетовке вполне прекрасное: вода чистая, ключевая. Отличительной чертой этой речки служит то обстоятельство, что в ней есть глубокие места, где без опасности могут купаться только взрослые и есть мелководье, которое вполне может быть названо «детскими купальнями».⁴¹⁴

Дачный поселок Фирсановку, благодаря качеству услуг и личности владелицы, хорошо знала вся Москва. Вера Ивановна дружила с литераторами, художниками и артистами, которые охотно посещали ее усадьбу и жили в ней. Однако грянувшая вскоре революция не позволила развиваться поселку в такой же «дачный городок» как это было с Пушкино или Химками. Путеводители упоминают Фирсановку вскользь. В первую очередь она осталась как полустанок вблизи усадьбы Средниково, связанной с детством Лермонтова.⁴¹⁵

Авторы путеводителей для дачников даже точно не знают местоположение Фирсановки и станций идущих за ней. В частности один из них пишет, что за Сходнею находится полустанок Поварово, а за ним в 36 верстах «следующая станция Крюково»,⁴¹⁶ т.е. допускает целый каскад ошибок (в действительности за Сходней идет Фирсановка, за ней Крюково и лишь потом Поварово). И такое недоразумение не единично.

⁴¹¹ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 19-20.

⁴¹² Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 19-20.

⁴¹³ Московская область. История. Культура. Экономика. М., 2005. С 793.

⁴¹⁴ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 19-20.

⁴¹⁵ Сергеева Е.В. Подмосковье. М., 1955. С. 217-220; Иванов Ю.Г. Памятные места Подмосковья. М., 2005. С. 391-393; и др.

⁴¹⁶ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 20.

Можно с большой долей уверенности предположить, что на Фирсановке дачное Подмосковье северо-западного направления обрывалось. Так о следующей станции Крюково в путеводителе 1888 г. не упоминается вовсе.⁴¹⁷ Впервые Крюково встречается в перечне районов летнего отдыха только на самом рубеже веков. При этом о ней говорится как о местности слабо освоенной дачниками («несколько дач») и существующей за счет преимущественного случайных крестьянских промыслов («кроме того, можно снять недорогое крестьянское помещение в любой близлежащей деревушке»). Главным предметом интереса местных отдыхающих является не «здоровый воздух», а удаленные достопримечательности «можно от станции взять тройку или линейку и доехать до г. Воскресенска (Воскресенский монастырь). При этом путеводитель указывает на наличие хорошего снабжения в соседнем Воскресенске («в самом городе не мало лавок и магазинов»), а не в Крюкове.⁴¹⁸

Следующая за Крюково Поварово удалена на столько, что была необита москвичами-дачниками даже в 1930-е гг. По воспоминаниям Я.М. Белицкого (относящимся к этому времени): «Дачная граница проходила неподалеку от Поваровки (полустанок, возникший в 1930-е гг. рядом с Поварово) — далее места были хоть и завидные, но далекие — из Москвы не наездишься».⁴¹⁹ В путеводителе 1894 г. о Поварово не сказано ни слова, кроме упоминания названия одной из станций, находящихся где-то за Фирсановкой.⁴²⁰

Процесс и особенности формирования дачных поселков в конце XIX — начале XX вв.

Путеводители по дачным местам рубежа XIX-XX вв. при описании имеющихся дач ограничиваются расстояниями не более 30-40 верст, доводя повествование до окрестностей современных городов — Сходни, Пушкино и Раменского. Это самые отдаленные места культурной дачной жизни. Прочие или стоят значительно ближе, или рассматриваются исключительно как достопримечательности.

Главнейшей причиной, активизирующей процессы возникновения дачных поселков на территории дальнего Подмосковья, стало развитие железнодорожных магистралей. «После построек новых четырех дорог количество поселков и дачных мест «неимоверно» (как сказано в тексте источника) увеличилось. По статистическим данным количество проданных билетов за 1909-1911 года, т. е. за 2 года, по пяти главным дорогам возросло на 32 процента. Особенно резкое увеличение дали — Курская и Нижегородская ж.д...».⁴²¹ Кроме того, в последнее десятилетие XIX в. количество дачных мест росло очень быстро. Ежегодно появляются все новые и новые поселки. Владельцы земель сами отстраивали поселки, а крестьяне приспособивают деревенские избы под дачи. Села и деревни буквально на глазах становились «дачными местами».

По наблюдениям современника первые крупные дачные поселки возникали на территории дальнего Подмосковья в период после 1875 г. Первыми были освоены дачные местности вдоль Рязанской железной дороги («в сих обширных сосновых и еловых лесах тянувшихся вдоль линии Казанской ж.д. образовывались дачные местности: Малаховка, Удельное, Красково, Быковов и много других»). И лишь только затем дачников и предпринимателей, занимающихся данным промыслом серьезно

⁴¹⁷ Спутник дачника по окрестностям Москвы замечательным по условиям дачной жизни и в историческом отношении. Составил Л.А. Фрейгин. М., 1888. С. 54.

⁴¹⁸ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 20.

⁴¹⁹ Белецкий Я.М. Окрест Москвы. М., 1996. С. 134.

⁴²⁰ Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы. Составил Н.Н.Ч. М., 1894. С. 20.

⁴²¹ Дурьлин П.К. Московские пригороды и дачные поселки в связи с развитием городской жизни. М., 1918. С. 15.

заинтересовало Николаевская железная дорога, соединяющая Москву со столицей.

Налицо странное отсутствие зависимости между процессом возникновения дачных поселков и временем возникновения железных дорог. Первой была пущена Николаевская железная дорога. Ее открытие состоялось в 1851 г., но дачники первыми начали заселять земли по Рязанской железной дороге, открытой только в 1862 г. В том же году, началось движение по Северной железной дороге до Сергиева-Посада.

Причину отставания Тверского или Санкт-Петербургского направления по сравнению с тремя другими современники объясняли тем, что здесь «природа носит суровый северный характер с еловыми лесами, холмами и небольшими лесными речками». Но, несмотря на это, и вдоль Николаевской железной дороги появились одни из самых крупных дачных поселков Подмосковья – Сходня и Химки.

Привлекательность двух других дорог имеет разную причину. Рязанское направление манило своими сосновыми лесами и, вследствие этого, великолепным воздухом, который, как мы увидим дальше, был одной из главных причин заведения дач. Интерес к Северной (Ярославской) дороге помимо красот природы был связан также с культурной традицией – обязательного и многократного посещения Троице-Сергиевой Лавры. «Путь к Сергию» считался святым, был знаком абсолютно всем и пользовался особой и традиционной привлекательностью.

Другим, не менее важным обстоятельством быстрого возникновения сразу нескольких больших и благоустроенных дачных поселков к северу от Москвы вдоль Ярославской и Рязанской железной дороги стало существование здесь земель принадлежащих «Удельному ведомству» - заведению призванному управлять земельной собственностью русской императорской фамилией. В пореформенный период, вызвавший рост цен на землю, их управляющие активно отдавали земли «Ведомства» в аренду. На землях удельного ведомства появились такие «дачные места» как Тарасовка, Мамонтовка, Тайнинское и др.

Несмотря на то, что к началу XX в. в Москве функционировало шесть вокзалов (Николаевский, Рязанский, Ярославский, Смоленский, Курский и Нижегородский), даже к этому времени роль дачных направлений прочно закрепилась за тремя железными дорогами, которые мы назвали выше. Прочие «обзавелись» крупными дачными поселками или значительно позже, или жизнь в них не была столь активной и не пользовалась такой популярностью как в Малаховке, Пушкино, Тарасовке и Химках. Нередко крупные и самостоятельные дачные поселки (а не отдельные сдающиеся на лето крестьянами комнатки) стали возникать по другим направлениям только вслед за успокоением страны после Гражданской войны и разрухи, т.е. уже в советское время. Очевидное сильное отставание этих направлений также было связано с целым рядом причин: более поздним возникновением магистрали и началом активного функционирования по ней пригородных поездов, удаленностью вокзала от центра города (например, Савеловский).

Но проведение стальных магистралей и, как следствие, «уменьшения расстояний», было не единственной причиной роста вокруг Москвы дачных поселков.

Вторым фактором, толкающим москвичей всех состояний летом за город, была опасность заболевания «чахоткой» (туберкулезом) – бич Москвы и других крупных российских городов этого времени. Массы бедняков, живущие в ужасающих условиях, являлись постоянными носителями инфекции и источником опасности для представителей абсолютно всех сословий. Первоначально состоятельные люди предпочитали лечиться в Италии или Крыму, но в начале XX в. врачи начали активно рекомендовать подмосковные районы. Так, популярностью пользовалась дачная

местность Лосиноостровская. Здесь была устроена даже кумысная станция, так как считалось, что этот напиток спасает от туберкулеза. Практически все из рассмотренных путеводителей недвусмысленно и неоднократно указывают на то, что в поселке наличествует «воздух необыкновенно здоровый и чистый», земля «суха», а также общий характер местной природы способствует укреплению здоровья (путеводитель 1888 г. Л.А. Фрейгина).

Последней, третьей, из важнейших причин роста дач стало массовое переселение москвичей, вызванное резким ростом цены на землю после отмены крепостного права и, как следствие, «возрождением» квартирной платы. В результате этого, временное сезонное переселение за город обратилось для многих в постоянное и летние загородные поселки, которые с течением времени начали развиваться в «спальные» пригороды «первопрестольной» столицы.

**Государственная политика России
в области сохранения национальных памятников
в России XIX - н. XX в. века. (Средняя Азия, Кавказ, Закавказье)**

Охрана памятников на рубеже XIX-XX вв. в России находилась в зависимости от ряда факторов: политических, экономических, идеологических и культурологических. Усиление интереса к памятникам истории и культуры во всех слоях общества привело к возрастанию размеров их гибели. Процесс капиталистического развития страны, промышленного и городского строительства также наносил урон памятникам старины. Успехи в деле охраны во многом зависели от личной инициативы, заинтересованности и преданности делу ревнителей искусства и науки, людей глубоко и искренне понимающих важность и ценность памятников древности.

Рубеж XIX-XX столетий – это время, когда началось формирование государственной политики в области охраны культурно-исторического наследия страны⁴²². Государственная политика в области сохранения культурно-исторического наследия выразилась в создании обширной юридической базы для его охраны; разрешении организации и функционирования отдельных общественных структур в составе государственных учреждений,⁴²³ занимавшихся изучением и сохранением культурно-исторического наследия на всей территории империи; в оказании, хотя и небольшой, финансовой поддержки общественным структурам в сфере охраны различных памятников страны; в предоставлении государственного заказа для деятельности общественных организаций и отдельных групп; в разрешении деятельности научных обществ, краеведческих обществ и обществ защиты и сохранения памятников искусства и старины.

Государственная политика в области сохранения культурно-исторического наследия теснейшим образом была связана с либеральными процессами в российском обществе и государстве. Либерализация общественной жизни в стране началась с освобождения крестьян Александром II., продолжилась государственными постановлениями 1867-1897 годов, Манифестом 17 октября 1867 года об общественных организациях⁴²⁴ и первые правилами по открытию и функционированию общественных организаций, которые были изложены в уставе благочиния, вместе с указом 14 апреля 1867 года.⁴²⁵ Самое большое влияние оказал манифест 17 октября 1905 года.⁴²⁶ Положение об обществах и союзах было закреплено во «Временных правилах о собраниях», вышедших 4 марта 1906 года⁴²⁷, а также законом о печати,

⁴²² Алябьева Т.К. Формирование общественной защиты культурно-исторического наследия в России как элемента зарождения и деятельности институтов гражданского общества. Дисс. на соискание ученой степени кандидата политических наук, М., издательство МГОУ, 2002 г

⁴²³ К ним относятся Государственные статистические комитеты, Губернские ученые архивные комиссии, в своей деятельности тесно, связанные с Археологическим институтом, Академией Наук, Археологической Комиссией, губернаторами и МВД.

⁴²⁴ Свод законов Российской империи, издание 1890, Т. XIУ, С. 116-118; ПСЗ, 3, т.25, отд. 1, с. 1658; Собрание узаконений, СПб., 1905, отд.1, с.1658; Правительственный сборник, СПб., 19045, 18 октября, № 222.

⁴²⁵ ПСЗ 3, т.25, отд. 1, с.1658; Правительственный вестник, СПб. 1905, 18 октября, № 222

⁴²⁶ ПСЗ 3, т.25, Отд. 1., СПб., 1908, с.754,755; Собрание узаконений, СПб., 1905, отд. 1, с. 1658; Правительственный вестник, СПб., 1905, 18 октября, № 222.

⁴²⁷ ПСЗ 3, т. 25, Отд. 1., СПб., 1908, с.754,755; Собрание узаконений, СПб., 1905, отд. 1, с.1658; Правительственный вестник, СПб., 1905, 18 октября, № 222.

вышедшем в ноябре 1905 года.

Юридическое оформление возникновения и деятельности общественных структур в области сохранения культурно-исторического наследия постоянно расширялось и охватывало все новые и новые регионы, различные сословные группы и различные направления. Общественная деятельность в сфере сохранения памятников искусства и старины активно дополняло и расширяло государственную⁴²⁸.

В пореформенное время в России плодотворно работали уже многочисленными научно-исторические общества, занимавшиеся в той или иной мере и форме охраной культурно-исторического наследия России.⁴²⁹ С 1870 года интенсивно возникают церковно-археологические Общества при епархиях России.⁴³⁰ В 1890-1917 годы происходит массовое возникновение краеведческих обществ в центре и в провинции.⁴³¹ Всего вместе с церковно-археологическими обществами возникло более 135 обществ с 1863 по 1916 г.⁴³² С 1869 года начинают действовать такие общественные организации по охране памятников искусства и старины, как археологические съезды. Они проводились попеременно в разных городах через каждые три года.⁴³³ Под влиянием археологических съездов в провинциальных городах возникли археологические общества и музеи. По образцу Всероссийских археологических съездов с начала XX столетия стали созываться губернские археологические съезды, возникают научно-исторические обществ.⁴³⁴ Поскольку задача сохранения памятников материальной культуры, соответствовала потребности эпохи, она вызвала энтузиазм многочисленных любителей родной старины, готовых не просто сочувствовать целям, но и работать и притом работать бескорыстно и постоянно, в течение многих лет.⁴³⁵ Активная общественная деятельность в области сохранения культурно-исторического наследия была результатом объективного социально-экономического, культурного, научного, международного развития России на рубеже XIX-XX вв.

Отличительной чертой работы общественных групп и организаций была практическая работа по изучению и сохранению памятников искусства и старины, а отличительной чертой государства было нормативное направление и частичное

⁴²⁸Это видно на примере деятельности Московского археологического общества, ведущего в это время в деле сохранения памятников искусства и старины. Ряд его комиссий образуют фактически самостоятельные отделения.

⁴²⁹ Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России.// Археографический ежегодник за 1974 г., М., 1975; Степанский А.Д. Научные общества и съезды России на рубеже XIX-XX вв. и литература вопроса.// Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры., М. 1984

⁴³⁰ РГИА, Ф.814, ОП.1, 1900-1916, д.78.

⁴³¹ Суслов В.В. К вопросу о сохранении древних памятников искусства в России.// Строитель, СПб., 1905, № 6, с.77

⁴³² РГИА, Ф. 814, ОП. 1, 1900-1916, Д.78, ЛЛ.3-104; Здравомыслов К.Я. Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях., СПб 1908; Археографический ежегодник за 1974, М.1975, с.53.

⁴³³ Историческая записка о деятельности имп. Московского археологического общества за 25 лет существования., М. 1890; Рассмотрению комиссии подлежали все памятники XIX века.// Архив ИИМК РАН, ф.1, д.9, л.105-106.; Шелов Д.В. Археологические съезды.// Советская историческая энциклопедия., т.1, М.1961, с.823; Степанский А.Д. Научные общества и съезды России на рубеже XIX -XX вв. и литература вопроса.// Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры., М. 1984.

⁴³⁴Шелов Д.В. Археологические съезды.// Советская историческая энциклопедия., т.1, М.1961, с.823; Степанский А.Д. Научные общества и съезды России на рубеже XIX -XX вв. и литература вопроса.// Источниковедческие и историографические аспекты русской культуры., М. 1984.

⁴³⁵ Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX., М. 1986, с.139.

финансирование деятельности общественных структур. Но именно общественные организации подняли вопрос о необходимости создания и принятия законодательства, а также о создании уголовной ответственности за гибель памятников страны, активно участвовали в разработке законодательства, представили свой проект законодательства.

Либерализация политики по отношению к деятельности общественных структур была вызвана четырьмя причинами: необходимостью — отвлечь наиболее активную часть населения от политической борьбы; привлечь силы, финансы, личные интересы общества к сохранению памятников истории и культуры; привлечь общественные структуры с их активностью и целеустремленностью к решению государственных задач; решить задачи, стоящие перед государством, силами общества и за счет общественных структур. Государство фактически переложило на эти структуры свои обязанности по сохранению культурно-исторического наследия, использовало деятельность общественных структур для выполнения чисто государственных целей и задач. Особенно ярко это проявилось в работе Государственных статистических комитетов и Государственных архивных комиссий.

Нас интересует деятельность государства и общественных организаций по сохранению и изучению национальных памятников истории и материальной культуры. Правительство активно взаимодействовало в этом направлении с общественными организациями. Это было одно из направлений государственной политики России того времени. Оно теснейшим образом связано с либерализацией общественной жизни государства и с необходимостью решения геополитических проблем, стоящих перед Россией в это время.

В 60-70-е гг. XIX века Россия приобрела значительные территории в Средней Азии и в Закавказье.

Средняя Азия до русского завоевания была разделена на три мусульманских ханства — Кокандское, Бухарское и Хивинское. Кокандское ханство было полностью присоединено к России. Хива и Бухара потеряли часть своих владений и признали протекторат России. Русские войска взяли крепость Геок Тепе и Мерв, приблизились к границе Афганистана.

Сопrotивление Шамяля было сломлено. Кавказ был присоединен к России и подчинен управлению русской администрации. Его территория была разделена на административные округа русского типа. Все эти районы представляли для России политический интерес. Поэтому научные и культурно-исторические исследования в этом регионе получили правительственную поддержку.⁴³⁶ Общественные структуры, которые к этому времени достаточно широко распространили свою деятельность на территории Российской империи, сыграли положительную роль в изучении и освоении этих районов.

С 1867 года начались первые изыскания русских ученых в Туркестанском крае. Работы проводил П.И. Лерх, командированный Русским Археологическим обществом. Он провел исследования джанконтских и других развалин в долине р. Сыр-Дарья. Результаты исследований были опубликованы в 1870 году.⁴³⁷ П.И. Лерх

⁴³⁶ Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь., СПб., 1906, т.2., с.238., Ташкент, 1958, с.12.; Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении., Ташкент, 1965, с.95.

⁴³⁷ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии Туркестана. Туркестанский кружок любителей археологии.(1895-1017), Ташкент, 1958, с.26.

Известия Русского географического общества, 1873, IX, № 2, С. 181-184.

ЗВОРАО, XVII, СПб., 1907, с.181-184, Записки Восточного отделения РАО.

сотрудничал не только с РАО, но и с Русским географическим обществом. По поручению последнего он составил Инструкцию для русских офицеров участников похода 1873 года в Хиву. Инструкция уделяла большое внимание вопросам розыска, описания и сохранения археологических, нумизматических, эпиграфических и этнографических памятников.⁴³⁸ По поручению РАО в 1895-1896 гг. и 1898-1899 гг. были проведены экспедиции для изучения памятников Самарканда под руководством Н.И. Веселовского.⁴³⁹ В работе экспедиции участвовали архитектор П.П. Покрышкин, художники С.М. Дудин, М.В. Печаткин и В.И. Быстренин. 19 апреля 1886 Н.И. Веселовский выступил на заседании Восточного отделения РАО по вопросу подделок древностей в Средней Азии. Исследования Самарканда продолжались фактически до 1910 года.

14 марта 1896 года Н.И. Веселовский сделал сообщение на очередном заседании Восточного отделения РАО о мазаре Кутби-Чаардегум, построенном Тимуром и совершенно уничтоженном артиллерийско-инженерными взрывами при сооружении крепостных построек. В ходе доклада были изучены фотографии памятника.⁴⁴⁰ В 1897 году Н.И. Веселовский предоставил туркестанским властям проект подержания в сохранности соборной мечети Биб-Ханым.

Работы Н.И. Веселовского положили начало систематического изучения историко-культурных памятников Самарканда. В начале XX столетия центром изучения и сохранения памятников в Средней Азии стал Русский комитет. Но о работе данной общественной организации будет рассказано ниже.

Члены именно Русского Археологического общества положили начало изучению и сохранению культурно-исторического наследия в Средней Азии.

Московское археологическое общество выступало с защитой памятников не только в центре России, но и на территории Кавказа.

21 марта 1901 года на совещании в Тифлисской публичной библиотеке (присутствовало 32 человека) было решено основать в Тифлисе Кавказское отделение Московского археологического общества (КО МАО). Была избрана комиссия из 5 человек: А.Д. Ерицова, Е.Г. Вейденбаума, Е.С. Такайшвили, Л.Г. Лопатинского, Б.Д. Навасардиана для редакции изменений в проекте дополнений к Уставу МАО в связи с образовавшейся комиссией. Председателем был избран Л.Г. Лопатинский, секретарем А.Н. Дьячков-Тарасов, членами – директор Кавказского музея Г.И. Радде, председатель Кавказского отдела Русского географического общества – А.А. Фрезе и другие. В состав КО МАО вошли бывшие члены Общества любителей кавказской археологии – Г.И. Радде, Е.Г. Вейденбаум, А.Д. Ерицов и др.⁴⁴¹ По предложению гр. П.С. Уваровой было решено просить бывшего наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича принять Кавказское отделение под свое покровительство. Великий князь дал на это согласие. Император Николай II выделил Кавказскому отделению средства на проведение исследований в целях изучения и сохранения памятников древности Кавказа. Директор Кавказского музея в Тифлисе Г.И. Радде дал согласие выделять на нужды Кавказского отделения ежегодно 200-250 рублей из средств музея.⁴⁴²

Уже 21 октября 1901 года вышло Постановление собрания членов-учредителей КО МАО об утверждении «дополнений» к уставу КО МАО, утвержденному 30 сентября 1901 года. Цель данного отделения состояла в изучении и сохранении древних памятников Кавказа.

⁴³⁸ Известия Русского географического общества, 1873, IX, № 2, С. 181-184

⁴³⁹ ЗВОРАО, XVII, СПб., 1907, с. 181-184, Записки Восточного отделения РАО.

⁴⁴⁰ ЗВОРАО, X, СПб., 1897, с. X1У.

⁴⁴¹ Известия КО МАО, Вып. 1, Тифлис, 1904, Прот. №1, С.1; 1904, прот. №3, с.2-4.

⁴⁴² Известия КО МАО, Вып.1., Тифлис, 1904, Прот. №3, С.3.

Кавказское отделение МАО поставило своей целью: проводить исследования могильников на государственных и частных землях; собирать сведения о частных коллекциях и отдельных предметах древности; стремиться приобретать предметы древности для пополнения коллекции Кавказского музея в Тифлисе; привести в известность все архивы, имеющиеся в крае; спасать по возможности документы от уничтожения, забирая и приобретая в собственность Отделения; следить за сохранением древних памятников (археологических, архитектурных и иных); знакомиться с древними постройками края и церковного и гражданского происхождения; наблюдать за их сохранностью; возбуждать реставрационные работы и участвовать в них; описывать в издаваемых трудах Отделения все добываемые и получаемые предметы древности; вести каталог обнаруженных памятников; следить за иностранцами, приезжающими на работу на Кавказ, чтобы они не могли вывозить древности.

Внимание членов Отделения привлекало изучение истории и памятников, как на побережье Черного моря, так и в Дагестане, Грузии, Армении, в предгорьях северного Кавказского хребта. Христианские памятники Грузии были частично обследованы экспедициями, снаряженными МАО. Материалы исследований вошли в 3, 4, 7 тт. Материалов по археологии Кавказа, изданные КО МАО. Работа экспедиций охватила небольшой регион. Несмотря на финансовые трудности, КО МАО обследовало и мусульманские памятники в г. Баку, Осетии, Чечне, Кабарде, Хевсуретии, Раче. Материальных средств катастрофически не хватало и члены Отделения возбудили ходатайство перед наместником Кавказа об оказании материальной помощи, о выделении ежегодных субсидий. Ходатайство было удовлетворено. На заседаниях КО МАО заслушивались отчеты членов комиссии о поездках, экспедициях, изучении древних памятников; рассматривались вопросы состояния и необходимости реставрации памятников региона.

В 1903-1904 гг. были проведены исследования в Ахалцикском уезде. Исследования проводил секретарь КО МАО Е.С. Такайшвили. По настоянию КО МАО были проведены реставрационные работы в храмах монастыря Зарзма, которые занимали первое место по количеству фресок среди грузинских церквей.⁴⁴³ В 1907 году Е.С. Такайшвили возглавил экспедицию для обследования христианских памятников Гельского участка Ардаганского округа и Ольгинского округа Карской области.⁴⁴⁴

В 1910 году по ходатайству экзарха Грузии была организована экспедиция КО МАО, в которую вошли члены комиссии архитектор К.Н. Татищев, Е.С. Такайшвили, А.Н. Казнаков для обследования Бобдйского храма св. Георгия. В результате проведенных работ, были определены пути спасения храма, о которых было доложено на собрании КО МАО.⁴⁴⁵

В 1913 году Кавказское отделение МАО (КО МАО) совместно с Отделением Кавказского общества поощрения изящных искусств были начаты реставрационные работы по восстановлению Ахтакальского монастыря. Работы возглавил Е.С. Такайшвили.⁴⁴⁶ КО МАО проводило обширные работы по исследованию, реставрации и сохранению археологических и архитектурных памятников региона. Для проведения археологических работ было получено разрешение у ИАК.

В 1914 году по просьбе МАО Отделение возложило на себя обязанности по надзору за реставрацией грузинского Гуджабского монастыря в Борчалинском уезде. В том же году Е.С. Такайшвили был командирован в Кахетию для осмотра раз-

⁴⁴³ Известия КО МАО, Вып. I I, ТИФЛИС, 1907, ПРОТ. № 7, С.19-20.

⁴⁴⁴ Известия КО МАО, Годовой отчет о деятельности КО МАО за 1907, С.31

⁴⁴⁵ Известия КО МАО, отчет о деятельности КО МАО за 1910, С.54.

⁴⁴⁶ Известия КО МАО, Вып. I V, Тифлис, 1915, Годовой отчет за 1913, с.9.

валин церквей Лелианской, Вачнадзианской и Карданахской по просьбе местного населения.⁴⁴⁷ Результатом поездки было принятие решения о необходимости реставрации данных памятников, но в связи с отсутствием средств, началом Первой мировой войны. Работы так и не начались.

Летом 1916 года в Кахетии и Боржомском ущелье работала экспедиция КО МАО под руководством Д.П. Гордеева. Экспедиция обследовала памятники монументальной церковной живописи и мозаики.⁴⁴⁸ Деятельность КО МАО начинает сворачиваться в связи с началом Первой мировой войны. Российское правительство почти полностью прекращает финансирование работ отделения.

Академия наук пыталась продолжить работу по спасению памятников в районе военных действий. В 1916 году Академия наук направила в районы турецкой Армении, занятые русскими войсками хранителя Кавказского музея С.В. Тер-Аветисяна и директора этого же музея А.Н. Казнакова с целью описания, находящихся там памятников и принятию возможных мер по их спасению. Представителя академии наук встретили понимание и помощь со стороны военных властей. Были приняты некоторые меры по спасению культурно-исторического наследия в этом районе.⁴⁴⁹

С аналогичными задачами на Кавказский фронт был направлен летом 1917 года приват-доцент Петроградского университета, ученый, историк Н.Л. Окунев. Его сопровождали архитектор и фотограф. А.С. Тер-Аветисян, который также участвовал в работе данной экспедиции.⁴⁵⁰ Летом 1916 года на Кавказе работала экспедиция Н.Я. Марра.⁴⁵¹ Я. Мар в результате экспедиции сделал вывод о чрезвычайно слабой, нечеткой организации охраны культурно-исторического наследия в данном регионе. Как не парадоксально, но именно военные действия на Кавказе привлекли внимание официальных кругов к изучению и сохранению памятников в данном районе.

В ноябре 1915 года МАО создало КО МАО в Баку. Отделение в Баку объединило ученых любителей, всех кто интересовался культурно-историческим развитием данного региона, кто хотел сохранить древности Восточного Закавказья. от гибели и расхищения.

В первой половине XIX века особый интерес вызвали исследования памятников письменности (летописей), археологии и архитектуры. Можно сказать, что впервые изучение культуры народов Кавказа (Грузии и Армении) начали русские ученые. В своих работах они раскрывали исторические связи древних народов Кавказа с народами Востока и России. Вышел ряд интересных работ посвященных истории, экономике, социальному развитию Кавказа и Закавказья. Наиболее интересным является работа С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (1823 г.). Изучение истории и культуры народов Кавказа начали В.Ф. Зуев, И.А. Гюльденштед, Ф. К. Маршал фон Биберштейн, врачи Г. Шобер, И.Я. Лерх; офицеры И. Гербер, П.Г. Бутков, Н.Д. Языков, С.Д. Бурнашов, известный политический деятель П.С. Потемкин, историк Т. Байер еще в XVIII веке.

Важно то, что наместники на Кавказе оказывали помощь в культурном развитии местных народов. Например М.С. Воронцов в Закавказье признал законность и полезность самобытного культурного развития местного населения под русским

⁴⁴⁷ Известия КО МАО, Вып. V, Тифлис 1919, Годовой отчет за 1914, С.48.

⁴⁴⁸ Известия КО МАО, Вып. V, Тифлис 1919, Годовой отчет за 1916, С.59.

⁴⁴⁹ Предварительный отчет по 2 командировке С.В. Тер-Аветисяна в занятые русскими войсками части турецкой Армении. // Известия АК наук, Серия У1, Пг., 1916, С. 1486

⁴⁵⁰ Известия Ак. Наук, Серия VI, Пг., 1917, № 17, С. 1435-1438.

⁴⁵¹ Известия АК Ннаук, Серия VI, Пг., 196, № 16, с. 1481-1482.

владычеством и духовным влиянием.⁴⁵² Он много сделал не только для развития культуры, но и экономики.

Интерес к изучению памятников Кавказа поставил вопрос о необходимости их сохранения, тем более что эти регионы были фактически не исследованы. Об ужасающем положении памятников рассказывалось на страницах журнала Кавказская старина в 1873 году⁴⁵³

С 30-х годов XIX века года в Санкт-Петербурге начинает действовать Азиатский музей. Его директор Х.Д. Френ много сделал для изучения Кавказа и Закавказья. На развитие интереса к культуре этого региона повлияли 2 аспекта. Во-первых, развитие исторической науки, исследований в области истории всего Востока в это время как в России, так и за рубежом. Во-вторых, геополитический интерес России на территории присоединенных государств. В музее работали такие ученые как: М. Броссе, Н.Я. Марр.⁴⁵⁴

23 март 1873 года было утверждено Общество любителей кавказской археологии. Общество было создано по инициативе А.П. Берже. Целью создания данного общества было: поддержание и охрана замечательных сооружений Кавказа; исследование памятников древности и старины; приведение в известность древних архитектурных памятников Кавказа; приобретение археологических древностей; фотографирование памятников, снятие копий с чертежей; изыскание исторических данных о памятниках; произведение раскопок.⁴⁵⁵ Выполнение этих задач возлагалось на комитет Общества, состоявший из председателя, его помощника, 8 членов комитета, секретаря и казначея. Членами общества были: Д.З. Бакрадзе, И.К. Зейдлиц, Г.И. Радде, А.Д. Еризцов. Общество имело свой музей, участвовало в работе 5 археологического съезда в Тифлисе в 1881 году, опубликовывало свои труды («Записки», «Известия»), рассказывающие о ее работе. После пятого археологического съезда общество было преобразовано в «Кавказское общество истории и археологии». Оно продолжало свою деятельность почти 1917 года, но было немногочисленным, что отразилось на ее деятельности. Работа постепенно сворачивалась из-за нехватки средств для проведения изысканий. Многие члены Общества перешли в Кавказское отделение Московского археологического Общества⁴⁵⁶, которое имело больше средств и возможностей для проведения работ.

Отчеты раскрывают работу, проводимую обществом. Были проведены раскопки, исследования местных древностей, составлены описания предметов древности. Заботясь о сохранности памятников материальной культуры, открытых при проведении археологических раскопок и обследовании края, общество создало музей, где размещало свои находки. Своей деятельностью оно способствовало разработке исторических, археологических, этнографических исследований на Кавказе, популяризации исторических знаний, развивало потребность в исследовании национальных древностей. Оно первым на Кавказе заговорило о необходимости изучения древностей края, привлекло в этой работе лучших знатоков. Общество издало обзор по

⁴⁵² Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении., Ташкент, 1965, с.95.

Лунин Б.Д. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии. (1895-1917 гг.), Ташкент, 1958.с.12

⁴⁵³ Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении., Ташкент, 1965, с.95.

Лунин Б.Д. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии. (1895-1917 гг.), Ташкент, 1958, с.12

⁴⁵⁴ Там же

⁴⁵⁵ Кавказская старина, год 1873, № 3, январь, Тифлис, 1873, с.83.

⁴⁵⁶ Археографический ежегодник за 1974, С.52.

археологии Кавказа А.П. Берже, сборник христианских памятников Д.З. Бакрадзе. Эти труды долгое время являлись единственными руководствами при изучении кавказских архитектурных памятников. Обществом, благодаря активной деятельности Р.С. Байерна, была составлена первая коллекция могильных древностей Кавказа. Эта коллекция дала начало организации в Тифлисском музее Отдела первобытных древностей Кавказа. Члены Общества принимали активное участие в организации пятого археологического съезда в Тифлисе.

В 1881 году в составе Общества был сформирован Отдел истории и в связи с этим издан новый Устав и принято новое название «Кавказское общество истории и археологии». Председателем Общества стал А.В. Комаров.

В 80-ые годы XIX в. усилиями русских ученых, интеллигенции началось изучение культурно-исторического наследия Средней Азии. Были созданы первые научные общества. Создание научных обществ активно поддерживали научные круги Москвы и Петербурга. Российское правительство было заинтересовано в изучении Средней Азии. Этот регион рассматривался царским правительством как форпост колониального владычества на Востоке.⁴⁵⁷ Интерес России к Востоку, к Средней Азии имел основания и политические, и экономические и научные, и, конечно же геополитические. Уже в 1885 году начал свои археологические исследования в Средней Азии Н.И. Веселовский. Они проводились на городище Афрасиаб недалеко от Самарканда. В 1890 г. в г. Мерв отправилась археологическая экспедиция под руководством В. Жуковского. Культура Востока привлекала и ученых, и общественность. Проблемы сохранения культурного наследия территорий Кавказа и Средней Азии встали так же остро, как в центре России. Изучение культуры средней Азии шло семимильными шагами. С 1865 по 1917 год в Средней Азии было собрано и поступило в России в хранилища и музеи более 3000 восточных рукописей.⁴⁵⁸ Приезжавшие в Среднюю Азию русские ученые быстро вступали в контакт с местным населением и представителями русской интеллигенции на местах. Безусловно, обсуждались не только проблемы изучения и сохранения культурно исторического наследия, но политические аспекты развития России в это время. Администрация региона очень настороженно относилась к этому, боялась этих контактов, не осознавала необходимости общения ученых и представителей общественности. Страх распространения либерально-прогрессивных взглядов, не мог остановить объективного хода исторического развития. 1890-1900 годы Россия вступила в период промышленного подъема. Увеличилось влияние экономики Туркестана на общероссийском уровне. Этот процесс сформировал интерес к истории, экономике, культуре края.

Большую роль в сохранении памятников истории и искусства в Средней Азии сыграли Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии и Туркестанский кружок любителей археологии.

Русский Комитет был создан в 1903 году в Петербурге. Он занимался изучением Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом плане. Инициатором создания Русского Комитета был русский ученый В.В. Радлов.

Международный Конгресс ориенталистов, состоявшийся в Риме в 1899 году, рассмотрел проект создания Русского Комитета, представленный В. В. Радловым. После рассмотрения проекта, Конгресс принял решение о создании международ-

⁴⁵⁷ Лунин Б.Д. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении., Ташкент, 1965, с.95,254.; Лунин Б.Д. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии.1895-1917 гг., Ташкент, 1955, С.112.

⁴⁵⁸ Протоколы и сообщения ТКЛ., Т. 1-21., Ташкент, 1895-1916.

ного союза для изучения Средней Азии и Восточной Азии с постоянно действующим центром в Петербурге. Это было важное событие, подтвердившее международное признание культурной и геополитической деятельности России на территории Средней Азии, Восточной Азии и Туркестана. Это был акт, свидетельствующий о начале международного сотрудничества в сфере сохранения культурно-исторического наследия в этом регионе, акт признания международной, всечеловеческой ценности культурно-исторического наследия данного региона.

Устав Русского Комитета и его личный состав были утверждены 2 февраля 1903 года императором Николаем II.⁴⁵⁹ Целью создания Русского комитета было: объединение научных усилий для планомерного исследования древнейших азиатских культур и народов; спасение археологических памятников; изучение окраинных народностей, т.к. процесс их вымирания создавал угрозу потери для науки их языка, культуры, физического облика; содействие иностранным ученым в изучении Средней и Восточной Азии.⁴⁶⁰ Русский комитет был отдан в ведение Министерства иностранных дел, что еще раз подтверждает его значение во внешней политике России. В его состав вошли представители пяти научных учреждений и обществ России: Академии Художеств, факультета восточных языков Петербургского университета, Императорской Археологической Комиссии, Русского Географического и Русского Археологического Обществ и шести министерств: иностранных дел, военного, финансов, народного просвещения и императорского двора. Интересным является тот факт, что хотя царское правительство и финансировало работы Комитета, но не вмешивалось в его работу.⁴⁶¹ Российское правительство, участвуя и поддерживая работу комитета, надеялось показать народам Средней и Восточной Азии свою заинтересованность в изучении культурно-исторического наследия, исторического развития этих регионов, свою лояльность к ним, уважение к национальным ценностям. Деятельность Комитета отвечала геополитическим интересам России, поднимала престиж России в международном плане.

Наиболее активно Комитет работал с 1903 по 1914 гг. Несмотря на то, что у него не было постоянного бюджета, а средства состояли из субсидий министерства финансов, денежных пожертвований отдельных учреждений и частных лиц, продажи научных материалов и печатных изданий, работа проводилась очень активно. Деятельность была научно обоснованной, плановой, четкой, многоаспектной. Комитет участвовал сам и оказывал научную и финансовую помощь региональным центрам, особенно в Средней Азии в проведении археологических, этнографических, лингвистических изысканиях и исследованиях, а также в опубликовании материалов исследований.⁴⁶² Так были выделены средства для проведения археологических работ в Самарканде (мавзолей Шахи Зинда, цитадель городища Афросиаб, обсерватория Улугбека).⁴⁶³ В мае 1908 года министр финансов выделил из сумм Государственного казначейства 3000 рублей на изучение памятников мусульманской архитектуры в Самарканде.⁴⁶⁴

В 1908 году Русский Комитет выступил с предложением перед Министрами

⁴⁵⁹ СПбФА, ф.148, оп.1, д.6, л.3., 5-6; д.7, л.13, 19-20.

⁴⁶⁰ СПбФА, ф.148, оп.1, д.77., папка 1, л.1-11.

⁴⁶¹ Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном и отечественном востоковедении., М.1992, с.89.

⁴⁶² Люстерник Е.Я. Русский комитет для изучения Средней Азии и Восточной Азии. // Народы Азии и Африки., 1975, № 3, С. 224-232

⁴⁶³ ИРКИСВА.СПБ, 1906, № 6, X11, С. 26-34.

⁴⁶⁴ СПбФА РАН, Ф. 148, оп.1, д.49, л.68.

иностранных дел и путей сообщения о создании отдельного, самостоятельного Комитета по охране архитектурных памятников Туркестана. 22 февраля 1908 года Русский Комитет принял решение о направлении экспедиции на территорию Русского Туркестана для описания, фотографирования и зарисовки планов зданий. Художественных деталей сооружений. Это решение было принято в связи с гибелью памятников в этом регионе. Было также решено создать Особую Комиссию. С привлечением в нее специалистов и любителей для обсуждения плана работы и изыскания необходимых средств.

20 ноября 1908 года Русский Комитет устроил в Царскосельском дворце выставку древностей Средней и Восточной Азии. На этой выставке Николай II согласился принять Русский Комитет под свое покровительство. Активно участвовал в деятельности Комитета известный русский ученый В.В. Бартольд. Им были осуществлены обмеры, описания, фотографирование мавзолея Гур-Эмир, мечети Ахмеда Ясави, мечети Биби-Ханым, комплекса Шах - Зинда, медресе Улугбека и другие памятники. Археологические работы проводились В.В. Бартольдом, В.Л. Вяткиным, Л.А. Зиминим, С. Д. Дудиным, А.Н. Самойловичем.

Анализируя деятельность этого учреждения, важно отметить, что руководство проводило организационную работу по проведению экспедиций в районах Средней и Восточной Азии. Комитету удалось не дублировать работу других обществ и учреждений. Ядром Комитета были ученые Петербурга, но в работе участвовало довольно большое количество местных ученых и любителей. Работа Комитета смогла привлечь внимание местных властей, царского правительства, региональных ученых и любителей, международного сообщества к проблеме охраны культурно-исторического наследия Средней и Восточной Азии. Члены Комитета, совместно с представителями местной интеллигенции смогли провести колоссальную изыскательскую, научную работу; создали богатейшую коллекцию восточных древностей и рукописей, спасли многие памятники от гибели. Сформировали определенное положительное мнение по поводу присутствия России в данном регионе, что особенно было важно в свете геополитических интересов России.

Документов о прекращении деятельности Комитета обнаружить не удалось. Скорее всего, он перестал действовать примерно в 1921 году, войдя в состав Коллегии востоковедов, образованной при Азиатском музее Академии наук.⁴⁶⁵

Южную часть Казахстана успешно изучало в археологическом отношении единственное историко-научное учреждение Средней Азии — Туркестанский кружок любителей археологии, открытие которого состоялось 1 декабря 1895 года⁴⁶⁶. Открытие его было подготовлено деятельностью ученых специалистов Петербурга, Москвы и местных ученых, краеведов, любителей старины и коллекционеров. Кружок был создан по инициативе членов Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и частных лиц: директора ташкентской мужской гимназии Н.П. Остроумова и русского ученого В.В. Бартольда.

Устав Кружка был утвержден министром народного просвещения 31 декабря 1895 года.⁴⁶⁷ Цели и задачи сформулированы во втором параграфе Устава. Устав отмечал, что члены кружка в основном занимались выявлением, учетом, изучением и популяризацией памятников истории и культуры Южного Казахстана и средней Азии (археологических, архитектурных, литературных и других), изданием и опубликованием результатов исследований. Были изданы «Протоколы заседаний и со-

⁴⁶⁵ СПБФА РАН, Ф. 2, оп.1, 1921, д.10, л.275-276.

⁴⁶⁶ Устав ТКЛА., Ташкент., 1896.

⁴⁶⁷ Устав ТКЛА., Ташкент., 1896, С.10.

общений членов ТКЛА» (выпуски I – XXI).

Членами кружка были: Смирнов С.Т. – прослужил в Туркестане 28 лет, вел большую научно-общественную работу, являлся действительным членом и секретарем Сырдарьинского областного статистического комитета.⁴⁶⁸ Деятельность кружка находилась под пристальным вниманием Русского археологического общества; археолог В.А. Каллаур, служил в Алма-Ате, открыл камни с орхонскими и уйгурскими письменами.⁴⁶⁹; с 1907 года членом кружка был военный инженер Борис Николаевич Кагельский, первооткрыватель и описатель знаменитых биянайманских асураев, коллекционер и собиратель, обладатель огромной коллекции среднеазиатских древностей; ученые исследователи Н. Маллицкий, М.С. Андреев, Н.С. Лыкошин, А.А. Семенов Н.И. Веселовский, В.А. Жуковский, П.М. Мелиоранский, С.Ф. Ольденбург, В.Г. Тизенгаузен, В.В. Радлов, В.Р. Розен и другие. Все эти исследователи оставили заметный след в изучении Казахстана и Средней Азии. Председателем Кружка был барон А.Б. Вревский. Оказывали содействие ТКЛА военный губернатор Самарканда Я.Д. Федоров, военный инженер Туркестанского военного округа И.Т. Пославский. Наиболее активным, влиятельным, коммуникабельным членом кружка, оказавшим огромное влияние на активизацию его деятельности, был вице-председатель Н.П. Остроумов. Благодаря его энергичной, целеустремленной деятельности по изучению и сохранению культурно-исторического наследия этого региона была собрана великолепная коллекция древностей края, были изданы труды членов кружка.⁴⁷⁰ Важный этап в работе ТКЛА начался с момента возникновения и развертывания деятельности русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Комитет неоднократно финансировал деятельность Кружка.⁴⁷¹ Совместно с туркестанским отделом русского географического Общества, ТКЛА поднял вопрос о необходимости научной регистрации всех памятников Туркестана.

Туркестанский кружок любителей археологии представлял собою научно-краеведческую организацию. Работы выполнялись большей частью на личные сбережения и средства членов кружка. Деятельность состояла в организации собраний, проведении описания и регистрации памятников, записи легенд и преданий, производстве археологических раскопок, разведок, собирании древностей и издании трудов.⁴⁷² ТКЛА удалось объединить силы интеллигенции края, столичных востоковедов ученых и любителей, сформировать научные методы работы, активизировать археологические раскопки. Он сыграл огромную роль в сохранении памятников местной старины; накопил справочный, научный материал, который не утратил своего значения и в начале третьего тысячелетия. Были составлены списки памятников. Деятельность кружка сформировала пласт местных ученых и любителей. Члены кружка были инициаторами создания еще одной историко-краеведческой организации – Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока в 1903 году. ТКЛА продолжал свою работу до 1917 года.

Одним из направлений в деле сохранения памятников истории и культуры, в расширении знания о культурно-историческом наследии национальных окраин и всей России, в формировании потребности его сохранить сыграли выставки.

Наглядной формой пропаганды сохранения национальных памятников были

⁴⁶⁸ Скворцов А. Евгений Тимофеевич Смирнов, как археолог.// ПТКЛА, 1913, XVI, С. 911.

⁴⁶⁹ ПТКЛА, 1905, X, С. 253.

⁴⁷⁰ ПТКЛА, 1905, X, С. 7,8,25..

⁴⁷¹ ИРКИСВА СПб., 1903, №1, с.19.

⁴⁷² Лунин Б.Д. Из истории русского востоковедения. И археологии Туркестана. Туркестанский кружок любителей археологии.(1895-1917).,Ташкент,1958,, С. 46,62, 66.

следующие выставки: выставка среднеазиатских рукописей XV-XVII вв., которая демонстрировалась в рукописном отделении Публичной библиотеки в Петербурге⁴⁷³, выставки восточных древностей (в основном монет) ташкентского купца Акрама Аскерова, прошедшие в ряде промышленных городов России.

Необходимо отметить важную роль в пропаганде сохранения изучения национальных памятников сыграл В.В. Стасов, выступая со статьями в периодической печати.

Выставки акцентировали внимание к культурно-историческому наследию всей России, к проблемам его сохранения, поставили вопрос ценности памятников отдельных народов и национальных групп, населявших Россию.

Анализ деятельности общественных организаций на Кавказе и Средней Азии дает возможность сделать следующие выводы:

- до присоединения к России научно-исследовательская работа и деятельность по сохранению культурно-исторического наследия в регионах не проводилась;
- именно Россия подняла и начала решать проблему исследования и сохранения культурно-исторического наследия в этих регионах;
- к деятельности по сохранению культурно-исторического наследия было привлечено местное население. Это способствовало укреплению позиций России на Кавказе и в Средней Азии.
- проблемы сохранения культурно-исторического наследия Империи государствам не были решены в этих регионах ни до 1917 года, ни после, в советское время;
- в развитии деятельности по изучению и сохранению культурно-исторического наследия в этих регионах наибольшую роль сыграла столичная и местная общественность, в основном русскоязычная. Работа в направлении освоения этих земель была важна для Российской империи.
- государственная политика в сфере сохранения культурно исторического наследия в этих регионах была достаточно оформлена и выявлена. Она выражалась в разрешении деятельности общественных структур, в финансовом содействии, в определении задач и направления деятельности.

Данные материалы доказывают, что Российское правительство активно участвовало в освоении культурного пространства присоединенных земель, но направило на решение этой проблемы общественные силы, предложив на них часть своих непосредственных задач. А общественное движение было готово к началу работы и было в нем заинтересовано, находило в нем свое самовыражение, доказательство своей значимости.

Деятельность общественных структур при поддержке государства имело большое геополитическое значение. Она связывала вновь присоединенные территории с Россией, создавало единую инфраструктуру охраны культурно-исторического наследия, единую социальную базу для исследования и освоения этих территорий, положительно прозвучала и на международной арене.

Деятельность общественных организаций по изучению и сохранению культурно-исторического наследия всей Российской империи доказывает наличие бурного процесса формирования гражданского общества в России на рубеже XIX-XX веков. Опыт государственной и общественной охраны культурно-исторического наследия в России на рубеже XIX-XX веков, использование общественной и научной активности общественных структур в государственном строительстве, формирования национальной политики имеет огромное значение и сегодня в XXI веке.

⁴⁷³ Императорская Публичная библиотека за 100 лет. 1814-1914.-СПб.: тип. Рос.ак.наук, 1914-100с.

Положение учителей истории в дореволюционной России. 1901-1917 гг.

Содержание образования в школе определяется учителем. В дореволюционной школе (март 1901 – февраль 1917 гг.) не хватало преподавателей. Каким было их материальное и юридическое положение?

На учительскую должность (в штат) гимназии можно было попасть только после окончания стажировки, которая длилась от четырёх месяцев до года. Педагог, закончивший высшее учебное заведение за казённый счет, обязан был проработать в гимназии от года до шести лет.⁴⁷⁴ Воспитанники историко-филологических институтов, получавшие казенные стипендии, обязывались прослужить не менее 6 лет в ведомстве Министерства народного просвещения по назначению министра. Но эти обязательства не выполнялись. Об этом говорилось в «Правительственном распоряжении по вопросу о перемещении и увольнении преподавателей, окончивших курс в историко-филологических институтах» от 2 июля 1911 года. В документе отмечалось, что попечители учебных округов различно относились к вопросу об обязательности службы и поэтому, либо увольняли «институтцев» в отставку для перехода на службу в другие ведомства до окончания их срока обязательной службы, либо не разрешали им переход в другие округа на лучшие места. Вследствие этого министр народного просвещения издал распоряжение для попечителей учебных округов, в котором отметил, что студенты, окончившие институты, не могут быть уволены со службы без особого разрешения Министерства. Он отметил также, что «лица, окончившие курс в институтах стипендиатами отдельных округов, должны проходить обязательную службу до истечения срока и в пределах тех же округов по принадлежности, причём могут быть переводимы с одного места на другое властью попечителя; лица же, бывшие в институте просто казённокоштными студентами, не связанными службою, непременно, в пределах одного округа и могут быть переведены из одного округа в другой после сношений между попечителями обычным порядком без особого в каждом случае разрешения Министерства».⁴⁷⁵ Тем не менее некоторые педагоги, подыскав себе другое место, писали заявление об увольнении их в первом месте работы и переходили на другое место. Узнав о такой практике, министр просвещения в 1908 г. издал распоряжение о том, что в силу того, что трудно подыскать педагога в середине учебного года, лицо, уволившееся из первого места работы, не принимать в другие учебные заведения до начала следующего учебного года.

Иногда имела место и следующая практика. Попечитель учебного округа мог направить в гимназию учителя-стажёра сверх штата; ему давали нагрузку не менее 6 часов в неделю, но без жалованья. Если у гимназии были средства, ему могли заплатить за работу. Если такой учитель-стажёр показывал себя с лучшей стороны, его при наличии вакансии, зачисляли в штат. В таком случае предыдущую работу зачисляли в выслугу (стаж).⁴⁷⁶

⁴⁷⁴ См.: Флит Н.В. Школа в России в конце XIX – начала XX в.: Государственные и частные гимназии, прогимназии, домашнее обучение, экстернат. – Л., 1991. С.7.

⁴⁷⁵ По вопросу о перемещении и увольнении преподавателей окончивших курс в историко-филологических институтах (2 июля 1914 года №21722). Правительственные распоряжения// Русская школа. 1911. №10. С. V

⁴⁷⁶ Флит Н.В. Школа в России в конце XIX – начала XX в.: Государственные и частные гимназии, прогимназии, домашнее обучение, экстернат. С.8-10.

Управления учебных округов нередко обращались к министру народного просвещения с просьбой о присуждении звания учителя в течение нескольких месяцев лицам, работающим по найму. На это в 1913 г. министр просвещения издал распоряжение, согласно которому звание учителя можно было получить только после одного года работы в средних учебных заведениях. Это объяснялось тем, что за несколько месяцев начальники учебных заведений не могут настолько познакомиться с педагогическими качествами и результатами деятельности таких учителей, чтобы составить окончательное суждение о том, насколько они удовлетворяют требованиям, выдвигаемым к преподавателям.

Учителям разрешалось вести несколько предметов (например, историю и географию). Практика совмещения преподавания предметов в основном и имела место.

При поступлении на службу необходимо было принести присягу на верность службе. При этом подписывался присяжный лист, который хранился в Сенате.

Каждый год директора гимназий отправляли попечителю сведения о преподавателях. В них указывалось на методику ведения урока данным преподавателем, взгляды учителя, реакцию его на замечания со стороны школьной администрации. Приведем примеры некоторых из них: 1) «Историю преподает в 3 и 8 классах Сокольский. В течение трёхлетней педагогической деятельности Сокольский в достаточной степени освоился с приёмами и методами преподавания, обладает хорошим знанием предмета и аккуратно подготавливаясь к урокам, ведёт их по заранее обдуманному плану. К делу относится с большим усердием, начинает приобретать умение поддерживать дисциплину и внимание класса, хотя и до сих пор ещё иногда уделяет слишком много времени на спрашивание отдельных учеников. При изложении исторических событий не увлекается новейшими теориями и течениями, в своих объяснениях стоит на объективной почве, стараясь воспитывать своих учеников в национальном духе; особенно это сказывается в речи, произнесенной им 28 марта по поводу исполнившегося в январе сего года 300-летия славной обороны Троицко-Сергиевской лавры» (Директор Вяземской императора Александра III гимназии 4 мая 1910 г. его превосходительству Попечителю Московского учебного округа)⁴⁷⁷; 2) «Преподаватель истории А.В. Захаров – отличается большими научными познаниями, следит за литературой предмета, выработал определенные взгляды на исторические события применительно к современному состоянию исторической науки. Объяснения его всегда дельны и интересны, но в требованиях к учащимся этот преподаватель излишне снисходителен, почему не достигает тех результатов, каких следовало бы ожидать по всем научным средствам его и усердию к учебному делу. Благодаря делаемым ему указаниям на этот счет, за последнее время Захаров стал более предъявлять требований к учащимся, и оценка знаний их приближается к нормальной. Дисциплина на уроках Захарова не всегда поддерживается благодаря недостатку энергии у него и слабости характера. Особенного влияния на учеников он не имеет. Ко всем советам и указаниям Захаров относится благожелательно». (Директор Владимирской гимназии 26 апреля 1910 г. его превосходительству Господину Попечителю Московского учебного округа)⁴⁷⁸

Характеристики педагогов отражены не только в отчетах директоров средних учебных заведений, но и в воспоминаниях гимназистов. Так, Н.М. Дружинин в «Воспоминаниях о Московской 5-ой гимназии» пишет: «Третьим выдающимся педагогом, который недолго, года два, преподавал нам историю, был Я.Л. Барсков.

⁴⁷⁷ Центральный Исторический Архив гор. Москвы (ЦИАМ). Ф.459. О.3. Д.5388. Л.7.

⁴⁷⁸ ЦИАМ. Ф.459. О.3. Д.5388. Л.39.

Умный и талантливый ученик В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, знаток русского масонства, сочинений Новикова и Радищева, он принадлежал к передовой плеяде московских учителей, убежденных последователей социологического метода. Четвертой незаурядной фигурой в сонме наших учителей был Н.Г. Тарасов, но это была двойственная и своеобразная натура, он был тоже учеником В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова, однокашником А.А. Кизеветтера, М.М. Богословского и Н.А. Рожкова. Из Университета он вынес сочувствующий интерес к историческому материализму и методике преподавания истории, но он был заражен духом чиновного карьеризма». ⁴⁷⁹

В целом в гимназиях был недостаток преподавателей, чем и будет обусловлено открытие новых учебных заведений и курсов для подготовки учителей в последующие годы. То, что мужские гимназии нуждались в учителях, подтверждает один их циркуляров Министерства народного просвещения (1909 г.), в котором говорилось, что по сведениям министерства в женских гимназиях имеются способные и знающие свое дело педагоги, но получают они «сравнительно с мужскими учебными заведениями низшие оклады и вообще хуже обставлены в материальном и служебном отношении», а потому им предлагалось переходить на службу в мужские учебные заведения. Неизвестно, насколько это переманивание учителей из одних гимназий в другие было решением проблемы с кадрами, но такой циркуляр существовал.

Касаясь правового положения учителей средней школы, в одной из статей журнала «Русский учитель» за 1912 год отмечалось, что учитель гимназии во всех отношениях — как чиновник, как человек, как член известной корпорации, как представитель знания и воспитатель, — отовсюду был опутан законами, разъяснениями, циркулярами, предписаниями и добровольческим сыском. Помимо этого учебная администрация вторгалась во вне служебные отношения педагогов. Так, например, существовали очень суровые предписания, ограничивающие празднование юбилеев. На это нужно было соответствующее разрешение. Также было разработано положение о ношении форменной одежды, которое представляло собой целую конституцию в 30 параграфов с таким же числом примечаний. ⁴⁸⁰ В мужских гимназиях существовал контроль за временем прихода учителя на первый урок. Директора в годовых отчетах по гимназии указывали кто, когда и насколько опоздал на урок. Например, в отчете Московской 10-й гимназии за 1903 год указывается, что учитель истории С.П. Моравский опоздал «14 октября на 15 минут, 16 октября на 10 минут, 28 октября на 15 минут, 4 ноября на 20 минут, 6 ноября на 20 минут, 13 ноября на 20 минут, и 18 ноября на 23 минуты». ⁴⁸¹

Учебная администрация выступала и против участия педагогов в политической жизни страны. По ее мнению: «Против этого следует бороться всеми силами, развить максимальную энергию, организуя все житейски доступные пути, долженствующие сохранить учителя на стезе целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви». ⁴⁸²

Заработная плата преподавателей, зачисленных в штат, включала жалованье (за 12 уроков), плату за дополнительные уроки (если учитель имел больше 12 уроков), плату за классное руководство, дополнительное жалованье. Иногда штатные учителя занимали должности секретарей Педагогического совета и библиотекарей гимназий — за эту работу они также получали деньги. Преподаватели, не входящие в штат, так называемые учителя «из платы по найму», получали плату за уроки, допол-

⁴⁷⁹ Дружинин Н.М. Избранные труды. М., 1990. Кн.4. С.132.

⁴⁸⁰ Золотарев С. Правовое положение учителей средних школ// Русский учитель. 1912. №1. С10.

⁴⁸¹ ЦИАМ. Ф.459. О.3. Д.3869. Л.103

⁴⁸² О «политике» и циркулярной литературе// Вестник учителей. 1906. №1. С.19.

нительное жалование и плату за работу секретарём Педагогического совета (если они брались за эту работу). На 1903 год по гимназиям и реальным училищам размер увеличения штатного оклада в зависимости от числа лет службы колебался от 90 рублей до 360 рублей в год. Помимо этого за дополнительные уроки увеличивалось поурочное вознаграждение. В общем, прибавка преподавателям в гимназиях составляла от 12 до 20% их прежнего содержания.⁴⁸³ Анализ данных о распределении заработной платы⁴⁸⁴ на 1910 год учителей истории Московского учебного округа приводит к выводу о том, что штатные преподаватели зарабатывали от 1150 руб. до 2810 руб. в год или от 96 до 234 руб. в месяц (исключая директоров и инспекторов, преподававших историю – их заработок был выше), зарплата зависела от нагрузки (количество уроков колебалось от 12 до 31 часа в неделю). Жалование за 12 часов (или оклад) составлял 750 руб., 900 руб. – для тех, кто отработал 5 лет в одной должности по ведомству Министерства народного просвещения и 1250 руб. – для работающих учителей-пенсионеров. Учителя из платы по найму получали за свою работу от 210 до 1190 руб. в год или от 17 руб. 5 коп. до 99 руб. 20 коп. в месяц, это также зависело от нагрузки (от 3 до 12 часов). Таким образом, при достаточно большой нагрузке преподаватели, входящие в штат гимназии относились к категории среднеобеспеченных граждан. На эту зарплату можно было жить с семьей, иметь хорошую квартиру с прислугой, учить детей, ходить в театры, покупать книги и прочее.⁴⁸⁵ Сложнее было положение учителей по найму. Вот как оценивалась экономическая зависимость преподавателей гимназии в журнале «Русский учитель» за 1912 год: «Юридически и материально несколько привилегированное положение как будто занимает так называемый штатный преподаватель: он имеет 12 обязательных недельных уроков. Но уроки сверх этой нормы он может иметь лишь тогда, когда его ценит непосредственное начальство, например, директор. Начальство их даёт, оно же вправе их отнять, когда, по его представлению, того требует «польза дела». При этом не застрахована от внезапной потери как раз большая часть уроков, т.е. 18 (30-12) из 30 недельных часов, составляющих минимум нагрузки для преподавателя. Нечего говорить, что положение, так называемого, вольнонаёмного преподавателя, еще хуже. Не имея даже вышеупомянутых 12 уроков, лучше оплачиваемых и совершенно забронированных от начальнического усмотрения, он от этого не только терпит материальный ущерб, но не в меру действительной величины последнего, лишается всякой служебной неприкосновенности перед лицом своего директора. С нештатным преподавателем можно отложить всякие церемонии. Итак, количество уроков, которое дает преподаватель, может подвергаться очень резким колебаниям, отражающимся на величине его заработка. Формы управления власти бывают разные. Самая обычная – письменное извещение в каникулярное летнее время, что с наступлением нового учебного года адресат может свободно располагать своим временем, так как его уроки переданы другому лицу. Возможен и более грубый способ: директор вывешивает во всеобщее сведение список фамилий преподавателей, с обозначением количества уроков, которое с осени будет предоставлено каждому из них. Кто не угоден директору, просто не находит своей фамилии в списке».⁴⁸⁶ Итак, нехватку педагогическо-

⁴⁸³ Прибавка к жалованию учащим в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения// Вестник воспитания. 1903. №9. С.125.

⁴⁸⁴ ЦИАМ. Ф.371.О.1. Д.609; Ф.459.О.3. Д.5655,5656,5657,5659.

⁴⁸⁵ См.: Новейшая история Отечества. XX век. Т.1./ Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. – М., 1998. С.34.

⁴⁸⁶ Лютш А. Экономическая зависимость преподавателей в казенных и частных учебных заведениях// Русский учитель. 1912. №2. С.105-107.

го персонала в гимназиях можно скорее объяснить не низкой заработной платой, а произволом учебной администрации. Хотя и для того, чтобы получать достойную зарплату надо было иметь большую нагрузку. Если бы нагрузка была уменьшена, но хорошо оплачивалась, это давало бы преподавателю возможность подготовки к классной работе, возможность следить за педагогической и научной литературой, уделять больше внимания внеклассной работе⁴⁸⁷, но уменьшение числа недельных уроков было невозможно из-за нехватки кадров.

В начале XX века наравне с проектами реформирования учебной системы России, Министерство народного просвещения отдельно рассматривало вопрос подготовки учителей. Разделение научного и педагогического образования не давало комплексной подготовки: педагогические курсы и институты давали педагогическую подготовку, но не расширяли научную. Увеличение количества учебных заведений для подготовки преподавателей, привело к росту учителей-предметников в гимназиях. Но, тем не менее, учителям приходилось совмещать преподавание двух предметов, например, истории и географии, а это увеличивало недельную часовую нагрузку. Экономическое и правовое положение учителей во многом зависело от учебной администрации.

⁴⁸⁷ ЦИАМ. Ф.459. О.3. Д.7882. Л.16

**РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
В ХАОСЕ СОБЫТИЙ И В СМЯТЕНИИ ЧУВСТВ
(25 ОКТЯБРЯ – 7 ДЕКАБРЯ 1917 г.)**

Тема «Октябрь 1917 года и интеллигенция» не нова. В советской историографии тщательно подбирали факты, чтобы доказать будто лучшая часть интеллигенции, если не восторженно встретила, то хотя бы сочувствовала большевистской революции или принимала и понимала справедливость и правоту переворота; что касается остальной интеллигенции, то ее делили на временно заблуждающихся интеллектуалов и открытых, неисправимых врагов советской власти и, естественно, всего трудового народа. Ставшие доступными в последние полтора десятка лет источники позволяют отечественному исследователю и читателю несколько иначе взглянуть на эту тему⁴⁸⁸.

Непредвзято, без идеологизирующей заданности, реконструировать отношение русской интеллигенции к политическим и социальным потрясениям конца 1917 года целесообразно вернуться в преддверии 90-летней годовщины Октябрьской революции. В данной статье речь пойдет о первой реакции на захват власти большевиками в период с 25 октября до 7 декабря 1917 г. (дата образования ВЧК), когда репрессивная политика советской власти носила ещё, если так можно сказать, спорадический характер.

Основные источники, использованные в статье, это — дневниковые записи, письма, публикации в текущей прессе, зафиксированные в воспоминаниях и других материалах устные высказывания. Все они сохраняют свежесть непосредственной реакции-переживания на события и факты, увиденное и услышанное, на прочувствованное, но не всегда глубоко и обстоятельно осмысленное. Но тем ценнее эти «голоса из прошлого» в их неистовости и несдержанности эмоциональных порывов, в их стремлении понять, что же происходит «с Родиной и с нами». Обилие исходного материала определила выборочную методику его отбора и использования. Предпочтение при этом отдавалось наиболее известным фигурам культурного, преимущественно литературного, мира. Это делалось и по причине их значимости и по причине их влияния на умы читателей. Не последнее значение в мотивации отбора играли и соображения «силы слова», яркости образных характеристик и выражений.

В настоящей статье приводятся высказывания и оценки не только либералов, отношение которых к большевистской революции было однозначным, но и тех, более левых, представителей интеллигенции, которые придерживались либо народнических воззрений, как В. Короленко, либо были не чужды даже взглядов, близких к марксизму, как М. Горький. Их статьи публиковались в газетах, оппозиционно настроенных к новой власти — «Новой жизни» и «Воля народа», журнале «Народоправство». Хронологическая последовательность (по дням) изложения материала позволяет, во-первых, проследить «движение чувств», во-вторых, связать высказы-

⁴⁸⁸ См., например: Бабореко А. Бунин. Жизнеописание. — М.: «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей»), 2004. — 457 с.; Варламов А. Красные и алые паруса. (А.С.Грин и русская революция). // Подъём (Воронеж). 2005. № 2. С. 191 — 226; Куняев Ст., Куняев Срг. Сергей Есенин. — М.: «Молодая гвардия» (серия «Жизнь замечательных людей»), 2005. — 595 с.; Гердт Н.Е. Октябрь 1917 года глазами интеллигенции. // Наше отечество. Страницы истории: Сб. науч. статей. / Моск. гос. обл. ун-т. Вып. 3 — М., 2005. С. 86 — 100; Толстая Е. «Дёготь или мёд». Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917 — 1923). — М.: РГГУ, 2006. — 685 с.

вания с теми или иными событиями.

Первые впечатления и страхи, охватившие многих представителей интеллигенции в момент падения Временного правительства в ночь с 25 на 26 октября 1917 года, отражены в дневнике писателя Леонида Андреева: «Страшно было смотреть на арестованных офицеров, которых куда-то вели и вели солдаты под нашими окнами. Потом эта загадочная канонада. Где Керенский? Где правительство? Кто нападает и кто защищается? А отрывочные сведения по телефону, что всё главнейшее: Государственный банк, вокзал, телеграф, телефон уже во власти Ленина». И уже в темноте писатель сидел, закрыв глаза, и слушал стрельбу, «был совсем жуткий момент», когда вошла кухарка и сказала: «Уже во дворе что-то делается...». Оказалось, что она ошиблась. А к ночи пришли другие сведения, вернее даже не сведения, а что-то, отвечающее собственным желанием: «Будто у тех раскол. И что Керенский идёт с войсками, и что в Зимнем три министра, юнкера и ещё кое-кто решили умереть, но не сдаваться. Что будет? Жутко и холодно». Болела голова, давало знать о себе сердце, — передает писатель свои ощущения, — так что приходила мысль: «А, пожалуй, неплохо, если убьют, хороший конец. Слишком много мучений будет и для тела и для души, если победят большевики. И почти невозможно вообразить, что это значит: победа этих людей, их власть, их правление»⁴⁸⁹.

Отмечая «торжество победителей», 26 октября Зинаида Гиппиус записывала в дневник: «Кажется, большевики быстро обнажатся от всех, кто не они. Уже почти обнажились. Под ними... вовсе не «большевики», а вся беспросветно-глупая чернь и дезертиры, пойманные, прежде всего, на слово «мир». Но хотя — чёрт их знает, эти «партии», Черновцы (сторонники В.М. Чернова — авт.), например, или новожиженцы (газета «Новая жизнь» редактировалась М. Горьким — авт.)... Ведь и они о той же, большевицкой, дорожке мечтали. Не злятся ли теперь и потому, что “не они”, что у них-то пороку не хватило?» Касаясь же непрерывных слухов об идущих на Петроград правительственных войсках, она отмечала: «Они очень похожи на легенду, необходимую притихшим жителям завоёванного города. Я боюсь, что ни один полк уже не откликнется на зов Керенского — уже поздно»⁴⁹⁰.

В.Г. Короленко записывал 26 октября, что и «Полтава рисковала проснуться в огне междоусобия», вызванного тем, что юнкера, у которых солдаты отобрали патроны, грозились пойти на совет рабочих и солдатских депутатов с пушкой. Подоплеку солдатского недоверия к офицерам он видел в тактике большевиков, определяемой им как «довольно низкой»: они агитируют на фронте против наступления, разрушая таким образом боеспособность армии, пользуясь чувствами, которые вызывают наши позорные поражения, и объясняя неудачи изменой буржуев-офицеров. «Ловко, но подло», — дает нравственную оценку тактике большевиков Короленко⁴⁹¹.

Л. Андреев, убедившись 27 октября в том, что большевики всё-таки стали в России властью, предпочёл с женой и сыном на время уехать в Териоки (в Финляндию, вскоре отделившуюся от России), откуда писал в Москву: «Это — переворот, но переворот с ног на голову. Все — кверху ногами... И так, говорят, надо жить. Бессмысленное, не воображаемое даже воображением, становится единственно реальным и сущим... Они будут управлять Академией наук, университетами, издавать законы, они, безграмотные. Ясно, что этого не может быть, но это есть, существует, это факт!

⁴⁸⁹ Андреев Л. S.O.S.: Дневники (1914-1919); Письма (1917-1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918-1919). / Вступ. статья, составление и примечания Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: «Atheneum-Феникс», 1994. С. 3 — 32.

⁴⁹⁰ Гиппиус З. Дневники.. 1917 год. М.: «Захаров», 2002. С. 143 — 144.

⁴⁹¹ Короленко В. Г. Дневник. Письма. 1917 — 1921. М., 2001. С. 20 — 21.

И я ничего не могу понять... Конечно, это скоро кончится — но когда, но как? Этого в истории ещё не бывало... Восстание тьмы против знания, глупости против ума».

Таковы были первые отклики писательских сердец на события 25 октября. В них было понимание того, «что ни один полк уже не откликнется на зов Керенского — уже поздно», и непонимание того, что это скоро не кончится (так хотелось, но так не будет). Вместе с Л. Андреевым большинство представителей гуманитарной интеллигенции могли бы тогда сказать о себе: «И я ничего не могу понять».

Принявших революцию сразу и безоговорочно среди заметных представителей художественной и научной интеллигенции было немного. К ним относились те, кто крепко связан с большевиками: литературовед и драматург А.В. Луначарский, первый советский нарком просвещения, поэт Демьян Бедный, печатавшийся в «Правде», писатель А.С. Серафимович, сотрудничавший в 1917 г. в газете «Известия Московского Совета», историк М.Н. Покровский, занявший в ноябре 1917 г. пост председателя Моссовета. Всех их можно перечислить по пальцам одной руки.

Сложнее обстояло дело с теми, кто вскоре начал сотрудничать с советской властью, руководствуясь разными мотивами причем не всегда политическими. Публицист и литературовед Р.В. Иванов-Разумник, примыкавший к левым эсерам, первые дни Октябрьской революции провел «безвыходно в Смольном»⁴⁹². Вспоминая два года спустя эти «трудные, — но радостные, — дни и месяцы», он писал А. Белому: «Только в вас и ещё в Блоке нашёл я поддержку, сочувствие, единомыслие»⁴⁹³. К этой группе поэтов можно условно причислить и С.Есенина, который не без гордости заявлял позже, что «был всецело на стороне Октября, но принимал всё по-своему, с крестьянским уклоном».⁴⁹⁴

Принимать или не принимать? Такого вопроса не было для Маяковского: «Моя революция!», — говорил он⁴⁹⁵. «Бейте в площади бунтов топот! / Выше, гордых голов гряда! / Мы разливом второго потопа / перемоем миром города», — так начинался «Наш марш», сочинённый им сразу же после Октябрьского переворота⁴⁹⁶. Солидарны с Маяковским были и другие футуристы. Как писал П.Н. Милюков, «искусство футуристов, кубистов и супрематистов вырвалась на свободу..., было легализовано октябрьской революцией, которая «подвела» под него идеологическую платформу».⁴⁹⁷

Подобные настроения имелись и в артистической среде. «Ветер сдул Временное правительство, как гнилые груши с дерева», — говорил своим коллегам оперный певец Л.В.Собинов.⁴⁹⁸ (Образ гнилых груш применительно к Временному правительству использовал в 1927 г. Маяковский в поэме «Хорошо», когда характеризовал положение министров в Зимнем дворце: «Они упадут переспевшей грушею, как только их потрясут»)⁴⁹⁹.

Некоторые представители художественной интеллигенции полагали, что революция облегчит им поиск новых форм в творчестве. Таким был, например, Всеволод Мейерхольд. Руководитель Камерного театра А.Я. Таиров вспоминал о позиции

⁴⁹² Цит. по: Литературное наследство. Т. 92 — Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М.: «Наука», 1981. С. 377.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Есенин С. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1962. С. 22.

⁴⁹⁵ Маяковский В.В Сочинения. В 2-х т. Т.1. М., 1987. С. 35.

⁴⁹⁶ Маяковский В.В. Собрание сочинений. В 15-ти т. Т. 1. М.: «Правда», 1978.. С. 170.

⁴⁹⁷ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 2. С. 102.

⁴⁹⁸ Цит. по: Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М.: «Наука», 1972. С. 36.

⁴⁹⁹ Маяковский В.В Сочинения. В 2-х т. Т.2. С. 367.

своих единомышленников в конце 1917 г.: «Как мы рассуждали? Революция разрушает старые формы жизни. А мы разрушаем старые формы искусства. Следовательно, мы — революционеры и можем идти с революцией»⁵⁰⁰.

Приведем очень точное высказывание П.Н. Милюкова о мотивах, приведших деятелей авангардного искусства к принятию большевистского Октября: «...«Революция» в театре, как и «революция» в искусстве, предшествовала революции в жизни. При наступлении настоящей революции... революционеры искусства предъявили свои права на участие в «диктатуре пролетариата»⁵⁰¹.

«Выставьте окна! — призывал своих студийцев Евгений Вахтангов. — Пусть войдет сюда свежий воздух. Пусть войдет сюда жизнь. Не нужно бояться жизни. Мы должны идти вместе с жизнью»⁵⁰². Для него «революция красной линией разделила мир на “старое” и “новое”»⁵⁰³.

Заметим что обо всех этих разговорах и призывах вспоминалось несколько позже, когда сомнений в победе большевиков уже не оставалось, а в те дни конца октября — начала ноября многие представители крайне левой интеллигенции ещё не определились с позицией в отношении переворота. Но те, кто твердо, как Маяковский, встали на путь сотрудничества с большевиками не столько разделяли их взгляды, сколько находились под обаянием идеи революционного мессианства. Другие, на что обращали внимание исследователи, воспринимали революцию прежде всего через призму реализации своих авангардных идей⁵⁰⁴.

28 октября Луначарскому удалось собрать в Зимнем дворце значительную группу людей, которые ещё со времён Горьковской комиссии находились во главе разных дворцовых комиссий (князь В.Н. Долгоруков-Аргутинский, П.П. Вейнер, заведующий библиотекой, бывший статс-секретарь Государственного Совета В.П. Верещагин, основатель Института истории искусств граф В.П. Зубов, А.А. Половцев), а также художник А.Н. Бенуа, которому было передано, будто Ленин хочет его видеть во главе нового Министерства искусств, и бывший «богомаз» Г.С. Ятманов. Обозрев бельэтаж, они нашли, что «последствия того страшного испытания, которому подвергся дворец, оказались не столь значительными, как можно было ожидать», если не считать комнат Николая I и Александра II, которые представляли собою мерзость запустения: «Очевидно, солдаты искали здесь золото, воображая в своей наивности, что царь, не иначе как в своей комнате, должен был прятать свои баснословные драгоценности»⁵⁰⁵.

Бенуа пошёл на сотрудничество с Луначарским, исходя из заботы о сохранении памятников культуры. Но не все знавшие и дружившие с ним одобрили это. Так, график Г.С. Верейский писал ему: «Я не стану говорить об общих муках, общих у меня в данный момент с миллионами людей, у которых переворачивается душа от того неслыханного торжества насилия, обмана и лжи, что принесла с собой победа большевиков. <...> С вами я хочу сейчас говорить о другом. Меня мучает вопрос о том, как отнеслись вы, Александр Николаевич, к большевистскому погрому с самого его начала? Я знаю, что вы питали симпатии к большевикам. Но разве может быть вопрос о тех или иных политических симпатиях там, где возможно лишь одно

⁵⁰⁰ Цит. по: Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 36.

⁵⁰¹ Милюков П.Н.. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. С. 121.

⁵⁰² Цит. по: Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 36

⁵⁰³ Вахтангов Е. Материалы и статьи. М., 1959. С. 166.

⁵⁰⁴ Назимова В.Ш., Левина Ж.В. Еще раз о противоречиях в сознании. // Интеллигенция в России в XX веке и проблема выбора. Материалы «круглого стола». Екатеринбург, 1999. С. 87.

⁵⁰⁵ Бенуа А.Н. Мой дневник: 1916–1917–1918. М., 2003. С. 204.

отношение - “по человечеству”?»⁵⁰⁶. Вот это отношение «по человечеству» и было для подавляющего большинства интеллигентов основополагающим при решении вопроса, с кем ты?

29 октября Л. Андреев охарактеризовал сложившееся положение вещей как «небывалое торжество глупости», выражающееся в противопоставлении демократии и нации: «Призови сейчас Минин — половина России ответит: не верим, торгово-промышленник! Призови сейчас Пожарский, тоже: аграрий, цензовый элемент! Сейчас почти вся демократия отвернулась от большевиков, но стоит это немногого. И попробуй Керенский принять действительно решительные меры, эта же демократия снова станет на сторону большевиков»⁵⁰⁷.

Констатируя, что в столице уже льётся кровь, и что в Полтаве большевики тоже попробовали захватить почту и телеграф и даже на время ввели цензуру, Короленко с удовлетворением отмечал 29 октября, что почтовые служащие «единогласно отказались этому подчиниться», и с надеждой фиксировал приходившие среди дня известия, которые сообщали о ликвидации восстания: все остальные партии высказались за Временное правительство, фронт тоже и оттуда посланы отряды в столицу. Правда, железнодорожники решили не пропускать этих войск, «но едва ли помешают». А в вечерних телеграммах, отмечал писатель, сообщалось, что и в Петрограде части гарнизона уже раскаялись. Комментарий Короленко был резок: «Жалкое малодушное стадо, действительно человеческая пыль, взметаемая любым ветром!»⁵⁰⁸. Для народника и народолюбца такой комментарий мог быть только показателем крайнего раздражения.

Реакция на происходившие события отлилась и в поэтическую форму. 29 октября З. Гиппиус бросала гневные упрёки народу, свершившему политическую революцию и в этом процессе засёкшему кнутом свою свободу: «Блевотина войны — октябрьское веселье! От этого зловонного вина как было омерзительно твоё похмелье, о бедная, о грешная страна! Какому дьяволу, какому псу в угоду, каким кошмарным обуянный сном, народ, безумствуя, убил свою свободу, и даже не убил — засёк кнутом? Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой, смеются пушки, разевая рты... И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, народ, не уважающих святынь!»⁵⁰⁹.

В тот же день, 29 октября, в газете «Воля народа» можно было прочитать заметки М. Пришвина «Смех обезьяны (Из дневника)». После расстрела Зимнего дворца, где «обитали представители русской демократии», и витающих «сказаний об умученных женщинах батальона смерти», защищавших Временное правительство, писателю совершенно ясно: «Мы завоёваны, последнее оружие, принятое нами, русской демократией, от наших великих учителей, отвращение к насилию, к смертной казни, находится в руках Троцкого: после его слов о «бескровности» переворота, нельзя без чувства гадливости употреблять это слово. Бессильно всякое слово, потому что, произнося его, мы смешим хор обезьян»⁵¹⁰. На следующий, после публикации этих заметок, день, 30 октября, Пришвин, после посещения А.М.Ремизова, у которого он встретил знаменитого географа П.П.Семёнова-Тяньшаньского, записывал: «Сейчас множество учёных, философов, художников и всяких мыслящих людей си-

⁵⁰⁶ Цит. по: Бенуа А.Н. Мой дневник... С.213 - 214.

⁵⁰⁷ Андреев Л. S.O.S.: Дневники (1914-1919)... С.196 — 197 .С. 196 — 197.

⁵⁰⁸ Короленко В. Дневник. Письма. 1917 — 1921. С. 25.

⁵⁰⁹ Гиппиус З. Веселье. // Её же. Опыт свободы. / Подготовка текста, составление, примечания Н.В.Королёвой. М.: «Панорама», 1996 . С. 83.

⁵¹⁰ Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906 — 1924 годов. СПб, 2004. С. 105 — 106.

дят в крепостях своих домов и думают, думают»⁵¹¹. Сам же он свой долг видел в оккупации захватчикам власти активного сопротивления тем оружием, которым владел, то есть словом.

Интересные мысли и соображения по этому поводу излагались на страницах журнала «Народоправство», издаваемого Московской просветительской комиссией при Временном комитете Государственной Думы, в редакционное бюро которого входили профессор Московского университета правовед Н.Н.Алексеев, философ и публицист Н.Н.Бердяев, организовавший у себя дома Вольную академию духовной культуры, философ Г.П.Вышеславцев. Формально возглавлял журнал Г.И.Чулков, секретарём редакции был поэт В.Ходасевич, но главным автором являлся Бердяев, статьи которого открывали каждый номер. Он продолжал также сотрудничать в продолжавшем пока выходить популярном в среде интеллигенции журнале «Русская мысль» и в приложении к нему – газете «Наша свобода». Но именно в элитном «Народоправстве» вырабатывавшийся Бердяевым в то время религиозно-либеральный вариант русского национализма звучал наиболее остро.

Так как журнал этот, осмеливаясь утверждать такое чуть ли не табуированное тогда понятие, как национальное чувство, выглядел явно правее центра, то сотрудничали в нём лишь немногие из писателей: Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Алексей Толстой. Часто помещал свои стихи Вячеслав Иванов. А в № 14 от 30 октября появилась его статья «Революция и самоопределение России», посвящённая духовному сопротивлению захлестнувшей страну стихии ненависти. Позиция предлагаемая Ивановым, было альтернативно отрицанию, активно проповедуемому многими интеллигентами, в том числе и на страницах «Народоправства».⁵¹²

31 октября в газете «Воля народа» была напечатана очередная заметка из дневника Пришвина под названием «Убийец!». «Дворянин-Ленин, – писал Пришвин, – затеял в крестьянской стране пролетарскую республику, и нет ничего ненавистнее ему, наверно, Учредительного Собрания, которое он называет мещанским». Войной «дворянской затее» с «мещанской республикой» виделось писателю и нынешнее столкновение: «Пролетариат, я думаю, тут не при чём, разве лишь постольку, поскольку он введён в заблуждение. Не нужно быть большим художником, чтобы заметить в первые же дни выступления на лицах простых людей, солдат, матросов, рабочих какого-то смущения, будто венчик преступности окружал их лица, будто каждый из этих людей смущённо созерцал видение Раскольникова, этого таинственного мещанина, который каждому из них говорил: “Убийец!”». Конечно, оговаривался писатель, он не в сословном смысле употреблял это слово – «дворянская затея», и мещанство тоже понимал не по Марксу. И, тем не менее, «чтобы там не говорили настоящие учёные люди и дворянские записи, а преступление Ленина дворянское и наказывать его будет мещанин»⁵¹³.

Об обстановке в провинции можно судить по записям Короленко. Так, 1 ноября он с сожалением отметил в дневнике: «Если бы здесь было 3-4 решительных представителя власти, стоило бы только сказать слово – и всё кончилось бы мирно. Но всё охвачено каким-то параличом, и большевизм расплзается, как пятно на протечной бумаге. Полтава пассивно отдаётся во власть самозванных диктаторов»⁵¹⁴.

Отрицательно отнёсся к установлению большевистского режима приват-доцент Московского университета Николай Устрялов. Но в его дневниковых записях

⁵¹¹ Пришвин М.М. Дневники. Кн. 1. 1914 – 1917. М., 1991. С. 381.

⁵¹² См.: Иванов Вс. Революция и самоопределение России. // Народоправство. 1917. № 14. С. 8 и сл.

⁵¹³ Пришвин М.М. Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906 – 1924 годов... С. 106-107.

⁵¹⁴ Короленко В. Дневник. Письма. 1917 – 1921. С. 29.

это негативное отношение проявляется не столь однозначно, как в публицистических статьях. Так, на известие о полной победе ленинцев в Москве он 3 ноября откликнулся следующим образом: «Конечно, большевики не хуже меньшевиков. Даже лучше: они энергичнее, прямее, твёрже. Но... их программа на деле безумна».⁵¹⁵ В статье «Ещё о революции», опубликованной 6 ноября 1917 года в газете «Утро России» под псевдонимом «П. Сурмин», он, соглашаясь с тем, что большевики — «демагоги» и что их сила и мощь — «призрачны», в то же время отмечал, что приход их во власть есть «шутка исторического календаря», революция, совершённая «на волне голода и страха»: «Во имя питания творили её городские петроградские толпы, во имя сохранения её поддержали солдаты». А потому, делал он вывод, революция эта вовсе «не политическая, не буржуазная, не социалистическая», а «биологическая».⁵¹⁶

7 ноября газета «Новая жизнь» поместила обращение Горького «К демократии» по поводу того, что после освобождения из Петропавловской крепости министров-социалистов там, «во власти людей, не имеющих никакого представления о свободе личности, о правах человека», остаются их товарищи М.В. Бернацкий, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко и другие, которых следовало бы немедленно освободить. «Ленин, Троцкий и сопутствующие им, - обличал Горький, - уже отравились гнилым ядом власти, о чём свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути “социальной революции” — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции. На этом пути Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петроградом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин». Правда, за Лениным, признаёт писатель, идёт довольно значительная — пока — часть рабочих, но он, Горький, верит, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроют пролетариату глаза на всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его нечаевско-бакунинский анархизм: «Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится донести революционное настроение до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет?» «Но чудес, — обосновывает свою позицию Горький, — не бывает, поэтому впереди только голод, полное расстройство промышленности, разгром транспорта, длительная кровавая анархия, а за нею — не менее кровавая и мрачная реакция». «Вот куда ведёт пролетариат его сегодняшней вождей, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата. Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые будет расплачиваться не Ленин, а сам же пролетариат», — таков вердикт писателя⁵¹⁷.

8 ноября в Москве впервые после боёв вышли газеты, окрещённые победителями позорным именем буржуазных. Из них профессор истории Московского университета Ю.В. Готье узнает, что бывшая Россия уже разделилась на анархический центр, казачьи земли, Кавказ, Украину, может быть и Сибирь, что отпала Финляндия, а немцы провозглашают отделение Литвы и Курляндии. Полагая, что анархия

⁵¹⁵ Устрялов Н.В. Былое — Революция 1917 г. (1890-е — 1919 гг.) Воспоминания и дневниковые записи. — М., 2000. С. 154.

⁵¹⁶ Сурмин П. Ещё о революции. // Утро России. 6.11.17. С. 1.

⁵¹⁷ Горький М. К демократии. // Новая жизнь. 7.11.17. № 174. // Его же. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре. (1917 — 1918 гг.). М., 1990. С. 76 — 77.

будет всё ухудшаться и от неё смогут избавить «не мифические Каледины, а самоистребление наших крайних доктринёров или какие-нибудь ещё неведомые варяги», он констатировал сильную тягу уехать из Москвы всех, кто может это сделать, и продолжал: «С какой бы радостью я бросил бы этот ненавистный город, если бы только были средства и возможность порвать со всем и вывезти семью. Не только квартира, не только Москва, но и вся Россия становится для меня клеткой, в которой можно задохнуться»⁵¹⁸.

Союз солдатского и крестьянского просвещения выпустил газету «*Луч правды*», первый номер которой был целиком посвящён предстоящему созыву Учредительного Собрания. Две колонки заняли размышления Алексея Толстого «На костре». То, что происходит в стране начиная с 1 марта в его глазах не являлось классической революцией. Это только видимость её — «заговоры военных и заговоры крайне левых, грабежи и поджоги дворянских имений», так же, как и исчезновение не только роскоши, но и съестных продуктов, и даже появление нового Марата, который, может быть, завтра «потребуется 200 тысяч голов», — всё это до мелочей, как и полагается быть во время революции. «И всё же это не революция, а реакция на непосильную войну, не революция, потому что нация во всей своей массе осталась нема и бесстрашна, не подняла сонных век, не выразила иной вещи, кроме желания скорого мира и сытого покоя». Да, это отнюдь не очищающий огонь революции, который «всегда качественно изменяет нацию во всей сложности её духа». Это всего лишь возмездие за грех, за лень и совсем невысокое благодушие. «Мы называли — вспомните — добро пережитком, честность — пресной, благородство — романтизмом. Мы много смеялись над тем, что достойно стыда и отчаяния. Мы обладали всеми пороками, и наш гений слишком часто сходит в подполье, в банную сырость для задушевной работы с чёртом. Мы очень были довольны своей внутренней свободой, духовным кочевьем. Благо, если бы мы были птицы!» Но теперь за всё это с интеллигенции спросилось. «Ещё несколько дней, и кости России затрещат». И тем не менее автор «в этот предсмертный час» верит в чудо Учредительного Собрания, в то, что оно «должно установить добро и милосердие для всех», что оно «будет костром очистительным, а не той грудой осколков, где мы все сгорим дотла»⁵¹⁹.

Отказывался принимать всерьёз трагическую реальность писатель Михаил Осоргин. И, призывая не переоценивать «сумасшедшего товарища Ленина», не думать, что он может повлиять на мировую историю, призывал не забывать того, что «в современной разрухе жизни есть и творческие элементы». Но в отличие от других своих соавторов резюмировал всё-таки в пользу революции: «Между рабом смиренным и рабом бунтующим я бы, например, выбрал последнего». Мало того, несмотря на своё эсерство, Осоргин видел спасение не в Учредительном Собрании, а в культурной работе. Это и есть, по его мнению, единственно верный путь. «Кто вступил на него, того не страшит ни разгром Москвы, ни самодержавие большевиков, ни подтасовка Учредительного Собрания, ни разгон его штыками тёмных солдат»⁵²⁰. Такой позиции придерживалось не так уж и мало интеллигентов, занятых сугубо практической культурной или технической работой.

14 ноября у В.И. Вернадского перебивалась масса людей, и он подводит итог беседам: «Всюду и всё время разговор об одном и том же. Тревожное и тяжёлое настроение». «Единственная надежда — на юг», — записывает ученый одно из путевод-

⁵¹⁸ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 48.

⁵¹⁹ Толстой А. На костре. // Луч правды. 1917, ноябрь. № 1. С. 1.

⁵²⁰ Осоргин М.. Единый путь. // Там же.

ных высказываний⁵²¹. Туда на юг, в Крым уже отбыл академик А.Е. Ферсман, туда же вскоре отправится и сам Вернадский.

К этому времени надежды на скоротечность большевистской власти во многом подорваны и поколеблены. Советская власть уже установлена в Центральной России, Поволжье, Урале. 14 ноября ЦК партии большевиков принимает решение прекратить переговоры с представителями других социалистических партий о создании коалиционного правительства. Время «сырых эмоций» и первых раздумий заканчивалось. Творческая интеллигенция определяется, оставаться ли ей в стольных градах Советской России и примириться с большевиками или искать спасения на тех территориях, где власть большевиков неустойчива, призрачна либо не установлена.

15 ноября было опубликовано воззвание народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского «Ко всем учащим» с упреками в адрес интеллигенции в том, что она ненавистью встретила попытку пролетариата создать сильную, глубоко народную власть, организовать страну, покончить с войной. «С отравленным злорадством констатирует она, — упрекает интеллигенцию нарком просвещения, — слабость штаба обездоленного класса, у которого во всех областях так мало верных ему офицеров». Под этими офицерами, естественно, подразумевались большевики: «На них одних легла непомерная задача представлять собой всю интеллигенцию нового народного государства». «А что же остальные?» — ставит вопрос Луначарский и корит: «Неужели вы могли отдавать труд, мысль, жизнь за народ, но только пока вы могли опекать его, и ничего кроме злобных софизмов не нашли для пролетариата в страшный час его рискованного и вынужденного... восстания и похода к власти?».

В этом развёрнутом вопросе уже содержалась немалая часть ответа. Да, интеллигенция видела свою основную задачу в том, чтобы двигать общество, народ в определённом ею же направлении, а когда рабочие и солдаты выбрали другой путь, причём рискованный, и начали поход к власти, уже занятой ею, она, понятно, одобрить его не могла. Причина такой позиции виделась Луначарскому в том, что «интеллигенция мелкобуржуазна в массе». Но в то же время большевистский нарком вынужден был признать, что «она также — носительница особых функций в обществе, служительница и орган общественного познания и чувства». И в этом качестве он к ней и обращался: «Ведь учитель,.. подлинный учитель, учитель, каким он должен быть, — должен, прежде всего, быть с народом во всех его переживаниях и даже блужданиях. Идите к нему на помощь... Народ зовёт вас работать вместе»⁵²².

С других позиций, нежели Луначарский, обрушивается на интеллигенцию Василий Розанов, который в ноябре 1917 г. приступил к изданию «Апокалипсиса нашего времени». Вину за то, что «Русь слиняла в два дня, самое большее — в три» и что от неё не осталось ничего («остался подлый народ»), возлагалась им на интеллигенцию, а точнее — на писателей: «В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смышленном, покорном, что она сделала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы народ хотя бы научили гвоздь выковывать, серп исполнить, косу для косьбы сделать («вывозим косы из Австрии» — география). Народ жил совершенно первобытно с Петра Великого. А литература занималась только, “как они любили” и “о чём разговаривали”». Итог деятельности бездушного и бесплодного нигилизма, отрицания христианских ценностей плачевен: в стране нет ни одного аптекарского магазина, созданного русским человеком, который не умеет даже

⁵²¹ Цит.по: Вернадский В.И. Дневники 1917 — 1921. Киев, 1991. С. 43.

⁵²² От народного комиссара по просвещению: Ко всем учащим. // Известия ВЦИК и Петроградского совета. 15.11.17. С. 3.

намазать горчицы разведённой на бумаге с закреплением её «крепости» и «духа». И Розанов жестко заключает: «Мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважает себя. Это понятно. Можно уважать труд и пот, а мы не потели и не трудились. И то, что мы не трудились и не потели, и есть источник, что земля сбросила нас, планета сбросила. По заслугам ли? Слишком»⁵²³. Если Луначарский от имени Советского правительства зовет интеллигенцию помочь трудовому народу, то Розанов видит в ней источник всех бед: не тому, чему надо было учила она трудовой народ, да уже и научить не сможет.

По-своему отнесся к дилемме «кто виноват» Пришвин, записавший в дневнике 11 ноября: «Большевизм есть общее дитя и народа и революционной интеллигенции»⁵²⁴. И он оказался точен в своем диагнозе.

16 ноября писатель Борис Зайцев направляет открытое письмо Луначарскому по поводу выпущенного им циркуляра, в котором говорится, что учителя, бойкотирующие учителей-большевиков и вовлекающие в это учащихся, будут подвергнуты аресту. Полагая, что эти действия хуже действий печально известного царского министра просвещения Кассо, Зайцев, вспоминая свои встречи и беседы с будущим советским наркомом, писал: «Нельзя быть писателем и дружить с полицейским. Сколь ни печально и ни тяжело это, всё же должен признать, что с такими «литераторами», как вы, — мы, настоящие русские писатели, годами работающие под стягом искусства, просвещения, поэзии — общего ничего иметь не можем. <...> За вами — штыки и солдаты, могущие арестовать любого из нас, без суда и следствия держать в тюрьме. За нами — традиция великой русской литературы, дух истинной свободы и правды»⁵²⁵. Для Зайцева в отличие от Розанова литература несла «дух истинной свободы и правды». И в этом мнения критиков большевизма расходились.

В № 15 журнала «Народоправство», вышедшем из печати 19 ноября, Бердяев утверждал, что никакой революции не было: «Ничто не изменилось. Никакой новой жизни, те же рабы души. Под личинами свободных людей — то же звериное хрюканье. Та же тьма. Большевиков не отличить от черносотенцев. Это не революция, а катастрофа, смутное время. При этом большевизм царит с самого начала «революции» — ничего нового нет в его торжестве»⁵²⁶. Ещё резче судил Георгий Чулков: «То, что происходит у нас сейчас, это, конечно, самая подлинная и мрачная контрреволюция, не имеющая ничего общего ни с социализмом, ни даже с демократизмом».⁵²⁷ Столь же пессимистичный вывод делал в очерке «“Товарищ” и “гражданин”» Н.Устрялов: «Мы стояли внизу, на низшей ступени. Мы были поданными, рабами. Мы захотели стать не гражданами свободного государства, а сразу товарищами, братьями всемирного братства. И в результате остались рабами».⁵²⁸

21 ноября в Академию наук явился некий «т. Иван Васильевич Егоров» с удостоверением о том, что на заседании Государственной комиссии по просвещению «избран комиссаром Академии наук»⁵²⁹. В тот же день академики, заслушав на своём общем собрании историка А.С.Лаппо-Данилевского, приняли обращение, в котором заявляли, что великое бедствие постигло Россию и под гнётом насильников,

⁵²³ Розанов В.В. Мимолётное. Собрание сочинений под ред. А.Н.Николюкина. М., 1994. С. 414 - 415.

⁵²⁴ Пришвин М.М. Дневники. Кн. 1. С. 86.

⁵²⁵ Зайцев Б. Открытое письмо А.В.Луначарскому. // Народоправство. 1917. № 17. С. 16.

⁵²⁶ Бердяев Н. Была ли в России революция? // Народоправство. 1917. № 15. С. 4 - 7.

Чулков Г.Вчера и сегодня. Листки из дневника // Народоправство. 1917. № 15. С. 8.

⁵²⁷ Устрялов Н. «Товарищ» и «гражданин». // Народоправство. 1917. № 15. С. 15.

⁵²⁸ Цит. по: Кумок Я.Н. Карпинский. — М.: «Молодая гвардия», 1978. С. 177.

⁵²⁹ См.: Воззвание учёных. // Луч правды. № 2 27.11.17. С. 4.

захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства. В обращении большевики обвинялись в том, что несут России внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов. Академики ратовали за созыв Учредительного Собрания, так как только оно должно охранить страну от внутреннего и внешнего насилия, обеспечить рост её культуры, упрочить её положение в среде просвещённых государств. Это обращение одобрили также советы Петроградского университета, горного, технологического, женского медицинского институтов, институтов гражданских инженеров и инженеров путей сообщения, высших женских курсов, конференции военно-медицинской академии и женского педагогического института, коллегия действительных членов института экспериментальной медицины⁵³⁰.

Захват власти большевиками резко осудило 22 ноября правление Пироговского общества врачей, обратившись к медицинским работникам с призывом саботировать — мероприятия советской власти в области здравоохранения⁵³¹. Резолюции с призывами не вступать в деловые отношения с большевиками принимались правлениями союзов фармацевтов, фельдшеров, сестёр милосердия.

Профессор экономики Московского университета, бывший его ректор и бывший министр народного просвещения в первом и втором составах Временного правительства, член ЦК кадетов А.А.Мануйлов в разговоре с профессором Готье 25 ноября говорил: «С захватом власти шайкой людей можно было бы бороться. Но что делать с народом, который отдал им свои голоса в таком количестве?». А затем спрашивал: «Понимаете ли вы таких людей, как Покровский?»⁵³². Речь шла о старом знакомом и однокашнике Готье — профессоре истории М.Н.Покровском, ставшем ещё в 1905 году большевиком, а теперь возглавившем Московский совет рабочих и солдатских депутатов.

В воскресенье 26 ноября в Петрограде, в кинотеатре «Солейль» состоялся митинг-протест против преследования печати. Среди его участников наряду с известными меньшевиками и эсерами (В. Базаровым, Ф.И. Даном, А.Н. Потресовым, А.В. Пешехоновым) были и многие беспартийные литераторы. Союз русских писателей приурочил к этому мероприятию выпуск однодневной «Газеты-протеста». Среди прочих опубликованных в ней материалов под характерными заголовками «Насильники», «О бурбонах», «Осквернение идеала», «Слуги дьявола», написанных Е.Замятиным, П.Сорокиным и другими представителями творческой интеллигенции, особо выделялась едкостью и непримиримостью статья З.Гиппиус «Красная стена».

В конце ноября александринцы разыграли на сцене Михайловского театра торжественный «Апофеоз Учредительного Собрания». Декорации изображали стены и золотые купола Кремля, артист Г. Ге выступил с речью о значении «единственного законного хозяина земли русской — Учредительного Собрания»⁵³³.

Наиболее массовый митинг под лозунгами «Вся власть Учредительному собранию» состоялся 28 ноября перед Таврическим дворцом. В нем приняли участие не только представители интеллигенции, но и студенты, рабочие, солдаты. «Поразительно не военная и даже не пролетарская, — фиксировала свои впечатления З.Гиппиус от виденного ею в окно своей квартиры шествия демонстрантов от го-

⁵³⁰ См.: Общественный врач. 1917. № 9 / 10. С. 79 — 80.

⁵³¹ Готье Ю.В. Мои заметки. С. 51.

⁵³² Цит. по: Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. С. 46.

⁵³³ Гиппиус З. Дневники. Кн. 2. С. 15.

родской думы к Таврическому дворцу. — Трудовая демократия шла»⁵³⁴. Даже советские газеты, занижавшие число участников, определяли их количество в 10 тыс. Карательная реакция большевистской власти последовала молниеносно. В тот же день появился декрет Совнаркома «Об аресте вождей гражданской войны против революции». Таковыми были, прежде всего, объявлены организаторы этого митинга — кадетские деятели. Декретом впервые вне закона было поставлена легально, в рамках закона действующая, к насилию не призывающая политическая партия.

На манифестацию в защиту Учредительного Собрания 3 декабря в Москве призвали выйти Союз инженеров и Совет депутатов трудовой интеллигенции⁵³⁵. Побывав на ней, известный правовед профессор Н.Н. Алексеев в напечатанной несколько позже статье так описывал состав митингующих: «Самые настоящие “цензовики”, не ниже четырёхклассного городского училища. А все остальные — имя им миллион — они с народными комиссарами и с настоящей “народной властью”». И вообще во взгляде на сложившуюся в стране ситуацию он оказался зорче своих коллег, поделившись таким «лукавым» политическим прозрением, часто возникающем у него в последнее время: «Мне начинает казаться, что так называемый большевистский режим субстанционально есть более органическая вещь, чем нам это в ослеплении нашем кажется». Автор находил поистине трогательной веру, с какой принимает тёмный народ русский большевистскую хирургию: «Он глубоко верит, что нынешний режим есть режим заправский, в котором правда-истина соединилась с правдой-справдливостью». И ничего тут не могут изменить ссылки на победу эсеров на выборах в Учредительное Собрание: эту победу Алексеев объяснял в значительной мере тем, что на «местах» ещё не успели дойти до большевизма. «Если бы дошли, голосовали бы за большевиков, ибо это куда ближе и куда доступнее». И вывод отсюда надлежало сделать такой: большевизм, пожалуй, прочнее, чем думают некоторые его противники. Касаясь разговоров о том, что народ обманули, ввели в заблуждение, этот будущий эмигрант писал: «Конечно, обманули, но есть обман и обман. Большевистский обман на руку самым дурным чувствам и инстинктам русского народа. На этих инстинктах, конечно, не построишь государства, однако на них довольно продолжительное время может держаться политическое бытие революционной эпохи». Какой же может быть эта продолжительность? Алексеев давал поразительно точный прогноз: «Большевистская хирургия в её временном бытии может кончиться или тогда, когда воры перережут друг друга, или тогда, когда «цензовики» сумеют противопоставить большевизму физическую силу. Но в плане «нуменальном» большевизм кончится тогда, когда вся Россия получит образование не ниже городского училища и превратится в государство тех «цензовиков», представители которых дефилировали по Тверской 3-го декабря».

7 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. С этого времени у большевиков появилось эффективное орудие планомерной и всеохватывающей борьбы и с оппозицией и с протестной массовкой.

Обобщая все инвективы против большевистского Октября, можно их свести к двум основным пунктам. Первый — протест против революционного насилия, нелегитимности устранения Временного правительства и установления большевистской диктатуры, с ее репрессивной не только по отношению к кадетам, но и к оппозиционным социалистическим партиям политикой. В предельно сжатой формулиров-

⁵³⁴ См.: Русские ведомости. 3.12.17. № 265. С. 5.

⁵³⁵ Алексеев Н.Н. Современный кризис. // Народоуправство. 1917. № 17. С. 13.

ке это название упомянутой статьи «Насильники» Второй – заострите внимание на направленность советской власти против основ демократии и свободы человека, которые воплощались в идеалах Февральской революции.

Трагичность ситуации для противников большевиков заключался в том, что прорвавшийся к власти «народ» видел в образованной части общества лишь чуждых ему богатых людей и не желал слушать их предостережения и призывы. Ведь те, имя которым миллион, по самокритичному профессорскому признанию, оказались на стороне народных комиссаров. Революция проложила водораздел не только между обеспеченными и малообеспеченными, она также разделила общество по социокультурному основанию (по выражению Л. Андреева «восстание тьмы против знания»). И это превращение социокультурного разделения в политическое противостояние было дано в ощущениях и в послеоктябрьских размышлениях творческой интеллигенции, в поставленных Октябрьской революцией вопросах и в поисках ответа на них.

**Международные отношения и внешняя политика СССР
в предвоенные годы XX века (К 65-летию начала
Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.)**

Развитие международных отношений в предвоенное десятилетие в решающей степени зависело от расстановки сил и внешнеполитических действий великих держав. К середине 1931-х гг. сложились три центра мировой политики: блок фашистских государств (Германия, Италия, Япония), коалиция западных стран (Англия, США, Франция) и Советский союз. Каждый из этих центров силы имел свои стратегические и тактические цели на международной арене, применял соответствующие методы для их достижения.

Так страны агрессивного блока выступали за коренной пересмотр послевоенной организации мира, юридически оформленной на Парижской и Вашингтонской конференциях. Проигравшая войну «униженная» и «оскорбленная» Германия и считавшие себя «побежденными среди победителей» Италия и Япония в тридцатые годы стремились не к каким-то частным уступкам со стороны ведущих западных держав, а к полной ликвидации Версальско-Вашингтонской договорной системы.

Конечным результатом их внешнеполитических усилий провозглашалось создание «нового международного порядка», установление мировой (Германия) и региональной (Италия и Япония) гегемонии, подчинение и порабощение других стран и народов. В качестве идеологического обоснования экспансионистского курса, выдвигались расовые, расистские, геополитические теории и концепции: о «превосходстве арийцев и арийского политического гения», о «естественном отборе» и «выживании наиболее приспособленных» рас и наций, о необходимости завоевания «жизненного пространства», об эмансипации и сопроцветании азиатских народов под руководством Японии. Подобные теоретические установки и их практическая реализация привносили в систему международных отношений качественно новый элемент: внешнеполитические устремления нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии представляли собой угрозу для всей мировой цивилизации.

Стратегическим целям, декларированным правительственными кругами государств агрессивного блока, соответствовали и существенные изменения в тактике. Если в 1920-е гг. планы ревизии Версальско-Вашингтонских постановлений осуществлялись средствами дипломатии при противоречиях между западными державами, то с 1931 г. Дипломатические методы стали сочетаться с масштабными военными акциями, открытым применением вооруженной силы.

Необходимо отметить еще одну чрезвычайно важную особенность политики государств «фашистского триумvirата» - активное использование в своих интересах «советского фактора», антикоммунистических настроений правящей элиты Запада. Будучи непримиримыми противниками большевизма, руководящие деятели Германии, Италии, Японии постоянно подчеркивали, что их страны являются надежным оплотом в борьбе с «красной опасностью», побуждая тем самым западные правительства идти навстречу своим все возрастающим экспансионистским требованиям.

Другой крупнейший центр международной политики был представлен документально не оформленной, но фактически существовавшей коалицией западных демократий. Логика развития международных событий подсказывала, что именно

эта коалиция должна была жестко противостоять фашистским державам, так как в нее входили главные гаранты Версальско-Вашингтонской системы. Однако вопреки всем логическим построениям правительственные круги Англии, Франции и США избрали курс, направленный на «умиротворение» агрессора, который объективно способствовал разрушению послевоенного международного порядка, ими же созданного.

Политика «умиротворения» берет свое начало в 1920-е гг., когда Англия, США и (в меньшей степени) Франция шли на серьезные уступки Германии и активно содействовали восстановлению ее экономического потенциала. Стратегический замысел состоял в том, чтобы превратить Германию в мощный и устойчивый противовес Советскому Союзу.

В тридцатые годы в политике держав-«умиротворительниц» произошли два важных изменения.

Во-первых, под давлением фашистских государств западные страны добровольно отказались от своего главного требования 1920-х гг. — сохранить неизменными основы Версальско-Вашингтонской договорной системы. Они перешли от частичной ее модернизации к поэтапной сдаче своих принципиальных позиций.

Во-вторых, уступчивость Запада перешла ту грань, которая отделяла сдерживание от поощрения агрессии. Поскольку речь шла о фашизме и его борьбе за мировое господство, политику «умиротворения» нельзя охарактеризовать иначе, как политику попустительства и поощрения агрессии.

Несомненно: суть политики «умиротворения» сводилась к тому, чтобы стравить фашистские государства с Советским Союзом, дожидаться пока они обескровят друг друга, выступить в роли непререкаемого арбитра и тем самым не только обеспечить свою собственную безопасность, но и укрепить свое главенствующее положение на мировой арене.

Как отмечал французский историк Ж.-Б. Дюрозель, основополагающей идеей, овладевшей умами западных политиков, была «мечта о чудесном возникновении благословенной войны между нацистами и Советами».⁵³⁶ Поэтому политика «умиротворения» способствовала усилению блока агрессивных государств и ослаблению международных позиций западных демократий.

Фактором, значительно снижавшим степень реального воздействия Англии, Франции и США на политику агрессивных держав, были глубокие противоречия между самими этими странами. Искусно играя на этих противоречиях, страны фашистского блока получали возможность с меньшими издержками, а зачастую и беспрепятственно, осуществлять свои внешнеполитические цели.

Что касается нашей страны, то следует подчеркнуть, что события в международных отношениях 30-х годов превращали СССР в один из самых влиятельных центров мировой политики.

В 1933 г. СССР добился подписания конвенции об определении агрессии с участием ряда стран. В 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, в которой выдвинул концепцию неделимости мира, считая, что любой региональный конфликт несет угрозу перерастания в мировую войну. Эти акты советской внешней политики заложили основы коллективной безопасности в Европе: в 1935 г. СССР заключил договоры о дружбе и взаимопомощи с Чехословакией и Францией, велись переговоры о подобных соглашениях с соседними странами, голос Советского союза все громче

⁵³⁶ Горохов В.Н. История международных отношений. 1918-1939: курс лекций. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — с. 188

звучал в Лиге Наций, осуждая агрессивные акции фашистских государств, требуя принятия коллективных мер по обузданию агрессоров.

Видный политический деятель США С. Уэллес писал: «Когда Советский союз вступил в Лигу Наций, даже самые упрямые вынуждены были вскоре признать, что он является единственной великой державой, которая принимает Лигу всерьез».⁵³⁷

Но наряду с положительными тенденциями в советской внешней политике нарастали и негативные факторы, отражавшие глубинную взаимозависимость внутренней и внешней политики. Одним из них были упрощенные и прямолинейные выводы ВКП(б) Коминтерна с скорой «мировой революцией» и крахе системы капитализма. Так, в программе, принятой на VI Конгрессе Коминтерна (1928 г.), содержался вывод о неизбежности крушения капитализма и скорой победе мировой социалистической революции.⁵³⁸ На Западе подобные установки ВКП(б) и Коминтерна воспринимались как призыв к «мировой революции», к «коммунизации» Европы и использовались в качестве предлога для отказа от сотрудничества с Советским государством, что осложняло для СССР возможности активного участия в европейских делах и противодействию в надвигающейся войне.

Во второй половине 30-х гг. к этому добавился ещё ряд факторов. После начала гражданской войны в Испании помощь СССР республиканскому правительству истолковывалась правящими кругами империалистических держав как стремление создать в Западной Европе еще одно социалистическое государство.

Сыграли свою отрицательную роль в восприятии нашей страны и сталинские репрессии. Прогрессивная общественность было потрясена их массовостью. Что касается правительств, то у них возникли сомнения в ценности СССР как союзника в возможной войне: армия обезглавлена, промышленное развитие замедлилось, в сельском хозяйстве сбой. Действительно волна «большого террора» не обошла и армию: погибло до 45% командного и политического состава армии и флота, было репрессировано более 40 тысяч человек.⁵³⁹ И это в то время, когда страна стояла на пороге войны. Считалось, что все это резко уменьшило военный потенциал СССР, сделало его слабым в военном отношении союзником. Попытки нашей страны заключить какое-либо военно-политическое соглашение с Англией и Францией наталкивались на отказы и проволочки, хотя общественность Запада требовала создания системы коллективной безопасности с участием Советского Союза.

Тем временем фашистские государства вели себя более агрессивно, перешли к прямым захватам. В 1936 г. Германия ввела войска в Рейнскую зону (50-км полоса к западу от Рейна), демилитаризованную по условиям Версальского договора, а в 1938 г. присоединила к себе Австрию. Италия напала в 1935 г. На Эфиопию. Тем не менее западные державы отклонили предложения СССР о создании надежной системы коллективной безопасности, встали на путь «умиротворения» агрессоров. Вершиной этой безответственной политики стало позорное Мюнхенское соглашение Англии, Франции, Германии и Италии, отдавшее на растерзание Гитлеру Чехословакию.

Особый интерес представляют отклики на Мюнхенский сговор лидеров ведущих политических деятелей великих держав. В этих высказываниях по «горячим следам» от-

⁵³⁷ Уроки Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и проблемы безопасности России/Материалы заседания философского клуба. М.: НД «МЕГАПИР».2005.- С. 214

⁵³⁸ См.: Памяти павших. Великая Отечественная война (1941-1945 гг.)/Объединение редколлегия книг памяти павших в годы Великой Отечественной войны. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. — С. 16

⁵³⁹ См. Караулов С.А. История России; Краткий курс: Учебное пособие для вузов. — М.: НПО «Образование от А до Я», 2003. — С. 50

четливо проявились их взгляды и особенности проводимой ими политики.

Н. Чемберлен, которого лондонские обыватели приветствовали криками «Ура», произнес ставшую знаменитой фразу: «Я верю, что это мир для нашего поколения». Он же на заседании правительства утверждал, что Мюнхенское соглашение является почетным миром и «триумфом английской дипломатии», добавив: «Гитлер – надежный человек, и, получив Судетскую область, навсегда оставит Европу в покое».

Э. Даладье, которого после Мюнхена встречали цветами и аплодисментами, тихо промолвил: «Глупцы, если бы они знали, чему аплодируют». Ф.Д. Рузвельт направил Чемберлену самую короткую в истории дипломатической переписки поздравительную телеграмму в одно слово: «Молодец».

А. Гитлер, провожая гостей по окончании конференции, с неподражаемым презрением говорил Риббентропу: «Это ужасно, какие передо мной ничтожества!» Чуть позже он так оценивал итоги Мюнхена: «Неслыханное достижение. Вы думаете, что я сам полгода назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы поднесена на блюдечке ее друзьями? То, что произошло, может произойти лишь один раз в истории». Риббентроп особо выделил роль Чемберлена в достигнутом соглашении: «Этот старик сегодня подписал смертный приговор Британской империи, предоставив нам проставить дату приведения этого приговора в исполнение».

И.В. Сталин со свойственной ему категоричностью заявил: «Немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом».

Блестящее по форме и справедливое по содержанию заключение дал У. Черчилль: «Англия должна была выбирать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить и войну».⁵⁴⁰

Мюнхенский сговор коренным образом изменил обстановку в Европе, значительно укрепило позицию Германии, сломало складывающуюся систему безопасности (договоры СССР и ЧСР, ЧСР – Франция, СССР-Франция), открыло путь агрессии в общеевропейском масштабе. Мюнхенское соглашение не было импровизацией. Оно продолжило политическую линию, обозначенную Локарнским договором и пактом «четырех», Англия и Франция рассчитывали тем самым отвести угрозу от своих стран и направить ее, в конечном счете, против СССР.

СССР был поставлен в положение международной изоляции. Более того, учитывая поддержку Мюнхена со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии и одобрение соглашения Японией, советское руководство не могло не задуматься об угрозе создания единой Антисоветской коалиции.

В те тревожные месяцы каждое европейское государство в первую очередь было озабочено вопросами собственной национальной безопасности. Политика попустительства агрессорам позволила Германии сделать резкий скачок в области вооружений: к весне 1939 г. Вермахт по многим показателям обогнал ряд западноевропейских стран.

В марте 1939 г. Германия захватила остававшуюся независимой часть Чехословакии и г. Мемель (Клайпеда), а затем потребовал от Польши передать Третьему рейху Данциг (Гданьск), представить в распоряжение Германии автостраду и железную дорогу, пересекавшие Польский коридор.

3 апреля Гитлер принял решение о нападении на Польшу не позднее 1 сентября 1939 г. «Если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, - признал на Нюрберг-

⁵⁴⁰ Горохов В.Н. История международных отношений.1918-1939: Курс лекций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 258-259

ском процессе начальник штаба оперативного руководства Германского верховного командования Йодль, - то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными».⁵⁴¹ В том же месяце Италия оккупировала Албанию, Германия разорвала морское соглашение 1935 г. с Англией. 22 мая между Германией и Италией был заключен военно-политический союз – «Стальной пакт».

Накануне фашистской агрессии против нашей страны Германия растоптала независимость и оккупировала 12 стран Европы: Австрию, Чехословакию, Албанию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург, Францию, Югославию, Грецию. Она захватила вооружение более 200 дивизий разгромленных или капитулировавших армий европейских стран. Только во Франции, которая потерпела поражение за 44 дня агрессор захватил 4930 танков и бронетранспортеров, 3 тысячи самолетов и оснастил французским автотранспортом 92 дивизии.⁵⁴²

Англия и Франция рассчитывали при неблагоприятном развитии отношений с Германией получить в лице СССР мощного союзника на востоке, который как в Первую мировую войну Россия, оттянул бы на себя основные силы Германии и сделал Восточный фронт главным в войне, если она охватит Европу.

Что касается СССР, то Советское руководство, учитывая уроки Мюнхена, стремилось воспрепятствовать возможному, как полагали в Москве, стовору западных держав с рейхом, закрепить, если удастся, военное соглашение с Англией и Францией, а в случае нападения Германии на Польшу не позволить втянуть страну в войну и удержать Вермахт как можно дольше от своих границ.

Переговоры, начавшиеся летом 1939 г., определяли судьбы войны и мира. Но ход переговоров вскоре показал, что достичь взаимоприемлемого соглашения не удастся. К тому же, Англия начала тайные контакты с Германией на предмет соглашения «по широкому кругу вопросов». В недавно изданной американским историком Д. Петрополусом сенсационной книге «Королевская семья и рейх» подтверждается факт связи английской аристократии с рейхом.

Именно в результате закулисных маневров английским правящим кругам удалось добиться своей цели, повлиять на Гитлера, чтобы он отказался от вторжения на Великобританию и начал войну с СССР. Кроме того, они не были против, чтобы Германия «наказала» Францию. По мнению американского историка, одной из самых мрачных сторон этих контактов явилось то, что ряд представителей британской королевской семьи поддерживали политику Гитлера по уничтожению «расово-неполноценных народов».⁵⁴³

К середине августа 1939 г. англо-франко-советские переговоры окончательно зашли в тупик. Тем временем угроза германской агрессии против Польши стремительно нарастала. Война могла начаться в непосредственной близости от границ Советского Союза.

Более того и на Дальнем Востоке западные державы также подталкивали Японию против войны СССР. Так в самый разгар вооруженного конфликта, развязанной японской военщиной против Советского Союза и Монголии, Англия подписала в июле 1939 г. в Токио соглашение, по которому признавала японские захваты в Китае и обязывалось не препятствовать там японской агрессии. То есть и здесь совершался

⁵⁴¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 1. – М.: Олма-Пресс, 2002. – С. 190

⁵⁴² См.: Великая Отечественная война 1941-1945. Иллюстрированная энциклопедия. – М.: Олма-Пресс Образование, 2005. – С. 10.

⁵⁴³ Гитлер пытался сделать Англию союзником. Мир новостей. 23 мая 2006. - С. 22.

по существу так называемый дальневосточный «Мюнхен».

В этот переломный момент Германское правительство предпринимает многочисленные попытки вступить в переговоры с нами о заключении договора. Гитлер неоднократно предлагал нам принять его министра 22–23 августа, который будет наделен всеми полномочиями для подписания пакта о ненападении. Мы оказались перед выбором: либо отклонить германские предложения, либо принять их.

В первом случае, единый антисоветский фронт Англии, Франции с гитлеровской Германией и Японией стал бы реальностью. СССР пришлось бы вести войну на два фронта. С Германией на западе и против Японии на востоке.

Во втором случае, принимая предложение Германии, СССР получал выигрыш во времени для укрепления своей обороноспособности и подготовки страны к возможной агрессии. Глубоко проанализировав все аспекты международного положения, а также отказ западных держав совместно сотрудничать в предотвращении фашистской агрессии, согласилась на заключение договора о ненападении с Германией. Советско-Германский заговор был подписан 23 августа 1939 г. в Москве.

Надо отметить, что в этом договоре, если не считать секретного протокола, в котором был зафиксирован раздел сфер влияния, не было ничего необычного. Он дополнял собой довольно длинный перечень аналогичных документов. Подобного рода соглашения Германия к этому времени уже имела с Польшей (1934 г.), с Англией и Францией (1938 г.), Литвой, Латвией, Эстонией (1939 г.). поэтому с точки зрения юридической и политической, договор был вполне правомерен.

Известие о заключении Германией и СССР договора о ненападении произвело в Японии эффект разорвавшейся бомбы. Впоследствии японское руководство отплатило Гитлеру той же монетой, заключив в апреле 1940 г. с СССР договор о нейтралитете. Правда, это произошло тогда, когда полный разгром японских войск на реке Халхин-Гол в сентябре 1939 г. окончательно остудил в Японии горячие головы сторонников войны с СССР.

В целом, заключенный советско-германский пакт имел для СССР позитивные последствия. В чем оно выжалось?

Во-первых, Советский Союз получил определенные стратегические преимущества: договор содействовал вооруженному столкновению двух «империалистических группировок», оставляя СССР вне конфликта, советские западные границы были отодвинуты на 250–300 км.⁵⁴⁴

СССР получал возможность вернуть территории, ранее входившие в состав Российской империи. В 1939–1940 гг. в состав Советского Союза вошли Западная Украина, Западная Белоруссия, республики Прибалтики, Карельский Перешеек, Бессарабия, Северная Буковина. Важно также отметить, что договор от 23 августа, ограничивал продвижение германских войск к границам нашей страны в случае начала войны в Европе.

Во-вторых, договор предоставил Советскому Союзу серьезный выигрыш во времени; увеличилась численность Красной Армии, сформировано 125 новых дивизий; расширено военное производство и разработаны новейшие виды вооружений; проведена реорганизация структуры войск и частично восстановлен офицерский корпус.

В-третьих, был внесен разлад в коалицию агрессивных держав. Заключив договор с СССР, Германия нарушила «антикоминтерновский пакт». Отсюда антигерманские демарши ее союзников: Япония подписала соглашение с Москвой об уре-

⁵⁴⁴ См.: Горохов В.Н. История международных отношений. 1918–1939: Курс лекций. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С 283

гулировании конфликтной ситуации на реке Халхин-Гол; Италия отказалась начинать европейскую войну с рейхом: Франко, несмотря на уговоры Гитлера, выступил с декларацией о нейтралитете в будущей войне.

В-четвертых, пакт нанес сокрушительный удар по мюнхенской политике западных демократий. У. Черчилль прокомментировал его так: «Это полный провал англо-французской внешней политики».⁵⁴⁵ Все выше сказанное позволяет охарактеризовать дипломатическое решение СССР как меру вынужденную и во многом обоснованную

Однако приобретенная ценой огромных политических и моральных издержек оттяжка вступления в войну, наряду с тактическими успехами во внешней политике была во многом перечеркнута грубейшими политическими просчетами. Ошибки в оценке обстановки, неадекватное восприятие происходящих в Европе процессов привели к ложным выводам и действиям на международной арене.

Как уже говорилось выше, Советский Союз в августе 1939 г. действовал в соответствии с теми «правилами игры», которыми руководствовались все великие державы. Каждая из отстаивала свои собственные геостратегические интересы, не считаясь с зыбкими морально-этическими и международно-правовыми нормами того времени.

Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. стал последним крупным международным событием предвоенного десятилетия. 1 сентября Германия напала на Польшу. 3 сентября Англия, а затем Франция объявили войну Германии. Так началась Вторая мировая, а вместе с ней и новая эпоха в истории международных отношений.

545 См.: Там же.

Ф.Г. Сейранян

*Мы не дрогнем в бою
За столицу свою.
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим, уничтожим врага!
А. Сурков*

**Политическое и военно-стратегическое значение битвы под Москвой
(к 65-летию Московской битвы)**

Среди крупнейших событий Второй мировой войны великая битва под Москвой занимает особое место. Это и понятно. Ведь всё героическое обладает громадной притягательной силой.

В народе справедливо говорится: великое видится на расстоянии. Теперь, когда прошло 65 лет после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, нам отчетливо представляется общая картина происходившей борьбы, её размах и масштабы, яснее вырисовываются её контуры и детали.

«Когда меня спрашивают, – вспоминал маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, – что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву!»

Мы ещё глубже, а стало быть, и вернее оцениваем значение одержанной под Москвой победы, её влияние на ход и исход вооруженной борьбы на советско-германском фронте и в мировой войне в целом.

Обращаясь сейчас к тем памятным временам шестидесятипятилетней давности, осмысливая их с учетом накопленного фактического документального материала, мы можем более конкретно проследить не только, как происходили эти события, но и почему они происходили именно так, а не иначе.

Нужно отметить, что захвату Москвы гитлеровские генералы придавали первостепенное значение.

Москва притягивала огромные силы немецко-фашистских войск, в состав которых были включены более 40% всех пехотных и половины танковых и моторизованных дивизий, брошенных на Советский Союз.

В 1941 году московское направление стало главной осью, центром концентрации усилий немецко-фашистского командования на Восточном фронте. На московское направление была нацелена наиболее сильная группировка гитлеровцев – группа армий «Центр», имевшая в своём составе большое количество танков и самолетов.

Московская битва – крупнейшая битва Второй мировой войны. Она продолжалась более шести месяцев. В ней участвовали с обеих сторон около 2-х миллионов человек, до 2,5 тысяч танков, 1,5 тысяч самолетов, свыше 20 тысяч орудий и миномётов.

По характеру боевых действий Московская битва делится на два периода: оборонительный (30 сентября – 5 декабря 1941 г.) и наступательный (5 декабря 1941 г. – 20 апреля 1942 г.). Первый её период, проходивший в исключительно трудной, невыгодной для нас стратегической обстановке, имел важное военно-политическое значение для срыва «молниеносной войны», создание условий перехода советских войск в контрнаступление и разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

Весьма трудная задача первого периода битвы заключалась в том, чтобы остановить противника, преградить ему путь к столице в то время, когда война со страшной

силой бушевала на советской территории и охватывала всё новые районы и области.

Неблагоприятное развитие событий в осенние месяцы 1941 года поставило перед командованием Советской Армии и руководством страны задачу огромного военно-политического и стратегического значения — любой ценой отстоять Москву, мобилизовать на защиту столицы все силы, все ресурсы страны. Настоятельно требовалось, прежде всего, восстановить нарушенное управление войсками и создать новую группировку сил, которая смогла бы дать отпор бронированным полчищам врага.

В ночь на 5 октября 1941 года Государственный комитет обороны принял специальное решение о защите Москвы в сложившихся условиях, избрав главным рубежом сопротивления Можайскую линию обороны с немедленным направлением на неё всех возможных сил и средств. Тогда же было решено мобилизовать все усилия на скорейшее создание и завершение новых крупных стратегических резервов в глубине страны, их вооружение и быстрейшую подготовку для ввода в бой.

В октябрьских оборонительных боях и сражениях советские войска остановили дальнейшее продвижение гитлеровской армии на Москву, сорвали планы противника по захвату столицы, нанесли ему большой урон в живой силе и технике. План операции «Тайфун», как по целям, так и по срокам, трещал по швам.

Хотя бредовым планам противника не суждено было сбыться, но обстановка как на фронтах, так и в стране в целом властно требовала новых усилий, новых испытаний.

Говоря об этих крайне тяжелых и опасных для нашей столицы и для всей страны днях, когда враг стоял у стен Москвы, нельзя не сказать о том огромном значении, которое имела для москвичей, для всего советского народа и его Вооруженных Сил встреча 24-ой годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции.

6 ноября в Москве, на станции метро «Маяковская», состоялось торжественное заседание Моссовета. С докладом выступил Председатель ГКО И.В.Сталин. Докладчик говорил о тяжелом военном и экономическом положении нашей страны, о временных неудачах Красной Армии, определил перспективы великой освободительной борьбы советского народа.

На следующий день, 7 ноября, на Красной площади состоялся традиционный парад войск Московского гарнизона. К участникам парада с краткой речью обратился И.В.Сталин: «На вас, — говорил он, — смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, попавшие под иго немецких захватчиков. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая!»⁵⁴⁶.

С парада на Красной площади войска, воодушевленные призывами партии и народа, направлялись прямо в боевые порядки для оказания сопротивления врагу.

Торжественное заседание и парад войск Московского гарнизона, проводившиеся почти на глазах у рвавшегося к столице врага, вызвали могучий патриотический подъем в стране, вдохновили советских людей на героические подвиги на фронте и в тылу, вселили в их сердца твердую уверенность в неизбежном переломе в ходе войны и вызвали неистовую ярость в стане врага.

Писатель Алексей Сурков так вспоминал эти трудные дни ноября 1941 года: «Самый факт традиционного торжественного заседания Моссовета и последовав-

⁵⁴⁶ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Госполитиздат, 1952. С. 39-40.

ший на следующее утро парад отвалили от души каждого из нас тяжёлый камень тревоги и горечи. Враг был близко в этот вечер и в это утро, но в смятенных этой близостью человеческих сердцах крепла уверенность в том, что не он, а мы будем победителями. Люди в этот вечер выросли на несколько голов»⁵⁴⁷.

Политическое и военное руководство страны мобилизовало все силы на защиту Москвы. На московское направление перебрасывались с других участков фронта дивизии, корпуса, армии; сюда направлялись все новые формирования, дивизии народного ополчения, добровольцы, здесь разворачивалось партизанское движение.

И хотя враг близко подошел к Москве, главной цели он не достиг: столицу взять ему не удалось. Противнику казалось, что сделай он один-два броска и цель достигнута. Но то были лишь иллюзии. На самом деле значительно снизилась наступательная способность гитлеровских войск, всё дальше они отдалялись от своего тыла, всё больше растягивались его коммуникации, постоянно находившиеся под ударами наших партизанских отрядов. Спротивление Красной Армии неизменно возрастало.

Оборонительные бои и сражения под Москвой знаменательны тем, что они затормозили, а затем и остановили противника, сорвали его главную операцию «Тайфун», разработанную с целью захвата столицы, заставили Гитлера в ходе операции изменить свои планы.

Героическая оборона на всех направлениях, ведущих к Москве, — волоколамском, Можайском, Малоярославецком, Тульском, — обескровила противника, нанесла ему потери в живой силе, военной технике, подорвала моральный дух немецких солдат, обеспечила условия для перехода советских войск в решительное контрнаступление. В этом состоял главный итог оборонительного периода Московской битвы.

Итак, в результате оборонительных операций битвы под Москвой был окончательно сорван немецко-фашистский план операции «Тайфун» и созданы условия для перехода советских войск в контрнаступление на центральном направлении.

Планы гитлеровского верховного командования провалились потому, что они были авантюристическими, исходили из переоценки своих сил и недооценки возможностей Советских Вооруженных Сил. Москву защищала вся страна, весь народ. Немецко-фашистское наступление на Москву было остановлено не распутицей, грязью и морозами, как это утверждала фашистская пропаганда и наши недруги, а советскими воинами, проявившими невиданный героизм и самопожертвование, упорство в обороне, неукротимую волю к победе. Всё это явилось важнейшими причинами провала гитлеровского плана операции «Тайфун». Враг был обескровлен, нес колоссальные потери и поэтому не мог продолжать наступление.

Мужественная борьба советских воинов, поддержанная трудовыми подвигами всех народов Советского Союза, обескровила немецко-фашистские войска и позволила выиграть время, необходимое для формирования, обучения и сосредоточивания резервов Ставки на главном, московском, направлении. Это, в свою очередь, позволило советскому командованию изменить соотношение сил в свою пользу и создать необходимые условия для перехода в контрнаступление.

Международная обстановка Советского Союза к началу декабря 1941 года оставалась весьма сложной.

Героическое сопротивление советского народа и его Вооруженных Сил вызвало горячие симпатии свободлюбивых народов всего мира и способствовало расширению и укреплению антигитлеровской коалиции.

⁵⁴⁷ Битва за Москву. М., Московский рабочий, 1975. С. 576.

К началу контрнаступления Красной Армии под Москвой общая военно-политическая обстановка для нашей страны оставалась крайне напряженной. Последние два месяца 1941 года были самыми тяжелыми и критическими в истории военной экономики и, прежде всего, промышленности Советского Союза. Видный организатор советской экономики Н. Вознесенский в своей книге так отмечал общую ситуацию в стране: « ...За период с августа по ноябрь 1941 года в результате оккупации, а также эвакуации промышленности из прифронтовых районов выбыло из строя 303 предприятия, валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 года уменьшилась в 2,5 раза...»⁵⁴⁸.

Временная потеря значительной части территории привела к довольно заметному сокращению выпуска вооружения, техники, боеприпасов, то есть всего того, без чего невозможно было вести успешную вооруженную борьбу.

Не лучше была обстановка и со снабжением Вооруженных Сил сельхозпродуктами, а промышленности – сырьем.

Таким образом, перед военно-политическим руководством страны, перед всем советским народом встали во весь рост огромные трудности политического, экономического и военного характера.

Руководство страны принимало конкретные меры, которые должны были поднять уровень военного производства, постепенно увеличить количество выпускаемой продукции – танков, самолетов, артиллерийских орудий и минометов, пулеметов и автоматов, снарядов и мин. Это достигалось героическими усилиями народов нашей страны по перестройке народного хозяйства на военные рельсы, перераспределением средств госбюджета в пользу производства военной продукции, рациональным распределением производительных сил страны, повышением производительности труда, экономии сырья, топлива и электроэнергии, улучшением организации труда.

Военная теория и боевой опыт свидетельствует о том, что победа в вооруженной борьбе достигается только активными наступательными действиями войск. Переход от оборонительных сражений к контрнаступлению без какого-либо перерыва и паузы, потребовал от политического и военного руководства страны целеустремленной подготовки высокого военного искусства и решения крупных стратегических задач.

В битве под Москвой идея контрнаступления заключалась в одновременном разгроме наиболее опасных ударных группировок войск группы армий «Центр», угрожавших Москве с севера и юга. Подготовка контрнаступления проводилась в сложной обстановке: советские войска при некотором превосходстве в самолетах, имели почти вдвое меньше артиллерии, на одну треть – танков, уступали в численности людей. Но советское командование учитывало и другие факторы: измотанность гитлеровских войск, отсутствие у них подготовленной обороны и оперативных резервов, их неподготовленность к ведению боевых действий в зимних условиях, более высокий моральный дух советских войск.

Контрнаступление началось 5-6 декабря 1941 года, когда стало ясно, что наступательные возможности противника исчерпаны.

Войска трёх фронтов: Калининского, Западного и Юго-Западного, имея примерно одинаковые соотношения сил с противником, перешли в контрнаступление на фронте свыше тысячи километров. Такого поворота событий немецко-фашистское командование не ожидало. Начальник генштаба сухопутных войск Гальдер

⁵⁴⁸ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. С. 43.

и командующий группой армий «Центр» фон Бок, считали, что советские войска окончательно обессилены, что у них нет резервов, и они находятся на грани краха.

Контрнаступление, скрытно подготовленное и внезапно осуществленное, привело к выдающимся военно-политическим результатам. Удары по противнику обрушились одновременно на нескольких направлениях. Враг оказался неспособным противостоять им. По всему фронту он вынужден был отступать, теряя живую силу и военную технику. Контрнаступление советских войск, непрерывно развиваясь, перерастало в общее наступление, привело к освобождению Московской, Тульской, Рязанской и ряда районов других областей. Более 11 тыс. населенных пунктов, в том числе свыше 60 городов, были освобождены от захватчиков. Враг был отброшен на 250–350 км от Москвы. Нависшая угроза над столицей была ликвидирована. Фашистская Германия потерпела первое серьезное поражение во Второй мировой войне. В ходе битвы были уничтожены наиболее боеспособные части фашистской армии. По данным генштаба гитлеровских войск, на московском направлении за пять месяцев (с 30 сентября 1941 года по 28 февраля 1942 года) потери сухопутных войск составили около полумиллиона человек, значительный ущерб понес противник в боевой технике и вооружении.

Боевые действия, развернувшиеся на полях Подмосковья, настолько грандиозны, что историкам и писателям потребуется еще много лет, чтобы отразить их всесторонне и полно в литературе разного жанра. В целом освещение событий под Москвой в последние два десятилетия получило более полное и верное толкование. В частности отмечается единая трактовка начала и конца сражения за Москву. При этом исходят из того, что основные мероприятия по обороне Москвы, строительству Московской зоны обороны Государственный Комитет Оборона и Ставка Верховного командования приняли в октябре, а в директиве Ставки от 7 января, 16 февраля и 20 марта 1942 года войскам Западного и Калининского фронтов ставилась общая задача – окружение и разгром всей ржевско-вяземской группировки врага⁵⁴⁹.

Следовательно, действия советских войск на московском направлении в октябре 1941 года, феврале, марте 1942 года являются составной частью великой битвы под Москвой. Они изобиловали не только драматическими событиями, но и героическими подвигами в тылу врага⁵⁵⁰. Поэтому без показа героических подвигов окруженных советских войск под Вязьмой и Ржевом, без раскрытия событий первых месяцев 1942 года, без показа огромных трудностей, опасных положений никак невозможно составить полное представление о действительном накале и остроте борьбы.

В битве за Москву были разбиты лучшие дивизии немецко-фашистских войск, не знавшие до этого серьезных поражений. Красная Армия развеяла миф о «непобедимости» гитлеровской армии.

Парад гитлеровских войск в Москве не состоялся. Парадное обмундирование немецким военным было разрешено в связи с наступившими холодами надеть на себя в бою.

Потерпев поражение под Москвой, гитлеровское командование пыталось скрыть это от общественности, и в первую очередь от населения самой Германии. Отступление своих войск оно объяснило в официальной печати как запланированный командованием маневр, которое должно было якобы выпрямить линию фронта и далее нанести мощный удар.

Конечно, это не соответствовало действительности, и это можно судить по

⁵⁴⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М. Т.2. С. 241–242.

⁵⁵⁰ Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М. С.114–115.

приказу командира 5-го армейского корпуса от 19 декабря, в котором говорилось, что немецкие войска по приказу свыше и по причинам, от них не зависящим, вынуждены были отступить на сто километров.

Гитлеровское командование безуспешно пыталось скрыть от общественности своей страны и потери своих войск.

Поражение немецко-фашистских войск под Москвой не прошло даром и для командной верхушки гитлеровской армии. Гитлер, обвиняя в поражении войск своих генералов, произвел ряд перемещений в высшем командном составе армии.

Эта победа положила начало коренному повороту в ходе войны, развеяла миф о непобедимости немецко-фашистской армии, нанеся ей невосполнимый материальный урон. Противник потерял более 500 тысяч человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тыс. автомашин и много другой техники. Ещё более чувствительным был моральный урон врага – в ходе зимней кампании гитлеровские военные трибуналы осудили 62 тыс. солдат и офицеров за дезертирство, самовольный отход, неповиновение и т.д. Были отстранены от занимаемых постов 35 высших чинов, в том числе генерал-фельдмаршал Браухии, генерал Гудериан, Штраус и другие⁵⁵¹. Не доверяя более своим генералам, Гитлер сам занял пост главнокомандующего сухопутных войск.

Зарубежная буржуазная пресса писала, что под Москвой произошло «чудо». На самом деле здесь не было никакого чуда. Красная Армия, захватив инициативу в свои руки, нанесла поражение «непобедимой» фашистской армии, отборные соединения которой бежали из-под Москвы. При этом бегство немецких войск происходило не по желанию германского командования, как об этом писалось в германских газетах, а вследствие ударов советских войск, которые немцы не в состоянии были отразить.

В связи с этим приобретают особый смысл полнота и формы показа деятельности центральных государственных и партийных органов в Московской битве. В большинстве вышедших книг роль ЦК, ГКО, Ставки ВГК показываются схематично, отдельные директивы и постановления не полностью раскрываются, недостаточно подвергаются анализу и обобщению события и факты.

Не ставя перед собой задачу подробного рассмотрения историографии проблемы, необходимо отметить, что история великой битвы под Москвой за истекшие 65 лет получила широкое освещение в научной, исторической, мемуарной, художественной и другой литературе.

На наш взгляд, в книгах, очерках и воспоминаниях наиболее полно освещен военно-исторический аспект, который составлял главное содержание боевого и трудового подвига Красной Армии, героев-партизан, всех трудящихся страны. Сегодня накоплен значительный фактический материал, опубликованы многие архивные документы, находящиеся много лет под запретом, ученые проявляют интерес и к мемуарной литературе советских полководцев и участников битвы под Москвой. Всё это дает возможность на основе архивных, а также опубликованных документов литературных источников более полно, чем это сделано до сих пор, осветить важнейшие события первой крупной победы советского народа над фашистской Германией в ходе Великой Отечественной войны и вскрыть источники этой победы. При этом ход вооруженной борьбы на московском направлении, а также раскрытие роли советского командования в руководстве военными операциями, управления тылом, партизанским движением и партийно-политической работой в войсках раскрыть с привлечением новых фактических данных.

⁵⁵¹ Жуков Г.К. Битва под Москвой. //Справочник-путеводитель «60 лет Московской битве». М., 2001. С. 7

Всё это касается и общего наступления советских войск в январе-апреле 1942 года. Это наступление Красной Армии на Западном стратегическом направлении началось в несколько иных условиях, чем контрнаступление под Москвой. Отличие это обуславливалось не только особенностями военного положения на советско-германском фронте, но и дальнейшим развитием событий на международной арене и ходом боевых действий на других театрах Второй мировой войны.

Под влиянием исторической победы Красной Армии в битве под Москвой значительно улучшилось число государств, установивших дипломатические отношения с Советским Союзом, активизировалась национально-освободительная борьба во Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Польше, Югославии, Греции, Албании и других странах. Получило широкий размах движение Сопротивления, являясь составной частью боевых сил антифашистской коалиции, закономерной борьбой против кровавого «нового порядка», против фашистского режима, покрывшего всю Европу сетью виселиц и концлагерей.

Значительно улучшилось и внутреннее положение в нашей стране. Прекратилось падение выпуска промышленной продукции, вызванное отступлением армии и в связи с этим эвакуацией промышленных предприятий. Оборонная промышленность увеличила выпуск самолетов, танков, орудий и минометов, пулеметов и автоматов. Фронт стал получать больше военной техники и подготовленных резервов.

Успешные боевые действия советских войск под Москвой и на других направлениях (Ростов, Тихвин) улучшили общую обстановку на фронтах, создали необходимые условия для развертывания общего наступления Красной Армии на большей части советско-германского фронта. Уже 26 декабря 1941 года Верховное главное командование приступило к освобождению Керченского полуострова и всего Крыма, готовилась наступательная операция деблокады Ленинграда, войска готовились к боевым действиям по освобождению Донбасса.

Общее наступление советских войск на Западном направлении (январь-апрель 1942 г.) придерживалось идеи разгрома фланговых группировок группы армий «Центр» для завершения окружения основных сил противника и уничтожения его ржевско-вяземско-гжатской группировки.

В результате общего наступления Красная Армия на Западном направлении в январе-апреле 1942 года разгромила десятки фашистских дивизий и отбросила их на 60-250 км от линии обороны. Однако в этот период советским войскам не удалось полностью выполнить поставленные задачи – окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр». Малочисленность боевого состава, недостаток боевой техники и боеприпасов, а также тяжёлые зимние условия, усталость от тяжелых непрерывных боёв – всё это обусловило незавершенность операции. Советские войска, достигнув рубежа Холм, Ржев, Киров, временно перешли к обороне.

Каковы же военно-политические итоги и значение битвы под Москвой?

1. Важнейшим итогом битвы под Москвой – оборонительных боев, контрнаступления и общего наступления советских войск на Западном стратегическом направлении – явилось серьезное поражение крупнейшей группировки немецко-фашистских войск – группы армии «Центр». Разгром этой многочисленной и боеспособной группировки ударных войск немецко-фашистской сухопутной армии положил начало коренному повороту не только в ходе Великой Отечественной войны, но и в ходе всей мировой войны.

Наступательная операция «Тайфун» потерпела полный провал, а фашистская военная доктрина блицкрига оказалась несостоятельной и авантюристической.

Вместо выхода на Волгу и к Уралу, как предусматривалось планом «Барбаросса», немецко-фашистские войска под ударами Красной Армии были отброшены от Москвы, в которую они уже собирались вступить. Германская армия понесла огромные потери в живой силе и технике. Вот как оценил положение гитлеровской армии немецкий военный историк фон Типпельскирх: «...Для дальнейшего ведения боевых действий исход...зимней кампании имел губительные последствия». «Сила удара русских и размах этого контрнаступления были таковы, что поколебали фронт на значительном протяжении и едва не привели к непоправимой катастрофе... Немецким войскам грозила судьба великой армии Наполеона»⁵⁵².

Общие боевые потери только сухопутных войск, как это отмечал генерал Гальдер, с 30 сентября 1941 г. по 28 февраля 1942 г. составили около полумиллиона человек. А общие потери немецко-фашистских войск на советско-германском фронте с начала войны до 28 февраля 1942 года составили по явно приуменьшенным немецким данным более 1 млн. человек⁵⁵³.

Таким образом, в зимней кампании 1941/42 гг. Советский Союз добился значительных стратегических успехов. И в этом главный итог зимней кампании.

2. Битва под Москвой вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из ярчайших страниц героической борьбы советского народа за свою государственную независимость, за честь и свободу своего Отечества. На полях Подмосковья и под стенами Москвы враг встретил решительный отпор советских войск, и гитлеровская армия потерпела жестокое поражение. Это явилось началом крушения гитлеровской машины.

В те кризисные для столицы и всей страны дни потребовались колоссальная выдержка, упорство, величайшее мужество, организованность и сплоченность всего советского народа. Отстоять Москву необходимо было не только из-за её огромнейшего военно-стратегического значения, но и потому, что она являлась политическим центром Советского Союза, стала величайшим моральным стимулом в борьбе с фашистскими захватчиками.

Бои под Москвой затормозили, а затем и остановили противника. «Тайфун» разбился о непреступную крепость – мужество, героизм, силу и мощь советского народа.

Разгром на полях Подмосковья просветлил головы многим фашистским стратегам. Среди верхушки Вермахта начались раздоры. Многие фашистские военачальники объясняли поражение своих войск под Москвой различными причинами, якобы неожиданными для немецких генералов. Свои неудачи они пытались свалить и на русскую зиму, и на широкие просторы, и на бездорожье, и даже на ... военную некомпетентность фюрера.

Однако не плохие дороги, не русская зима, не наши просторы стали главной причиной поражения гитлеровской армии. Зарвавшегося фашистского зверя победил стойкий советский солдат, весь советский народ, грудью заслонив собою родную столицу, и не пропустив врага.

Удары по противнику обрушились одновременно на нескольких направлениях. Враг оказался неспособным противостоять им. По всему фронту он начал поспешный отход, превратившийся в бегство. Наступление советских войск привело к освобождению Московской, Тульской и ряда районов других областей. От захватчиков было освобождено более 11 тысяч населенных пунктов, противник был отброшен на 100-250 км. Угроза столице Советского Союза и всему Центральному

⁵⁵² Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956, СС. 206, 201, 203.

⁵⁵³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. М. Т. 2. С. 357.

промышленному району была ликвидирована. Гитлеровский план «молниеносной войны» окончательно провалился.

Немецкий генерал Блюментрит писал о тех днях: «Это был поворотный пункт нашей восточной кампании – надежды вывести Россию из войны в 1941 году провалились в самую последнюю минуту. Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя... Московская битва нанесла первый сильнейший удар по Германии как в политическом, так и в военном отношении»⁵⁵⁴.

3. Победа Красной Армии под Москвой имела крупное международное значение. Поражение фашистских войск имело далеко идущие военно-политические последствия. Оно отрезвляюще подействовало на японских империалистов и турецких экстремистов, которые, как известно, только и выжидали момента, когда фашисты захватят Москву, чтобы вступить в войну против СССР.

Победа в московской битве помогла морально поработанным народам Европы обрести веру в избавление от фашистского ига. Народы стран антигитлеровской коалиции воочию убедились в мощи Красной Армии, в самоотверженности и негибкости советских людей. Население поработанной гитлеровской Германией стран поняло, что Советский Союз является единственной силой, способной спасти мир от фашистской чумы.

Победа под Москвой оказала решающее влияние на активизацию национально-освободительного движения в странах оккупированных фашистской Германией. Народы Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии, Албании, Греции и других государств на примере Московской битвы убедились в том, что «непобедимую» гитлеровскую армию можно разбить, а для этого необходимо вести борьбу. Под руководством прогрессивных организаций своих стран они стали активнее бороться против гитлеровского «нового порядка» в своих странах. Это привело к расширению фронта борьбы против гитлеровского фашистского блока.

Вместе с тем политическое значение Московской битвы состоит в том, что она резко изменив международную обстановку, способствовала укреплению антигитлеровской коалиции, где решающую роль играл Советский Союз и его Вооруженные Силы; вселила в народные массы поработанных стран уверенность в победе над фашизмом и вызвала активизацию борьбы в этих странах; ослабила коалицию агрессивных стран, обострив противоречия между государствами этой коалиции; подорвала экономические, военные и моральные силы гитлеровской Германии.

4. Разгром немецко-фашистских войск на полях Подмосковья имел огромное политическое и экономическое значение для нашей страны.

Эвакуация промышленных предприятий в восточные районы страны вызвала колоссальные трудности в бесперебойном удовлетворении возрастающих потребностей действующей армии, лихорадило работу промышленности, транспорта, сельского хозяйства. С разгромом главной ударной группировки врага обстановка резко изменилась – работа во всех сферах экономики стала более планомерной и целенаправленной. Изменившиеся условия позволяли Государственному Комитету Обороны и Верховному Главнокомандованию Красной Армии в сравнительно спокойной обстановке проводить мероприятия по стабилизации фронта, ускорению

⁵⁵⁴ Блюментрит Г. Роковые решения. М. 1958. С. 98, 108.

производства военной продукции и подготовке стратегических резервов.

5. Победа под Москвой была достигнута самоотверженной борьбой советских воинов, партизан, боровшихся по ту сторону линии фронта, всех труженников великой многонациональной страны и, прежде всего, трудящихся столицы, делавших всё для защиты Москвы. Угроза, нависшая над столицей, ещё выше подняла патристические чувства советских людей. Здесь, в боях под Москвой, рождались новые герои, множились их ряды. Слова комиссара В.Клочкова, произнесенные им в окопах у разъезда Дубосеково: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва», – стали общенародным девизом, они выражали мужество, стойкость и самоотверженность советских людей на фронте борьбы с гитлеровской агрессией.

Партизанское движение, являясь ярким проявлением военной инициативы народных масс, всеми формами борьбы укрепляло уверенность советских людей в победе над немецко-фашистскими захватчиками, вовлекло их в активную борьбу с врагом, создавая для последнего невыносимую обстановку. Партизаны уничтожали живую силу и военную технику противника, дезорганизовывали работу его тыла и органов управления, помогали действующим войскам разведкой и т.д.

Партизанские отряды активной и самоотверженной борьбой вынуждали гитлеровцев держать до пяти дивизий для охраны своих коммуникаций. Кроме этих соединений противник вынужден был отвлекать для борьбы с партизанами многочисленные группы и отряды строевых, охранных и полицейских войск. Всё это говорит об эффективности борьбы советских партизан и о той громадной помощи, которую они оказывали регулярным войскам во время контрнаступления Красной Армии в декабре 1941 года.

Правительство высоко оценило самоотверженные действия московских партизан и за боевые подвиги многих из них удостоило орденами и медалями. Партизанам Подмосковья – З.А. Космодемьянской, А.М.Гурьянову, Н.С. Кузину и С.И. Солнцеву было присвоено звание Героя Советского Союза. 131 партизан награжден орденами и медалями, 332 человека получили медали «Партизану Отечественной войны» I и II степени.

Большой вклад в дело разгрома немецко-фашистских войск внесли трудящиеся столицы. Победа была достигнута благодаря их организованности, дисциплинированности, четкости в работе и добросовестному отношению к выполнению боевых заданий. Многие тысячи рабочих и работниц предприятий столицы и области проявляли подлинный трудовой героизм, работали, не покладая рук днём и ночью, порой под бомбёжкой вражеских самолётов, в тяжелых условиях жизни прифронтного города.

Трудящиеся Москвы и области внесли неоценимый вклад в дело защиты столицы, проделали большую работу по обороне своего славного города. Рабочие, интеллигенция, колхозники, студенты, домашние хозяйки приняли активное участие в строительстве оборонительных сооружений вокруг Москвы. Трудящимися Москвы было затрачено на это строительство многие сотни тысяч человеко-дней. Днём и ночью, в осеннюю слякоть и морозную стужу, под вражеской бомбежкой москвичи строили укрепленную зону вокруг столицы. Общий объем выполненных земляных работ превышал 4 млн. м³.

Фронт проходил не только в окопах и тылу врага. По-фронтному жила вся Москва, затемненная светомаскировкой, ни на один день не прекращавшая напряженный труд.

История не знает таких примеров трудового героизма, какой проявили москвичи. Буквально в течение месяца на ряде московских заводов заново организовали

производство боеприпасов, минометов, автоматов и других видов вооружения. Вот один характерный пример. Миномёты в 1940 г. в Москве вовсе не выпускались, а в ноябре 1941 г. в Москве и Подмосковье производились все типы минометов.

Московская промышленность, организовавшая в самый критический момент массовое производство автоматов, минометов, противотанковых ружей, в значительной мере удовлетворяла потребности войск, оборонявших столицу.

В тяжёлом 1941 году московская промышленность благодаря самоотверженному труду рабочих, инженеров, техников преодолела трудности и быстро взяла темп и размах, необходимые для развития военной экономики, для успешного ведения войны.

Все свои силы отдавали москвичи, чтобы ускорить разгром врага на подступах к столице. Во имя этого они трудились, не жалея сил. Фронтовые заказы выполнялись точно и в срок. Огромное количество боеприпасов, вооружения, снаряжения получала Красная Армия от предприятий Москвы и области. За трудовые подвиги были награждены орденами и медалями многие тысячи московских рабочих, колхозников и интеллигенции.

Героические подвиги трудящихся столицы в битве под Москвой и в целом за годы Великой Отечественной войны отмечены высокими правительственными наградами. Советское правительство учредило специальную медаль «За оборону Москвы», которой было награждено более 1 млн. человек.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1947 г. «За выдающиеся заслуги трудящихся Москвы перед Родиной, за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками, за успехи, достигнутые в развитии промышленности, культуры и в осуществлении генерального плана реконструкции города в связи с 800-летием» город Москва был награжден орденом Ленина.

А в мае 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «за выдающиеся заслуги перед Родиной, массовый героизм, мужество и стойкость, проявленные трудящимися столицы в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 20-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне» городу Москве было присвоено почетное звание «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

6. В битве под Москвой обогатилась советская военная наука и искусство, возросло мастерство советского военного командования и войск. Советское военное искусство показало яркие примеры жесткой позиционной и в то же время активной обороны, о которую разбились первое и второе «генеральные» наступления немецко-фашистской армии на Москву.

Скрытое сосредоточение и развёртывание стратегических резервов, подготовка контрнаступления в сложных условиях и в короткие сроки характеризуют возросшую зрелость советского военного искусства.

Одним из примеров зрелости и творческого характера советского военного искусства является быстрое создание новых фронтов и расформирование тех, которые стали ненужными. Так, в целях устранения угрозы, возникшей на стыке Западного и Северо-Западного фронтов и на стыке Западного и Юго-Западного фронтов, и для усиления обороны на этих направлениях по решению Ставки Верховного Главнокомандования были быстро созданы новые фронты – Калининский и Брянский.

Для улучшения управления войсками Западный и Резервный фронты были Ставкой объединены в Западный фронт под командованием генерала армии Г.К. Жукова.

Значительный рост советского военного искусства характеризовался также стратегическим взаимодействием на всем советско-германском фронте в интересах решения основной задачи разгрома немцев под Москвой.

Успехи, достигнутые Красной Армией в битве под Москвой, подтвердили жизнеспособность и прогрессивность советской военной стратегии, оперативность искусства и тактики. Наши войска в наиболее тяжелый период войны сумели справиться со стоящими перед ними задачами. Полученный боевой опыт был использован для дальнейшего развития военного искусства и строительства Вооруженных Сил.

В контрнаступлении под Москвой, Тихвином и Ростовом, как и в развернувшемся общем наступлении в центре советско-германского фронта, происходила проверка наших довоенных военно-теоретических взглядов на организацию и ведение операции и боя. Вместе с тем достигнутая в этих сражениях победа свидетельствовала о росте и дальнейшем совершенствовании советского военного искусства.

В битве под Москвой проявился творческий характер советского военного искусства, его превосходство над военным искусством врага. На полях Подмоскovie шло единоборство двух стратегий, двух политик. Советская военная стратегия и политика вышли победителями в этом серьезном испытании.

Искусство советских военачальников и превосходство боевых качеств советских войск, их умение и организованность явились главным в решении важнейшей проблемы — достижение победы в невыгодно сложившейся стратегической обстановке первого периода войны. Советское военное искусство в этой битве достигло новой ступени развития. Ставка Верховного Главнокомандования и Генштаб в сложных условиях сумели подготовить и скрытно сосредоточить резервы для разгрома врага, организовать тесное взаимодействие между фронтами и стратегическими направлениями, направить усилия сухопутных войск, авиации и партизан на разгром группы армий «Центр».

В ходе боев под Москвой совершенствовались методы организации обороны и наступления, более целесообразного боевого применения артиллерии, танков, авиации. Был накоплен опыт массированного применения родов войск, что показало возросшую стратегическую и оперативно-тактическую зрелость советских военачальников, рост боевого мастерства воинов всех родов войск.

7. Великая победа под Москвой была одержана благодаря руководящей роли Коммунистической партии, которая обеспечила мобилизацию всех ресурсов страны на разгром врага, провела огромную работу по развертыванию военного производства, укреплению боевой мощи Красной Армии, вдохновила воинов на массовой героизм. Партия показала образец быстрой и организованной перестройки всей своей деятельности на военный лад. Став сражающейся партией, она использовала те формы организации и методы работы, которые наиболее полно отвечали военной обстановке, обеспечивали усиление партийного влияния на всех участках борьбы с врагом. Она разъясняла, доводила до сознания советских людей справедливые цели, характер и особенность войны, воспитывала народ в духе животворного патриотизма.

Для этого привлекались все средства идейного воздействия: устная агитация и пропаганда, печать, радио, литература и искусство. Вся эта работа тесно связывалась с задачами, которые ставила война, носила боевой наступательный характер.

Вся работа партии и государства была направлена на воспитание вооруженных защитников Родины, всех трудящихся бесстрашными мужественными, стойкими борцами, непоколебимо убежденными в правоте своего дела и отдающими все силы достижению победы.

Все силы на защиту столицы мобилизовала московская партийная организация. Доблестные защитники Москвы обескровили врага, нанесли ему значительный урон в живой силе и технике, подорвали моральный дух гитлеровцев, обеспечили условия для перехода советских войск в решительное контрнаступление.

Московская комсомольская организация по примеру партийной организации мобилизовала и организовала молодежь Москвы и Московской области на оказание всемерной помощи фронту. Многие тысячи комсомольцев и молодежи столицы и области героически сражались, обороняя родную столицу от фашистских захватчиков. На заводах и фабриках юноши и девушки не покладая рук работали для обеспечения всем необходимым Красной Армии.

По инициативе и при непосредственном участии горкома и райкомов партии, парткомов предприятий и учреждений из добровольцев, не подлежащих призыву, в Москве создавались коммунистические батальоны. Базой формирования были рабочие, поэтому эти батальоны назывались также рабочими. Затем их личный состав вписался в части и соединения Красной Армии. Иногда коммунистические батальоны объединялись в коммунистические полки и дивизии. При включении ополчения в действующую армию оно довооружалось и доукомплектовывалось по штатам регулярных частей и соединений.

Создание массового ополчения сыграло важную роль в битве под Москвой, особенно в оборонительной операции. За мужество и героизм, проявленные в боях под Москвой многие ополченцы были награждены орденами и медалями.

Битва под Москвой оказала огромное влияние на весь дальнейший ход Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом.

В результате поражения немецко-фашистских войск под Москвой стратегические планы «молниеносной» войны гитлеровского командования потерпели крах. Фашистская Германия полностью исчерпала преимущества, вытекавшие из внезапного нападения на Советский Союз, и была поставлена перед необходимостью ведения затяжной войны.

65 лет прошло со времени начала наступления наших войск под Москвой. Гитлеровцы были отброшены от рубежа города. С 5 декабря, в день начала контрнаступления советских войск, защитников Москвы будет чествовать вся страна. Планируются большие мероприятия: торжественные собрания и заседания, возложение венков к памятникам и могилам воинов, к могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, к памятнику маршалу Г.К. Жукову, экскурсии к памятным местам сражений, где были остановлены фашисты, сейчас это рубежи славы. Их протяженность 550 километров, они проходят по территории пяти областей.

Большой интерес представляет мемориальный комплекс на 40-ом км Ленинградского шоссе у города Зеленограда (во время войны – дер. Крюково). Здесь братская могила защитников столицы, из которой в день 25-летия разгрома фашистских войск под Москвой были взяты останки Неизвестного солдата и перенесены в могилу у Кремлевской стены.

Завершить свою статью хотелось бы словами мэра Москвы Ю.М. Лужкова.

В обращении к москвичам-ветеранам в день защитника Отечества 23 февраля 2006 г. он отметил:

«В этом году День защитника Отечества органично сопряжен с предстоящим 65-летием битвы под Москвой. Победа на полях Подмосковья в грозные месяцы Великой Отечественной войны стала предвестницей полного и окончательного разгрома фашизма, навсегда уничтожив его угрозу для нашей страны и всего мира».

**«Оттепель» и борьба против «пережиков капитализма»:
из хроники хрущёвского времени**

1. Круги по воде вокруг дела Александрова

«Мы и они» (партия и народ, с одной стороны, и кучки несознательных, малосознательных и просто враждебных элементов, с другой) – так преподносилась в пропаганде борьба против тех, кто мешал продвижению к светлому будущему. Однако «паршивые овцы» то и дело обнаруживались не только среди простых граждан, но и руководителей. В печати об этом писали мало и глухо, а вот во внутренних документах порой говорилось о некоторых негативных явлениях этого плана.

Как и прежде, высшее руководство реагировало на подобные явления только тогда, когда они приобретали чрезмерно скандальный характер или были выгодны кому-то в ходе подковёрной борьбы за власть.

Такой казус, например, произошёл с дважды лауреатом Сталинской премии драматургом Анатодем Суровым. Почему-то в день выборов в Верховный Совет СССР 14 марта 1954 года он не торопился явиться на избирательный участок, а звонки агитаторов в дверь сердили его, он кричал, что никто ему не указ. Отказывался он и от предложения проголосовать на дому, как «больной». Лишь в сумерки, под самое закрытие явился он на участок, а не недоумённые вопросы членов избирательной комиссии, «позволил себе политическое хулиганство», скомкав избирательные бюллетени, швырнув их на пол и принявшись топтать ногами. Пришлось этого любимчика власти предать партийному суду⁵⁵⁵. «За буйствующее пьянство» его подвергли публичной критике и исключили даже из Союза писателей⁵⁵⁶.

17 марта «Комсомольская правда» напечатала фельетон А. Суконцева и И. Шатуновского «За голубым забором» о том, что вот-де как нехорошо поступил писатель Н.Е. Вирта, соорудив себе дачу-особняк на родной Тамбовщине, где и выглядит в глазах довольно бедных колхозников неким советским то ли баринком, то ли кулаком. «Конечно, нетактичные люди всегда были и будут, – замечал в связи с этим профессор МГУ С.С. Дмитриев. – Видимо, и Вирта к ним относится. Интересы в этом нет. Интерес в другом: авторы, сами того не подозревая, показали стиль жизни определённого слоя (вернее, прослойки) наших деятелей культуры, партработников и различных там депутатов. Правяще-буржуазно-бюрократическая верхушка»⁵⁵⁷.

Весело жить не запретишь. Это аксиома. Другое дело, есть ли для веселья соответствующие возможности, то есть власть и деньги, причем чем больше власти, тем меньше нужно денег. Советские верховные вожди вообще без них обходились. Вот, например, Сталин. Он имел обыкновение на ночь глядя приглашать к себе на Ближнюю дачу в Кунцеве тех членов Политбюро, которые пользовались в данный момент наибольшим его расположением, обильно угощал всякого рода винами и напитками, соленьями и вареньями. Пел с ними, иногда заставлял плясать. Но наибольшее удовольствие получал тогда, когда видел, что тот или иной из его гостей не выдержав такого хлебосоля, готов был, что называется, отдать концы.

А вот маршалы Л.П. Берия и Н.А. Булганин не мыслили себе застолья без пре-

⁵⁵⁵ См.: Борщаговский А. Записки баловня судьбы. // Театр. 1990. № 2. С. 125, 129 - 130.

⁵⁵⁶ См.: Оттепель. 1953 - 1956. Страницы русской советской литературы. / Сост., автор вступ. статьи и хроники С.И. Чупринин. - М., 1989. С. 432.

⁵⁵⁷ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева. 1954 г. // Отечественная история. 1996. № 6. С. 122 – 123.

красных дам. Так же, как и главный телохранитель вождя генерал Н.С.Власик, очень любивший поражать воображение молодых особ женского пола изощрёнными кремлевскими деликатесами. Компанию ему нередко составлял знаменитый литератор, трижды Сталинский лауреат. Об этом знала «вся Москва». Гуляли в ресторане «Арагви». Когда о подобном времяпрепровождении проведал Сталин, то велел прогнать первого, но не трогать второго, поскольку гулял тот на свои «кровные» и никого не обкрадывал.

Довольно своеобразный литературный салон устроил в своей просторной роскошной столичной квартире и на не менее шикарной даче в подмосковной Валентиновке драматург Кривошин. Там собирался весь тогдашний литературно-театральный бомонд. Бывали и «ответственные товарищи», например, директора московских театров, Издательства художественной литературы, Института мировой литературы АН СССР, Литературного института Союза писателей. А общество им составляли молодые актрисы и студентки театрального училища. В интерьере дорогой мебели, богатой библиотеки, антикварных безделушек и картин известных живописцев, под шампанское, коньяк и икру они слушали и обсуждали новые произведения гостеприимного хозяина — инсценировки классической русской прозы.

Всё бы ничего, да в феврале 1955 года на имя первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва поступило письмо за подписью «Мать» с требованием примерно наказать Кривошина, растлившего ее дочь-студентку. В квартире этого «драматурга» на Б. Серпуховской улице, указывалось в письме, «настоящий притон, разврат, пьянка, совращение девушек». А среди постоянных посетителей квартиры названы министр культуры Г.Ф. Александров с молодой киноактрисой, академик-литературовед А.М. Еголин с некоей Эллой и профессор Петров с Аней.

Письмо это оказалось для Хрущёва настоящим «роялем в кустах»: только что основной его соперник Г.М. Маленков вынужден был расстаться с креслом председателя Совета Министров СССР, а входившего в его команду секретаря ЦК Н.Н. Шаталина отправили «для укрепления партийной работы» в Приморский край. Но оставался ещё бывший начальник Управления пропаганды и агитации ЦК, а с недавних пор министр культуры Г.Ф. Александров, кандидат в члены ЦК КПСС. Его уже успели покритиковать на Московском партийном архиве 14 февраля 1955 года за то, что он «лишь несколькими общими словами сказал о решении пленума ЦК КПСС о тов. Маленкове», хотя он присутствовал на этом пленуме, а потому и должен был «выступить более конкретно» и «дать глубокую партийную оценку ошибкам тов. Маленкова».⁵⁵⁸

И вот, нате вам, пожалуйста, такой компромат!

На письме имеется помета Г.Т. Шуйского — помощника первого секретаря ЦК КПСС — о том, что оно доложено, кому следует и (по указанию Хрущёва) направлено П.Н. Поспелову и П.Т. Комарову. Первый из них в качестве секретаря ЦК курировал министерство культуры, а второй был заместителем председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. К расследованию подключили и КГБ, который тут же арестовал Кривошин. А 10 марта 1955 года Президиум ЦК КПСС принимает постановление «О недостойном поведении тт. Александрова Г.Ф., Еголина А.М. и других». «За морально-бытовое разложение, потерю политической бдительности и неискренность перед партией в объяснении своего недостойного поведения» Александрова сняли с министерского поста, объявили ему строгий выговор с предуп-

⁵⁵⁸ Записка секретаря МКГ КПСС Марченко о собрании актива Московской городской партийной организации 14.02.55. // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2 (материалы пленумов ЦК КПСС). Оп. 1. Д. 118. Л. 4 — 5.

реждением и решили вынести на утверждение пленума ЦК предложение о выводе его из состава кандидатов в члены ЦК КПСС.⁵⁵⁹ Работу ему нашли подальше от Москвы, назначив директором Института философии Академии наук Белоруссии. Массы рядовых партийцев были созваны на собрания, где зачитывалось «Закрытое письмо ЦК». О подлинных причинах отставки в нём ничего не говорилось, зато сохранилось немало примеров «морального разложения» как самого министра, так и его ближайших помощников. А среди тех, кто пользовался благосклонностью любвеобильного вельможи, называлось имя восходящей звезды советского киноэкрана Ларионовой.

Одно из отличий тоталитарного режима от всех прочих заключается в его удивительной способности мобилизовать все свои военные, экономические и людские структуры на борьбу с любым внешним и внутренним врагом, демонстрировать себе и миру «нерушимое единство» вождей и ведомых. Ознакомление с «Закрытым письмом» и должно было показать, что все коммунисты единодушно одобряют заботу своего нового руководства о «чистоте рядов», о верности коммунистическим идеалам. И заодно несколько прищемить хвост творческой интеллигенции, которая, по мнению партийных бонз, стала чересчур уж «распушенной», причём не столько в морально-этическом плане, сколько в общественно-политическом. Спустя месяц заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.М. Чураев сообщал секретарям ЦК о наиболее характерных высказываниях после читки письма:

«Почти повсеместно на партийных собраниях коммунисты отмечают, что одной из причин морального разложения тт. Александрова, Еголина и других является чрезмерно высокая их заработная плата и большие литературные гонорары... Так, бригадир Московской фабрики «Свобода» т. Лебедева на собрании говорила:

- Почему так произошло, что товарищ Александров разложился? Да потому, что он чрезмерно, сверхнадобности обеспечен. Существует уже давно большая разница в зарплате... Зачем министру 40,000 рублей в месяц?

На партийных собраниях высказываются предложения об упорядочении заработной платы писателей, научных работников, артистов и некоторых категорий ответственных работников. На собрании партийной организации Союза писателей (город Москва) в выступлении ряда коммунистов указывалось, что существующий закон об авторском праве устарел и не соответствует развитию советской литературы, так как писатели получают большие гонорары не только за издания, но и переиздания своих произведений. Например, заработок писателя т. Михалкова за прошлый год составил 1.550.000 рублей... Тов. Фадеев за 1954 год получил 540.000 рублей»⁵⁶⁰.

Внимание начальства обращалось и на то, что «на некоторых совещаниях имели место неправильные обобщения, демагогические выступления». Например, некая Черноперова в Госарбитраже заявила:

- Сейчас очень много стало «господ», которые от избытка даже впадают в разврат. Необходимо провести чистку партии, а также установить максимум по заработной плате для членов партии⁵⁶¹.

В постановлении одной из цеховых парторганизаций Теплотехнической лабо-

⁵⁵⁹ Постановление Президиума ЦК КПСС от 10.03.55, переданное 17.03.55 на голосование членов ЦК. // РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 145. Л. 7.

⁵⁶⁰ Записка заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.Чураева от 15.04.55 о высказываниях коммунистов после чтения закрытого письма ЦК КПСС о недостойном поведении Александрова, Еголина и др. // РГАНИ. Фонд 5 (отделы ЦК КПСС). Опись 32 (отдел партийных органов по РСФСР). Дело 35. Л. 50 - 56.

⁵⁶¹ Там же. Л. 10.

ратории Министерства среднего машиностроения в Дубне предлагалось пересмотреть персональное дело Александрова и Кривошина, а также установить максимум месячных доходов советских граждан в 5-6 тысяч рублей⁵⁶².

«Усилить меру партийного наказания по отношению к Александрову» просили и коммунисты Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИКа). О том, как проходило их *закрытое собрание*, информировал отдел науки и культуры ЦК. Всего на нём выступило 10 человек. Особо выделился среди них студент 1-го курса режиссерского факультета Василий Шукшин. Вполне возможно, что большинству студентов, купавшихся в лучах грядущей славы и вращавшихся в кругах столичной «золотой молодежи», этот упорный паренёк с Алтая казался настоящим деревенским увальнем. Да и ему все эти «сыночки», «доченьки» и «племяши» наверняка представлялись чуждыми народному корню, своего рода «плесенью», как именovala их тогда официальная печать. Вот почему институтское партийное бюро попросила его выступить одним из первых. И не ошиблось.

Шукшин сетовал на то, что в институте во главу угла становится профессиональное обучение, репетиции и что мало обращается внимания на политическое воспитание молодого творческого работника, недооценивается комсомольская работа.

- Студенты знают жизнь только по книгам, они мало общаются с народом, - не без основания утверждал он.

Но вывод делал в соответствии со своим 25-летним возрастом и тогдашним миропониманием:

- У некоторых из них нет искреннего отношения к политическим наукам. Они их изучают формально, для того лишь, чтобы только сдать экзамены. Сдают политические дисциплины отлично, а настроение гнилое. Ко всему окружающему относятся критически, не верят в перспективы. Например, студентки Андерсон и Адлер из прибалтийских республик говорят о том, что они не верят в построение коммунизма и высказывают недовольство тем, что много литовцев, латышей и эстонцев якобы было выслано в Сибирь⁵⁶³.

Факты, «свидетельствующие о нездоровых настроениях среди студентов», привел и второкурсник Сафронов:

- Студентка Короткова заявила, что разговор о зажиточной жизни не соответствует действительности: продукты питания можно свободно достать только в Москве, а в других городах их нет. Такого же мнения студент Хамраев⁵⁶⁴.

Но если о Шукшине и Сафронове можно всё же сказать, что они не ведали, что творили, что их на такие высказывания подвигло не только партбюро, но собственная «святая простота», то подходить с этими мерками к их мэтру, руководителю кафедры актёрско-режиссерского мастерства, профессору Сергею Аполинариевичу Герасимову никак нельзя. Дважды кавалер ордена Ленина, трижды лауреат Сталинской премии, народный артист СССР и депутат Верховного Совета СССР, жаловался на то, что институт плохо связан с выпускниками и обрушился на одну из них:

- Артистка Ларионова, которая причастна к группе Кривошина, будучи студенткой нашего института, вела себя скромно и застенчиво. Считаю, что на её моральные устои отрицательно повлияло участие в съёмках фильма «Анна на шее». Сыграв там роль мещанки, она вообразила, что вот это и есть её идеал и в жизни. Тем более, что она всюду слышала похвалы: в Доме кино говорили, что образ Анны

⁵⁶² Там же. Л. 18 – 19.

⁵⁶³ Информация отдела науки и культуры ЦК КПСС о закрытом партийном собрании во ВГИКе 29.03.55. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. 35. Л. 98 – 99.

⁵⁶⁴ Там же. Л. 99.

в исполнении Ларионовой «луч света в тёмном царстве»⁵⁶⁵.

Герасимов счёл необходимым также обратить внимание на то, какое «вредное влияние на нашу молодёжь оказывают некоторые выпущенные на экран заграничные фильмы, в частности картина «Возраст любви», в которой «много пошлости»⁵⁶⁶ Собрание же, одобрив письмо ЦК, решило всё же просить «усилить меру партийного наказания по отношению к Александрову»⁵⁶⁷.

Да, немало грязи было вылито тогда коллегами по цеху киноискусства друг на друга. Одни это делали с охотой и удовольствием, другие подчиняясь железной партийной дисциплине. Разобраться, где правда, а где ложь и клевета, особенно не стремились. Какие могут быть сомнения, раз «виновный» или «виновная» названы самим ЦК! А имярек потом многие годы, а то и всю жизнь пытался отмыться, доказать свою непричастность.

Такое тогда было время. Любой в любой момент мог стать объектом и «царской милости» и «царского гнева». Много зависело от соотношения сил в борьбе за власть. И если кто-нибудь из вождей сочтёт, что в руки к нему попала козырная масть, он её непременно разыграет. Так рушились судьбы и летели головы во имя светлого будущего, разумеется.

2. Поход на личные приусадебные участки.

Строительство коммунизма включало в себя не только создание соответствующей материально-технической базы, но и не мыслилось без энергичных мер по воспитанию «нового человека». А эти меры включали в себя и устранение с помощью идеологического и силового аппаратов всех «чужих элементов» в хозяйственной и духовной сферах.

Так как общенародная собственность составляла базис социалистического общества, то и государственные, а также кооперативно-колхозные предприятия были единственными, где гражданам было позволено трудиться. Исключение составляли только личные приусадебные участки, обладать которыми могли лишь те, кто принимал участие в общественном труде. Но в 1958 году Хрущёв начинает поход на них. Пленум ЦК КПСС в декабре этого года ориентировал управленческие кадры на то, что в результате всемерного развития сельскохозяйственного производства «у рабочих и служащих совхозов не будет нужды заниматься личным хозяйством, увеличится доход их семей за счёт заработка в совхозе, у них больше будет времени для отдыха, повышения своего культурного уровня и участия в общественной работе»⁵⁶⁸.

Спустя несколько недель XXI съезд КПСС обещал, что и «личное подсобное хозяйство колхозников постепенно будет утрачивать своё значение»⁵⁶⁹.

Местные власти ретиво взялись за дело: принялись урезать приусадебные участки, отнимать сенокосные угодья, отказывать в кормах. Помимо увеличения налоговых обложений, были введены санитарные ограничения. Президиум Верховного Совета РСФСР 12 августа 1959 года издал указ «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих посёлках».

10 сентября 1959 года у А.Т.Твардовского, как депутата Верховного Совета

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же. Л. 100.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 102.

⁵⁶⁸ Пленум Центрального комитета КПСС 15 - 19 декабря 1958 г. Стенографический отчёт. - М., 1958. С. 500.

⁵⁶⁹ Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959 - 1965 гг. Резолюция съезда. // Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. - М., 1959. С. 202.

РСФСР, был ходок из деревни Устье около Ярославля, бывший фронтовик, персональный пенсионер (пенсия 375 рублей), отец 4 детей. Жаловался на «указ о коровах» — без коровы не жизнь.

- А потом ещё окажется, что этот закон — ошибка. Ошибка, кажете, была, — вот ведь что ещё может быть. Загрязнение? Это, значит, в деревне жить, а в город срать ездить на бульвар. Не дело, братка.

«Боек, речист, законы знает, — записывал Твардовский на следующий день свои впечатления от этой беседы. — К властям никакого уважения, не то что трепета». Его последующий разговор с заместителем председателя Ярославского облисполкома, уверявшим, что Устье в 4 километрах от города, хотя по карте — больше 20, и с самим председателем («Перешлите в облисполком») ни к чему не привёл: «Все сутки думаю, думаю, — ничего не придумаю. Опять то же самое: экономически не можем, действуем административно, властью, принуждением. — Паровое отопление в домах установить не можем, а печное запрещаем... Мера жестокая, грубая, кровавая»⁵⁷⁰.

Вскоре он получил ещё 30 писем по «коровьему вопросу», правда, не официальным путём, а переданных одним лицом — ходоком от рабочих и служащих селекционной станции. «Но ещё раньше уже как-то стучались какие-то строчки для “богатыря небалованного”, который, мол, уже и Луны достиг, но и на Земле ему ещё много хлопот»⁵⁷¹.

Чтобы как-то контролировать и регулировать неослабевающий отток сельского населения в города, власти активно применяли старые испытанные административные средства, к числу которых относилась и обязательная прописка в отделениях милиции. 23 сентября 1959 года в редакцию журнала «Новый мир» пришла якутка Н.А.Борисова, вышедшая только что из тюрьмы, где она провела год за «нарушение правил о прописке»:

- Меня-то ещё было за что, три года жила так, — говорила она. — А там есть жёны, не прописанные к мужьям, живущим в общежитии.

Для Твардовского это было открытием: «Оказывается, есть указ от 26 мая (?) — после трёх предупреждений тюрьма от 1-3 лет. Столица обороняется всеми средствами от “нестолицы”, также желающей жить с колбасой и булкой, с магазинами и т.п., с несравненно большей защищённостью и привилегиями частного быта, невысказанного в провинции». И тут же записывает: «Получил ещё одно письмо о коровах — и уже не знаю, куда направлять их, если не формально»⁵⁷².

Нельзя, конечно, согласиться с утверждением пермского историка О.Л. Лейбовича, что в результате такого рода мер «в течение нескольких месяцев был упразднён частный сектор в сельском хозяйстве, дававший к этому времени около половины всего мяса и молока, производившегося в стране»⁵⁷³. Но то, что этот сектор был существенно ущемлён, несомненно. И партийных функционеров на собраниях настойчиво продолжали спрашивать, как это было, например, в сентябре 1963 года в Пермской области:

- Зачем отрезали землю от приусадебных участков колхозников? Ведь колхозы эту землю не используют, и она заросла⁵⁷⁴.

«А паразиты — никогда!» Эту цитату из знаменитого романа Ильфа и Петрова,

⁵⁷⁰ Твардовский А. Из рабочих тетрадей. // Знамя. 1989. № 10. Сс. 151 — 152.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Там же. С. 157.

⁵⁷³ Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953 - 1964 гг. - Пермь, 1993. С. 153.

⁵⁷⁴ Цит.по: Там же. С. 128 - 1256

высмеивающего нравы нэпмановской психологии, Хрущёв в том или ином варианте произносил довольно часто.

Указ «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 года обязывал всех граждан трудиться исключительно на государство, колхоз или кооператив, а всех тех, кто отказывался от этого, суды должны приговаривать к поселению в отдалённых районах страны.

Пермский областной прокурор Яковлев разъяснял, что этот указ имеет в виду не только пьяниц и открытых тунеядцев, но и скрытых, «из числа кустарей, частных предпринимателей, владельцев личных автомашин, членов колхозов, занимающихся выращиванием ранних овощей в ущерб колхозной работе, или работающих на других временных работах без согласия правления колхоза»⁵⁷⁵. Конечно, при большом желании эти слова можно толковать как призыв ко «второму раскулачиванию». Во многих местах так и поступали. *Дзержинский райком КПСС в Перми*, исключив из партии пенсионера А.Ф. Митянина за то, что он, будучи членом садово-огородного товарищества, огородил свой участок забором и повесил замок на калитку, а выращенными на этом участке фруктами и ягодами торгует на рынке «по спекулятивным ценам» и даже «высылает частным порядком в различные города СССР саженцы малины и смородины», предложил райисполкому изъять у него участок⁵⁷⁶.

В тот год житель села Александровское в Ставропольском крае 30-летний Павел Иванович Упрямец угодил в исправительно-трудовую колонию за «тунеядство». А вся его вина заключалась в том, что он, строго соблюдая православные каноны, не выходил на работу в воскресенья и апостольские праздники. Понятно, что его с такими принципами отовсюду гнали. Оставался единственный способ прокормить себя: наниматься к односельчанам и частным порядком строить - кому дом, кому сарай. Но власть записала его в бездельники. Когда он отрубил свой срок и вернулся домой, ему выдали удостоверение личности. Но увидев, что в графе «социальное происхождение» (такая присутствовала тогда в паспортах) записано слово «прочие», обиделся и за себя («я единоличник!»), и за своих раскулаченных родителей. И отказался от «неправильного» удостоверения. А от работы в колхозе по-прежнему упорно уклонялся. Почему и был осуждён снова. В общей сложности противостояние единоличника Упрямцева с социализмом обошлось ему 10 годами лишения свободы и инвалидностью, получение которой и освободило его от дальнейшего «привлечения» к «общественно-полезному труду».⁵⁷⁷

3. Валютчики. Дело Рокотова.

5 мая того же 1961 года вышел указ «О борьбе с расхитителями социалистической собственности и нарушителями правил о валютных операциях», увеличивающий срок лишения свободы за эти преступления с 3 лет до 15. По времени он совпал с делом «валютчиков», то есть валютных спекулянтов. Они появились после Всемирного фестиваля молодёжи и студентов 1957 года в Москве, когда «фарцовщики» занимавшиеся покупкой у иностранцев модных заграничных вещей и перепродажей их соотечественникам, обнаружили для себя возможности для более прибыльного бизнеса.

С 1950 по 1960 годы официальный курс доллара в СССР равнялся 4 рублям и никоим образом не соответствовал его настоящей покупательной способности.

⁵⁷⁵ Цит.по: Там же. С. 128 - 129.

⁵⁷⁶ Цит.по: Там же. С. 128 - 153.

⁵⁷⁷ Гритчин Н. Упрямый Упрямец. // Известия. 20.06.03. С. 11.

Поэтому в конце 50-х ввели специальный курс для туристов: 10 рублей за доллар. А валютчики платили за «бакс» по 20-25 рублей, а затем перепродавали за 50 и более рублей. Кому? Прежде всего тем, кто стал выезжать за границу на гастроли (артистам), соревнования (спортсменам) и т.п. Им выдавали валюты ровно столько, чтобы они могли там худо-бедно прокормиться. А ведь так хотелось ещё и приодеться, да привезти ещё чего-нибудь с собой для родственников и близких знакомых! Считали выгодным скупку валюты и «теневики». Хотя последние, а также зубные техники и «восточные иностранцы» из Закавказья и Средней Азии предпочитали драгоценности, золото и золотые монеты царской чеканки. По ценам швейцарских банков один такой рубль стоил 9 долларов, в Москве валютчик Ян Рокотов по кличке Косой покупал его за 20, но продавал за полторы тысячи. За один вечер подобной работы он мог заработать до 50.000 рублей. По слухам, он сумел войти в контакт с каким-то банком в ФРГ. Внося в этот банк марки, приезжавшие в СССР иностранцы получали от Рокотова рубли по выгодному для них курсу, и, напротив, выезжавшие за границу советские граждане, выдав ему рубли, получали там соответствующую сумму в валюте. Всё это не мешало ему быть негласным агентом столичного угрозыска и быть в приятельских отношениях с самим начальником его валютного отдела, майором по званию, который имел с него неплохой навар и за его счёт посещал рестораны и отдыхал на курортах. Но летом 1960 года дела о контрабанде и нарушении правил валютных операций передали из МВД в КГБ. Начались широкие аресты в среде московских валютчиков, и майор милиции, почувствовав, что запахло жареным, сдал своего агента.⁵⁷⁸

Когда Рокотова арестовали в ноябре 1960 года при получении чемоданчика из камеры хранения на Ярославском вокзале, то обнаружили в нём валюты и ценностей на 12 миллионов рублей: пачки с банкнотами (1.524 доллара, 500 фунтов стерлингов, 3.345 новых и 133.000 старых французских франков, 8.400 бельгийских франков и т.п.), сберегательные книжки на предъявителя (с вкладами на 344.000 рублей), 1.524 золотые монеты, кольца, ожерелья с бриллиантами, иконы. Ознакомилось с этими материалами, в том числе и с вещественными доказательствами, и одно высокое, очень высокое лицо. Оно было вне себя.

- И сколько же им за всё это дадут?

- Главарям до 8 лет, - последовало разъяснение.

И чуть ли не на следующий день вышел упомянутый выше указ. Причём специально оговаривалось, что в данном случае закон имеет обратную силу, то есть распространяется на уже совершённые преступления.

Газеты запестрели судебными репортажами о спекулянтах и «цеховиках». Некая А. Самойленко привезла из Сочи в Москву 2.000 веток мимозы и продала их за 20 дней по цене рубля полтора за штуку. А некий Саакян действовал вместе с женой и дочерью: он летал на самолёте по маршруту Москва – Сочи – Москва, а они продавали. Самые бойкие места были у ГУМа и гостиницы «Москва». Но это всё мелочь. «Группа спекулянтов с юга» арендовала целый самолёт для переброски мимоз в Москву к Международному женскому дню 8 марта.⁵⁷⁹

20-летний Валентин Демидов зарабатывал тем, что по двойной цене продавал театральные билеты. А гражданка Пташникова из подмосковного Лыткарино с супругами Макаровыми шили шерстяные кофточки, шапочки, варежки, носки и

⁵⁷⁸ См.: Раззаков П. Бандиты времён социализма. (Хроника российской преступности 1917 – 1995 гг.). – М., 1997. С. 85.

⁵⁷⁹ Лаврентев А. «Купите фиалки». // Комсомольская правда. 13.05.61. С. 2.

продавали их в столице.⁵⁸⁰ Два шофёра с молочного комбината занимались хищением сметаны, при обыске у них обнаружили 10.000 р., тогда как зарплата была от 70 до 80 р. Оказывались на скамье подсудимых и предприниматели покрупнее. Начальник цеха фабрики модельной обуви «Заря» в Ленинграде С.А. Хомяков организовал собственное производство. Свою продукцию он продавал на рынках Юга и в магазинах. На выручку построил двухэтажный особняк с колоннами и балконом в Кавголово, а рядом – водонапорную башню и котельную, а также двухуровневую оранжерею, отапливаемую двумя паровыми котлами.⁵⁸¹

При подготовке судебного процесса над валютчиками КГБ предпринял немалые усилия по его пропагандистскому обеспечению. С делами обвиняемыхознакомили журналистов. И вот, как они описывали в газетах увиденное: «Крысиная физиономия, один глаз косит. Человек смотрит воровато, будто даже на фотографии вот-вот забегают глазки в разные стороны», – это о Рокотове. Он назван «купцом». На него работали «бегунки» и «рысаки» – «интеллигентская шпана», то есть «неудавшиеся студентки, убоявшиеся периферии, переводчицы, переквалифицировавшиеся в спекулянтов, бездельники и тунеядцы всех мастей». Они покупали у гостиниц, где размещаются интуристы, золотые червонцы, доллары и фунты стерлингов («жоржики» по изображённому на них барельефу британского короля Георга) и передавали их «купцу», зарабатывая таким образом «на вечерок в ресторане или галстук с обезьяной». А он пускал валюту в оборот, а золото продавал ««дельцам» – расхитителям социалистической собственности, махинаторам». Его ближайшими сподвижниками были «матёрый бездельник» Владик Файбышенко (который скопил деньги для «большого бизнеса» ещё на Московском фестивале, перепродавая женские чулки и жвачку), а также супруги Сергей Попов (пианист) и Надя Эдлин. У неё на квартире «иностранные и доморощенные жулики меняли доллары на рубли». Кроме того, она «затоваривала» лётчиков Гражданского воздушного флота доставлять золото и валюту клиентам.⁵⁸²

31 мая 1961 года в Московском городском суде началось слушание дела Я.Т. Рокотова и ещё 8 человек, привлечённых КГБ к уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций и спекуляцию валютными ценностями. Сообщалось, что за короткое время они скупили у иностранцев и отдельных советских граждан иностранную валюту и золотые монеты, а затем перепродали её на 20 м.р. (в старых деньгах).⁵⁸³

Пока шёл суд, Хрущёв в Вене 2-5 июня 1961 года вёл переговоры с американским президентом Кеннеди и там в одном из разговоров с журналистами стал обличать господ капиталистов и царящие в западном Берлине возмутительные порядки. В ответ он услышал, что, оказывается в Москве отнюдь не лучше и что, к примеру, тамошний чёрный валютный рынок чуть ли не Мекка для валютных спекулянтов всего мира. Вернувшись в Москву, он вызвал к себе председателя КГБ А.Н. Шелепина и поинтересовался, правду ли ему сказали капиталисты. Тот в ответ развёл руками и доложил:

- Органы КГБ сделали всё от них зависящее, чтобы прикрыть это грязное гнездо. Уже судят большую группу валютчиков.

И с этого момента Хрущёв стал лично следить за тем, как идёт судебный про-

⁵⁸⁰ Бизнесмены из подворотни. // Комсомольская правда. 2.06.61. С. 3.

⁵⁸¹ См.: Дом с колоннами. // Известия. 26.05.61. С. 6.

⁵⁸² Феофанов Ю. Фирма терпит крах. // Известия. 18.05.61. С. 6.

⁵⁸³ См.: В Московском городском суде. // Правда. 16.06.61. С. 6.

цесс над ними.⁵⁸⁴ А в печати стали появляться корреспонденции из зала суда, в самом неприглядном виде изображавшие подсудимых. Например Н. Эдлис названа «хищницей», Попов — «какого-то облезлого вида», а Лагун — «нескладный (ещё бы — автор 15 научных статей и без пяти минут кандидат технических наук. — авт.) с хорькообразной физиономией». «Хорошо» выглядели и свидетели обвинения. Например, некая Рзабекова — жена бакинского валютчика, сама работавшая продавщицей в гастрономе, мать пятерых детей — уже в 1953 году спекулировала отрезами, в 58-м её поймали с дефицитным ширпотребом, в 60-м — с золотом и валютой (2.000 шведских крон). А «рысачки», — то есть те, кто работал у них на подхвате, — именовались не иначе, как под их кличками: Утюг, Будьздоровчик, Пат, Майкл, Клоун, Алик-Совнархоз.⁵⁸⁵

15 июня суд приговорил главных обвиняемых — Рокотова, Н.Э. Эдлис и В.П. Файбышенко и — к 15 годам заключения (из них первые 5 лет им предстояло провести в тюрьме), ещё четверых — к 8 и ещё одного — к 6 годам заключения. Причём особо оговаривалось, что в соответствии с указом от 5 мая с.г. к ним не может быть применено условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания наказанием более мягким.⁵⁸⁶

Но этот приговор вызвал на самом верху нешуточный гнев.

- Я возмущён, - говорил Н.С.Хрущёв на заседании Президиума ЦК КПСС 17 июня 1961 года. — Как это можно? Дали 15 лет, через 5 лет он будет на свободе. Товарищ прокурор, вы что, будите свою политику проводить или будете слушать ЦК?

Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко стал оправдываться:

- Мы вносили по вопросу валютчиков специальный проект, не утвердили, установили максимум в 5 лет, без смертной казни.

- Да пошли вы к чёртовой матери, простите за грубость. Народу стыдно в глаза смотреть, народ возмущается. Грабители, грабят, а вы им законы пишете... Ишь какие либералы стали, чтобы их буржуазия хвалила, что они никого не расстреливают. А эти грабят рабочих и крестьян. Хотите я общественным обвинителем выступлю с требованием расстрела? Не боясь, а вы боитесь.⁵⁸⁷

И предложил:

- Законодательство надо пересмотреть.⁵⁸⁸

Руденко, которого он обещал наказать вместе с председателем Верховного суда А.Г. Горкиным («новых людей назначим!»), напомнил ему:

- Как бы вы меня не ругали, но если закон не установил смертной казни, мы не можем её применить. Вопрос о валютчиках обсуждался в Президиуме, применять ли смертную казнь или нет. Было принято, что за историю советской власти никогда не было таких случаев, поэтому не вводить.

- Значит, либералы мы. Я не знал этого... Считаю, Президиум побоялся проявить мужество, слиберальничал. Это не годится, это не повышает, а понижает наш авторитет.

Из дальнейшего обмена мнениями и репликами выясняется, что именно Хру-

⁵⁸⁴ Раззаков П. Бандиты времён социализма... С. 88.

⁵⁸⁵ Иванов А. Феофанов Ю. На жёсткой скамье. Репортаж из зала суда. // Известия. 9.06.61. С. 6.

⁵⁸⁶ См.: Иванов А. Конец «чёрной биржи». // Известия. 15.07.61. С. 6; В Московском городском суде. // Правда. 16.06.61. С. 6.

⁵⁸⁷ Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС 17.06.61. // Президиум ЦК КПСС 1954 — 1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. / Отв.ред. А.А.Фурсенко. — М., 2004. С. 525 — 526.

⁵⁸⁸ Там же. С. 527.

щёв был инициатором возобновления смертной казни в начале 50-х годов. Сам он так отозвался об этом:

- Сталин в этих вопросах правильную занимал позицию. Он перегибал палку, но преступников мы никогда не жалели.⁵⁸⁹

Его конкретное предложение заключалось в следующем:

- Пусть печать выступит и разделает приговор суда.

- Не надо этого делать, - не соглашался Руденко. – Лучше по существу закона мы посмотрим.

Хрущёв снова стал ссылаться на мнение народа:

- У меня есть старый приятель, вместе на Донбассе работали, он меня спросил: “Почему не расстреливаете этих варваров? Ты думаешь, народ будет осуждать? Ты боишься запачкать руки в крови? Нет, народ этого ждёт, требует, вот пусть расстреляют”. Он правду говорит, он коммунист, он отражает настроения людей, среди которых вращается.

Горкин соглашается, что надо усилить меры против опасных преступников, что здесь надо исправить закон. Но пока что этот самый закон не позволяет в данном случае применять смертную казнь.

Хрущёв не расслышал или сделал вид, что не расслышал этого замечания, и предложил председателю КГБ СССР А.Н.Шелепину подумать, как улучшить работу Угрозыска.

- Угрозыск относится к МВД, – уточняет тот.⁵⁹⁰

И тут раздаётся голос, судя по всему принадлежавший заведующему отделом оборонной промышленности ЦК КПСС И.Д. Сербину:

- Вообще мы имеем такие крупные хищения, которые выражаются в сумме сотен тысяч рублей. Чувствуется, что МВД с этим делом не справляется, потому что там есть сращивание работников ОБХСС с преступниками. Я бы считал, что это нужно передавать в органы КГБ, хотя бы года на два. Это устрасило бы преступников.⁵⁹¹

Хрущёв, признав правоту этой реплики по существу, не соглашается с выводами:

- И тот и другой орган наш. Тогда надо перешерстить к чёртовой матери МВД, милицию, выгнать жуликов, послать свежих людей, с тем чтобы они обслуживали наше государство, а не уголовный мир. Может это и правильно – передавать, но не этим мотивам.⁵⁹²

Было ли принято какое-нибудь решение на данном заседании, неизвестно. Однако председатель Мосгорсуда Л.А. Громов был снят со своей должности, а статья УК о нарушении правил, связанных с валютными операциями, была 6 июля снова изменена – она теперь, как и статьи о взятках и об особо крупных хищениях, предусматривала исключительную меру – смертную казнь.⁵⁹³

8 июля газета «Известия» писала о некоем Янове-Геронском, который в 1956 году пошёл по стезе своих прародителей – крупных торговцев, – основав «бюро» по обслуживанию иностранцев: бегал по московским гостиницам, предлагая свои услуги в качестве носильщика, посыльного, гида, посредника. Заодно снабжал одного западного корреспондента «всевозможными грязными слушками и псевдополитическими домыслами». А вскоре и сам стал писать статьи для западной прессы. Кли-

⁵⁸⁹ Там же. С. 527 – 528.

⁵⁹⁰ Там же. С. 528.

⁵⁹¹ Там же. С. 528 – 529.

⁵⁹² Там же. С. 529.

⁵⁹³ Новый человек формируется в борьбе с пережитками прошлого. // Правда. 19.07.61. С. 3.

енты расплачивались с ним, правда, не валютой, а презентами: рубашками, носками и другим «тряпьем». Появились у него и «внештатные сотрудники «фирмы».⁵⁹⁴

19 июля 1961 года в «Правде» опубликовали статью «Новый человек формируется в борьбе с пережитками прошлого». В ней речь шла о «теоретической» конференции, устроенной на Ижорском заводе в Колпино под Ленинградом. О чём же там говорили? О том, что энергетик Тюряков «немало сил потратил на то, чтобы создать свой мещанский мирок, окутанный паутиной индивидуализма и стяжательства», — выращивает с женой и продаёт цветы, торгует фруктами от своего сада, а в прошлом году — и молоком от собственной коровы. Расширив свои садовые участки (что уже было незаконно), продают ягоды по спекулятивным ценам М. Горбачёв и А. Засыкин. Участники конференции спрашивали:

- Не воспитываем ли мы такими «садами» у людей своекорыстие?

Указывали на то, что некто Серов за последние 4 года продал 3 дома и собирается продавать четвёртый за 30.000 старых рублей, «когда был схвачен за руку». Вспоминали, что заведующая магазином № 14 в Колпино Никифорова при покровительстве ревизора Петренко расхитила товаров на 135.000 рублей. Назывались имена других, кто «ведёт паразитический, антиобщественный образ жизни, кто спекулирует краденными из музеев иконами, пьянствует, стилижничает».⁵⁹⁵

21 июля было опубликовано сообщение о том, что генеральный прокурор внёс кассационный протест на мягкость приговора по делу Рокотова и Файбышенко, и о том, что судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, удовлетворив этот протест, 18-19 июля самарассмотрела его заново. Приговор, окончательный и не подлежащий обжалованию, был таков: «К расстрелу с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества».⁵⁹⁶ 27 июля Рокотов и Файбышенко были расстреляны.⁵⁹⁷ Юристы в своём кругу говорили о явном беззаконии. Зарубежные радиоголоса нашли новую тему для атак на советскую систему⁵⁹⁸.

Этот беспрецедентный в советской уголовной практике процесс послужил сигналом к возбуждению других подобного рода судебных дел о расхищении социалистической собственности. Они стали печься как блины, людей расстреливали не десятками, а сотнями.

4. Война с «посредниками» и другими ловкачами.

Одно из них слушалось в Верховном суде РСФСР несколько месяцев в течение 1963 года. Инженер Управления шерстяной и шёлковой промышленности Московского областного совнархоза В. Зайцев и некий В. Авербух (лицо без определённых занятий) в качестве посредников в доставании текстильного оборудования получили соответственно 270.000 и 300.000 старых рублей. Из них 83.000 и 100.000 они оставили у себя в карманах, а остальное давали директору и начальнику отдела снабжения Шуйского механического завода им. Фрунзе В. Ткаченко и М. Краковскому, а также директору Климовского машиностроительного завода Г. Курбакову. 2 человека получили по 10 лет лишения свободы; 4 (в том числе Зайцев и Краковский) — по 12 лет; ещё 2 (Авербух и Корбаков) по 15 лет, а Ткаченко приговорен к смертной казни.⁵⁹⁹

⁵⁹⁴ Янов-Геронский и К°. // Известия. 8.07.61. С. 4.

⁵⁹⁵ Новый человек формируется в борьбе с пережитками прошлого. // Правда. 19.07.61. С. 3.

⁵⁹⁶ В Верховном суде РСФСР. // Известия. 20.07.61. С. 6. // Правда. 21.07.61. С. 6.

⁵⁹⁷ См.: Шатуновский И. Дело Яна Рокотова. // Куранты. № 4'90. С. 5.

⁵⁹⁸ Феофрнов Ю. Время власти. — М., 1990. С. 254 — 255.

⁵⁹⁹ Из зала суда: Взятчики на скамье подсудимых. // Правда. 20.01.63. С. 4.; Воробьев Н. По

Свердловский областной суд приговорил к высшей мере наказания управляющего трестом железнодорожных ресторанов и буфетов В. Акатьева и заведующего производством ресторана на станции Свердловск С. Перминова. 15 лет получил заведующий производством другого ресторана А. Лопатин. Акатьев «усовершенствовал» аппарат для обжаривания пирожков так, что вместо положенных 6 граммов жира потребовалось лишь 4, а цена осталась прежней. Выручка за 4 года составила 125.000 новых рублей. Делилась она следующим образом: 20% – продавцам, 10% – бригадирам, а остальное – руководителям.⁶⁰⁰

Среди тех, кто оказался тогда на скамье подсудимых и был приговорён к высшей мере наказания, было относительно много лиц, носивших еврейские фамилии. И за границей на это обратили особое внимание. 2 февраля 1963 года британский философ Бертран Рассел писал Хрущёву: «Я глубоко обеспокоен смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением антисемитизма, которое, по-видимому, имеет место. Я пишу об этом в частном порядке; вы, конечно, знаете, что я – друг вашей страны и дружески отношусь к вашим личным усилиям, направленным к мирному сосуществованию, усилиям, которые я публично поддерживаю. Я призываю вас к амнистии, исходя из гуманитарных соображений и из наших совместных интересов, которые состоят в мирных отношениях между Востоком и Западом».⁶⁰¹

21 февраля Н.С. Хрущёв так отвечал ему: «Решения судов направлены не против лиц какой-то национальности, а против преступлений, против их носителей, независимо от того, к какой национальности они принадлежат. Среди какой нации в то или иное время окажется больше или меньше тех или иных преступников – это вопрос не национальный, а социальный. Мы ценим, господин Рассел, ваши дружеские чувства к нашей стране, понимаем, что ваше письмо продиктовано соображениями гуманности. Но гуманность не мыслима без справедливости. А именно в интересах справедливости наш народ вынужден карать тех, кто хочет жить за чужой счёт, обкрадывать наше общество. Политики антисемитизма не было и нет в Советском Союзе, так как сам характер нашего многонационального государства исключает возможность такой политики».⁶⁰²

Призывать к усилению борьбы с жуликами, ворами, хулиганами и преступниками Хрущёв не устал и в дальнейшем.

- Если все коммунисты, комсомольцы, члены профсоюзов поднимутся на эту борьбу, то выведем всю нечисть, – убеждал он, например, участников совещания работников промышленности и строительства РСФСР 24 апреля 1963 года. – Совершенно недопустимо, чтобы нарушители общественного порядка и тунеядцы оставались безнаказанными... Присмотритесь к некоторым людям, которые живут на широкую ногу, а сами нигде не работают... Долг каждого гражданина, образно говоря, чувствовать себя милиционером... Все должны помогать партийно-государственному контролю, органам охраны общественного порядка, быть их агентами, так сказать⁶⁰³.

«Тяжко жить с этими понятиями о коммунизме», – так комментировал в своём дневнике этот пассаж критик В. Лакшин⁶⁰⁴.

заслугам//Правда. 9.08.63. С. 4.

⁶⁰⁰ Суд: «Пирожковая империя». // Правда. 10.02.63. С. 6.

⁶⁰¹ Обмен письмами между Б.Расселом и Н.С.Хрущёвым. // Правда. 1.03.63. С. 1.

⁶⁰² Там же.

⁶⁰³ Все резервы промышленности и строительства – на службу коммунизму! Речь Н.С.Хрущёва на совещании работников промышленности и строительства РСФСР 24.04.63. // Правда. 26.04.63. С. 1.

⁶⁰⁴ Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущёва. // Знамя. 1990. № 6. С. 110.

Печать же подхватывала эти призывы и начинала нагнетать новую волну на «маститых пройдох». Материалы для этого она получала в отделе административных органов ЦК КПСС. Например, заместитель заведующего этим отделом В. Блинов сообщает, как Оганезянц, Раев и Бондаренко, сложив свои силы в строительную артель, «сварганили проект» и стали строить – «не где-нибудь, а в Сочи, у моря» – трёхэтажный дом общей площадью в 369 кв.м., то есть по 123 кв.м. на семью. По оптовым ценам приобрели кирпич, цемент, стальную арматуру, газовые трубы, оцинкованное железо. Чтобы доставить все эти дефицитные строительные материалы, грузовым автомобилям потребовалось совершить 100 ездов. Установили подъёмный кран и бетономешалку. Все столярные изделия заказали по себестоимости на государственных предприятиях⁶⁰⁵.

Частник ловчил, приспособливался. Да и власти не всегда проявляли должную ретивость. Поэтому в большинстве случаев кампания борьбы против тунеядцев обернулась охотой за «бомжами» и инвалидами, а также лицами, находящимися в состоянии алкогольной зависимости. Иной раз эту процедуру использовали для наказания вольномыслящих интеллектуалов или художников. Например, как тунеядцы были высланы из Москвы художник-примитивист Николай Недбайло, а из Ленинграда – поэт Иосиф Бродский, будущий лауреат Нобелевской премии.

А вот с теми, кто, нарушая монополию государства на производство и распределение, доказывал её неэффективность, власть боролась не на жизнь, а на смерть. Только с ноября 1962 по июль 1963 года, то есть всего за 9 месяцев, в СССР состоялось более 80 «хозяйственных процессов» и на них было вынесено 163 смертных приговора.⁶⁰⁶

Наиболее крупным из них стало дело Бориса Ройфмана и 25 его сообщников. Сам он раньше работал на небольшой Перовской текстильной фабрике № 11 в Москве. Для выпуска левой продукции массового потребления им использовалась сеть психоневрологических диспансеров, в которых существовали лечебно-трудовые мастерские, где клеили конверты и коробки, а также шили мешочки для мелочи. На организацию у себя трудовой терапии они получали от местных властей определённые денежные суммы и приобретали на них оборудование (в основном трикотажные машины), которое, правда, почти не использовалось. Ройфман же предложил использовать его для производства трикотажных изделий (свитеров, рейтуз, детских костюмчиков, рукавичек, платков, то есть вещей тогда страшно дефицитных), беря на себя функции снабжения сырьём и сбыта готовой продукции. Медики с удовольствием согласились. И вскоре в небольших палатках на рынках и вокзалах стали продаваться изделия, которые пользовались у населения куда большим спросом, чем те, что выпускались на государственных фабриках.

Дело расширялось. В мастерских Краснопресненского районного психоневрологического диспансера, например, в три смены заработало 58 высокопроизводительных машин. Вязальные станки Ройфман приобрёл списанные, но хорошие. И не на банковские кредиты, а на свои средства, унаследованные им от родителей, бывших румынских подданных-мыловаров. Сырьё поступало регулярно с Пехорской шерстопрядильной фабрики в Подмосковье. На других таких предприятиях очёс считался отходом, его вывозили из цеха и, когда накапливалась гора, поджигали. Ройфман покупал его за небольшие деньги, но наличные. Главный бухгалтер этой фабрики тоже на свои деньги нанял конструкторов и вместе с ними приду-

⁶⁰⁵ См.: Блинов В. Хапуг и тунеядцев – на чистую воду. // Правда. 27. 04.83. С. 4.

⁶⁰⁶ См.: Раззаков Ф. Указ.соч. С. 91.

мал машины, которые превращали некондиционную шерсть в полноценную нитку. Привозили шерстяную пряжу и из Нальчика. Научились делать платки наподобие китайских, с начёсом, яркой гладкой окраски, шить женские кофточки не хуже импортных, отливать потрясающие брошки из металла с пластмассой. Зарплата была в два-три раза выше, чем в других подобных мастерских. Заведующий производством Шая Шакерман (кстати, племянник знаменитого в своё время одесского налётчика Мишки Япончика) заработал несколько миллионов. При его аресте чекисты изъяли у него около 100 килограммов золотых изделий и монет, а также 263,5 карата бриллиантов и другие ценности на сумму в 2,5 м.р. Приходилось давать взятки и руководителям смежных предприятий и торговых организаций, а также чиновникам, от которых по-прежнему много что зависело. А для всего этого нужны были деньги и немалые. Их получали от реализации «левого», неучтённого товара.⁶⁰⁷

Следователи КГБ, расследовавшие это дело, восхищались Ройфманом:

- Вот голова! Ему бы министром быть. Или руководить Березниковским химкомбинатом, о котором сейчас много говорят из-за испытываемых там каких-то трудностей⁶⁰⁸.

Противоположные чувства испытывали их начальники. И незаконную частнопредпринимательскую деятельность, наказание за которую определялось в пять лет лишения свободы, предпочли расценить как хищение в особо крупных размерах (а речь шла о более чем 2 миллионах рублей), кара за которую была вплоть до смертной казни. Почему «хищение»? Да потому что вся продукция, в том числе и «левая», считалась государственной, и доходы от её продажи также целиком и полностью должны считаться государственными, а их частное присвоение и есть хищение. И пусть адвокат утверждает, что казна при условии такой жёсткой регламентации не могла получить такой доход. С адвокатом Л.И. Дунаевой пусть разбирается горком партии. И пусть обвинение не располагает документальными свидетельствами о «левой» продукции — Ройтман всё держал в памяти, голова его работала как компьютер. Зато есть вещественные улики — драгоценности, доставшиеся ему, по его словам, от его родителей, и сданные им самим в надежде на смягчение приговора, как убедили его следователи.

Что же касается самого Ройфмана, то чекисты, поражённые масштабом затеянного им предприятия, обещали сохранить ему жизнь в обмен на чистосердечные признания. Что он и сделал. Жаловался только на то, что огромные суммы денег уходили на подкуп чиновников. По работе его характеризовали весьма положительно: его коллеги отзывались о нём как о порядочном и честном человеке. К тому же он был фронтовиком и на свободе у него оставались двое малолетних детей, один из которых был психически неполноценным. Однако суд, следуя директиве об ужесточении наказания за подобные преступления, приговорил Ройфмана и нескольких его сообщников к расстрелу. КГБ пытался заступиться за несчастного, но Хрущёв, лично курировавший и это дело, поставил точку в нём точку, грозно произнеся:

- Одним жидом будет меньше!⁶⁰⁹

Оголтелый обвинительный тон, многим напомнивший публикации 30-х годов о врагах народа, был свойственен и освещению подготовки и хода процесса в печати. Впечатление было такое, что судьям предстоит заслушать дело не уголовное, а политическое. И пусть на шум в советских газетах также шумно отозвалась западная общественность, возмутились даже некоторые из нобелевских лауреатов,

⁶⁰⁷ См.: Там же. С. 89 – 90.

⁶⁰⁸ Круглянская И. Дело трикотажного короля. // Известия. 13.02.93. С. 10.

⁶⁰⁹ Раззаков Ф. Указ.соч. С. 90 – 91.

акцентируя внимание на том, что готовящаяся в Москве акция имеет антисемитский характер. Хрущёв им отвечал:

- У нас судят не евреев, а матёрых преступников, шайку воров, расхитителей народного добра.

Приговор был таким образом уже определён. А что же судьи? Их роль была сугубо декоративной, и решать по закону и совести было не в их силах. Председательствовавший на процессе в Верховном суде РСФСР Н.С. Романов мог, проходя к своему месту мимо находящегося в полуобморочном состоянии адвоката, шепнуть:

- Держитесь.

И тут же начать зачитание приговора, определённого не им, а на Старой площади, смертного приговора⁶¹⁰.

Выше уже упоминалось о дружбе Рокотова с начальником валютного отдела МУРа. При расследовании дела Ройфмана чекисты вскрыли более шокирующие вещи. Оказалось, что Шакерман, в юности также являвшийся негласным агентом МУРа, став преуспевающим бизнесменом, начал расплачиваться с его сотрудниками не ценными сведениями, а деньгами. Регулярно встречаясь с некоторыми офицерами в сквере у театра Моссовета на площади Маяковского, он выплачивал им от 5 до 15 т.р. в зависимости от их звания и услуг, ему оказываемых. Таким образом за несколько лет один из милиционеров заработал 1 м.р., а другой – более 600 т.р.⁶¹¹

Подобные факты перерождения не делали чести органам внутренних дел. В народе они по-прежнему не пользовались особым уважением. Тем более что в них по-прежнему процветали порядки, оставшиеся от сталинских времён. Их укрепляли там люди, вычищенные из органов госбезопасности за «несоблюдение социалистической законности». Простой парад стражей порядка не любия.

Исчезновение сумки с деньгами у задержанных милиционерами 25 июня 1961 года на рынке в Бийске двух матерившихся рабочих зерносовхоза послужило если не причиной, то поводом для самосуда, в ходе которого один из стражей порядка был затоптан толпой до смерти.⁶¹²

30 июня 1961 года в Муроме состоялись похороны мастера местного радиозавода Ю. Костикова, умершего, как полагали многие, от побоев, нанесённых ему милиционерами. Участники траурной процессии, имевшей массовый характер, смяли кордон, что перегородил им движение по центральной улице Ленина, и устроили митинг у здания городского Отдела внутренних дел, во время которого бросали камни в окна. Когда же процессия двинулась дальше, здесь осталась толпа не совсем трезвых людей, многие из которых считали себя обиженными в прошлом милицией. Перевернув стоящий тут автомобиль и взгромоздившись на него, они стали рассказывать об избиениях их в милиции и даже показывать следы от побоев, призывая к мести. Разгорячённая ораторами толпа пошла на штурм здания и захватив его, разобрала оружие и часть документов, а также освободила содержащихся в камере предварительного заключения – 26 арестованных за уголовные преступления и 22 за мелкое хулиганство. Милиция не оказывала никакого сопротивления. К вечеру митингующие уgomонились и постепенно разошлись по домам. Через некоторое время пришедшие в себя власти произвели аресты зачинщиков беспорядков. Вскоре состоялся суд над 6 самыми активными из них. Три человека были приговорены

⁶¹⁰ Круглянская И. Дело трикотажного короля. // Известия. 13.02.93. С. 10.

⁶¹¹ См.: Раззаков Ф. Указ.соч. С. 92 – 93.

⁶¹² См.: Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущёве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.) – Новосибирск., 1999. С. 289 – 297.

к расстрелу.⁶¹³

Хулиганство, считавшееся ещё одним проявлением «проклятого прошлого», продолжало оставаться неотъемлемой частью общественной жизни, несмотря на все предпринимаемые против него меры административного и уголовного порядка. В данном случае, «крайним» посчитали министра внутренних дел РСФСР Н. Стаханова. В июле 1961 года в его кресло посадили 40-летнего Вадима Тикунова, до этого 7 лет проработавшего в отделе административных органов ЦК КПСС (надзор за правоохранительной системой), а потом 2 года пребывавшем в КГБ в качестве заместителя его председателя Шелепина. При нём возобновился широкий набор в органы милиции кадров из партийных и комсомольских рядов. К началу 1964 года там оказалось 12.000 направленных из этих структур. На вооружении милиции появились резиновые дубинки и первые стальные наручники. Её сотрудники получили право бесплатного проезда на городском и пригородном транспорте. Все эти меры преследовали цель улучшить качественный состав органов правопорядка, сделать более действенным их инструментарий.

31 августа 1960 года Бюро ЦК КПСС приняло постановление «О работе Кромской районной партийной организации Орловской области по коммунистическому воспитанию трудящихся», в котором отмечались многие недостатки в постановке этой работы и нередкое попустительство зарвавшимся чинушам. И что же? Спустя некоторое время в записке отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР о ходе выполнения этого постановления признавалось, что работа с руководящими кадрами в районе ещё более ослабла. И приводился пример с председателем колхоза «Власть труда» С.И. Мельниковым, между прочим – Героем Социалистического Труда, уличённым не только в пьянстве, но и в обмане государства, приписках, а также в хищении колхозного добра. В результате его «правления» доходы колхоза за 5 лет уменьшились вдвое. А ведёт он себя, по мнению колхозников, как помещик. А райком и обком закрывают на всё это глаза⁶¹⁴.

Таких постановлений наверху принималось много. «Язвы прошлого» неустанно выжигались то тут, то там. Но окончательно справиться с этим недугом ни Хрущёву, ни потом Брежневу с Андроповым так и не удалось.

⁶¹³ См.: Megapolis express. № 18' 90. С. 12; Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР.. С. 258 – 268.

⁶¹⁴ Цит.по: XX съезд КПСС и его исторические реальности. / Рук.авт.колл.Н.А.Барсуков. М., 1991. С. 282.

Российские реформы конца XX столетия как проявление специфики отечественного исторического процесса

Поставленная тема настолько широка и многопланова, что более или менее полное её раскрытие требует рассмотрения таких глобальных проблем, как характерные черты и особенности российского исторического процесса, судьбы отечественной государственности, вековые традиции взаимодействия государства и общества и т.д. Задача данной небольшой статьи гораздо более скромная: очертить совокупность исторически сопоставимых факторов, обстоятельств, причин, определивших недостаточную – на всей дистанции 20 столетия – эффективность преобразовательных процессов, а также цепь неудач реформаторских усилий в стране. Иными словами, в чём состоит глубинный, замешенный на исторических традициях смысл крылатой формулы российского экс-премьера – златоуста: «Хотели, как лучше, а получилось – как всегда». И что скрывается за этим «как всегда»?

Естественно, что изложить и аргументировать проблему в предельно сжатом виде без известной тезисности, более того схематичности, вряд ли возможно. Авторы в своей попытке рассмотреть российский модернизационный процесс на дистанции 20 века – от Столыпина до Путина – отдают себе отчет в своеобразии и конкретно-исторической неповторимости досоветского, советского и современного этапов отечественной истории истекшего столетия. Но за специфическим и неповторимым отчетливо просматривается и общее, сопоставимое. Многообразие вариаций не заглушает звучания основной темы.

Для чего необходимо видение сопоставимого в исторически неповторимом?

В ходе одной из дискуссий известный отечественный историк – В.В.Шелохаев – говорил о важности выявления «хромосомного набора» в ткани событий и явлений нашей истории, суть которого заключается в повторяемости поведения субъектов исторического процесса⁶¹⁵.

Продвигаясь в русле такого подхода, можно с определенной степенью условности, метафоричности говорить о наличии достигающего ментального уровня «генетического кода» отечественного исторического процесса. Кода, который в нашем конкретном случае подразумевает тот алгоритм российской модернизации, когда модернизационные подвижки оказываются тесно сросшимися с явлениями демодернизационного и контрмодернизационного плана, в результате чего реформы, начинаясь с завышенных надежд и многошумных деклараций, оборачиваются затем социальным откатом.

Подобный алгоритм можно – с теми или иными вариациями – наблюдать на примере столыпинских реформ, сталинской «революции сверху», хрущевских новаций, косыгинских попыток вдохнуть новую жизнь в промышленное производство, сделав его «немножко беременным» рынком. Касается это и событий последнего десятилетия прошлого века, прочерчивая, таким образом, некую пунктирную линию в обозначении алгоритма самореализации модернизационных процессов в России, алгоритма, ломающего границы отдельных общественных систем и политических режимов.

Что же можно констатировать, подводя итог модернизационному циклу истории страны длиной в XX век, циклу, который реализовывал себя как «комплекс-

⁶¹⁵ Россия в условиях трансформаций: Материалы научного семинара. Выпуск 1. М.: Фонд развития политического центра, 2000. С. 15-16.

сное многомерное смещение», охватывавшее — согласно градации американского социолога Нейла Смелзера — шесть областей социальной жизни (экономику, политическую, образовательную и идеологическую сферы, а также области социальной стратификации и семейно-брачных отношений)?

Во-первых, все три этапа этого цикла (досоветский, советский и постсоветский; период от Февраля к Октябрю 1917 г. не успел проявить себя в рассматриваемом плане) — при всем различии исторических условий протекания, форм и методов разрешения проблем модернизации в рамках каждого из них — объединяет в принципе единый тип и вектор модернизации, реализующей себя в виде догоняющего развития.

Чем чревато догоняющее развитие?

Во-первых, тем, что исходит из априорной ориентации на определенную модель модернизации — на образец, то ли существующий в реальной действительности (общество западного типа), то ли теоретически сконструированный (в виде, например, марксистского прогноза перерастания того же западного общества в стадию социализма и коммунизма).

Во-вторых, догоняющее развитие зиждется на искаженных представлениях о реальных потенциях общества; на, как правило, произвольной оценке «верхами» (в русле собственных интересов) действительных потребностей общества и на завышенные истолкования его возможностей в плане воплощения этих потребностей в жизнь.

В-третьих, догоняющий тип развития не скоординирован с массовыми ментальными представлениями об общественном прогрессе и социальном благе. То есть в данном случае догоняющее развитие базируется на нарушении требований формулируемого социологами *закона ментальной идентичности*, отражающего «сущностные связи между менталитетом народа и содержанием реформ, политикой реформаторства в целом»⁶¹⁶.

В этих условиях требуется осмысление уроков всех этапов российской модернизации XX века в их совокупном воздействии на исторические судьбы страны.

О чем способны поведать нам эти уроки?

Одна из главных причин явно недостаточной эффективности модернизационных усилий страны — в асинхронности изменений в различных подсистемах общества. Источником же этой асинхронности неизменно служило то обстоятельство, что «верхи» в России обладали исторически узурпированным ими монопольным правом на любые социальные изменения в стране.

Из этого проистекает цепь неблагоприятных следствий:

- искусственное выведение из модернизационного процесса политической сферы, основ господствующего политического строя;
- жёсткое бюрократическое регулирование этих процессов, нацеленность на то, чтобы подчинить объективно проявляющие себя тенденции обновления общества волюнтаристскому контролю и диктату государства;
- избирательность в подходе к реализации встававших перед страной проблем, обеспечение режима благоприятствования в отношении узкосоциальных и клановых интересов перед интересами национальными, несовпадение, а в ряде случаев, и противостояние государственных приоритетов широко понимаемым национальным интересам страны;
- игнорирование идущих «снизу», от общества, «социальных заказов» на обновление, сдерживание процессов формирования гражданского общества, деформирова-

⁶¹⁶ См.: Попов В.Д. Судьбоанализ реформ в России // Судьба реформ в России: Материалы научной дискуссии. М.: РНИСиНП, 1997, С.29.

ние в угоду правящей элиты тенденций к становлению правового государства.

В итоге, на протяжении всего XX века «верхи» брали на себя роль самовластных и самодостаточных «вершителей прогресса», традиционно придавая своей миссии сакральный, мессианский характер, но вполне рационально, взвешенно вводя модернизационные процессы в рамки, в наибольшей степени соответствующие потребностям сохранения и укрепления существующего политического режима, всевластия правящей страной бюрократии.

Парадоксальность российского модернизационного процесса XX столетия заключалась в том, что пики модернизационных подвижек с ремодернизационным побочным эффектом приходились не на периоды, когда государство их направляло и тщательно фильтровало, а на пору социальных смут и потрясений. То есть на ту «точку бифуркации», когда общество уже не реагировало на государственный диктат и терапию саморегулирования, отдавая приоритет хирургическому скальпелю революционного (и контрреволюционного) насилия.

Чудовищный вал «коллективного бессознательного» сметал, разрушал «до основания» определившиеся уже было институциональные устои общества, давая пришедшей на его гребне новой власти благодатные для нее и губительные для страны возможности начинать все с «чистого листа», отбрасывая напрочь накопившийся модернизационный опыт и практические наработки предшествующего этапа исторического развития.

Коренной причиной неэффективности модернизационных усилий социума следует признать выявившуюся в их ходе «дисгармонию в экономике» (по терминологии американского исследователя Ш.Айзенштадта). На всех этапах российской модернизации этому фактору придавалось определяющее, подчас абсолютное, значение, на решение экономических проблем бросались немалые силы. И каждый раз в итоге страну ждало поражение, определявшее судьбу общественной системы в целом. Не только достигнуть гармонии во взаимодействии четырех факторов экономического прогресса — производства, распределения, обмена, потребления, но и приблизиться к ней не удалось ни одной из последовательно сменившихся в XX веке трех общественных систем.

Причины этого многообразны, включая факторы природно-климатического, исторического, идеологического, социального, политического, ментального, иного характера. Но всё же самым узким местом в этой системе факторов для XX столетия, следует признать неналаженные отношения между государством и обществом в постановке и решении проблем экономического развития. За весь XX век так и не был наработан механизм эффективного сочетания и взаимодействия функций государственного регулирования экономики и идущей «снизу» хозяйственной инициативы, заинтересованности производителя в поиске новых форм хозяйствования, а также в результатах своего труда.

О чем свидетельствует — в итоге — вековой опыт страны в плане модернизации своего экономического строя?

Прежде всего, о том, что идеология и психология догоняющего развития в равной степени заставляла различные, сметавшие друг друга, режимы делать упор именно на экономике, выпячивая эту проблему и форсируя её решение при недооценке и даже полном забвении других сторон и факторов модернизационного комплекса. Особенно «ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того «неуловимого и неощутимого», без которого модерниза-

ция не может быть успешной»⁶¹⁷. Чугунный бог советской тяжелой индустрии и нечистый на руку бог Гермес постсоветского монетаризма в равной мере не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Исторически детерминированное нежелание и неумение «верхов» решать проблемы модернизации в системе, а также в постоянном контакте и согласии с обществом породили в России феномен подмены реформ социальным экспериментированием. В отличие от реформы как эволюционного преобразования, вытекающего из внутренних потребностей общества, социальный эксперимент — это присвоенное властью право на проверку возникающих у нее гипотез по типу: «Есть идея — давайте попробуем». Эксперимент вместо реформы — логическое следствие догоняющего типа развития, предпочтительная для «верхов» метода его реализации. Особенно в переломные моменты истории. «Революция сверху» как таковая, будучи сама по себе грандиозным социальным макроэкспериментом «верхов», осуществляемым за счет «низов», порождает затем целую цепь подобного же рода шагов на мезо- и микроуровне. Показательные примеры этому — преобразовательная практика 30-х и 90-х годов прошлого века.

Что же отличает эксперимент от собственно реформы?

Социальный эксперимент выводится на орбиту, как правило, тогда, когда время для внутренне детерминированного эволюционного преобразования оказывается безнадежно упущенным, а сам эксперимент становится необходимым как пожарная альтернатива реформированию, как запущенный вдогонку утраченному времени эрзац реформы.

Отсюда и характерные черты, лежащие в основе социального эксперимента:

- крайняя идеологизированность самого замысла преобразования и обеспечения хода его реализации;
- ультрарадикальный характер перемен, пренебрежение традицией и накопленным предшествующим этапом социальным опытом;
- институциональная революция: разрушение одних государственных и социальных институтов и срочное учреждение других (в государственной сфере — подчас на уровне смены декораций типа преобразования аппарата ЦК КПСС в структуры Администрации Президента);
- культивирование в обществе завышенных социальных ожиданий, тенденция власть предержащих к их сакрализации в обещаниях дать людям «новую землю и новые небеса над нею»;
- примат политики над другими сферами модернизации, использование задач модернизации в целях борьбы за власть, подмена первых второй;
- несоразмерность выдвигаемых задач социальной цене, которую «верхи» требуют от народа ради туманного обещания воплотить эти задачи в жизнь;
- «двойная бухгалтерия», то есть резкий разрыв между официальной идеологией преобразований, их ширококовачательным пропагандистским обеспечением и истинными намерениями инициаторов заявленных перемен;
- культивирование в обществе образа врага предлагаемых преобразования («враг народа», «враг реформ»); разворачивание террора — морального, но способного в любой момент обернуться физическим (сталинский террор 30-х гг., события октября 1993 г. в Москве) по отношению к действительным и даже мнимым противникам осуществляемых властью проектов.

Социальный эксперимент призван — по замыслу «верхов» — единым махом

⁶¹⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996, С. 183.

разрубить гордые узлы противоречий уже зашедшего в тупик общества, появляющиеся в результате десятилетий того типа функционирования власти, когда она, призванная по своему исконному предназначению решать возникающие в обществе проблемы, сосредоточивается исключительно на решении проблем собственных. На деле же эта попытка единым махом перескочить через целые этапы общественного развития оборачивается очередной смутой и социальным откатом.

Пока государство, даже находясь в плачевном состоянии, будет претендовать на роль агента только собственных интересов и единственного автора модернизации, игнорирующего флюиды, исходящие от общества, мы будем обречены на подмену реформ социальными экспериментами, а самой модернизации – цепью насильий «верхов» над «низами».

Главный итог российского модернизационного процесса заключается в том, что страна наша, испробовав в XX веке практически все теоретически возможные варианты догоняющего типа развития, оказалась к началу третьего тысячелетия в уже привычных для себя координатах исторического распутья.

А это значит, что Россия пока еще не нашла, не успела своим социальным опытом – в условиях конфликта между государством и обществом, перманентного давления первого на второе – наработать предназначенный именно для неё механизм эффективной модернизации. Все это давно уже ставит в повестку дня вопрос, от которого амбициозная, самодостаточная наша политическая элита предпочитает отмахиваться. Вопрос о том, насколько адекватен объективным возможностям и реальным, а не умозрительно формулируемым, потребностям России догоняющий тип развития как таковой.

Данный вывод из опыта российской истории нацеливает общество, в частности, на то, чтобы искать выход из сложившихся реалий, а не пробавляться мифами о прошлом, настоящем и перспективах будущего развития страны.

На смену концепции, идеологии и психологии «догоняющего развития» рано или поздно должна – хочется верить в это – придти концепция и идеология органического развития России. Суть ее можно выразить в двух исходных постулатах. Первый из них сформулировал еще наш великий историк С.М. Соловьёв – «естественно и целесообразно». Следование этим критериям на всех ступенях жизнедеятельности способно открыть новые возможности самоусовершенствования российского социума на самых различных его «этажах»: на уровне личности, группы, социального слоя, общества в целом, а также подконтрольного ему государства. Второй постулат мы бы выразили в формуле: «Изменяя себя, не изменяй себе».

Заметим, что оба указанных принципа, носят неполитический, надпартийный характер. Не «отменяя» социальных и политических интересов слоев, групп и партий, они способны перевести социально-политический дискурс в обществе – при наличии доброй воли – из сферы социальной борьбы, подпитываемой неизбывным «Кто виноват?» в зону конструктивного, сплачивающего людей диалога – «Что делать?». А, следовательно, могут быть использованы при выработке так необходимой стране национальной идеи.

Постепенное, но неуклонное переориентирование социума на тип органического развития вовсе не означает, что России впредь не понадобится «догонять» развитые страны по ключевым параметрам экономического, научно-технического и общественно-политического прогресса. Органические заимствования, которыми Россия никогда не гнушалась, не мешали ей оставаться собой. Более того, как справедливо отметил в свое время философ Владимир Соловьёв в полемике со славяно-

филами, на забвении «национального эгоизма» основано все хорошее не только на Западе, но и у нас в России: «...И русское государство, зачатое варягами и оплодотворенное татарами, и русское благочестие, воспринятое от греков, и то заимствованное с Запада просвещение, без которого не было бы русской литературы, не было бы и вашего славянофильства»⁶¹⁸.

Суть дела, таким образом, не в том, чтобы никого «не догонять», и ничего не заимствовать, а в том, как это делать. Органический путь предполагает установление такого климата в обществе, когда общий замысел преобразований, их смысл, характер и порядок осуществления вытекают из внутренних потребностей страны и возникающих перед ней «вызовов времени», выявляемых в результате – и это непременное условие – перманентного диалога общества и государства, социума и власти.

Только укоренившаяся практика «собеседования на социальном уровне» способна будет со временем естественно сформировать структуры российского варианта гражданского общества. Именно варианта, ибо российское общество в обозримом будущем вряд ли станет обществом частных собственников со всеми вытекающими отсюда чертами и особенностями, присущими гражданскому обществу западного типа. И «демонстрационный эффект» продвинутых в этом и других отношениях обществ совсем не обязывает нас копировать западные образцы. Его конструктивная функция – служить побудительным элементом, одним из первотолчков к реализации собственных задач органического развития. Любые заимствования только тогда способны принести пользу, когда они, согласно терминологии М.М. Ковалевского, возводятся на уровень «творчества второго уровня».

Постсоветские реалии до предела обострили конфликт между индивидуализмом и коллективизмом, но не сняли с повестки дня ключевой, на наш взгляд, проблемы российской модернизации, суть которой состоит в достижении приемлемого равновесия между этими двумя сложно взаимодействующими видообразующими факторами национального менталитета.

Еще раз утверждая мысль о том, что только на путях органического развития Россия будет способна самореализовать себя и определиться на долговременную перспективу устойчивого, стабильного развития, надо при этом не забывать, что, как это проверено веками истории, россияне устраивал и устраивает не всякий прогресс, а лишь такой, что способствует – в конечном итоге – духовному обогащению и духовной самореализации личности. Отсюда цель, по самому крупному счету, российской модернизации – наполнить жизнь общества и каждого его представителя новым содержанием. Содержанием даже не столько внешнего, сколько внутреннего характера, переведя стрелки часов страны с режима времени астрономического на режим времени социального, насыщенность которого будет тесно сопряжена с интенсивностью поиска и обретения каждым из нас и обществом в целом внутреннего смысла существования и вдохновляющего стимула к самодвижению.

Только на этой основе процесс реформирования в стране будет способен обрести свой изначальный смысл, а также отвечающий внутренним потребностям страны характер.

Исторический опыт российской модернизации в итоге не подтверждает расхожее мнение пессимистов о фатальной неререформируемости нашего общества. Но, вместе с тем, и указывает на необходимость дальнейшего поиска своей модернизационной идентичности, своего органичного пути в будущее. Пути, не отрицающего общечеловеческие достижения и ценности, активно использующего их. Но не

⁶¹⁸ Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т.1. Философская публицистика. М.: Правда, 1989, С.299.

зацикленного на определенных моделях на почве идеологических и политических пристрастий.

Для того чтобы реформы были таковыми на деле и давали оптимальный результат, требуется: их своевременность; эволюционная поэтапность; конструктивность; наличие четко продуманных, реалистических концепции и плана преобразований; их ориентированность на широкие социальные слои; постоянная корректировка направления реформ, сроков, темпов, форм и методов их реализации в соответствии с импульсами, идущими от общества; наличие механизма давления последнего на власть с целью понуждения её к своевременной и адекватной реакции на «вызовы времени»; минимизация цены реформ, окончательное преодоление пагубной традиции действовать по порочному негласному принципу: «Пусть погибнет страна, но реформы должны победить!».

Россия, наконец, всегда нуждалась, а сегодня нуждается особенно, не в очередных «спасителях Отечества», а в истинных реформаторах, способных сплотить нацию, пробудить в ней живительные начала социального и исторического оптимизма, воодушевить на активные созидательные действия и, поднимая страну, расти вместе с нею.

«... У России, — подчеркивается в этой связи в Послании Президента РФ Федеральному собранию (10 мая 2006 г.), — есть колоссальные возможности для развития, есть огромный потенциал, который надо эффективно реализовывать для улучшения жизни людей». При этом этот потенциал заключен не только в материальных, экономических возможностях страны, но — в первую очередь — в неиссякаемом духовном резерве нации.

Роль субъективного фактора в истории России, как известно, всегда была велика. Остается таковой она и сегодня. Тенденции к единению нации на основах патриотизма, ярко проявившиеся в дни празднования 60-летия Великой Победы, дают определенную, пока еще осторожную, надежду на то, что мы начали делать реальные шаги на пути обретения столь необходимой нам сегодня национальной идеи — духовно-нравственного, ментального стержня подлинного (а не мнимого, так сказать, виртуального) преобразования страны.

Поиск европейской идентичности как основа интеграционных процессов в рамках Европейского Союза

Европейская интеграция – это многоуровневый процесс, охватывающий не только широкое географическое пространство, но и многие сферы общественной жизни – социально-экономическую, политико-правовую и культурную. Интеграционный процесс обусловлен внутренней логикой социально-экономического и политического развития, подталкивающего европейские страны к более тесному сближению и взаимодействию в интересах обеспечения безопасности и благосостояния. Почву для этого сближения создает существенная общность в политико-ценностных установках и историко-культурных традициях.

Существует ряд социально-политических факторов, способствующих тому, чтобы европейская интеграция обрела прочную институциональную базу. Одним из таких факторов является процесс формирования европейской идентичности.

На протяжении истории человечества ощущение европейской идентичности, исключая христианство, тесно объединявшее жителей Европы в XIV–XV веках, было свойственно в основном представителям элиты. К их числу относятся просветители, например, Вольтер, идеи которого свободно пересекали границы и были весьма популярны во многих странах. И позднее европейцами чувствовали себя, в первую очередь, представители политической элиты: после Второй мировой войны Шуман, Монне и Аденауэр мечтали о возведении единого европейского здания, основанного на сотрудничестве держав Старого Света. Да и впоследствии, уже в общеевропейских рамках, идея интеграции исходила сверху. По этой причине единая Европа сформировалась благодаря усилиям правительств стран-участниц нынешнего Европейского Союза, тогда как жители либо проявляли незначительную активность, либо вообще не участвовали в формировании этого интеграционного объединения.

Однако превращение Европы благодаря Маастрихтскому договору из экономической организации в политический союз, особенно в контексте глобального, многополярного мира со множеством различных культур требует поиска не только новой европейской идентичности, но и формирования европейского сознания путем активного участия в политической и общественной жизни, формулирования и проведения политики, продвигающей общие культурные ценности. Таким образом, недостаточно одного юридического объединения ЕС; необходимо придать легитимность этому Союзу в глазах рядовых граждан. А для этого нужны общие ценности, которые не противоречили бы национальным особенностям каждой страны.

Без таких ценностей немислимо обеспечение активного участия граждан в жизни Союза, а без него невозможна демократическая легитимность. Европейская идентичность – ключевой элемент, позволяющий гражданам стран Евросоюза почувствовать себя частью единого целого не только в силу исторических фактов или географического положения, тем более что новые европейские реалии все сильнее влияют на их повседневную жизнь. Это позволит ЕС действовать на международной арене на равных с другими крупными игроками мировой политики.

Раньше Европу объединяли общая история и география, однако теперь такая концепция выглядит устаревшей: в соответствии с политическими и стратегическими соображениями границы Европейского Союза расширяются. Это подтверждает недавнее принятие в Союз новых партнеров. Поэтому перед европейцами встают

новые, ранее не возникавшие вопросы: где проходят границы Союза, кто может считать себя жителем Европы? Частично ответы были найдены на сессиях Европейского совета на уровне глав государств и правительств в Копенгагене и Хельсинке. На них лидеры призвали государства-кандидаты полнее приспособиться к действующим правилам Европейского Союза.

Таким образом, Евросоюз становится объединением, сочетающим интеграцию по географическому признаку с общими демократическими ценностями. Примерно то же имел в виду бывший французский министр-делегат по европейским делам Пьер Московиси, заявивший, что «политические особенности Европы определяют ее границы»⁶¹⁹.

Но дело не только в том, можно ли принимать в ЕС ту или иную страну. Ведь также важно, чтобы граждане чувствовали себя «европейцами», имели общие ценности.

Еще в 1994 году тогдашний президент Чехии Вацлав Гавел в выступлении перед депутатами Европейского парламента заявил: «Задумываться о «европеизме» — значит, попытаться определить, какие ценности, идеалы и принципы свойственны Европе»⁶²⁰. Это не означает, что в ЕС необходимо лишь создать общие структуры; упор следует делать на общих ценностях, объединяющих участников ЕС. Ведь в любом коллективе культурная общность и единые ценности позволяют принимать понятные всем решения. Напротив, при отсутствии таких ценностей или при верховенстве неких частных интересов нужны длительные переговоры для принятия каждого решения. В таких случаях достичь соглашения можно только благодаря так называемой политике минимального согласия или при условии господства одной группы людей над другими. В результате у населения появляется чувство подавленности, а решения демократически избранного правительства не будут казаться достаточно легитимными.

До сих пор метод отцов-основателей позволил успешно провести первую фазу европейского строительства — создать общие европейские структуры и сформулировать политику, удалось значительно продвинуться в экономической интеграции. Несколько сложнее проходит интеграция политическая, однако до сих пор не произошла интеграция моральная, принимаемая как процесс, объединяющий его участников через осознание ими своей принадлежности к единому целому.

В обозримом будущем должна предстать все более интегрированная Европа, имеющая собственную идентичность на международной арене (именно эта задача ставилась Маастрихтским и Амстердамским договорами). Это побуждает искать общую идентичность, которая позволила бы жителям стран ЕС увидеть свои устремления, отраженными в единой Конституции, а в дальнейшем принимать активное участие в жизни Европы. Речь идет о том, чтобы население перенесло часть лояльности по отношению к своему национальному государству на коллективное образование, обеспечивая общность ценностей, которое такое государство представляет⁶²¹.

Этот процесс должен развиваться с учетом особенностей Союза: отсутствие четко установленной, с политической точки зрения, государственной территории, европейского гражданства, европейских политических партий, общего языка, однородной культуры. Не стоит забывать и о «гибридности» ЕС — межправительственной организации с наднациональными структурами, учрежденными для создания нового европейского конституционного порядка, имеющими верховенство над нацио-

⁶¹⁹ См.: Интернет-сайт Европейского Союза — www.eur.eu

⁶²⁰ Howorth J. European Integration. — Paris. 2000. — P. 24

⁶²¹ См.: Паньковский С.И. Европейская интеграция: современное состояние и перспективы. — Минск, 2003. — с. 56

нальными законодательствами и напрямую воздействующими на каждого человека. Отсюда – присутствие в истории процесса европейской интеграции как элементов, отражающих теории «союзного национализма», выделяющего в качестве критериев идентификации культурно-исторические ценности, так и элементов космополитизма, так называемого патриотического конституционализма, базирующегося на общей политической культуре, которая исповедует лояльность по отношению к универсальным принципам⁶²².

Концепция «союзного национализма» исходит из невозможности отделить историко-культурную принадлежность от политической. Чувство общей принадлежности, а также ряд взаимных обязанностей – необходимые предварительные условия для политической и социальной справедливости. Эта теория находит оправдание в констатации того, что субъективные интересы европейцев все еще находятся на национальном уровне при всей возросшей объективной взаимозависимости между европейскими странами. Европейская идентичность должна основываться, на наш взгляд, на общем прошлом, с упором на культурную однородность, общую экономическую жизнь и общие цели социальной политики. В итоге должно появиться новое чувство принадлежности к единому целому, которое главенствовало бы над принадлежностью к отдельному государству.

Европейский Союз как межправительственная организация, гарантирующая выживание национальных государств и защиту их национальных интересов, очевидно, многое черпает в этой теории. Например, введение европейского флага, гимна и паспорта, сплывающих граждан различных государств. При этом важно, чтобы новая европейская политическая идентичность признавала некоторые национальные или региональные особенности стран-участниц, чтобы не возрастал в современных демократических государствах риск того, что отдельные граждане потеряют интерес к общественной жизни. Это позволит предотвратить появление большого числа партий националистического толка, которые нередко следуют примеру Австрийской народной партии или французского Национального фронта и не поддерживают идею европейской интеграции. Отсюда вытекает важность создания и деятельности Европейского Комитета по делам регионов, который пока существует только как консультативный орган.

«Патриотический конституционализм», или космополитизм, наиболее яркими выразителями которого стали Хабермас и представители Франкфуртской школы, предлагает взять за основу европейской идентичности универсальные демократические принципы, концепцию правового государства и уважение имеющихся различий⁶²³. По мнению сторонников этой теории, связи между жителями ЕС должны основываться на юридических, политических и моральных аспектах, а не на исторических, культурных или географических, как утверждают представители теории «союзного национализма». Политическая идентичность основывается на следовании общим принципам политической справедливости и на создании институтов и структур, через которые эти принципы осуществляются.

Сторонники такого подхода не отрицают, что национальные государства сыграли важнейшую роль в истории, позволив утвердиться демократическим ценностям и концепции народного суверенитета, считают необходимым предпринять следующий шаг, отойдя от доминирующей в Европе, начиная со Средневековья, модели национальных государств. Для этого необходимо абстрагироваться от наци-

⁶²² См.: Там же. С. 57.

⁶²³ См.: Рубинский Ю. И. Европа XXI века: государство и гражданское общество // Доклады института Европы РАН. – М., 2004. - № 65. – С. 64.

ональной культуры, мифологии, истории каждой страны и стремиться к сосуществованию, сотрудничеству, к лучшему знакомству с жизнью других стран ЕС. По мнению теоретиков этой модели, гражданином Европы можно стать благодаря приверженности принципам политической морали, а не благодаря общей культуре⁶²⁴.

Концепция «патриотического конституционализма» представляется слишком абстрактным явлением, так как использует метафизические принципы, которые трудно понять неподготовленному человеку. Именно от идей этой концепции отталкивались такие политические деятели, как Аденауэр, Монне, Шуман и Де Гаспери, закладывая основы европейского строительства. Эти идеи нашли свое отражение как в договоре о создании ЕС (статья 6), так и в Копенгагенских критериях. Вместе с тем стоит заметить, что ни в договоре о создании ЕС, ни среди требований, введенных в 1993 году на сессии Европейского совета на уровне глав государств и правительств в Копенгагене, предъявляемых государствам, стремящимся вступить в Европейский Союз, не говорится об исторической или культурной общности.

На сегодняшний день в Европе можно наблюдать два процесса, на первый взгляд, с прямо противоположной направленностью: интеграция и постепенное превращение европейского Союза в федеративное государство, с одной стороны, и этнический сепаратизм фактически в каждой из европейских стран⁶²⁵. Проблема этнического сепаратизма не должна замалчиваться, тем более в рамках правового государства ее невозможно преодолеть силовым путем. С другой стороны, опыт СССР показывает, что этнической идентификации невозможно противопоставить идентификацию по иному принципу: географическому, корпоративному, политическому, религиозному и т.д., поскольку это разноплановые явления. Так, развитие США в рамках идеологии «colour blind» («не различия цветов») и попытка замены расовой и этнической идентификации концепцией «гражданина Соединенных Штатов; американца» по сути, повторяют схожие процессы в СССР и, на наш взгляд, обречены на провал при первых более-менее серьезных социальных потрясениях.

Европейский Союз стоит перед выбором: либо повторить ошибку СССР и США, либо найти иной способ успешного продолжения интеграции и преодоления этнического сепаратизма.

Уже в течение пятнадцати столетий Европа продолжает попытки воссоздать Римский Мир. Основная идея такой унификации состоит в воссоединении европейцев под управлением общих институтов. После распада Римской Империи и вплоть до начала XX века Римская Католическая Церковь была институтом наиболее близко подошедшим к реализации указанной цели объединения Европы. Вплоть до Протестантской Реформации, Католическая Церковь объединяла верующих в рамках единой системы норм, обеспеченной правом и соответствующими институтами. Однако замена этнической идентичности религиозной потерпела неудачу, что подтверждает наш вывод о разнородности этих институтов. Множество военных и политических союзов среди европейских государств были относительно краткосрочными и не привели к достижению искомого результата.

С другой стороны, в течение этих пятнадцати столетий, европейцы были вынуждены защищать свой особенный образ жизни. Как отметил профессор Ларри Беккер, «в полуторатысячелетнем процессе противостояния население Европы выработало наиболее общее теоретическое осознание себя как европейцев»⁶²⁶. Тем не

⁶²⁴ См. : Шемятенков В.Г. Европейская интеграция. — М., 2005. — С. 54.

⁶²⁵ См.: Единая Европа: идея и практика /ИВИ. — М., 2002. — С. 45.

⁶²⁶ Например: страна Басков в Испании, Северная Италия, Бавария, Северная Ирландия, и, в меньшей степени, Шотландия, Уэльс и Великобритания. В Восточной Европе этим процессом в той

менее, европейцы предпочитают идентифицировать себя в качестве немцев, французов, шведов и т.д. Такая идентификация появилась в XIX веке с образованием первых «национальных государств».

Принятие подобного «узконационалистического» идентификационного базиса приводит к выводу о том, что гармонизация возможна не в рамках «Европы», но в рамках ее компонентов, которыми являются национальные государства. Каждое национальное государство, таким образом, обладает абсолютным суверенитетом, в том числе и в области правотворчества на своих территориях. Подобный подход не предполагает никакого сверхнационального центра. Создание такой категории, как «международное право» лишь подтверждает приведенный вывод.

«Наднациональные» органы, созданные в рамках международного права могут быть распущены государствами-участниками. Как следствие, даже «наднациональные» организации типа Европейского Союза могут быть маргинализированы, поскольку они являются чем-то меньшим, чем «государство» или «федерация». Составляющие ЕС и подобные образования государства, остаются реальным центром объединения. Тогда как ЕС останется субсидиарным по отношению к государствам-членам образованием, за которым отрицаются независимые полномочия, ограничивающие государственный суверенитет.

С другой стороны, принятие за основу критерия «европейской идентичности», который еще предстоит теоретически обосновать и практически сформировать, позволяет преодолеть ограниченность национального суверенитета. В рамках этой системы ЕС является «сверхнациональным» органом, обладающим собственным суверенитетом, не производным от суверенитета государств-членов. Источником суверенитета становится народ Европы – европейцы⁶²⁷.

Соответственно, на первый взгляд чисто теоретические конструкции, имеют практические последствия, от которых зависит успех европейской интеграции. В первом случае политическая интеграция ограничена государственным суверенитетом, что влечет экономическую рецессию, имеющую своей предпосылкой тот факт, что Европейский Союз не является оптимальной валютной зоной, а миграция труда и капитала ограничена национальными границами.

Несмотря на предпочтение самоидентификации по национальному признаку, опять же, по признанию профессора Ларри Беккера, «в ходе истории общие лингвистические, религиозные и этнические черты европейцев превратились в нечто, приближающееся к государственному императиву»⁶²⁸. Мы не можем согласиться с выводом профессора Беккера, хотя мы согласны с его посылами. Действительно – общие корни и общая история привели к созданию феномена европейской национальности, или наднациональности. Профессор Беккер и в целом американская наука стоит на позиции первичности государства и производности национальной идентичности. Мы считаем, что основой современных государств явился один или несколько государствообразующих этносов. С тем, чтобы уточнить нашу мысль, необходимо еще раз процитировать профессора Беккера.

«Принадлежность к тому или иному этносу детерминирована рождением или иногда определяется личным выбором, например, когда неофит принимается в общество. Культурная сепарация возможна в пределах государственных границ. Как следствие, «нации», состоящие из нескольких этносов, могут находиться на терри-

или иной степени затронуты практически все государства.

⁶²⁷ Backer L. Foreign Federal Systems within a Matrix of ontained Conflict. – London: Blackwell, 2003. – P. 98.

⁶²⁸ Backer L. Foreign Federal Systems within a Matrix of ontained Conflict. – London, 2003. - P. 99.

тории одного государства. Эта надгосударственная и не государственная идентификация пережила политические, династические, идеологические и военные союзы, которые создавались и исчезали на протяжении полутора тысячелетней истории Европы. Именно поэтому гражданин Словакии венгерской национальности остается венгром, несмотря на то, что он обладает словакским паспортом.

Современное проявление этих взглядов воплощено в принципе «самоопределения наций и народов». Однако процесс такого «самоопределения» может значительно выйти за изначально обозначенные провозглашенным принципом рамки. Можно обоснованно утверждать, что Европа демонстрирует сложные отношения, производные от и находящиеся в рамках такой «племенной культурной парадигмы».

Культурные различия имеют тенденцию приобретать политические размеры, если не встречают препятствия на этом пути. Последние этнические конфликты в Югославии служат еще одним напоминанием о силе культурных различий. Несколько более отстоит от нашего времени не менее трагический пример разделения Польши на католическую и иудейскую части в форме различных судов, законов, норм и т.д. после Казимира Великого. Чем больше степень культурных и этнических различий, тем больше возможность отдельных этнических групп противостоять межгосударственной интеграции и, даже, гармонизации на государственном уровне, тем слабее межкультурный диалог. Иначе говоря, чем меньше внимания уделяется этим этническим реалиям, тем больше потенциал нестабильности в многонациональном государстве. Так, сегодня в Европе существуют потенциально несовместимые культурные нормы»⁶²⁹.

Можно суммировать приведенный отрывок, а также выводы рассматриваемой статьи и отметить, что Европе предлагается повторить попытки СССР и США и постараться создать очередную «новую историческую общность европейца». Предусмотренное Уставом ООН право наций и народов на самоопределение при этом сжимается в лучшем случае до уровня культурной автономии. Предполагается, что культурные различия с течением времени нивелируются и десятки европейских народов сольются в единый этнос по типу американского.

Описанный подход теоретически основывается на концепции национального государства, сформулированной в XIX веке. Необходимо учитывать, что появление европейских национальных государств в XIX веке было детерминировано и оправдано военными сражениями⁶³⁰. Так, кайзер Вильгельм и канцлер Бисмарк объединили народы германского корня в рамках рейха, который имел оборонительные, экономические и политические цели. Однако в рамках рейха не проводилось целенаправленной этнической политики. Таким образом, теоретические построения в области этнической политики с исторической точки зрения не могут быть основаны на опыте национальных государств XIX века. На наш взгляд попытки, подобные только что описанной, основаны на ложно понятом критерии эффективности управления.

Следовательно, ошибки СССР и США должны быть учтены в ходе европейской интеграции. Дальнейшее расширение Европейского Союза без учета этнических особенностей народов, населяющих государства-кандидаты в члены ЕС и способности этих народов принять и разделить европейскую идентичность приведут к коллапсу интеграции. Одна из альтернатив состоит в насильственной интеграции с созданием сверхконцентрации властных полномочий в руках центра. Однако изло-

⁶²⁹ Backer L. Foreign Federal Systems within a Matrix of contained Conflict. – London: Blackwell, 2001. – P.102.

⁶³⁰ Flis A. The Distinctiveness of European Culture. – Krakow: Community, 2002. – P.23.

женный подход нарушает основы демократии и правового государства, принципы, заложенные в Уставе ООН и неоднократно поддержанные в других международно-правовых документах.

Как это описано выше, вторая альтернатива – коллапс интеграции. Мы видим следующие основания коллапса интеграционного процесса, вызванные пренебрежением важностью выработки европейской идентичности:

1. Европейская идентичность призвана диалектически разрешить проблему этнического сепаратизма. Размывание основ идентичности, таким образом, сведет процесс «на нет», усилит сепаратизм, национализм и антиинтеграционные настроения в государствах, основавших ЕС и до сих пор несущих основное экономическое бремя интеграции.

2. Феномен европейской идентичности объективен и имеет определенные, заданные историей рамки, которые невозможно расширить в волюнтаристском порядке.

3. Продолжающийся столетиями этнический сепаратизм в большинстве европейских стран наглядно демонстрирует несостоятельность «государственнического» подхода и насильственной замены существующих этнических доминант единой искусственно созданной европейской идентичностью. Напротив, европейская идентичность должна основываться на иных критериях.

Осознание себя частью государствообразующего этноса является необходимым базисом для формирования политического сознания и добровольного принятия и исполнения гражданином своих обязанностей перед правительством и государством. Очень сомнительно, что лицо, не идентифицирующее себя с данным государством и этносом, будет лояльно по отношению к ним. Непосредственное отождествление себя с государством искусственно, поскольку государство является продуктом развития этноса, механизмом, обеспечивающим более эффективное управление. В отличие от государства, этнос является естественным образованием, основанном на общей культуре, языке, традициях, истории, генетике и т.д. В практическом аспекте это означает, что потенциальное включение в состав ЕС государств, народы которых не разделяют европейскую идентичность (например, Турция) ляжет дополнительным бременем на и без того сложный процесс интеграции.

Помимо того, утверждение о том, что «для каталонского или баскского националиста, общность «Испания» может быть настолько же пуста, как и общность «Европа» верно в рамках «государственнического» подхода к определению европейской идентичности, который обречен подобно «общности советского человека» или «римского гражданина» периода II-V века. Очевидно, что попытка нивелировать культурные различия, ущемить признанное право нации на самоопределение вызовут ответную реакцию такой силы, что весь пятидесятилетний процесс интеграции может быть поставлен под угрозу⁶³¹.

С другой стороны, как заметил Джилл Стефенсон, «многие шотландцы оценят шарм процесса европейской интеграции, который ведет к уменьшению роли Лондона без необходимости изоляции Шотландии»⁶³². По нашему мнению, приведенная логика применима и в Каталонии, и во Фландрии, и в Северной Италии. Точно так же, как и в Словении и Чехии, которые рассматривают Брюссель как альтернативный юрисдикционный центр и в которой космополитическая модель развития противопоставляется ограниченности национальных границ.

Таким образом, альтернатива все же есть. Можно отметить, что указанная

⁶³¹ European People's Party: Action programme 1999-2004. – Brussels: Bookings Institution, 2001. – P.17.

⁶³² Stephenson J. Britain and Europe in the latter XX century. – Westview: Routledge Press, 2000.- P.34.

вполне привлекательная для народов Европы «космополитическая» модель должна быть теоретически основана на альтернативном подходе к пониманию европейской идентичности.

Хотя в целом можно считать элементами европейской идентичности общие исторические и культурные корни, экономические и социальные цели, демократические идеалы (правовое общество, уважение человеческой личности, терпимость и секуляризация), усвоение этих элементов требует разработки «статуса европейского гражданина». Необходима также политика в области культуры и образования для закрепления этих понятий в сознании людей.

Европейская интеграция должна преобразоваться в процесс с участием граждан. Его демократическая легитимность должна исходить из реализации гражданами своих прав и соблюдения обязанностей. Кроме того, свободное перемещение граждан будет способствовать, по нашему мнению, углублению и лучшему знакомству с различиями между странами. Интеграция станет в большей мере результатом прогрессивных преобразований, а не простого применения правовых норм.

Следовательно, с одной стороны, реализация прав, предусмотренных в Амстердамском договоре (статьи 18 и 20), предусматривающие право избирать и быть избранным во время выборов в Европейский парламент и на муниципальных выборах, права на дипломатическую и консульскую защиту в третьих странах, будет способствовать становлению сознания европейской идентичности. А без этого у граждан возобладает чувство отчужденности от европейских институтов. Даже сейчас рядовой житель ЕС считает, что эти институты – просто совокупность правил и различных административных директив, имеющих мало общего с реальным кругом собственных интересов.

С другой – свободное передвижение и свободный выбор места жительства граждан ЕС (право, вытекающее из концепции европейского гражданства), по нашему мнению, позволят решить Союзу одну из своих задач – интеграцию, которая бы превратила Союз в единую территорию, не имеющую внутренних границ, и участие в этом процессе всего его населения. В этом смысле можно считать положительной эволюцию этой концепции в рамках европейского законодательства.

Возможность граждан ЕС проживать на территории любого из государств, входящих в это объединение, была отделена от их экономической деятельности, как это изначально предполагалось в Римском договоре. В итоге благодаря реформам, закрепленным в Маастрихтском и Амстердамском договорах, и упразднению границ внутри ЕС право свободного передвижения и выбора места жительства получили все граждане любого государства-члена ЕС и люди, на законном основании, проживающие в любой из стран Союза. Создание обширного пространства, по которому граждане Европейского Союза могут свободно перемещаться, выбирать место жительства, участвовать в политике, используя свое право голоса, безусловно, окажет благотворное влияние на обмен идеями, поможет европейцам лучше узнать друг друга, позволит установить добрососедские отношения.

Несмотря на перечисленные положительные изменения и учитывая, что формирование европейской идентичности происходит эволюционно, полная реализация «европейского гражданства» требует принятия мер, которые бы устранили некоторые остающиеся препятствия. Особенно пристальное внимание, на наш взгляд, надо обратить на:

- недостаточную информированность граждан об их правах в рамках ЕС, относительно пассивное участие жителей ЕС в европейском строительстве;

- недостаточную осведомленность европейской общественности о дебатах и решениях Европейского парламента;
- различия в действующих законодательствах в отдельных странах ЕС о получении гражданства выходцами из третьих стран;
- различия в требованиях, предъявляемых странами ЕС для получения вида на жительство и т.д.

Европейская идентичность, получившая реальную ценность благодаря институционализации и применению на практике европейского гражданства, нуждается в политике в области культуры и образования, которая бы превратила различия между народами в положительное понятие, в общеевропейскую ценность. Это будет способствовать лучшему узнаванию друг друга жителями стран Европы, в том числе благодаря проведению анализа исторического прошлого и преподаванию иностранных языков, что является основополагающим элементом интеграции и мирного, солидарного добрососедства на территории общего европейского пространства. Большое единообразие системы европейского образования, общая политика в области культуры и все более активное продвижение транснациональных программ внесут весомый вклад в решение этой задачи. В результате ЕС должен утвердить собственную идентичность не путем отрицания исторического прошлого (межъевропейские войны) и не в результате противопоставления Европы другим реалиям (бывший коммунистический блок, США в качестве державы-гегемона), а скорее, путем ее осознания элементом, оправдывающим, придающим легитимность процессу европейской интеграции. Тогда у большинства европейцев появится ощущение, что интеграция действительно необходима.

В заключении хотелось бы отметить, что процесс европейской интеграции вызывает неодинаковую реакцию среди европейцев. Многие осознают целесообразность этого процесса, но вместе с тем они опасаются, что в результате их страны могут утратить свою национальную самобытность и оказаться в зависимости от еврорюкратии. Вместе с тем среди западноевропейцев идея объединенной Европы пользуется высокой поддержкой: в среднем по ЕС в 2003 году – 70 %. Многие признают, что их страна выиграла от членства в ЕС. При этом западноевропейцы поддерживают в большей мере европейскую интеграцию в социально-экономической сфере, нежели в политико-культурной.

Западные европейцы считают себя в первую очередь гражданами национальных государств и лишь затем – европейцами. Граждане стран Европейского Союза, как правило, проявляют меньше интереса к общеевропейским событиям, сосредоточиваясь прежде всего на национальных интересах. В обществе ЕС воспринимается как «проект европейской элиты», реализуемый «сверху», преимущественно бюрократическо-техническими методами. Поэтому рядовые граждане европейских стран более индифферентно относятся к ЕС, чем элиты из сфер экономики, управления и политики⁶³³.

Объединенная Европа в сознании людей воспринимается как наднациональная политическая, экономическая и административная конструкция. Но не как реальная общность, подобная национальным государствам, к которым человек испытывает эмоциональное чувство привязанности и принадлежности.

Формирование общеевропейской идентичности осложнено вспышками национализма и сепаратизма. Но в целом большинство европейцев высказывают удовлетворенность интеграционными процессами, видя явные преимущества, которые

⁶³³ См.: Халман Л. Европа сегодня. – М.: Новости, 2003. – С.34.

открывают общий рынок и общие границы. Однако они против того, чтобы национальные государства «утратили в сообществе свою идентичность в качестве актеров, отличных друг от друга в политико-общественном и культурных аспектах»⁶³⁴.

На наш взгляд, в процессе дальнейшей интеграции должна усиливаться идентификация европейцев с ЕС как с наднациональной политико-культурной общностью, способной обеспечить на демократической основе гармонизацию национальных интересов и более эффективное регулирование общественной жизни в условиях глобализации. Несмотря на процесс выравнивания и все более тесного сближения между странами ЕС, сохраняется национально-культурная гетерогенность, которая даже усилится в связи с пространственным расширением Союза на восток.

Что касается России, то россияне мало идентифицируют себя с Европой, но в то же время склоняются к поддержке идеи о включении России в процесс европейской интеграции на началах сотрудничества.

⁶³⁴ См.: Там же. — С. 35.

Материальные факторы в истории как проблема обучения

Проблема движущих сил истории (факторов) была и остается одной из фундаментальных исследовательских теоретических проблем, следовательно, также составной частью структуры вузовского обучения, в частности, в курсе «Теория и методология истории». Ниже излагается опыт трактовки данной проблемы автором статьи в учебном процессе.

Философский смысл тезиса о материальной основе всего сущего, в том числе истории, получил отчетливую формулировку в древне-греческой философии; до изучения истории с опорой на материальные факторы было еще очень далеко. Есть, по крайней мере, один значительный пример такого изучения, столь же поразительный, как и необъяснимый. Грек, историк древнего Рима Аппиан (конец I-70^е гг. Пв.) в своей книге о гражданских войнах в Риме отчетливо выразил мысль о том, что причиной этих событий была борьба за земельную собственность⁶³⁵. У Аппиана не было предшественников и последователей, поскольку на роль материальных факторов в истории стали обращать внимание в целом лишь в XVIII в. Это уникальный пример выхода мысли за рамки своего времени и предвосхищения будущих представлений о роли материального начала в истории. В объяснение этого выхода можно лишь сослаться на довольно высокий, по тому времени, уровень развития имущественных отношений, имущественного неравенства в поземельных отношениях, что давало Аппиану основание так думать; сам он объяснения на этот счет не оставил.

В историографии просвещения мы находим отдельные примеры понимания значения материального фактора для объяснения поведения людей, тех или иных событий. Вольтер вполне определенно считал собственность необходимым признаком полноправного гражданина и исходил из неизбежности деления общества на богатых и бедных. Двигатель истории, по Вольтеру, – человеческий интерес, куда входит и стремление к благополучию, самосохранению. К числу мотивов, объясняющих человеческое поведение, И.Г. Гердер (1744–1803) относил потребности, нужду⁶³⁶. Более определенное отношение к материальному фактору выражено у Руссо: возникновение имущественного неравенства привело к образованию государства, которое, в свою очередь, стало фактором углубления имущественного неравенства⁶³⁷. Правда, этот вполне материалистический взгляд нельзя вырывать из общего контекста просветительского мышления Руссо, согласно которому источник неравенства коренится в прогрессе разума: «... неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет за счет развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и узаконенным в результате установления собственности и законов»⁶³⁸.

Представителям нового поколения мыслителей, пришедшего после просветителей – Сен-Симону и др. – присущи взгляды, являющиеся продолжением просветительских и одновременно их отрицанием. Философия истории Сен-Симона основана не в меньшей мере, чем это было у просветителей, на тезис о господстве

⁶³⁵ Аппиан. Гражданские войны. Перев. с греч. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера. Л., 1935.; См. так же Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.21, с.312.

⁶³⁶ Herder Y.G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Bd. I. Berlin u. Weimar. 1965, s.301 – 310.

⁶³⁷ Руссо Ж.–Ж. Трактаты. М., 1969, с.85 – 86, 92.

⁶³⁸ Там же, с.97 – 98.

разума в истории, на развитии знаний, как основном факторе исторического развития. Вместе с тем, порядки после революционной Франции не являлись для него воплощением разума, вследствие чего эти порядки были подвергнуты им весьма обоснованной, реалистической критике. Однако, предполагаемый выход из положения был не нов: система идеального человеческого общежития должна стать продуктом новых усилий мыслящего рассудка, чтобы потом быть внедренной в жизнь⁶³⁹. Это – утопия, ибо взгляд в будущее опирается не на прошлое, и будущее рассматривается не в качестве продукта предыдущего развития истории, а всего лишь как изобретение разума: люди просто должны поумнеть. На фоне этого каким реализмом отличается мысль, по существу прозрение, Сен-Симона относительно того, что собственность является основой общественного здания, изменения форм собственности – причины изменения общественного порядка. Производство, – утверждал Сен-Симон, – цель всякого общественного союза. Однако и эти идеи упираются, в конечном счете, в убеждение мыслителя о решающей роли умственного развития во всех переменах в области производства⁶⁴⁰. Разумеется разницу в форме и уровне производства в разные времена можно объяснить ссылкой на различие целей, интересов людей, уровня их умственного развития, остается лишь объяснить происхождение самого различия последних применительно к каждому этапу движения истории, чего нет у Сен-Симона.

Школа французских историков периода Реставрации – О. Тьерри, Ф. Гизо и др. – расширила сферу представлений о роли материального фактора в истории. Фигурой, оказавшей особенно большое влияние на историков Франции и за ее пределами, в том числе и в России, был Гизо. Представление о решающей роли идей в истории выглядит у Гизо в несколько менее выраженном, чем у просветителей или Сен-Симона, варианте, хотя и не лишено своего значения. Однако он гораздо более основателен в рассуждениях о роли материальных отношений в истории. Прежде всего, это касается его представлений о соотношении общества и государства, в чем он кардинально отходит от практически господствовавших в его время взглядов: «Большая часть писателей, ученых, историков старалась объяснить данное состояние общества, степень или род его цивилизации политическими учреждениями этого общества. Было бы благоразумнее начинать с изучения самого общества для того, чтобы узнать и понять его политические учреждения. Прежде чем стать причиной, учреждения являются следствием. Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц в зависимости от их социального положения, отношения различных классов лиц – словом, гражданский быт людей – таков, без сомнения, первый вопрос, который привлекает к себе внимание историка»⁶⁴¹.

Расставив так акценты в решении данной реальной и крупной проблемы, Гизо идет и значительно дальше. У всех народов, утверждает он, гражданский быт находится в тесной связи с поземельными отношениями, а потому их изучение должно предшествовать изучению их гражданского быта. «Чтобы понять политические учреждения, надо изучать отдельные слои, существующие в обществе, и их взаимные отношения. Чтобы понять эти различные слои, надо знать природу поземельных отношений»⁶⁴². Таким образом, логика рассуждений ведет к представлению о собственности, как некой общей основе политической, но также и социальной

⁶³⁹ См. Волгин В.П. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1961; Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1978.

⁶⁴⁰ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. т.1. М., 1956, с.538.

⁶⁴¹ Guizot F. *Essaia sur l'histoire de la France*. Bruckelles, t.I, 1837, p.87.

⁶⁴² Guizot F. *Essaia sur l'histoire...*, p.20.

структуры общества. Этот подход в общей форме и с отчетливым пониманием его новизны выражен следующим образом: «Я говорил о значении моральных факторов... Но есть ряд совершенно противоположных соображений, которыми до сих пор слишком пренебрегали: я имею в виду материальные условия общества... До сих пор недостаточно считались с изменениями, которые вносят крупные кризисы в материальное существование людей... эти изменения имеют гораздо большее влияние на все общество, чем думали до сих пор... это все факты, имеющие исключительное значение: простое изменение в материальной жизни мощно воздействует на цивилизацию. Каждая великая революция вносит в общественный строй изменения этого рода, и с ними нужно обязательно считаться»⁶⁴³. В соответствии с этим корни Английской революции сер. XVII в. Гизо усматривал в изменениях, происшедших в социальном положении и правах народа⁶⁴⁴. Борьбу имущественных интересов он ясно различал в истории средневековой Франции, как и в Французской Революции конца XVIII в.

Откуда, однако, берется то имущественное, социальное неравенство, которому Гизо вполне справедливо отводил такую большую роль в истории? Ответ на этот вопрос значительно ниже уровня приведенных рассуждений историка: из естественного неравенства людей, данного им природой. Справедливо, конечно, что люди изначально не равны по своим физическим, умственным и т.д. данным, однако этим невозможно объяснить ни различие форм собственности в истории, ни разницу имущественных и социальных различий между людьми в разное время. Соответственно Гизо не мог убедительно объяснить и происхождение общественных слоев, средневековой и современной ему Франции, для обозначения которых он пользовался понятием «класс». В данном случае, он, по существу, заимствовал у Сен-Симона теорию завоевания, хотя и до Сен-Симона относящиеся сюда идеи высказывали раньше Дюбо (1670-1742) и Буленвилье (1658-1722)⁶⁴⁵. Суть теории в том, что социальная структура средневекового общества в западной Европе стала результатом завоевания франками – Галлии, норманнами – Англии и т.д. Несостоятельность этой теории – в невозможности объяснить различие социальных последствий завоевания, например, Александром Македонским – Индии, норманнами – Британии, Великобританией – Индии и т.д.

Дальше был марксизм и другие разновидности детерминизма второй половины XIX в. у целого ряда английских, немецких, французских, русских историков. Из них экономический детерминизм Маркса отличается до сих пор самым значительным влиянием на развитие философско-исторической мысли разных стран. Основоположники материалистической теории отчетливо понимали связь своих взглядов с предшествующим идейным наследием. В частности, они «... считали себя во многом обязанными научным трудам того же Гизо и других французских историков времен Реставрации», – как писал Г.В. Плеханов на основании своих научных бесед с Энгельсом⁶⁴⁶. А вот одно из свидетельств самого Маркса по поводу предшественников его взглядов: «Что касается меня, то мне инее принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анато-

⁶⁴³ Цит. по: Далин В.М. Историки Франции. XIX – XX веков. М., 1981, с.93.

⁶⁴⁴ Гизо Ф. История Английской революции. СПб., 1954. т.1, с.7.

⁶⁴⁵ Косминский Е.А. Историографии средних веков, с.209 – 213.

⁶⁴⁶ Плеханов Г.В. Соч., т.VIII. с.91, примечание 1.

мию классов»⁶⁴⁷.

Связь с предшествующими взглядами характеризует важные стороны экономического детерминизма Маркса; еще более фундаментальными являются его отличия от них. В самом общем виде они сводятся к следующему. Экономический фактор выступает у Маркса не в качестве суммы отдельных примеров или обобщений даже весьма общего характера — общество первично по сравнению с государством и т.д., — а в качестве фундаментальной основы понимания истории в целом, в пространственно-временном, как и в сущностном ее выражении. Экономический фактор, далее, выступает в виде способов производства, последовательно сменяющих друга в развитии истории. В-третьих, этот фактор представляет собой базис, конечную основу для понимания всех других сфер жизни и деятельности людей. Вот как об этом писал сам Маркс: «В общественном производстве своей жизни люди выступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁶⁴⁸.

Каков точный смысл экономического детерминизма Маркса? По этому поводу высказывались взгляды — это можно встретить и сегодня, — которые в лучшем случае относятся к разряду недоразумений. По мнению автора одного из учебников 90^х гг. XX в., необходимо освободиться от марксистского экономического редукционизма, как от жесткой привязки любых исторических явлений к экономическому интересу⁶⁴⁹. За этим стремлением «освободиться» стоит не столь уж редко высказавшееся утверждение о детерминизме Маркса как монокаузальности, т.е. представление о экономическом факторе в качестве не только фундаментальной, но и единственной первопричины всех явлений и процессов в истории. На это обратил внимание один из известных противников Маркса К. Поппер и писал по этому поводу следующее: «О марксовом материализме было сказано много совершенно несостоятельного. Особенно нелепо звучит часто повторяемое утверждение о том, что Маркс не признавал ничего выходящего за пределы «низших», или «материальных» аспектов человеческой жизни»⁶⁵⁰. Формулировку точного смысла рассматриваемого экономического детерминизма мы находим у Энгельса: «... согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете (подч. Энгельсом — Н.С.) является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно (подч. Энгельсом — Н.С.) определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественную форму

⁶⁴⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.28, с.426 — 427.

⁶⁴⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.13, с.6 — 7.

⁶⁴⁹ Семенникова Л.П. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. М., 1994, с.37.

⁶⁵⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. т.II, с.121.

(подч. Энгельсом – Н.С.) ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – государственный строй..., правовые формы..., политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения... существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу...»⁶⁵¹.

Современный уровень развития исторического познания в целом, а не только исследования историков марксистской ориентации прошлого и в настоящее время, неоспоримо свидетельствует о невозможности добиться понимания и объяснения социальной структуры общества, природы и характера политической власти, механизма принятия и социальной сути политических решений, сферы законодательства и права и т.д. без опоры на экономическую мотивацию человеческой деятельности, которая всегда связана с определенным характером и типом производства. При этом нужно иметь в виду, что каждая из этих сфер деятельности обладает своей относительной самостоятельностью и оказывает обратное влияние на экономику, так что ситуация вовсе не выглядит так: экономика – причина, все остальное – следствие. Во всеобщей взаимосвязи явлений следствие становится причиной, оказывающей свое влияние на их ход. Политика является концентрированным выражением экономических интересов, но она, в свою очередь, может способствовать развитию экономических сил, тормозить это развитие или действовать избирательно по отношению к различным секторам экономики⁶⁵². Реформы Рузвельта – «новый курс», связанный с радикальным вмешательством в экономику США – вывели ее из тяжелого кризиса. Приватизация в России 90^х гг. XX в. погрузила ее экономику в состояние кризиса, сосредоточив огромные материальные ценности в руках немногих. Связано это и с вульгарным пониманием роли экономического фактора в жизни. «Все материальное (и ваучеры в том числе), – утверждал А. Чубайс, – первично, а идеальное (дух, совесть и прочая воздушность) – субстанции почти утопические, а потому ими следует пренебречь»⁶⁵³. Правда состоит в том, что изменение формы собственности в России является действительной основой многих перемен в ее жизни, хотя с призывом к пренебрежению совестью согласны пока далеко не все.

Экономическая мотивация человеческой деятельности является фундаментальным, но не единственным признаком человеческого поведения. Невозможно объяснить поведения Галилея на суде с его знаменитым «и все-таки она вертится!», воздушный таран Н. Гастелло, подвиг А. Матросова ссылкой на материальный фактор, тем более на личный меркантильный расчет. Не объяснить жертвы инквизиции в средние века, кровь гугенотских войн во Франции, возвышение Москвы среди других княжеств экономическими или только экономическими предпосылками. «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись посмешищем, – писал Энгельс, – объяснить экономически существование каждого маленького немецкого княжества в прошлом и в настоящее время или происхождение верхненемецкого передвижения согласных...»⁶⁵⁴. Действительно: еще не все сказано, если Флобера определить, как буржуа, а Тинторетто – как мелкого буржуа⁶⁵⁵.

Таким образом, вариант монокаузального – в рассматриваемом материалистическом смысле – объяснения истории не является и не может быть принципом

⁶⁵¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.37, с.394 – 395.

⁶⁵² См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.37, с.417

⁶⁵³ «Советская Россия», 29.03.1994.

⁶⁵⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.37, с.395

⁶⁵⁵ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность. – Философия и методология науки. Под ред. И.С. Кона. М., 1977, с. 139.

научного познания; этот вариант не соответствует и точному смыслу экономическо-го детерминизма Маркса. Подлинно научная оценка роли экономического фактора в свете современного уровня познания состоит в признании того, что оно неспособно понять действительность в целом, различные сферы жизнедеятельности без опоры на этот фактор. Такая опора в настоящее время вовсе не обязательно является или может быть только марксистской по своему характеру и смыслу, т.е. быть присутствующей лишь историкам марксистской ориентации. Вот как писал об этом М. Вебер (1864-1920), один из самых профессионально подготовленных критиков Маркса: «Отказываясь от установленного мнения, будто всю совокупность явлений культуры можно дедуцировать (подч. Вебером — Н.С.) из констелляций «материальных» интересов в качестве их продукта или функции, мы тем не менее полагаем, что анализ социальных явлений и культурных процессов под углом зрения их экономической (подч. Вебером — Н.С.) обусловленности и их влияния был и — при осторожном, свободном от догматизма применении — останется на все обозримое время творческим и плодотворным научным принципом»⁶⁵⁶. От чего отмежевывается и с чем соглашается Вебер, оценивая материалистическое понимание истории? В резких выражениях («в старом гениально-примитивном смысле» «Манифеста Коммунистической партии») он отвергает стремление «любителей и дилетантов» отыскивать при объяснении любых явлений экономические причины. Вполне очевидно, что Вебер полемизирует не с точным смыслом материалистической теории, а с вольно или невольно приписываемым ей смыслом. Если это учесть, то в остальном его оценка принципа экономической обусловленности исторических событий и процессов и, что тем более важно, его прогноз в этой связи, представляются глубокими и верными. «... история хозяйства, — писал Вебер, — образует почву, без познания которой немислимо плодотворное исследование ни одной из областей культуры»⁶⁵⁷. Оценка К. Поппером Маркса в качестве лжепророка не помешала ему сделать следующий вывод: «Возвращение к домарксистской общественной науке уже немислимо»⁶⁵⁸.

В какой мере и в каком смысле область духовных явлений можно рассматривать в связи с развитием материальных основ жизни? Очевидные факты говорят о том, что прямого и обязательного во всех случаях соответствия уровня материальных производственных отношений и духовной жизни не существует. Германия в конце XVIII — первой трети XIX вв. вовсе не была передовой по тому времени, развитой экономической страной, но немецкая классическая философия, течение «бури и натиска» были и остаются великими и непревзойденными образцами развития духа. Россия во второй половине XIX в. не была передовым рубежом экономического развития, но какого расцвета достигли тогда художественная литература, музыка, живопись! И напротив, уровень экономического развития США не согласуется с уровнем духовности американского общества в целом, о чем свидетельствует и американская поговорка: если ты умен, то почему не богат. Речь идет, таким образом, о диспропорции между развитием материального производства и сфер духовной жизни. «Относительно искусства известно, — писал по этому поводу Маркс, — что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а, следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»⁶⁵⁹. Как видим, чем ни

⁶⁵⁶ Вебер М. Избранные произведения. Перев. с нем. М., 1990, с.365.

⁶⁵⁷ Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социально-экономической истории. Пг., 1924, с.16.

⁶⁵⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги, т. II, с.98.

⁶⁵⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 736.

далее отстоит от экономики сфера деятельности, тем с меньшей определенностью можно судить о характере ее отношения к ней; дух искусства, его природа и суть несовместимы с их переводом на язык экономических интересов, экономической мотивации человеческой деятельности. Согласно известной притче о Рембрандте (1606-1669), представителе живописи голландского Возрождения, к нему начинающий художник принес картину, пытаясь получить отзыв. Рембрандт посмотрел и ничего не сказал. Автор картины добавил, что продает ее – и назвал значительную сумму. «А вот это искусство», – был ему ответ великого живописца. Бездна иронии в нем лишь подчеркивает тайну искусства, которая в значительной мере является тайной художника, но – и духом того времени, в котором он жил. Давно ушло в небытие то время, но картины Рембрандта не теряют своей художественной ценности, не говоря уже об этом не языке экономики, их стоимости. И все-таки, они не отделимы от своего времени, и хотя оно ушло, они – непреходящи. Время – это все, в том числе и материальные основы жизни. Почему искусство Возрождения столь сильно проникнуто духом индивидуализма, ренессансного возвеличения личности? Этого не было во все предшествующие столетия Средневековья. Ослабление или даже разрушение корпоративных, общинных связей, зарождение рыночных раннекапиталистических отношений ставило индивида один на один перед стихией рынка, когда своему выживанию в качестве хозяйственного субъекта он был обязан самому себе – таков был дух времени, характер новых хозяйственных распорядков. Культура Возрождения по-своему это выразила в форме эгоцентризма, крайнего индивидуализма.

Есть и более конкретные свидетельства влияния экономических основ жизни и на такую удаленную от них форму духовности, как религия. Почему на излете средних веков и при переходе к новому времени возникли такие весьма близкие по сути формы верований, как лютеранство, цвинглианство, кальвинизм? Их сходство в том числе по особому, хотя и не одинаково выраженному в каждом случае отношению к богатству, бережливости, рачительности, трудовому образу жизни. В особенности этим выделяется кальвинизм с его тезисом о светском призвании, объявляющем богатство, накопительство трудового происхождения святостью. Как это понять, ведь отношение к богатству, скажем, в христианстве, исламе иное? М. Вебер ставил вопрос о роли протестантской этики в становлении капитализма, что важно в двояком отношении: является ли капитализм продуктом Реформации и как можно понять происхождение протестантской этики именно в данное время? На первый вопрос Вебер дает отрицательный ответ, справедливо полагая, что в становлении капитализма играло свою роль также и религиозное влияние. Добавим: когда это влияние стало фактом веры некоторой части людей, что не могло быть случайностью или результатом целенаправленного замысла, действия индивидуальной или коллективной воли. Откуда же взялась сама протестантская этика? Тут Вебер весьма решительно отмежевывается от «... той точки зрения, сторонники которой выводят реформацию из экономических сдвигов как их «исторической необходимости», и ссылается на бесчисленные исторические констелляции⁶⁶⁰. Но отмежеваться от чего-либо еще не значит опровергнуть это, а сослаться в столь зашифрованной форме на бесчисленные констелляции также еще не значит объяснить данный феномен. Следовательно, фундаментальной предпосылкой Реформации в западной Европе было становление нового, по сравнению со средневековым, общества с иными хозяйственными распорядками, в основе которых лежало стремление к прибыли и неограниченному

⁶⁶⁰ Вебер М. Избранные произведения, с.106.

накоплению. Это пришло на смену знатности происхождения, сословности и т.д.; кальвинизм наиболее адекватно передает дух этого времени, является его порождением и, освящая накопление капитала, превращая его в богоугодное занятие, сам становится одним из факторов становления нового общества.

Таким образом, в обосновании экономической обусловленности исторических явлений и процессов Маркс более глубок и рационален, чем Вебер, который эту обусловленность также признавал. Впрочем, и у Маркса и Энгельса экономический детерминизм не выглядит, как законченная, исчерпывающим образом обоснованная система взглядов в том, например, смысле, что в понимании соотношения материальное производство – духовная жизнь дальше констатации диспропорции этого соотношения и отдельных примеров возможности или невозможности показать влияние первого на второе они не пошли. «... возможен ли Ахиллес, – спрашивал Маркс, что может показаться риторикой, – в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной?»⁶⁶¹ Но мы понимаем невозможность этого именно благодаря Марксу: духовное начало, идеи и т.д. – продукт мыслящего рассудка, но, что не следует забывать, находящегося в условиях определенного времени, без учета которого оно не может быть объяснено.

Существенно и другое: в экономическом детерминизме Маркса есть нечто изначально, т.е. для того времени, ошибочное, не реализовавшее себя и в качестве прогноза: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса (обобществления производства – Н.С.) превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности... Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается... Экспроприаторов экспроприируют»⁶⁶². Прогрессирующей динамики обнищания не было и во времена Маркса, например, Англия, использовав выгоду своей колониальной монополии, взрастила прослойку рабочей аристократии к середине XIX в.; тем более не было этой динамики в XX в., причем, одной из предпосылок этого стало влияние реального социализма. Октябрь 17го г. был, конечно, подтверждением марксизма, как теории в целом, хотя это была особая историческая ситуация, выходящая за рамки антагонизма капитала и труда. Впрочем, и этот вывод о правоте Маркса не является окончательным, особенно в свете крушения советского строя в нашей стране. Ответ в теоретических спорах даст сама история. Реализуемая сегодня в целом ряде стран концепция «социального государства» – это не просто продукт осознания капитализмом «собственных пороков»⁶⁶³, а новый этап его развития, чего не было во времена Маркса. Однако время не показало ошибочности экономического детерминизма Маркса в главном – в выводе о фундаментальном значении экономической мотивации человеческой деятельности и экономических структур в истории.

Вместе с тем, данный вывод не исчерпывает всю сложность проблемы. Вполне очевидно, что в истории всегда действовала множественность факторов, совокупность причинно-следственных связей и зависимостей. Ясно и другое: то, что

⁶⁶¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.12, с.737.

⁶⁶² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т.23, с.772-773.

⁶⁶³ Лужков Ю.М. Развитие капитализма в России. 100 лет спустя: спор с правительством о социальной политике. М., 2005, с.68

составляет живую и ушедшую в небытие ткань истории, является результатом взаимодействия факторов, причем, это взаимодействие в событиях и процессах неисчерпаемо многообразно, как и мера значимости каждого из них в любой конкретной ситуации. Развитие философско-исторической мысли на всем его протяжении, как видно, мало считалось с этим в том смысле, что почти каждая разновидность детерминизма характеризуется поиском первопричины, того главного фактора, который лежит в основе всего сущего и все объясняет. Суть дела не меняет то, что при этом в той или иной мере признавалась роль иных по отношению к нему факторов, но лишь в качестве побочных, второстепенных. Следует подчеркнуть: в истории такого фактора, который бы являлся единственной и конечной основой ее развития, не существует. Поиск первопричины положительно характеризует мышление, как доказательство его стремления дойти до самой глубокой, скрытой от поверхностного наблюдения сути событий и процессов, однако упомянутый поиск безнадежен с точки зрения искомого конечного его результата. Историю можно понять лишь в качестве продукта взаимодействия факторов, в котором причина и следствие меняются местами: следствие оказывает обратное влияние на причину и в свою очередь становится причиной чего-то нового. Следовательно, не монокаузальность, а многофакторный подход к истории является единственно рациональным способом ее изучения. Однако этим проблема не исчерпывается.

Отрицание монокаузальности с неизбежностью ставит вопрос о соотношении факторов, причем, в этой связи следует различать области конкретного исторического анализа, связанного с объяснением реальных событий, и теоретического мышления. При изучении любого события совокупность причин, его породивших (факторов), будет всегда своя особая, связанная именно с данной ситуацией. Будут ли эти причины равноценны по своей значимости? Вовсе нет, различие по этому признаку в любом случае очевидно и не требует особого доказательства. Более того, один и тот же фактор – географическая среда – имел не одинаковое значение в земледелии древнего Египта, древнего Рима, средневековой Скандинавии и т.д. Рассказывают, что после одного из проигранных сражений Наполеон велел изложить ему причины происшедшего. Когда ему принесли перечень из 18 причин, он, взглянув на него, не стал читать до конца: первой причиной было названо отсутствие снарядов. Не всегда имеет место уровень мышления Наполеона при объяснении конкретных ситуаций, но всегда эти ситуации являются именно такими: в них различаются более и менее значимые причины. Что же касается проблемы соотношения факторов в качестве методологической, т.е. по отношению к истории в целом, то тут существует два варианта решения. Первый: факторы равноценны. Именно такой является теория факторов известного представителя позитивизма Г. Спенсера (1820-1903)⁶⁶⁴. Выделяя в истории совокупность факторов, Спенсер отстаивал их равнозначность. Дело, однако, в том, что этот вывод он не оставил без оговорки, которая говорит не меньше, чем сам вывод: факторы равноценны в принципе, но по отношению к конкретной ситуации на первое место по значимости выдвигаются отдельные факторы (или один), остальные же этим свойством не обладают; меняется ситуация и с ней приходит новая расстановка факторов. Это ничто иное, как уступка реальному историзму, даже если Спенсер и не пошел дальше этого. Но и в такой форме эти взгляды являются одним из аргументов в пользу тезиса о неравнозначности факторов при взгляде на историю в целом. Однако такого взгляда не существует и не может быть без опо-

⁶⁶⁴ См. Нарский И.С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960, гл.4; Кон И.С. Позитивизм в социологии. Ленинград, 1964, гл.2.

ры на анализ и понимание вполне конкретных исторических событий и процессов; разница между тем и другим лишь в уровне обобщения и абстракции, предполагающей отвлечение от конкретного многообразия явлений общественной среды. Неисчерпаемое многообразие последних — продукт действия взаимосвязи и взаимовлияния совокупности факторов, различающихся в каждом случае по своей значимости и роли. Теория не является вывернутой наизнанку историей, следовательно, если упомянутая неравнозначность проявляет себя в каждом событии, то это относится и к истории в целом. Однако конкретно-историческое исследование во всех его областях среди множества факторов показывает особую значимость экономических структур и экономической мотивации человеческой деятельности во все времена и эпохи этой деятельности, причем, речь идет не только о областях политики, права, социальной структуры общества и т.д., но и об области духовных явлений в целом. Фундаментальное значение материальных отношений в истории заключается в том очевидном факте, что они являются неустранимым условием человеческого бытия, следовательно, в разной мере основой всех сфер человеческой деятельности. То, что принадлежит к глубинным, сущностно-значимым предпосылкам и условиям этой деятельности, не может быть второстепенным, или несущественным в ее познании. Развитие истории, меняющийся мир не устраняет такой роли материального фактора и именно — способа производства материальных благ в жизни людей и объясняет сохраняющуюся значимость экономического детерминизма в разных вариантах его истолкования для понимания истории сегодня. «Маркс прав, — писал Бродель, — разве тому, что владеет средствами производства, землей судами, станками, сырьем, готовым продуктом, не принадлежит и господствующее положение? Остается, однако, очевидно, что одних только этих двух координат, общества и экономики, недостаточно. Государство... играло свою, часто весомую роль в тех сооружениях, которые с помощью определенной типологии можно сгруппировать в различные социоэкономики мира: одни — с рабством, другие — с сервами и сеньорами, третьи — с деловыми людьми и предкапиталистами. Это значит, вернуться к языку Маркса, оставаться на его стороне, даже если отказаться от его точных выражений или слишком строгого порядка, при котором всякое общество должно было бы плавно переходить от одной из своих структур к другой. Проблема остается проблемой классификации, проблемой продуманной иерархии обществ. И никому не уйти от этой необходимости, притом, начиная с уровня материальной жизни»⁶⁶⁵.

Почему же? Уходят, хотя и это еще не все: несогласие с истиной само по себе не означает ее опровержения. В данном случае нам важно другое: что значит эта уверенность — «никому»? Потому что так думал Маркс? Нет, смысл позиции Броделя достаточно очевиден: в ней есть следы заметного влияния Маркса, но вполне марксистской ее назвать нельзя, в целом это позиция Броделя, а не Маркса. В связи с этим другой пример уверенности современного американского историка Ч. Капхена: «...никто не станет отрицать, что постепенное изменение способа производства в значительной степени влияет на политические и социальные институты»⁶⁶⁶. Очевидно другое: отрицается и это, причем, не самое главное — кем или каким количеством. А вот как думает сам Капхен: «Логика исторического процесса, исторической эволюции неумолима: способ производства определяет историю, поскольку порождает фундаментальный механизм удовлетворения основных человеческих потребностей и желаний. Образ, каким люди удовлетворяют свои потребности, порождает

⁶⁶⁵ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV — XVIII в. т.1, с.596.

⁶⁶⁶ Капхен Ч. Закат Америки, с.549.

соответствующие формы управления и общественные идентичности»⁶⁶⁷. Важно подчеркнуть, что сам Капхен не причисляет себя к числу сторонников Маркса, причем это соответствует разнице точного смысла взглядов того и другого. Следовательно, тезис о фундаментальном значении экономических структур в истории перестал быть марксистским в том смысле, что в разной мере близости его истолкования к точному изначальному, марксистскому его смыслу и значению он является составной частью самых разных теоретических представлений об истории. сегодня он обладает достоинством истины с точки зрения разных методологических позиций, что также помогает понять его место и значение среди других действующих в истории видов детерминизма.

⁶⁶⁷ Там же, с.535.

Традиции и ценности православной культуры в контексте мировоззренческого выбора и проблем национальной идентичности

Восприятие окружающего мира находится в непосредственной связи с осознанием человеком своей индивидуальности и места в системе межличностных отношений. Определение жизненной перспективы и выработка нравственного самосознания неразрывно связаны с формированием мировоззрения как совокупности взглядов на самые основные вопросы бытия в целом и человека в частности. Сущность бытия, смысл жизни, понимание добра и зла, существование Бога, души и другие «вечные вопросы» решаются каждым индивидуально, реализуя право на свободный выбор в их решении.

Как известно, в современном мире существует большое количество верований и идеологий, поэтому перед человеком стоит непростая задача определения своего жизненного выбора. Одной из проблем нашего времени является отсутствие мировоззренческой цельности и эклектизм как смешение различных мировоззренческих систем. Не отрицая существование сверхъестественного Творца и духовного мира, многие не находят для Него места в своей жизни, подразделяя Его законы и заповеди на удобные для себя и неудобные или, наоборот, не желая признавать Его существования вместе с тем сохраняют приверженность неким «всеобщим законам», стоящим над частным человеческим бытием.

Попытаемся разобраться, что включает в себя понятие «традиция» применительно к православной культуре, какой мировоззренческий выбор предлагают человеку ее ценности и либеральные гуманистические идеалы, так как противоположность этих мировоззренческих концепций в современном мире во многом определяет сущность и направленность этого выбора. Попробуем определить влияние православной составляющей на формирование национальной идентичности, ведь своеобразие российской цивилизационной модели давно не вызывает сомнений ни в науке, ни в публицистике. В России издревле существовало отличное от западного представление о мире и месте человека в нем, что ярко отражается и в самобытном народном творчестве, и в художественных произведениях, и в образцах «высокого» искусства. Русскому человеку всегда был свойственен иной образ мыслей и иная поведенческая модель, отличающая его от представителя любой другой культурной традиции. В этой связи следует обратить внимание на мнение Н.А. Бердяева о том, что не следует смешивать русскую самобытность с русской отсталостью⁶⁶⁸. Ментальность русского человека включала различные составляющие – сакральную и рационалистическую, традиционалистскую и новационную, почвенническую и европоцентристскую. Однако в ней всегда присутствовало стержневое начало, по отношению к которому определялись все остальные элементы. В этой связи проблема идентичности носит скорее нерациональный характер, нежели конкретный (социально-экономический, политический и т.д.). Причем именно этические проблемы, решаемые на основе православной традиции, всегда были приоритетными в культурно-исторической составляющей российской ментальности. Эти наблюдения подтверждаются данными современных социологических исследований, в которых респонденты в числе стереотипов русского характера выделяют именно «мо-

⁶⁶⁸ Бердяев Н.А. Судьба России // Родина. 1989. №2. С.65.

ральные» факторы⁶⁶⁹.

Особенность ценностных отношений заключается в том, что они не только определяют должное (норму, императив), но и вектор желаемого, который связан с добровольным и свободным мировоззренческим выбором, стремлением к нравственному идеалу. Ведь без формирования определенной нравственной среды человек «перестает быть человеком»⁶⁷⁰. От того, какие ценности лежат в основе жизненного идеала и личной устремленности, зависит не только индивидуальное благополучие, но и нравственное здоровье окружающих – семьи, коллектива, нации и государства. Глубокое воздействие на формирование национальной идентичности русского народа, специфику российской государственности, культурных традиций, нравственных норм общественного и семейного уклада оказала православная культура. В рамках православной культурной традиции сформировался уникальный цивилизационный феномен – православный образ (уклад) жизни, а устойчивые стереотипы социального поведения, межличностных, гражданских, семейных отношений обусловили самобытность России в мировом сообществе.

В основе православной культуры лежит восточно-христианское осмысление сущности мироздания, места в нем Бога и человека, характере отношений между ними, смысле человеческой жизни. В этом аспекте православную культуру часто сравнивают с солнечным светом, который освещает человека изнутри и наполняет его жизнь высшим, духовным смыслом. Поэтому неслучайно на входе в храм св. Татианы при Московском университете начертаны слова: «Свет Христов просвещает всех», т.е. в основе любых информационных знаний, согласно восточно-христианскому пониманию, лежит образ Создателя, а приобщение к ценностям православной культуры есть познание этого Образа. Деление православной культуры на нравственную и художественную весьма условно, так как все православное художественное творчество не только отражает богословские и вероучительные истины, но пронизано нравственным началом, равно как и образ жизни православного человека включает в себя церковную музыку, иконопись, зодчество и т.д. Поэтому православную культуру можно рассматривать как синтез образа жизни, отраженного в бытовом укладе и художественном творчестве, в основе которого лежит первообраз Создателя.

По мнению философа Н.О. Лосского, в православной культуре в творческих формах жизнедеятельности человека чувственно воплотились абсолютные ценности бытия. С понятием «православная культура» тесно взаимодействует представление о духовности, которое философ связывает с личностным развитием человека: настоящая личность – это деятель, осознающий абсолютные ценности бытия и необходимость следования им⁶⁷¹. Духовность, как состояние человека, который имеет определенный образ мыслей, мотивацию и тип поведения, отличает его от человека недуховного или только душевного, чье поведение связано с проявлениями душевных свойств разума и чувств. В этом аспекте православная духовность есть опыт жизни человека, преображенного благодатью Божьей. В соответствии со святоотеческим пониманием, она христоцентрична (так как во Христе ипостасно соединены Божественное и человеческое естества), триадоцентрична (так как Христа нельзя обособлять от других лиц Святой Троицы) и церковноцентрична (так как Церковь понимается как Тело Христово). Таким образом, центром православной духовности

⁶⁶⁹ Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект // Вопросы психологии. 1993. №3. С. 107.

⁶⁷⁰ Лихачев Д.В., Симвелян Н. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М., 1988. С.8.

⁶⁷¹ Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. М., 1998.

являются Христос, Святая Троица и Церковь, а ее носителем - человек, стяжавший дар Святого Духа⁶⁷². Как полагал русский философ И.А. Ильин, «духовность не совпадает с сознанием, не исчерпывается мыслью и не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность человека состоит в уверенности, что в пределах его души есть лучшее и худшее, качества, не зависящие от его произвола»⁶⁷³. Давая философское определение культуры, он подчеркивал, что «культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души... Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно... Поэтому народ может иметь древнюю и утонченную духовную культуру, но в вопросах внешней цивилизации (одежда, жилище, пути сообщения, промышленная техника и т.д.) являть картину отсталости и первобытности. И обратно: народ может стоять на последней высоте техники и цивилизации, а в вопросах духовной культуры (нравственность, наука, искусство, политика и хозяйство) переживать эпоху упадка»⁶⁷⁴. Дни славянской письменности и культуры, широкое празднование которых намечается в Подмосковье в 2007 году, связаны с именами равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, которые именуется «просветителями словенскими», т.е. теми, кто первый принес свет христианской истины на славянские земли. В свете этой истины наши предки издревле воспринимали «образование» не как получение багажа конкретных знаний, а как восстановление в себе образа и подобия Творца.

Важнейшей ценностью православной культуры является раскрытие фундамента мироздания, конституирующей основой которого является не борьба классов и вражда между людьми, а любовь и красота мира и человека. Все что создано Божественной любовью, прекрасно и совершенно, а зло и разрушение были принесены в мир самим человеком, решившим однажды стать «как бог». Поэтому, восстановление нравственной красоты человеческой личности и есть приобщение к ценностям православной культуры, в которой существует глубокая связь между понятиями «свобода» и «ответственность», «благочестие» и «добродетель», «служение Богу, Отечеству и людям». Художественные ценности православной культуры, многие из которых – шедевры мирового значения, являются видимым отражением духовной жизни народа. Их изучение способствует приобщению к традициям предков, к духовному осмыслению своего места в современном мире, восстановление в себе утраченного нравственного образа.

Различия между восточным и западным направлением христианства были обусловлены разными мировоззренческими представлениями, изначально господствовавшими на Востоке и Западе Римской империи. Новое учение попадало на различную почву: христианские догматы «встраивались», «вращались» в существовавшие до этого мировоззренческие ценности. Кроме того, христианство после долгих и часто мучительных исканий принимали образованные язычники, которые пытались с точки зрения найденной Истины дать оценку своим прежним воззрениям. Перед принимающими христианство всегда остро стоял вопрос о путях Богопознания: через теоретические положения вероучения, которые всегда есть в любой религии или через личный опыт, не имеющий научного, в т.ч. богословского, анализа.

В восточных провинциях империи были сильны традиции и представления, основанные на греческой философии и античном миропонимании. Возникшее здесь христианство, основываясь на принципе рецепции, творчески перерабатывало, пе-

⁶⁷² Иерофей (Влахос), митрополит. Православная духовность. Свято-Троицкая Сергиева Лавра., 1999.

⁶⁷³ Ильин И.Л. О грядущей русской культуре // Родина и мы. Сборник. Смоленск., 1995. С.446.

⁶⁷⁴ Ильин И. Л. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1994. С.330

реосмысливало достижения Античности. Изучая видимый мир, греческие философы приходят к пониманию наличия законов гармонии и целесообразности, на основе которых существует Вселенная и которые определены Ее Устроителем. Мир гармонии, красоты и порядка они называют Космосом в противоположность «хаосу» – беспорядку и дисгармонии. Формально греческая философия не отвергала множества богов, но признавала над ними высший Разум. Так, преодолевая политеизм, она подходит к истине о едином Боге (философия Платона). Философы говорили также о Логосе (от греч. «logos» – «слово», «разум», «мысль», «закон»), первоначально как о вечном и всеобщем законе устройства мира, а затем как о созидательной силе Бога, действующей между Ним и созданным Им миром (Филон Александрийский, неоплатоники). У Плотина, представителя школы неоплатоников, философия близко подходит к религии: он подчеркивает трансцендентность, беспредельность, неограниченность и непознаваемость Божества, создавшего мир, который является отражением Божественной реальности и носит в себе черты красоты и совершенства. Через очищение (катарсис) человек может возвыситься до созерцания Бога, который все равно останется тайной. Так философия путем рассуждения вплотную подходит к тем постулатам, которые окончательно будут оформлены в христианстве, поэтому раннехристианские писатели называли античную диалектику «христианством без Христа». Для античного сознания на пороге христианской эры было характерно понимание существования объективной, абсолютной истины, имеющей приоритет над прочими жизненными ценностями, главным становился поиск путей ее познания и обретения. Восточные Отцы Церкви (Иустин Философ, Климент Александрийский, Василий Великий, Григорий Нисский, Григорий Богослов и др.) явились творцами синтеза эллинской философии и христианского богословия и сумели христианским языком ответить на вопросы, поставленные еще античными мыслителями и продолжавшие волновать умы и сердца всех ищущих истину. Поэтому христианство на Востоке Римской империи с самого раннего своего существования воспринималось как вера в возможность познания Бога лишь при определенном образе жизни. Идеал такой жизни был явлен в облике Иисуса Христа, а Его слова *«Я есть путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня»* (Ин. 14:6) стали реальной попыткой воплощения этого идеала. Поэтому для восточной Церкви путь познания истины с самого начала заключался в отказе от попыток исчерпать глубину веры логическим путем. Он всегда основывался на живом опыте Церкви, который находил отражение не в ее догматах и умозрительных построениях, а в конкретном образе жизни, который дает возможность ощутить заключенную в этих догматах реальность и истину, сформировать особое отношение человека к миру, друг другу, Церкви и ее вероучению. Здесь *«у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа»* (Деян.4:32). В богословской литературе такой подход называется апофатическим. Со всей очевидностью и образностью он отражается в церковном искусстве (архитектуре, иконописи, музыке и др.). Символический язык восточно-христианского искусства скорее доступен и открыт духовному опыту человека, нежели умозрению и непосредственному восприятию. Так, византийские и русские иконы, отражающие лики святых, невозможно просто смотреть, как западноевропейские картины на библейские сюжеты, а необходимо созерцать, чтобы познать всю глубину богословской мысли, запечатленной в них.

В противоположность методу познания Божественной истины, основанному на живом церковном опыте, на западе Римской империи был предложен интеллек-

туальный подход к ее овладению, базирующийся на теоретическом изучении вероучительных догматов. Этот подход отражал западный тип сознания, базирующийся на индивидуальном разуме, который всегда ограничен рамками формальной логики и склонен к рационализации и схематизации явлений, что, в частности, объясняет исключительно высокий уровень развития римского права. Для такого подхода чуждо представление о существовании абсолютной истины, и ее несомненном приоритете среди других ценностей. Допрашивая Иисуса Христа, который, по Его словам, *«на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего. Пилат сказал Ему: что есть истина?»* (Ин.18: 37-38). Для римского гражданина с его представлением об относительности истины была очевидна невинность Христа: каждому было дано право понимать истину по своему разумению. Такой подход к религии сформировался в силу того, что она была включена в систему государственных отношений, а не являлась предметом долгих и мучительных поисков абсолютной истины. Западно-римский человек мог сравнивать различные ценности, которые были для него относительно равными: государство, семья, религия. Их иерархию и значение в своей жизни он выстраивал в соответствии с законом, отраженным в римском праве. Со временем это привело к абсолютизации индивидуального разума и сформировало особый тип цивилизации, иной образ жизни, основанной не на абсолютном приоритете истины (как в восточно-христианской традиции), а на предпочтении пользы и удобства в выборе жизненных ценностей.

Первый важный этап теоретического обоснования такого подхода связан с именем Аврелия Августина (354-430 гг.). Родившись в Тагасте (Северная Африка), он не знал греческого языка, но получил хорошее риторическое образование и изучал право по трудам Цицерона, Тертуллиана и Амвросия Медиоланского. По влиянию последнего он принял крещение, а с 395 г. стал епископом и написал ряд богословских трудов. Блаженный Августин соединил восточное высокое богословское познание истины с традиционным вниманием Запада к человеческому индивидууму. Индивидуальному разуму приписывалась возможность познания (т.е. обладания) истиной, в то время как человеческое сознание в земных условиях, по представлению восточных христиан, способно в силу несовершенства человеческого разума лишь приближаться к ней. Со временем труды Августина были использованы для формирования идейной основы западно-римского христианства и латинской культуры, лишенной греческого влияния, а его мысль о том, что в справедливость высших решений можно только верить, их нельзя понять были восприняты Лютером и сделали Августина предшественником протестантской этики. В восточном христианстве участие в истине Церкви предполагает отказ от индивидуализма и преобразование своей жизни в соответствии с этой истиной на основе личной веры в нее. Августин же утверждал, что Церковь — это религия, которая помогает индивидууму в сохранении личной нравственности, дает каждому отдельному человеку защиту благодаря высшему авторитету. Развивая эти идеи, Фома Аквинский (1225 или 1226-1274 гг.) отстаивал идею об относительной самостоятельности естественного бытия и человеческого разума. Эти положения со временем стали фундаментом для формулировки основных гуманистических представлений.

Со временем мировоззренческому выбору, основанному на ценностях православной культуры, был противопоставлен гуманистический идеал, центром которого является человек без Бога, сам ставший «как бог». Безрелигиозная (светская) культура также имеет свой источник, но это не солнечный Божественный свет, пи-

тающий православную культуру, а человеческий разум, за которым признается способность формулировать и познавать абсолютные истины.

Гуманизм возник в Европе в период распада Средневековья как попытка создания безрелигиозной системы взглядов, отвечающей на «вечные вопросы» о смысле жизни и бытия. Он заложил основы светской культуры и образования. В начале гуманизм был учением, которому европейское человечество обязано лучшими достижениями: отменой рабства, политическими свободами, введением гарантий неприкосновенности личности, проведением социальных и гуманитарных реформ. Поэтому многие образцы западного светского искусства обладают высоким эстетическим потенциалом.

Но в традиционной форме гуманизм оказался противоречивым и несостоятельным, т.к. замена веры в абсолютные и объективные ценности, существующие вне разума и воли человека, удовлетворением его субъективных потребностей, столь различных у разных людей, с самого начала таила в себе разрушительный мотив: сколько людей, столько мнений об истине, добре и зле. В современном мире существует много гуманистических концепций, но основные постулаты гуманизма могут быть определены тремя положениями: «Человек — высшее существо на земле», «Все люди равны в своих естественных правах»; «Каждый человек имеет право на свободное развитие и проявление всех своих способностей». Именно эти положения гуманизма определяют не только высшую политику ряда государств, но и являются одной из альтернатив в мировоззренческом выборе современного человека.

При беглом взгляде «со стороны» может казаться, что между христианством и гуманизмом есть много общего. Так, гуманисту нравятся этические понятия христианства о достоинстве и уникальности человеческой личности, ее свободе, о том, что люди должны жить в мире и согласии, уважать права и свободы друг друга. Но гуманист пытается все христианские понятия приспособить под свое понимание, тем самым, переворачивая наизнанку их смысл, что приводит к трансформации этих понятий и изменению их сущностных основ. Попробуем разобраться в этих изменениях.

Гуманист не согласен с тем, как религия определяет место человека по отношению к Богу, поэтому в центре гуманистического мировоззрения находится не Бог, а человек, как высшее существо. Если Бога нет, то человек — продукт естественного отбора и «высшая, разумная обезьяна», о чем продолжают повествовать учебники по биологии. Некоторые гуманистические системы близки к деизму, поэтому Бог мыслится как некий абстрактный Высший разум, никак не связанный с конкретным человеком, который все равно остается высшим существом. В противоположность гуманизму христианство утверждает, что хоть человек — венец Божественного творения, но между ним и Богом — онтологическая пропасть: человек никогда не может быть равен своему Создателю, но может быть лишь подобен Ему.

Отрицая Бога, гуманист отрицает и христианское учение о происхождении зла, как следствия грехопадения первых людей. Он полагает, что любое зло является следствием внешних факторов: природы, государственной власти, действий классового противника. Логическое продолжение этого положения приводит гуманиста к признанию, что конституирующим основанием мироздания является не любовь и добро, а вражда и ненависть классов и людей друг к другу. Так, марксизм связал гуманизм с революционной борьбой пролетариата и в этом смысле К.Маркс называл коммунизм «реальным гуманизмом». Православная культура не считает зло явлением сущностным, т.е. оно является лишь проявлением конкретного действия,

как объективно не существует тьма, а это лишь отсутствие света, или холод, как отсутствие тепла. Поэтому зло, с православной точки зрения, это отсутствие любви и добра, а его присутствие в мире — результат человеческого выбора.

Отказ от Бога приводит гуманиста и к отрицанию голоса Божия в душе человека, то, что христиане называют совестью. Но в человеческой природе нет такого телесного органа или душевного качества, которое позволят человеку в каждый конкретный момент безошибочно избрать путь полезный или вредный для него самого. У него нет внутреннего зрения, чтобы видеть глубинные причинно-следственные связи всех своих поступков и их последствия для себя. Нет такой науки, овладение которой позволит человеку в каждом конкретном случае сделать единственно правильный выбор между добром и злом. В соответствии с представлениями христиан, только голос Бога в душе и Богообщение позволяют найти выход, не нарушающий интересы и нравственное устроение самого человека. Решение как серьезных мировоззренческих, так и постоянных житейских проблем всегда ставят человека перед выбором, последствия которого могут сказаться не только на его жизни сразу, но и на судьбе его потомков. В соответствии с христианским пониманием, зная это, Бог для его же блага предостерегает человека от смешения в своей душе добра и зла, так как сам человек не сможет найти выход из этого мутного потока.

В безрелигиозном гуманистическом мировоззрении отсутствует понятие греха, но есть понятие нарушения принятого в обществе закона. Бессовестный поступок понимается как нарушение юридической нормы. Высшим нравственным идеалом становятся отношения, основанные на формуле: «не делай другому того, что не хочешь потерпеть сам», а не христианский нравственный идеал любви к Богу и к ближним. При таком подходе главное место в привитии этических норм и нравственных понятий начинает занимать воспитание в духе соблюдения юридических законов, а не в пристальном внимании к своему внутреннему миру и своей совести.

В таком случае для человека всегда есть соблазн («если никто не видит») пренебречь внешним законом: ведь «если нет Бога, то все позволено» (Ф.М.Достоевский), что создает почву для двоемыслия и двойных стандартов. Более того, гуманистический нравственный принцип не предполагает жертвенную, бескорыстную любовь, которая является основой отношений в Православии, когда, отдавая бескорыстно, человек не рассчитывает на равное вознаграждение.

Все естественные потребности гуманиста связаны с земной жизнью человека, как единственной, и они должны удовлетворяться, что регулируется юридическим законом, так как подобные потребности есть и у других людей. Данное положение лежит в основе современного правозащитного движения, требующего соблюдения любых естественных прав человека. Идеал гуманиста о всесторонне развитой личности искажает саму сущность человека, так как пытается построить его воспитание не на соблюдении личностного иерархического устройства (дух, душа, тело), а на удовлетворении естественных потребностей, границы которых сам человек определить не может. Отсюда противоестественная для православной культуры борьба за права сексуальных меньшинств, легализацию однополых браков, оправдание абортов, эвтаназии и иных пороков. Признание земной жизни как единственной приводит к ее определенному образу, ориентированному на успех, карьеру и земные блага и отношению с другими людьми как конкурентами за эти блага, поэтому они чаще враги, чем друзья.

И православная культура, и гуманизм утверждают, что человек — существо свободное. Но свобода христианина в добровольном следовании за голосом Бога в

своей душе, а гуманиста — за своими естественными потребностями. С точки зрения гуманиста, христианин связан многочисленными путями ответственности перед Богом и людьми и поэтому не свободен, а с точки зрения христианина, гуманист — раб самого себя, своих потребностей и желаний. Кто из них прав? Это и есть личный мировоззренческий выбор.

Научные исследования специалистов в различных областях знаний показывают, что российская цивилизация имеет свои представления о мироздании и месте человека в нем, так как ее развитие базировалось на ценностях восточного христианства и его традициях. Еще Д.С. Лихачев, изучая особенности русской духовности, писал, что на Руси «существовала своеобразная духовная культура — культура невидимого града Китежа, как бы «незримая», плохо понятая и плохо изученная, не поддающаяся нашим шаблонным представлениям о том, какой должна быть «настоящая культура»⁶⁷⁵. Духовно-нравственные истоки формировали самобытность развития, ценностные приоритеты и традиции. По мнению Н.А. Бердяева, русский народ обладал целым рядом отличительных национальных качеств, составляющих его духовно-нравственную основу, среди которых он выделял душевность, милосердие, способность пренебречь материальными благами во имя светлой веры. Он полагал, что «душа российского народа — великодушная, бескорыстная и терпимая, дарящая, а не отнимающая»⁶⁷⁶. В рамках любой культурной традиции формируется набор иерархических ценностей, которые аккумулируют представление людей о значимости разнообразных явлений действительности, как прошлого, так и настоящего. Ценности, которых придерживается и которые исповедует человек, являются лучшей характеристикой его личности. Для русской культуры, ориентированной на поиски абсолютной истины, добра и справедливости, светлого будущего утрата духовного идеала и социальной перспективы являются основным фактором развития энтропийных процессов, приводящих к разрушению социальных институтов, освобождению человека от нравственных ограничений и деградации его личности. В отличие от западных культур, общность русской культуры обеспечивается, главным образом, духовно-ценностными факторами идеального порядка: восточно-христианским представлением о мироздании, русской идеей и т.д. Отмечая эту особенность национального менталитета, Ф.М. Достоевский писал: «Полюби сперва святыню мою, почти ты то, что я чту, и тогда ты точно таков как я, мой брат, несмотря на то, что ты одет не так, что ты барин, что ты начальство и что даже и по русскому-то иной раз сказать хорошо не умеешь»⁶⁷⁷.

Либерализация российской экономики в начале 90-х гг. XX в. характеризовалась не только экономическими процессами, но и попытками привнести в сознание большой массы людей новые нравственные ценности, противоречащие традиционному мировоззрению и миропониманию. В основе этих «новых ценностей» лежит гуманистическая идеология, чувство национальной ущербности и цивилизационной отсталости. Эти черты оказались чуждыми традиционной российской культуре, что привело к демографическому кризису, поставив страну на грань выживания: за счет сокращения рождаемости, возрастания смертности и уменьшения продолжительности жизни Россия потеряла за последние 15 лет более 17 млн. человек, что в 1,7 раза превысило репрессии сталинского периода, сопоставимо с потерями в годы Первой мировой войны и значительно уступает лишь периоду нашествия на страну фашистской Германии. Наибольшее количество погибших и преждевременно умер-

⁶⁷⁵ Лихачев Д.С. Земля родная. М., 1983. С.78.

⁶⁷⁶ Бердяев Н.А. Душа России. Л., 1990. С.54.

⁶⁷⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Л., 1984, т.27. С.19.

ших отмечалось в 1994-1996 гг. (до 700 тыс. человек в год)⁶⁷⁸. При этом исследователи отмечают, что ни один из известных социально-экономических факторов и даже их общая совокупность не могут объяснить той трагедии, которую испытывает наше общество⁶⁷⁹.

Сходные процессы экономического упадка наблюдались в других странах и ранее. Например, в США в годы Великой экономической депрессии промышленное производство к 1932 г. сократилось в 2 раза по сравнению с 1929 г., инвестиции упали в 4 раза, мощности тяжелой промышленности были загружены всего на 15-20%. Банковская и биржевая системы лопнули, страну захлестнула волна массовых банкротств. Экономический спад носил затяжной характер, что привело к резкому росту уровня бедности и вызвало крупномасштабную миграцию населения. В 30-е гг. XX в. аналогичные процессы имели место и в европейских странах.

Сравнение этих фактов с российской действительностью 90-х гг. XX в. приводит к интересным наблюдениям.

В соответствии с общими социально-экономическими законами сходные по масштабам и скорости кризисные явления (30-е гг. в США и Европе и 90-е гг. в России) должны были бы иметь идентичные стрессовые реакции населения и схожесть демографических последствий. Однако вопреки этому наблюдаются существенные различия. Так, количество самоубийств в Америке в 30-е гг. возрастает всего на 5-8% по сравнению с предшествующим периодом, а в России в 1990-1994 гг. — на 60% (в т.ч. среди мужчин — на 70%, а среди женщин — на 21%). Уровень смертности в Англии в 30-е гг. вырос всего на 5%, в Германии — на 2%, в Швеции — на 1%, а в России в 1994 г. — на 50% по сравнению с серединой 80-х гг. Дело в том, что американцы и европейцы вышли из социально-экономического кризиса 30-х гг., не изменив своих нравственных основ. Нашему же народу было предложено поменять свои нравственные устои на чужеродные, поэтому в обществе происходила глубинная психологическая реакция их отторжения, вызвавшая рост смертности населения.

При этом определяющим фактором этого отторжения явилось не предшествующее советское воспитание, а историческая память народа, его этнический генотип, что подтверждается данными демографов. Так, сильнее всего депопуляция проявилась в регионах вокруг Великого Новгорода, имеющих наиболее древние национальные корни. Мужчины пострадали больше, так как их социальная роль подверглась большей деформации, чем у женщин. Наибольший рост смертности наблюдался не у пожилых и стариков, а среди молодежи и лиц среднего возраста: духовный генотип молодых людей оказался менее защищенным, так как не имел «защитных» механизмов. В этой связи не бесосновательным является вывод о том, что «демографическое положение России зависит от уровня идейно-духовного состояния российского общества» и «национальной (цивилизационной) идентичности российской государственности»⁶⁸⁰. Исследователи отмечают, что «демографический кризис в России из гуманитарно-цивилизационного перешел в качественно новое состояние, а именно, угрозы национальной безопасности»⁶⁸¹.

⁶⁷⁸ Сравните: в 1937-1938 гг. («пиковые» годы политических репрессии) было расстреляно, соответственно, 353 тыс. и 328 тыс. человек.

⁶⁷⁹ См., например, Венедиктов Д.Д., Гребнев Л.С., Даниленко И.С. и др. Демографическая доктрина России. Проект для обсуждения. М., 2005; Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М., 2001.

⁶⁸⁰ Сулакшин С.С. Российский демографический кризис от диагностики к преодолению. М., 2006. С.4.

⁶⁸¹ Там же. С.20.

Духовный кризис и реальная угроза утраты национальной идентичности резко активизировали в российском обществе процессы оздоровления самосознания, поиск путей национальной интеграции и консолидации. Ведь как отмечал еще И.А. Ильин, «национальное обезличивание есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в песок и мусор»⁶⁸².

Активный поиск национальной идентичности приводит различные общественные силы к пониманию того, что духовный опыт прошлого способен дать творческий ответ на вызовы современности, а рост национального самосознания направлен на возрождение ценностей православной культуры, которые рассматриваются как основа духовности и нравственности русского народа. «Необходимо, наконец, правдиво и честно, — пишет А. Салтыков, — показать подлинное значение православия для формирования нации и личности русского человека. Это значение настолько велико, что всякое искажение истины в этом вопросе, всякое забвение места веры в русской исторической жизни наносили и продолжают наносить ощутимый урон русскому самосознанию»⁶⁸³.

Духовная жизнь современного российского общества многосложна и противоречива. Этот процесс связан не только с противостоянием традиционных ценностей культурных идеалов попыткам их вестернизации, внедрению в сознание и жизненную практику чуждых российской цивилизационной модели образцов, но и наличием серьезных проблем на пути духовного возрождения на основе ценностей православной культуры. Возращение к истокам, как освобождение из Вавилонского плена или как исход из Египта не может быть легким и беспроблемным. С одной стороны, наблюдаются позитивные перемены, связанные с возрождением интереса к традициям православной культуры, роли Православия в истории страны и его месте в жизни конкретного человека. Возвращены к жизни многие художественные ценности, восстановлены многочисленные православные храмы и монастыри, нравственные ценности православной культуры начинают определять жизнь наших современников. С другой стороны, из-за массового притока в Церковь людей, еще далеких от понимания сущностных основ православной веры и культуры в последнее время внутри церковной общественности стали заметны радикальные тенденции, направленные, с одной стороны, на модернизацию церковной жизни, с другой, консервативно-ретроградские.

Наблюдая эти явления, А. Кураев, пишет: «на наших глазах снова складывается полуподпольное мирянское движение»⁶⁸⁴. Он отмечает, что «никогда в истории Церкви не было такого числа знающих, грамотных, образованных людей», т.к. «история еще не знала такого общества, которое сложилось в XX веке, - общества всеобщей грамотности». Но в то же время «никогда не было в Церкви такой свободы слова. Сегодня в Церкви отсутствует цензура: и внешняя (внутрицерковная) и внутренняя»⁶⁸⁵. Недостаток внешней цензуры приводит к выпуску значительными тиражами книг, не имеющих отношения к подлинно православной литературе, а отсутствие внутренней цензуры, овладение которой возможно только на основе личного духовного опыта, и недостаточная религиозная просвещенность ведут к не-

⁶⁸² Ильин И.А. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. №7. С.83.

⁶⁸³ Салтыков Александр, священник. Стержень российской духовности // Русский вестник: Пресс-сборник. Л., 1990. № 1. С.23.

⁶⁸⁴ Кураев А., диакон. Испытание, которое приходит «справа». М., 2005. С.44.

⁶⁸⁵ Там же.

офитскому сознанию.

Для этого типа сознания разнообразные мирские идеалы – демократии, прав человека, свободы слова, свободы религий, экуменизма, общечеловеческих ценностей – оказываются приоритетными по сравнению с собственно религиозными. Люди, открывающие для себя православные истины в зрелом возрасте, при отсутствии глубинного духовного опыта, вначале способны воспринимать лишь простейшие, а поэтому поверхностные и односторонние фрагменты православной традиции, при этом пропуская их через призму своего атеистического опыта. Поэтому для многих церковная жизнь становится новым полем битвы за те идеалы, которым они служили до религиозного обращения. Остро переживая открывшуюся религиозную истину, неопиты пытаются оценить окружающий мир и всех вокруг с только что обретенных позиций. Одни из них склонны привести все в соответствие с современными представлениями, модернизировать, отказаться от традиционных форм церковной жизни, другие – укрепить основы Церкви, якобы, подвергающиеся искажению под влиянием «духа времени»: фундаментализм, как воинствующий традиционализм, в той или иной мере присущ любому религиозному обществу. Опасность для возрождения традиционного (святоотеческого) понимания ценностей православной культуры заключается в том, что «человек полуграмотный – научился читать на свою голову, но не научился брать дистанцию от прочитанного. Он охотно верит листовкам и газеткам. А значит, он становится управляемым... Именно это является новым феноменом нашей церковной жизни»⁶⁸⁶.

При этом если модернистские тенденции имеют слабые корни в истории Русской Православной Церкви, то противоположные им ретроградные представлены длительной борьбой иосифлянства против «нестяжательства». Охранительная тенденция иосифлянства, защищая традиционные формы правоверия, играет положительную роль, пока не становится доминирующей, подавляя живую церковную жизнь. Насильственные методы иосифлянства способны сломить волю человека, а в безволии не может сформироваться сознательная и глубокая вера. «Нестяжательская» традиция преображает душу человека, способствует его свободному духовному возрастанию, совершенствуя разум и волю. Подлинное православное просвещение сочетает, объединяет положительный опыт обеих тенденций русского православного благочестия.

Новообращенные приносят в современную православную Церковь языческую атмосферу: вера во внешние средства как самодостаточные для спасения, нежелание менять ничего в себе для того, чтобы получить желаемое от Бога приводит к обрядоверию и искажению не только понимания сущности православной культуры, но и своего духовного мира. Сакрализация второстепенного – признак фарисейства, а стремление к правильности совершения ритуала – одно из требований языческой магии. Так вместо основополагающих христианских представлений формируется синкретическое мировоззрение, как неестественное смешение языческих, магических и оккультных представлений, что приводит к фанатизму, не имеющего ничего общего с ценностями православной культуры. Но при этом окружающее Церковь нецерковное общество, в котором отсутствует глубокое духовное видение, отождествляет неопитов с носителями истинно православных ценностей, что искажает представление о сущностных основах Православия и традициях его культуры.

Порой новообращенная паства, желающая переложить на приходское духовенство проблемы личной ответственности за собственное духовное возрастание,

⁶⁸⁶ Там же. С.49.

стремится воспринять советы священника как непреложное руководство к действию, что накладывает на него сугубую ответственность за свое наставничество. Но в ситуации массового рукоположения неготовность и недостойность ряда кандидатов в священнослужители приводит к появлению такого чуждого православной традиции явлению, как младостарчество⁶⁸⁷.

Издревле в истории известны два типа организации религиозных общин. Один условно можно назвать харизматическим, при котором статус религиозного лидера определяется его личными качествами, духовными или магическими способностями. Другой – институционный, сущность которого кратко выразил Эразм Роттердамский, защищая папский принцип от нападок Лютера: «Бог излил Дух на тех, кому Он даровал должность»⁶⁸⁸. В Православии оба типа совмещаются. Институционно-иерархический принцип предусматривает действенность любого Таинства, совершенного священником, независимо от его личной духовной жизни, так как в данном случае он делится с прихожанами не своим наработанным опытом, а благодатью, данной ему от Бога. Но личный духовный опыт священника будет востребован, если возникнет необходимость в его духовном совете. «Такое сочетание священства и монашества, епископата и старчества дает Православию жизненность и устойчивость», – подчеркивает А. Кураев⁶⁸⁹.

Но болезнь «детского духовного возраста» порождает опасность антииерархического движения мирян, как новообращенных, так и политизированных. «Люди сами себя объявляют цензорами, защитниками и очистителями христианской веры и традиции, и такое самосознание дает им в их собственных глазах право на весьма радикальные суждения и действия. Дух реформации – это именно дух, это некая психология, самоощущение», – считает исследователь⁶⁹⁰. Одно из направлений такого движения – противопоставление епископата монашеству, «старчества» епископату, а также приходскому духовенству и богословским школам. Так неофитское сознание пытается разрушить основополагающий принцип православного миропонимания – иерархичность как гармонию мироздания и посягает на церковное единство.

Радикализм неофитской части церковной общественности служит основанием для создания и роста религиозно-политических движений. Их лидеры свободно трактуют ряд положений православного догматического богословия, разжигают ксенофобию и формируют образ врага, при этом, не определяя четкого и точного критерия, делят мир на «наших» («православных») и «не наших» (всех остальных). Доктор политических наук А.В. Митрофанова выделяет несколько направлений «политического православия», подчеркивая их идеологическое сходство и общность. Все они отрицают авторитет православных религиозных лидеров, иерархов и официальных структур Русской Православной Церкви, и сами мечтают стать частью существующей государственной системы⁶⁹¹. Исследователь также отмечает, что «мировой опыт свидетельствует: чем больше люди знают о религии, тем меньше вероятности, что они поддадутся на пропаганду сторонников политической религии... Несомненно, людям следует предоставить как можно больше знаний о право-

⁶⁸⁷ См. подробнее: Соколов Владимир, священник. Младостарчество и православная традиция. М., 2006.

⁶⁸⁸ Эразм Роттердамский. Диатриба, или Рассуждение о свободе воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986. С. 227.

⁶⁸⁹ Кураев А., диакон. Испытание, которое приходит «справа». С. 76.

⁶⁹⁰ Там же. С. 4.

⁶⁹¹ Митрофанова А.В. Политизация «православного мира». М., 2004.

славии (и других религиях), однако эти знания не должны носить идеологический характер...Необходимы специально подготовленные учителя, однако в нынешней ситуации российское государство вряд ли выделит ресурсы для программ их подготовки»⁶⁹². С этим утверждением вряд ли возможно не согласиться.

Таким образом, в результате целого ряда катаклизмов, обрушившихся на Россию в XX в., произошло разрушение традиционной духовности русского народа, подрыв его национального сознания, что привело к тяжелым социально-политическим, экономическим и культурно-мировоззренческим последствиям. По образному выражению О. Платонова, ныне русская нация – нация «поверженная, черпающая свою силу не из прямых источников света, а воспринимающая ее в слабом отражении кривых зеркал»⁶⁹³. Однако культура создается человеческой личностью, а глубины культурных достижений обусловлены духовностью и творческим потенциалом человека, его приверженностью идеалам и ценностям национальной традиции. Поэтому, как полагал еще И.А.Ильин, «как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать...не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность»⁶⁹⁴. Интегральной характеристикой человеческой общности является ее менталитет, как фундамент национальной идентичности, при этом основу российской ментальности составляют традиции и ценности православной культуры.

⁶⁹² Там же. С. 267

⁶⁹³ Платонов О. Русская цивилизация. М., 1995. С.201.

⁶⁹⁴ Ильин И.А. О русской идее // О грядущей России. М., 1992. С.324

Школьные учебники по отечественной истории как предмет историографических исследований

Новым направлением в историографических исследованиях в 80-е гг. XX века стало изучение содержания школьных учебников по истории России. Впервые в историографической практике был исследован комплекс учебников и учебных пособий по русской истории (более ста, не включая переизданные) XIX – начала XX вв.⁶⁹⁵ Была доказана правомерность и целесообразность использования школьных учебников как историографических источников, которые, концентрированно отражая уровень развития научной мысли явились источниками по изучению концепций не только крупнейших историков, таких как Д.И. Иловайский, В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, но и целых историографических школ и направлений. Изучение учебников, критических рецензий на них, публиковавшихся в журналах «Вестник воспитания», «Журнал Министерства народного просвещения», «Русское богатство» и других, позволило сделать вывод, что в конце XIX – начале XX вв. процесс смены официально-охранительной концепции русской истории на либеральную шел в острой идейно-политической борьбе двух направлений.

Школьный учебник зачастую является не только единственным источником по изучению концепций, но и эволюции авторских взглядов на историю страны. Если «Курс русской истории» В.О. Ключевский заканчивает 1861 годом, то «Краткое пособие по русской истории» (1-е изд. – М., 1899; 8-е изд. – М., 1917) – началом XX века. Таким образом, последовательное изложение истории пореформенной России В.О. Ключевским можно найти только в школьном учебнике. (В.О. Ключевский первоначально издавал «Краткое пособие по русской истории» как пособие для нерадивых студентов и слушателей вечернего отделения МГУ. На практике оно стало наиболее востребованным учебником во многих московских гимназиях, других средних учебных заведениях, главным образом частных). Сравнительный анализ разных изданий учебника В.О. Ключевского показал эволюцию взглядов учёного в оценке буржуазных реформ второй половины XIX века, выразившегося усиление критического отношения к ним.

Содержание либеральных учебников по отечественной истории начала XX в. свидетельствует о процессе интенсивного расслоения школы Ключевского. Последователи учёного разбились на два основных лагеря. Интерпретация истории России первых оставалась в русле концепции В.О. Ключевского. Вторые, испытав заметное влияние демократических идей, образовали левое крыло либеральной историографии.

Историографический анализ концепции отечественной истории С.Ф. Платонова, получившей отражение в его школьном учебнике⁶⁹⁶, позволил пересмотреть господствовавшее в советской историографии мнение о принадлежности С.Ф. Платонова к официально-охранительной, дворянской историографии и определить

⁶⁹⁵ Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории в конце XIX–начале XX в. // Советская педагогика. 1982. №6.; Фукс А.Н. Отражение концепции отечественной истории в школьном учебнике С.Ф. Платонова // Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах российских историков XIX - начала XX века. - Воронеж, 1983; Фукс А.Н. Школьные учебники по русской истории. – М., 1985; Фукс А.Н. Идеиная борьба по вопросам содержания школьных учебников истории второй половины XIX в. – 1917 г. // Народное образование. 1985. №5; Фукс А.Н. Учебник по русской истории в дореволюционной России // Советская педагогика. 1987. №3 и др.

⁶⁹⁶ Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. – Ч. 1 - 2, СПб., 1909 - 1910.

его место в исторической науке как главы петербургской либеральной школы историков. С.Ф. Платонов продвинул значительно вперед историческую науку, придя к новым результатам в решении таких проблем, как образование государства, правление Ивана Грозного, опричнина, и, особенно, в рассмотрении истории Смутного времени. Идеино-политическая борьба, развернувшаяся в русском обществе в начале XX века, получила широкое отражение в школьных учебниках всех основных направлений отечественной историографии. Если до первой русской революции либеральные авторы активно боролись против официально-охранительных идей, проповедуемых в учебной литературе, то после 1905-1907 гг., когда либеральная историческая наука вступила в полосу кризиса, эволюция либерализма идет в сторону сближения «с охранителями». По сути, либерально-монархическая схема русской истории приобретает статус официальной доктрины.

В диссертационных исследованиях И.В. Бабич (1989), А.Я. Орловского (2002), О.Н. Шапариной (2004), Т.А. Володиной (2004) на том же материале были подтверждены положения об историографическом значении школьных учебников по истории.⁶⁹⁷

В последнее время предметом историографических исследований стали современные школьные учебники. На кафедре методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета была подготовлена и успешно защищена кандидатская диссертация Н.Е. Поваляевой на тему «История России до начала XX века в современных школьных учебниках» (2005 г.), подготовлена также диссертация М.А. Шабельниковой «Отражение вопросов русской культуры в школьных учебниках и в учебной литературе по истории России в XX-XXI столетии».

Исходя из понимания предмета самой исторической науки, следует оценивать историографическое значение учебной литературы. Историческая наука получает прямой выход в социальную практику в школьных учебниках истории, которые, формируя мировоззрение подрастающего поколения, решают образовательные и воспитательные задачи. Дискуссии вокруг содержания учебников по отечественной истории стоят в центре внимания научной и общественной жизни страны. Связь между исторической наукой и обществом во все времена осуществлялась и осуществляется главным образом через школьное историческое образование. В решении проблемы соотношения «истории и современности» нельзя обойтись без анализа этой связи, посредством которой реализуются социальные функции исторического познания такие, как выяснение закономерностей истории, прогнозирующая, функция социальной памяти и, что самое важное, – воспитательная. Подчеркнём, что именно в реализации социальных функций заключается ответ на вопрос – «Зачем нужна история?».

Учебник истории несет в себе двойную информацию. Во-первых, содержательную (историографическую), так как он является массовым и информативным источником по изучению процесса формирования, развития и взаимовлияния раз-

⁶⁹⁷ См.: Бабич И.В. Преподавание русской истории в гимназиях и политики Министерства Народного Просвещения в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1989; Орловский А.Я. Школьные учебники по русской истории в России в конце XIX – начале XX в. (опыт создания и методического построения): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук. М., 2002; Шапарина О.Н. Историческое образование в русских гимназиях в начале XX века. 1901 - февраль 1917 гг. (На материалах Московского Учебного округа): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 2004; Володина Т.А. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII - конец XIX вв.): Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. М., 2004.

личных исторических концепций. Во-вторых, школьный учебник содержит большой объем идейно-политической информации.

Правящие круги любой страны всегда это осознавали и уделяли пристальное внимание содержанию учебников истории. Возьмём историю России. Первый учебник истории («Синописис», 1674 г.) более ста лет был основным учебником истории в Российском государстве. Чем объясняется столь долгое его использование? Прежде всего, идейно-политическим содержанием, которое устраивало власть. В нём красной нитью проходила мысль, что единство и сохранение государственности славян может обеспечить только российское самодержавие. В XIX – начале XX вв. правительством активно поддерживались учебники официально-охранительного направления науки, содержание которых позволяло реализовывать основную задачу школьной истории – «воспитание любви и преданности Престолу и Отечеству». В начале 1930-х гг. И.В. Сталин поставил задачу написания учебников по истории СССР в свете формационной теории. Под его контролем осуществлялось написание школьных учебников и соответственно становление советской **моноконцепции** отечественной истории. Введение в научный оборот историографии понятия **«моноконцепции»** требует его пояснения. В буквальном смысле историческая концепция – это система исторических взглядов. Научная модель понятия *концепция отечественной истории* включает три основных структурных компонента: первый – политическая позиция; второй – методология; третий – решение центральных проблем отечественной истории. Суть концепции не может быть понята вне анализа её теоретико-методологических и политических основ. Хочет того историк или нет, но он всегда занимает определённые теоретико-методологические и политические позиции, которые реализуются в решении конкретно-исторических проблем. В истории русской исторической мысли можно проследить несколько господствовавших монистических подходов к оценке истории. В эпоху Древней Руси и раздробленности – это провиденциалистический подход (Бог определяет историю). Для дворянской историографии – это монархическая концепция, в основе которой методология рационализма и прагматизма (в центре истории личность монархов и полководцев, отсюда главное внимание – политическим событиям). Для советской исторической науки стержень моноконцепции – развитие производительных сил общества.

В советские времена содержанию учебников придавалось огромное значение на партийном и государственном уровне. С изменением политической ситуации в стране менялось и содержание учебников, прежде всего в оценке современной истории. В учебниках по истории СССР для 10 класса средней школы (XX век. Советский период) в 1950-60-е гг. сначала развенчивался культ личности И.В. Сталина, затем полностью исчезал с авансцены истории Н.С. Хрущев и добавлялись материалы по каждому «решающему», «определяющему» и «завершающему» годам очередных пятилеток. Тем не менее, несомненным достижением Советской эпохи впервые в мировой истории был переход в начале 1970-х гг. на всеобщее обязательное среднее образование, что обеспечивало каждому молодому гражданину страны возможность изучения истории Отечества с древнейших времён до современности.

Одним из результатов «перестройки» явился не только системный общественно-политический и экономический кризис, но и кризис общественного исторического сознания, исторической науки, и соответственно кризис преподавания истории в школе. От советских учебников отказались, а замены им не было. (Однако в практике преподавания учителя по-прежнему продолжали использовать учебники по истории СССР). Дело дошло до того, что в начале 1990-х гг. стали издаваться

дореволюционные учебники и использоваться в школах. Крупными тиражами выходили учебники не только лидеров либеральной академической науки В. О. Ключевского, С.Ф. Платонова, но и ставшие «архаичными» еще в конце XIX – начале XX вв. учебники представителей официальной историографии И.И. Беллярминова, Д.И. Иловайского, М.Я. Острогорского и других. Например, издательство «Просвещение», пытаясь заполнить образовавшийся вакуум в издании учебной литературы, в 1993 г. в серии «Учебники дореволюционной России по истории» многотысячным тиражом выпустило учебники И.И. Беллярминова «Элементарный курс всеобщей и русской истории» и Д.И. Иловайского «Краткие очерки Русской истории». Начало 90-х годов XX века характеризуется отсутствием чёткой государственной политики в области исторического образования, «аморфностью» идеологических ориентиров. Стали модными тезисы о «деидеологизации» исторического знания, которые раздавались на самом высоком уровне. Однако призыв такого рода есть не что иное, как внедрение новой идеологии, направленной на разрушение исторических традиций и преемственности национального исторического процесса.

В 1995 г. было принято решение о введении в Федеральный комплект временно нескольких учебников и учебных пособий по одному и тому же курсу школьной истории. Это привело к тому, что рынок наполнился большим количеством учебников и учебных пособий (по некоторым подсчётам, на сегодняшний день около 2 тысяч наименований, из них в Федеральном комплекте более 100), которые в большинстве не отвечают ни научным, ни дидактическим принципам построения учебной литературы. Тем не менее, в процессе создания новых учебников определились основные авторские линии учебников, прежде всего, в издательствах «Просвещение», «Русское слово», «Дрофа», «ЦГО». Издаваемые ими пособия, внесли определённый прогресс в развитие историко-методической мысли. Это, в частности, относится к учебникам по отечественной истории А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной⁶⁹⁸, составляющим единую линию и в содержательном плане основывающимся на позитивистских принципах построения русского исторического процесса. Большинство учебников, входящих в Федеральный комплект, объективно отражают тенденции развития исторической науки.⁶⁹⁹ В их содержании поставлены новые для учебной литературы и весьма актуальные для сегодняшнего времени проблемы, такие как «Реформы и реформаторы», «Модернизация», «Борьба с сепаратизмом», «Антитеррор», «Русская православная церковь и её роль в общественной жизни», «Россия – многонациональное государство» и ряд других. Решение этих проблем напрямую зависит от политических и теоретико-методологических установок авторов, от их принадлежности и самоидентификации к тому или иному нарождающему направлению науки. При всей неопределённости современной историографии некоторые историки выделяют такие направления науки, как «государственно-патриотическое», «национально-патриотическое», «неолиберальное», «монархическое», «традиционно-марксистское» и т.п.

Качественному росту современных учебников в немалой степени способствовала деятельность исторической секции Федерального экспертного совета Минис-

⁶⁹⁸ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России 6 класс. – М.: Просвещение, 2001-2003; Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России 7 класс. – М.: Просвещение, 2001-2003; Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России XIX век. 8 класс. – М.: Просвещение, 2001-2003.

⁶⁹⁹ Волобуев О.В., Журавлев В.В. и др. История России. XX век. 9 кл.- М.: Дрофа, 2000-2006; Зырянов П.Н. История России XIX в. 8 кл. – М.: Дрофа, 2001; Черникова Т.В. История России. IX-XVI вв. 6 кл.- М.: Дрофа, 2000-2003; Черникова Т.В. История России. XVII-XVIII вв. 7 кл.- М.: Дрофа, 2000-2003 и др.

терства образования и науки Российской Федерации, на заседаниях которой проводилась тщательная экспертиза учебников представителями академической науки, методистами, опытными учителями истории, представителями всероссийских межрегиональных ассоциаций учителей. К сожалению в 2005 году характер проведения экспертизы учебников изменился. Состав секции значительно сократился и ей придана формальная функция – утверждать готовые рецензии на учебники, предоставляемые Российской академией образования и Российской Академией наук. Учителя истории оказались отстранёнными от процедуры утверждения учебников, рекомендуемых для вхождения в Федеральный комплект. Все это ослабило контроль за качеством учебно-методического содержания учебной литературы* Нельзя не согласиться с утверждением декана факультета истории, политологии и права МГОУ проф. Н.И. Смоленского: «Было бы весьма целесообразно, чтобы, по крайней мере, на ближайшее будущее учебники по истории для школы и вуза издавались только под грифом Министерства образования. В этом видится способ остановить развитие одной из опасных тенденций в историческом образовании».⁷⁰⁰

Сегодняшняя историографическая ситуация вокруг школьных учебников истории во многом повторяет ситуацию, которая была в России на рубеже XIX-XX вв. В то время шла идейно-политическая борьба по вопросам содержания, принципам отбора и построения учебно-исторического материала в учебниках между представителями трех направлений науки: дворянско-монархического, либерально-буржуазного и революционно-демократического. Тогда каждый историк, каждое направление науки стремилось реализовать свои идеи не только в узких, специальных работах, но и через учебники, сделать их достоянием широкой общественности. Специфика подобной историографической ситуации заключается в том, что возникновение новых взглядов на историю идёт через создание учебников истории. В кризисные переходные эпохи проблема содержания школьной истории и соответственно проблема формирования исторического сознания подрастающего поколения приобретает особую остроту. Это относится и к началу XX века, и к первым годам существования Советского государства, и к перестроечной и постперестроечной России. Именно в эти переломные времена пересмотр истории, возникновение новых концептуальных подходов к оценке ключевых проблем отечественной истории, дискуссии вокруг них идут по поводу создания новых учебников по истории. И это не просто устойчивая историографическая тенденция, а по сути *закономерность* развития исторической науки и исторического образования.

Одной из основных проблем школьного учебника является его методологическое обеспечение. Оно во многом определяется политическими симпатиями и антипатиями авторов. Неслучайно, отношение к содержанию того или иного учебника, является «лакмусовой бумажкой» в оценке политической позиции не только учёных, но и многих современных общественных деятелей. К примеру, в книге «Историки читают учебники истории» (М.: АИРО-XX, 2002) даются порой взаимоисключающие оценки содержания учебников по истории России XX века, в зависимости от политических пристрастий авторов. Все это приводит к тому, что в методологическом плане зачастую господствует эклектический подход к оценке русского исторического прошлого. В противовес формационной трактовке основных событий отечественной истории некоторые авторы учебников стали использовать тео-

⁷⁰⁰ Смоленский Н.И. Историческое образование и историческая теория // [Электронный ресурс]: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/SCHIST.H>

* Автор статьи более десяти лет работал и работает в составе Федерального экспертного совета Министерства образования и науки Российской Федерации

рию модернизации и цивилизационный подход. Все больше сторонников находится у так называемого «синтетического подхода», в котором сочетаются преимущества формационной и цивилизационной теорий. Однако на сегодняшний день отсутствует единая, целостная концепция отечественной истории, охватывающая весь ее временной период. Заимствованные в западной историографии методологические подходы приводили к фрагментарному изложению истории, отказу от поиска закономерностей в историческом процессе. Во многих учебниках начала 1990-х гг. авторы практически не уделяли внимания причинно-следственным связям. Более того, в освещении политической истории XX века авторы первых постперестроечных учебников, без купюр заимствовав в западной советологии теорию тоталитаризма, использовали ее применительно к сталинскому периоду. В образе врага выступало Советское государство. Подобный подход приводил к отождествлению режимов фашистской Германии с советским строем и вызывал справедливое возмущение со стороны ветеранов Великой Отечественной войны. Учебник А.А. Кредера, в котором в развязывании второй мировой войны одинаково обвинялись и Германия, и СССР, был запрещен для использования в ряде регионов страны.

В 2004 году большой общественный резонанс приобрело обсуждение учебника И. Долуцкого по истории России XX века. Развернулась дискуссия вокруг содержания учебника, особенно по изложению современной политической истории, которая в очередной раз высветила политические взгляды её участников. Ограничимся цитатой концовки его учебника: «Аналитики уверяют, что в России «возникла тупиковая ситуация, когда существующая власть не способна справиться с проблемами», «а приход к власти левой или державной оппозиции, либо лидера с наполеоновскими амбициями лишь усугубит дело» (И. Долуцкий «История России XX век». М.: Мнемозина, 2002). к следующему – читая учебник И. Долуцкого можно прийти к выводу, что прошлое России страшно и ужасно, настоящее плохо, а будущее хуже того, что может себе представить самое воспалённое воображение.

На авторах школьных учебников лежит огромная ответственность за формирование исторического сознания молодежи. Это не раз подчеркивалось ведущими мировыми историками. Приведём пример тридцатилетней давности, который очень актуален. Выступая с речью на съезде историков ФРГ в городе Мангейме в 1976 году, тогдашний президент Западной Германии профессор истории Вальтер Шеель говорил, что задача преподавания истории должна быть тесно связана с вопросами формирования мировоззрения будущих граждан ФРГ в соответствии с основами её политического и общественного строя. Говоря, что историческое сознание вырабатывается в школе и что большую роль в школьном преподавании играет учебник истории, В. Шеель призвал ведущих историков к созданию учебников, отвечающих духу времени. По его словам, учебники должны писать лучшие историки, обладающие широкими знаниями, литературно-историческим горизонтом. Он даже высказал мысль, что общественно-политическая история немецкого народа могла сложиться счастливее (имея ввиду фашизм), если бы в свое время школьные учебники писали такие ученые, как Леопольд фон Ранке⁷⁰¹. Известный российский ученый профессор В.В. Журавлёв, высказывая свое беспокойство и озабоченность содержанием школьных учебников по истории современной России, справедливо пишет: «Скепсис и ёрничанье по поводу нашего прошлого, как свидетельствует социальная практика последнего десятилетия, губительны в плане воспитания у молодого поколения начал гражданственности. ... Если мы исходим из того, что общество,

⁷⁰¹ См.: *Geshichte in Wissenschaft und Unterricht*. Jahrgang 28? 1977. s. 135-137; 643-646.

государство, Отечество ориентированы в будущее, то учебники по истории России неизбежно должны быть нацелены на согласие, а не на конфронтацию. Ибо исторический опыт – это инструмент укрепления общества, а не орудие его саморазрушения.»⁷⁰²

Несомненно, исторический опыт должен служить не разрушению механизма общественной жизни, а способствовать историческому прогрессу. Содержание школьных учебников по отечественной истории должно способствовать формированию у учащихся чувства исторического оптимизма, воспитывать истинных патриотов Отечества.

⁷⁰² Журавлёв В.В. Экспериментальные учебники как мировоззренческая и воспитательная альтернатива официальным стандартам // Историки читают учебники истории. – М.: АИРО-XX, 2002. С.194

Геральдика в отечественной энциклопедической литературе

Геральдические статьи давно и широко распространены в отечественной энциклопедической литературе. Они публикуются в самых различных по тематике справочниках (универсальных, исторических, юридических, искусствоведческих, военных, религиозных) и являются важными индикаторами отношения к дисциплине, наглядно демонстрируют ее общественный и гносеологический статус.

Первая попытка истолковать термин «герб» относится к началу XVIII в. Она была предпринята в 1704 г. Ф. Поликарповым в «Лексиконе треязычном». С этого момента наряду с понятием «геральдика» оно постоянно включалось в справочники (И. Нордстета, «Словарь Академии Российской» и др.).

Первым изданием, где геральдике была дана подробная характеристика, стал «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара⁷⁰³. Соответствующую статью подготовил известный писатель, востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии Наук О.И. Сенковский. В ней закладывалась парадигма изложения материала, которая в дальнейшем многократно повторялась. О.И. Сенковский не только разъяснил содержание термина, но и раскрыл историю возникновения гербов в Западной Европе и России, сделал обзор формальных правил их составления. Значение этой работы для русского гербоведения заключалось в том, что в ней впервые излагался концептуальный взгляд на геральдику, а теоретические и исторические идеи автора обобщали разрозненные знания и факты, синтезировали отечественный и европейский опыт. Кроме статьи О.И. Сенковского в «Энциклопедическом лексиконе» имелись и иные статьи по геральдике («Герб России», «Гербовник»),⁷⁰⁴ благодаря чему наметился дифференцированный подход к отражению геральдического знания в энциклопедическом пространстве.

Концептуальность была характерна также для статей в других универсальных справочниках. Например, в знаменитом «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, авторами геральдических статей в котором являлись известные специалисты, для первого издания их готовил П.П. фон Винклер, а для второго – крупнейший отечественный геральдист В.К. Лукомский⁷⁰⁵.

Статья П.П. фон Винклера, вполне добросовестная и активно используемая до настоящего времени, представляла собой не более чем удачную компиляцию из русских и западных трудов. Очерк В.К. Лукомского значительно превосходил ее в гносеологическом отношении. Он являлся хотя и кратким, но систематическим изложением теоретических и исторических взглядов В.К. Лукомского на геральдику. Многие из высказанных положений были развиты в его дальнейших исследованиях. В частности, это относится к чрезвычайно важной идее о многообразной роли герба как исторического источника, которая стала основой источниковедческой концепции геральдики, разработанной В.К. Лукомским в 1910 – 1930-е гг.⁷⁰⁶

⁷⁰³ [Сенковский О.И.] Герб, гербоведение, геральдика // Энциклопедический лексикон. Т. 14. СПб., 1838. С. 118 – 122. То же с сокращ.: Сенковский О.И. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1859. С. 222 – 228.

⁷⁰⁴ Гербовник // Энциклопедический лексикон. Т. 14. СПб., 1838. С. 117; Герб России // Там же. С. 122.

⁷⁰⁵ Винклер П.П. фон. Герб, гербоведение // Энциклопедический словарь. Т. 15. СПб., 1892. С. 460 – 467; Лукомский В.К. Гербоведение и герб // Новый энциклопедический словарь. Т. 13. СПб., [1913]. Стлб. 153 – 161.

⁷⁰⁶ См.: Наумов О.Н. Отечественная историография геральдики. Ч. I. М., 2003. С. 145 – 154.

Большое значение имели для гербоведения и герботворчества терминологические акценты статей П.П. фон Винклера и В.К. Лукомского. Данные ими дефиниции понятий «герб» и «геральдика» бытуют в историографии до сих пор, а формальные термины (названия фигур, делений, элементов) часто используются при составлении и блазонировании современных гербов.

Однако уровень геральдических знаний в России XIX — начале XX в. был неоднородным. Наряду с работами высокого научного уровня публиковались любительские описания, изобиловавшие фактическими неточностями. Курьезные ошибки допустил Ф.И. Булгаков в «Художественной энциклопедии»⁷⁰⁷. Он продемонстрировал полную некомпетентность и в формальной геральдике (острие и стропило назвал «нашивками», беличий мех — «шлемиками»), и в истории русских гербов (утверждал, что земельные эмблемы на крыльях двуглавого орла появились при Иване III, хотя на самом деле это произошло только в самом конце XVII в.).

На рубеже XIX–XX вв. состав геральдических статей в справочных изданиях пополнился биографическими очерками о геральдистах⁷⁰⁸. Довольно быстро сложился круг специалистов, чьи биографии публиковались регулярно. Среди них — геральдисты-практики (граф Ф. Санти, А.Т. Князев) и гербоведы (барон Б.В. Кёне, А.Б. Лакиер).

Дифференциация геральдического знания выразилась также в появлении самостоятельных статей о символах Российской империи — о государственном гербе и двуглавым орле⁷⁰⁹. Орел представлялся в историографии ядром государственной символики, ее инвариантным началом. Герб, как понятие общего порядка, оказывался более подвержен обусловленным «причинами историческими» иконографическим модификациям, под которыми подразумевалось изменение элементов (шлема, намета, щитодержателей и др.) и фигур, сопровождавших орла.

К 1910-м гг. русское гербоведение сформировалось как научное знание. Для его полноценного развития требовалась разветвленная система специфических справочников — гербовников, указателей гербов, публикаций геральдических источников⁷¹⁰. Одним из показателей научной состоятельности гербоведения в тот период стало издание специального «Русского геральдического словаря», предпринятое чиновником Департамента герольдии Сената В.Е. Белинским⁷¹¹. Вышло в свет всего два выпуска этого справочника, который остановился на слове «Герольдмейстерская контора». Текст его был подготовлен полностью, но реализации проекта помешала Первая мировая война. В апреле 1915 г. В.Е. Белинский писал, что он завершает работу над словами на буквы С и Р, а остальной текст уже доведен до конца⁷¹². Автор несколько лет надеялся на то, что сможет изыскать средства для

⁷⁰⁷ Булгаков Ф.И. Герб // Художественная энциклопедия. Т. 1. СПб., [1886]. С. 191 — 193.

⁷⁰⁸ Лакиер Александр Борисович // Энциклопедический словарь. Т. 33. СПб., 1896. С. 261; Кёне Борис Васильевич // Там же. Т. 28. СПб., 1895. С. 932; [Иконников В.С.] Князев Анисим Титович // Там же. Т. 29. СПб., 1895. С. 471 — 472; Кёне Борис Васильевич // Русский биографический словарь. Т.: Ибак-Ключарев. СПб., 1897. С. 614 — 615; Черкас А. Санти Франциск Матвеевич // Там же. Т.: Сабанеев-Смыслов. СПб., 1904. С. 197 — 198; Кёне Борис Васильевич // Большая энциклопедия. Т. 10. СПб., 1903. С. 687 — 688; Кёне Борис Васильевич // Новый энциклопедический словарь. Т. 21. Пг., [1914]. Стлб. 470; Лакиер Александр Борисович // Там же. Т. 23. Пг., [1914]. Стлб. 917

⁷⁰⁹ Винклер П.П. фон. Государственный герб // Энциклопедический словарь. Т. 17. СПб., 1893. С. 405 — 408; Винклер П.П. фон. Государственный орел // Там же. С. 411 — 413.

⁷¹⁰ Подробнее см.: Наумов О.Н. Актуальные проблемы изучения отечественных гербовников // Сообщения Ростовского музея. Вып. 13: Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время. Ростов, 2003. С. 283 — 302.

⁷¹¹ Белинский В.Е. Русский геральдический словарь. СПб., 1912 — 1913. Вып. 1 — 2.

⁷¹² Наумов О.Н. «Я фанатически предан своему делу»: Письма геральдиста В.Е.Белинского М.В.Асееву // Гербовед. 1996. № 12. С. 59.

продолжения издания и безуспешно пытался обратить внимание на него богатого тамбовского предпринимателя М.В. Асеева. Окончательно потеряв надежду на публикацию справочника, В.Е. Белинский некоторые из подготовленных статей напечатал в журнальных вариантах⁷¹³. «Русский геральдический словарь» был принят учеными неблагосклонно, появились две резкие рецензии, в которых вполне справедливо указывалось на ошибки⁷¹⁴. Однако несмотря на многочисленные недостатки (непродуманность словника, отсутствие важных сведений о русской геральдике, краткость статей и т.д.),⁷¹⁵ это единственный до настоящего времени опыт специального геральдического справочника. Его историографическое значение заключается в том, что он продемонстрировал принципиальную возможность создания аналогичных изданий и обозначил их методические проблемы.

В советских справочниках статус и содержание геральдических статей были очень мобильны и наглядно отражали эволюцию отношения к этой дисциплине. Первая статья на эту тему, написанная К.И. Дуниным-Борковским,⁷¹⁶ продолжала традиции «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В ней геральдике давалась обстоятельная и довольно объективная характеристика. Однако в конце 1920-х гг. начались регрессивные изменения, сократился объем информации. В первом издании «Большой советской энциклопедии»⁷¹⁷ отсутствовали биографические очерки о геральдистах и свойственное дореволюционным изданиям разделение материала на статьи «Геральдика» и «Герб». Статья «Геральдика» резко уменьшилась и стала занимать немногим более двух столбцов текста.

Для второго издания «Большой советской энциклопедии» известные историки А.Д. Люблинская и А.В. Арциховский написали три статьи: герб, геральдика, государственный герб,⁷¹⁸ которые представляли собой короткие анонимные заметки. Геральдическое знание казалось неактуальным и идеологически опасным.

Энциклопедии тонко улавливали процессы, свойственные эпохе: появление советских символов, политическая оценка гербов и т.д. Изменилась парадигма подачи геральдической информации; в конце 1920-х гг. из содержания статей были исключены сведения о формальных аспектах дисциплины.

В изданиях начала советского периода присутствовала не свойственная справочникам полемичность. К.И. Дунин-Борковский, оценивая герб РСФСР, разумеется, положительно, но описание его в конституции 1918 г. назвал ненаучным и указал на многочисленные конкретные недостатки, делавшие воспроизведение по нему рисунка невозможным⁷¹⁹. А.В. Арциховский использовал статью «Герб» для изложения собственного, крайне спорного мнения о генезисе русских территориальных гербов в XII в., так и не ставшего в историографии общепринятым.

Политическая «оттепель» начала 1960-х гг. дала возможность расширить тему

⁷¹³ Белинский В.Е. Древние и новейшие девизы // Столица и усадьба. 1916. № 69. С. 13 – 16; Он же. Сверхъестественные геральдические существа и чудовища // Там же. 1917. № 76. С. 12 – 13.

⁷¹⁴ [Лукомский В.К.] Библиография по геральдике за 1912 год // Гербовед. 1913. № 2. С. 34 – 37; [Тройницкий С.Н.] Библиография // Гербовед. 1913. № 7. С. 122 – 123.

⁷¹⁵ См., например, критику систематизации гербов, предложенной В.Е. Белинским: Наумов О.Н. Систематизация родовых гербов в отечественной историографии // Signum. Вып. 3. М., 2005. С. 183 – 184.

⁷¹⁶ Дунин-Борковский К.И. Герб // Энциклопедия государства и права. Т. 2. [Вып. 1]. М., 1925. Стлб. 566 – 580.

⁷¹⁷ Лукомский В.К. Геральдика // Большая советская энциклопедия. Т. 15. М., 1929. Стлб. 423 – 425.

⁷¹⁸ [Арциховский А.В.] Герб // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 10. [М., 1952]. С. 602; [Люблинская А.Д.] Геральдика // Там же. С. 595; Герб государственный // Там же. С. 602 – 603.

⁷¹⁹ Дунин-Борковский К.И. Герб. Стлб. 577.

геральдики в справочниках и опубликовать в «Советской исторической энциклопедии» информацию о двуглавом орле,⁷²⁰ а в «Большой советской энциклопедии» — статью о государственных гербах зарубежных стран⁷²¹.

Упадок геральдических исследований в СССР выразился в фактических неточностях и дискуссионных интерпретациях, которыми насыщены советские справочники. Например, в третьем издании «Большой советской энциклопедии» Титулярник 1672 г. ошибочно трактовался как первый русский гербовник,⁷²² неверно указывалось количество гербов в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи» — около 5 тысяч (на самом деле их немногим более 3100)⁷²³. Неточности в энциклопедических изданиях очень опасны, поскольку их данные почти всегда воспринимаются без критической оценки и заимствуются в других справочниках, превращаясь со временем в трудно изживаемые стереотипы и ошибки. Так произошло с ложной цифрой гербов в «Общем гербовнике», повторенной в современной энциклопедии «Отечественная история»⁷²⁴.

1990-е гг. стали периодом расцвета энциклопедизма, были переизданы наиболее значительные русские справочники, возросло число энциклопедий и их тематическое разнообразие. Во многих из них отразились и геральдические проблемы⁷²⁵. Наметились некоторые положительные тенденции. В энциклопедии «Отечественная история» была восстановлена структура статей, свойственная началу XX века, существенно возрос их объем, углубилась дифференциация, появилась самостоятельная статья «Земельная геральдика»⁷²⁶. С другой стороны, уровень точности информации оказался невысоким, количество фактических ошибок в фамилиях, названиях, датах даже увеличилось по сравнению с советским периодом.

В современной энциклопедической литературе восстановлен традиционный набор статей о геральдистах и добавилось новые исследователи, биографии которых вошли в обязательный перечень. Это виднейшие геральдисты первой половины XX в. — Ю.В. Арсеньев, В.К. Лукомский и С.Н. Тройницкий⁷²⁷. Однако в статьях о последнем основное внимание уделяется его музейной деятельности, а геральдические исследования практически не упоминаются.

Отражение геральдики в энциклопедическом пространстве современной России затруднено рядом объективных обстоятельств. Важнейшей из них являет-

⁷²⁰ Каменцева Е.И., Луппол А.Н. Герб Российской империи // Советская историческая энциклопедия. Т. 4. М., 1963. Стлб. 255 — 256.

⁷²¹ Государственные гербы зарубежных стран // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 7. М., 1972. С. 162.

⁷²² Подробнее см.: Наумов О.Н. «Титулярник» 1672 г. как памятник геральдики: Проблемы изучения // Румянцевские чтения. М., 2001. С. 216 — 219.

⁷²³ Коротков Ю.Н. Геральдика // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 6. М., 1971. С. 343.

⁷²⁴ Штакельберг Ю.И. Геральдика // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 537.

⁷²⁵ Соболева Н.А. Геральдика // Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 388 — 389; Она же. Герб // Там же. С. 390 — 391; К[умпан] П. Геральдика // Иллюстрированная энциклопедия «Руссика». История средних веков. М., 2004. С. 181; Он же. Герб // Там же. С. 181 — 182; Наумов О.Н. Герб // Большая школьная энциклопедия «Руссика». История России. XVIII — XIX вв. М., 2002. С. 143; Он же. Герб // Там же. С. 104 — 105.

⁷²⁶ Штакельберг Ю.И. Земельная геральдика // Там же. Т. 2. М., 1996. С. 244 — 247.

⁷²⁷ Голованова М.П. Арсеньев Юрий Васильевич // Российская музейная энциклопедия. Т. 1. М., 2001. С. 35; Терюков А.И. Тройницкий Сергей Николаевич // Там же. Т. 2. М., 2001. С. 259; Наумов О.Н. Арсеньев Юрий Васильевич // Новая российская энциклопедия. Т. 2. М., 2005. С. 603; Он же. Лукомский Владислав Крескентьевич // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 401 — 402; Казаков Р.[Б.], Солодова Т.[С.] Лукомский Владислав Крескентьевич // Католическая энциклопедия. Т. 2. М., 2005. Стлб. 1759 — 1760.

ся эпистемологическое, методологическое и эмпирическое отставание российско-гербоведения от мировых тенденций, обусловленное последствиями недооценки гносеологического потенциала дисциплины в советской историографии. Несмотря на то, что в последние годы много сделано для развития геральдического знания и герботворчества, ситуация с изучением материала коренным образом не изменилась. Это сказывается на содержании соответствующих статей в новейших энциклопедических изданиях. Отечественное гербоведение еще недостаточно интегрировано в мировой исследовательский и герботворческий процесс.

Сама структура геральдического знания создает определенные трудности при энциклопедической стратификации. Как известно, одним из фундаментальных признаков герба является его соответствие определенной визуальной модели. Она предусматривает существование двух типов фигур, которые могут изображаться в гербовом щите, — геральдических и негеральдических. Количество первых невелико (пояс, перевязь, стропило, оконечность, глава, крест и др.), и они легко могут быть отражены в любом справочнике. В качестве негеральдических фигур в гербах используются любые живые и фантастические существа, а также предметы. Их количество ничем не ограничено и постоянно растет. В частности, в гербах субъектов Российской Федерации 1990-х гг. изображены существа, заимствованные из местной мифологии (например, в гербе Республики Алтай — существо Кан-Кереде), а многие экзотические животные, птицы, рыбы, растения (морская черепаха, броненосец, фламинго, рыба синий марлин, колибри, рыжехвостый чачалак, ананас и др.) вошли в государственные гербы стран Африки, Америки и Океании. Учесть все использованные в современных гербах существа и предметы невозможно, следовательно, необходим отбор терминов, что делает издание, с одной стороны, заведомо селективным, а с другой — уязвимым для критики, поскольку строго научно обосновать список понятий практически нельзя.

В справочных изданиях трудно отразить сведения о конкретных гербах. Исключение составляет только государственные символы, а раскрыть в полной мере специфику территориальных или родовых гербов в рамках энциклопедии невозможно. В универсальных изданиях такие сведения помещаются обычно в статье «Геральдика», но в ней дается только общая характеристика, выпадают важные информационные блоки. Альтернативой такого подхода является публикация статей о конкретных гербах, но это неприемлемо из-за проблемы их отбора и опасности перегрузить издание специфическими геральдическими статьями. Это означает, что с достаточной степенью подробности геральдическую эмпирику можно отразить только в специальном дисциплинарном справочнике, хотя и для него указанная проблема не только не снимается, но даже приобретает особо острый характер.

В последние годы в России было не менее трех попыток подготовить справочник по геральдике, но все они ничем не завершились. Одной из причин этого стала методическая непродуманность и финансовая необеспеченность проектов, а также отсутствие специалистов. Невозможность создания традиционно структурированного справочника детерминировала предложения о подготовке не энциклопедий, а коллективных монографий, посвященных геральдике, что означало бы подмену понятий.

Проблемы передачи геральдической информации в энциклопедическом пространстве приобретают особенное значение в связи с началом в современной России нескольких крупномасштабных проектов, в частности, издания «Большой российской энциклопедии», геральдические статьи которой должны учесть накопленный в отечественной историографии как положительный, так и отрицательный опыт.

Сведения об авторах

Аксютин Юрий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

Алафаев Анатолий Азретович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета

Алябьева Татьяна Константиновна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета

Багдасарян Варган Эрнестович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Белов Алексей Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Волобуев Олег Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Горбунова Наталья Евгеньевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета

Журавлёв Валерий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета

Журавлёва Людмила Константиновна — кандидат экономических наук, профессор кафедры социологии и политологии Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова

Захаров Виктор Николаевич — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Наумов Олег Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета

Николаева Надежда Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета

Петросян Эрнест Богатурович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета

Розина Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Санин Олег Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Сафронов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков Московского государственного областного университета

Сейранян Фридрих Гайкович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета, академик РАВН

Смоленский Николай Иванович — доктор исторических наук, профессор, зав.

кафедрой новой и новейшей истории и методологии, декан ф-та истории, права и политологии Московского государственного областного университета

Соловьёв Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета

Солодянкина – кандидат исторических наук, доцент Череповецкого государственного университета

Тегуев А.И. – доктор исторических наук, зам. директора Института гуманитарных исследований (г. Нальчик)

Фукс Александр Николаевич – кандидат исторических наук, зав. кафедрой методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Шапарина Ольга Николаевна – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Содержание

Николаева Н.А.	
Этническая история Северного Кавказа III-II тыс. до н. э.	3
Сафронов А.В.	
Сети II и Аменмессу: два брата - два фараона – два врага.....	27
Захаров В.Н.	
Происхождение и семейные связи немецких купцов в России в XVIII веке.....	42
Солодянкина О.Ю.	
Межкультурное взаимодействие и иностранные гувернантки в России.....	50
Санин О.Г.	
Образование и деятельность Государственного архива Министерства иностранных дел в первой половине XIX в.	61
Алафаев А.А., Тетуев А.И.	
Национальный вопрос в России в XIX в. (на материале Северного Кавказа).....	72
Багдасарян В.Э.	
Крымская война как война цивилизаций: историографические стереотипы и современные параллели.....	81
Соловьёв Я.В.	
Злоупотребления в финансовом ведомстве во второй половине XIX в.	90
Белов А.В.	
Дачные поселения и пригороды на территории Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: особенности возникновения и развития.....	105
Алябьева Т.К.	
Государственная политика России в области сохранения национальных памятников в России XIX- начала XX вв. (Средняя Азия, Кавказ, Закавказье).....	118
Шапарина О.Н.	
Положение учителей истории в дореволюционной России. 1901-1917 гг.	130
Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.	
Русская интеллигенция и большевистская революция: в хаосе событий и в смятении чувств (25 октября – 7 декабря 1917 г.).....	135
Петросян Э.Б.	
Международные отношения и внешняя политика СССР в предвоенные годы XX века (К 65-летию начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.).....	148
Сейранян Ф.Г.	
Политическое и военно-стратегическое значение битвы под Москвой (К 65-летию Московской битвы).....	155
Аксютин Ю.В.	
«Оттепель» и борьба против «пережитков капитализма»: из хроники хрущёвского времени.....	168
Журавлёв В.В., Журавлёва Л.К.	
Российские реформы конца XX столетия как проявление специфики отечественного исторического процесса.....	185
Горбунова Н.Е.	
Поиск европейской идентичности как основа интеграционных процессов в рамках Европейского Союза.....	192
Смоленский Н.И.	
Материальные факторы в истории как проблема обучения.....	202
Розина О.В.	
Традиции и ценности православной культуры в контексте мировоззренческого выбора и проблем национальной идентичности.....	213
Фукс А.Н.	
Школьные учебники по отечественной истории как предмет историографических исследований.....	226
Наумов О.Н.	
Геральдика в отечественной энциклопедической литературе.....	233

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов, докторов и кандидатов наук.

Требования к оформлению статей:

- документ MS Word (с расширением doc);
- файл в формате rtf;
- текстовый файл в DOS или Windows-кодировке (с расширением txt).

Файл должен содержать построчно:

на русском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Фамилия, имя, отчество (полностью) Полное наименование организации (в скобках - сокращённое), город (указывается если не следует из названия организации) Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком Аннотация
на английском языке	НАЗВАНИЕ СТАТЬИ - прописными буквами Имя, фамилия (полностью) Полное наименование организации, город Аннотация (1 абзац до 400 символов) под заголовком Abstract
на русском языке	Объем статьи – от 15000 до 40000 символов, включая пробелы Список использованной литературы под заголовком Литература

Формат страницы - А4, книжная ориентация. Шрифт - Arial, цвет шрифта - чёрный, размер не менее 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный.

Форматирование текста:

- **запрещены** любые действия над текстом («красные строки», центрирование, отступы, переносы в словах и т.д.), **кроме** выделения слов полужирным, подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;

- **наличие рисунков, формул и таблиц** допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. **Все формулы** должны быть созданы с использованием компонента **Microsoft Equation** или в виде чётких картинок

- **запрещено уплотнение интервалов;**

- **при нарушении требований** объекты удаляются из статьи.

Абзацы должны быть отделены друг от друга пустой строкой (дополнительным «Enter»).

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Для обеспечения удобства читателей библиографические примечания размещаются внизу каждой страницы в подстрочнике (нумерация сносок сплошная). Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла на дискете и бумажного варианта!

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, хотя, с точки зрения научного содержания, авторский вариант сохраняется. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются и не возвращаются (почтовой пересылкой).

В случае принятия статьи, условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «История и политические науки» – декан факультета истории, политологии и права МГОУ, доктор исторических наук, профессор Смоленский Николай Иванович.

Адрес редколлегии серии «История и политические науки» «Вестника МГОУ»: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, МГОУ, кафедра истории России средних веков и нового времени, комн. 111. Телефон 8(495)265-18-18.

ВЕСТНИК
*Московского государственного
областного университета*

Серия
“История и политические науки”

№ 1

Подписано в печать: 15.12.2006.
Формат бумаги 60x86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “NewtonC”.
Уч. – изд. л. 19,25. Усл.п.л. 15,25. Тираж 500 экз. Заказ № 368.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, Радио, д. 10а,
т. 2564163, факс 2654162.